

Яна Фроми

Я клянусь тебе в вечной ненависти

Глава 1. Школа Сен-Грейс

Голоса и шаги за дверью нарушали сонную тишину осеннего вечера в особняке по бульвару Клермон.

— Вы хотели меня использовать! — из серого сумрака галереи доносился приглушенный мужской голос. Явно различимые волны чужого гнева разливались по коридору, разбиваясь о стены и поднимаясь к декорированному кессонами потолку. — Взаимные чувства оказались лишь притворством...

— А вы смеете требовать взаимности у замужней женщины? — холодно и насмешливо прозвучало в ответ.

Оттона маминого голоса по телу пробежал озноб. Словно в кабинет ворвался порыв осеннего ветра, что сердито срывал пожелтевшую листву с деревьев за окном.

Я тихонько положила на место увесистое пресс-папье из мрамора, скользнув на прощание по бронзовым завиткам рукоятки. И настороженно замерла.

Мне не разрешали играть в кабинете отца. Но этот запрет я частенько нарушала, незаметно пробираясь в заветную комнату с ароматами книг и чернил. И если поначалу я просто сидела в глубоком кожаном кресле, изредка показывая язык усатому вельможе, неодобрительно глядевшему на меня с портрета напротив, то со временем, окрыленная собственной безнаказанностью, отважилась присаживаться за стол и перебирать письменные приборы с драгоценной отделкой.

Но, кажется, нынче удача меня покинула. Если мама застанет меня в кабинете, то точно накажет.

Услышав приближающийся злой стук каблуков по наборному паркету, я мышкой юркнула под массивный рабочий стол отца.

— О своем замужестве, леди Эвелина, вы вспоминаете только, когда вам это удобно, — язвительно заметил незнакомец, останавливаясь в дверях.

Из моего укрытия его не было видно. А рассмотреть отчаянно хотелось!

Голос молодой, и я уверена, что прежде мне не доводилось его слышать.

Кто он такой? Никто из благородных гостей никогда не позволял себе разговаривать с хозяйкой дома в таком тоне.

Мама прошла вглубь кабинета и остановилась у задернутого тяжелыми порттьерами окна. Гордо вскинула голову и небрежным жестом поправила выбившийся из прически локон. Я залюбовалась на ее точеный профиль и хрупкий силуэт. Медового цвета волосы были собраны в высокую прическу, подчеркнувшую тонкую шею и изящную линию плеч. Стройная, в трогательном нежно-розовом платье, леди Эвелина выглядела как прекрасная юная фея. В редкие минуты рядом с ней я казалась себе угловатой и нескладной. Может быть поэтому мама никуда меня с собой не брала?.. Но мне пока только семь лет. Скоро я вырасту и стану такой же красавицей, как она. И тогда мы вместе поедem в парк. Или даже на бал!

— С моей стороны было ошибкой рассчитывать на откровенную беседу с вами, — вернул меня из мечтаний раздосадованный мужской голос. — Прощайте, леди Эвелина!

Мама выдохнула сквозь зубы, до белых костяшек сжав тонкие пальцы в кулачки.

— Не смей разворачиваться и уходить! Я еще не закончила! — зло выкрикнула она.

Чуть подавшись вперед, я едва не обнаружила свое присутствие. Вновь бесшумно отпрянула и прижалась щекой к гладкой красноватой древесине, оставаясь невольной свидетельницей этой странной и пугающей сцены.

Незнакомец что-то тихо ответил, но я, завожившись под столом, не расслышала.

— Ты жалок в своих признаниях! Если бы в них была хоть крупинка истины, ты доказал бы на деле свои чувства...

— Я был готов на всё ради тебя! Верил, что будешь моей. А ты лишь искусно разжигала во мне эту болезненную страсть.

— Твоей?! Что за глупые фантазии! Пожертвовать статусом, репутацией? Запятнать себя связью с изгоями? Ради чего?! — Голос мамы сочился неприкрытой злобой. — Ты не смог дать даже то малое, что было мне нужно. Я сожалею о каждой минуте, что так бездарно потратила на тебя!

Мебель вокруг мелко задрожала. Незнакомец несколько раз шумно вдохнул и выдохнул.

— Какая ты лживая! Надеюсь, мы больше никогда не встретимся, — процедил он.

Расписная ваза сорвалась со своего места и полетела в сторону дверей. Грохот разбившегося фарфора заставил меня испуганно сжаться под столом. Сердце лихорадочно забилося. Никогда прежде мне не доводилось присутствовать при шумных ссорах и скандалах. Предчувствие беды ледяной рукой сжало горло.

Я услышала, как незнакомец развернулся на каблуках и зашагал прочь. Его шаги отдавались гулким эхом, удаляясь в сторону мраморной лестницы.

Мама застыла в секундном замешательстве, разглядывая цветные осколки, а потом внезапно сорвалась с места и побежала вслед за мужчиной.

— Каждый день своей проклятой жизни ты будешь сожалеть об этом! Ничтожество! — гремел ее голос в холле.

— Уже сожалею. — Донеслось холодное эхо с первого этажа, за которым последовал оглушающий грохот.

От пронзительного крика мамы похолодела кровь. А затем наступила гнетущая, вязкая тишина...

Я снова и снова прокручивала в голове этот кошмарный сон. И угораздило же ему присниться накануне Весеннего бала! Хотя это даже и сном не назовешь — скорее воспоминанием. Мое последнее воспоминание о маме.

С того злопамятного дня прошло уже двенадцать лет. Двенадцать, наполненных одиночеством, смутными догадками и яростным желанием разобраться в случившемся, лет!

Тяжелее всего было в интернате для девочек Тотенбур-Хол, где я провела первые годы после трагедии. Отец исчез в тот же вечер, когда погибла мама, хотя я готова поклясться, что видела его той ночью в нашем доме. Формально моим опекуном стала леди Беата, сестра отца, но первый и последний раз я видела ее, когда меня отвозили в приют. Тетушка держала мою дрожащую руку и ласково гладила по голове, пока сэр Роберт, ее супруг, в привычной властной манере о чем-то разговаривал с наставницей.

А потом были письма со скупыми поздравлениями к праздникам и щедрый чек на день рождения. Я ждала, что однажды родная тетушка пригласит меня к себе погостить на время каникул. Ведь они с советником Сюффрен жили здесь же, в столице Лидегории, в респектабельном особняке на Центральной набережной.

К десяти годам я научилась не ждать приглашений и не плакать по ночам.

— Элеонора, собирайся быстрее! — вырвал меня из паутины горьких воспоминаний голос Виктории. — Ты уже десять минут бессмысленно водишь расческой по волосам. А у нас там внизу наряды без присмотра висят, между прочим!

— Боишься, что Корнелия Файнс отыграется на твоём бальном платье за ту выходку в столовой? — зевнула Катрина, прикрыв рот ладонью. Она выглядела откровенно сонной, наверняка, опять накануне читала допоздна.

Весеннее солнышко заливало нашу комнату в дортуаре Школы изящных манер, одного из лучших учебных заведений столицы. Школа для девушек Сен-Грейс располагалась в роскошном особняке рядом с Королевским парком. Стоило приоткрыть окно, и воздух наполнялся нежными ароматами цветущих деревьев и многоголосьем певчих птиц.

— От этой отвратки можно ожидать чего угодно. Не хочу давать ей ни единого шанса испортить мне этот бал. — Виктория одела белоснежную кружевную пелерину поверх серого форменного платья воспитанницы. — Пошевеливайтесь, девочки! Нужно успеть забрать наши наряды до завтрака.

Дабы не испытывать терпение Виты, я подхватила передник и поспешила к зеркалу, привычно перескочив через скрипучую половицу. Улыбнулась отражению кудрявой шатенки, что бесшумно возникла за моей спиной, помогая зашнуровать платье и завязать фартук красивым бантом.

В этом был плюс совместного проживания в дортуаре. Мы делили комнату на троих и с первого года обучения помогали друг другу с уроками, гардеробом и прическами. Личная прислуга воспитанницам не полагалась, а небрежность во внешнем виде каралась дополнительными дежурствами. Как говорила наша классная дама: «Настоящая леди должна уметь без камеристки собраться и в пир, и в мир».

Мне очень повезло с соседками. С ними я впервые ощутила тепло дружеского общения, растопившее оковы, что защищали мое сердце от холода и отчужденности, царивших в Тотенбург-Хол.

С пепельной блондинкой Катриной Энн Вилбур, дочерью провинциального баронета и судьи крохотного городка Шлосберг, мы сразу нашли общий язык. Обе спокойные и немногословные, мы поначалу считали нашу третью соседку стихийным бедствием. Это спонтанно зарождавшееся в нашей уютной комнатке торнадо звали Виктория Алисия Кэррош, и к нему просто надо было привыкнуть. Младшая дочь сенатора Мартина Кэррош отличалась обманчивой кукольной внешностью, за которой, как за респектабельным фасадом, скрывался проказливый характер и склонность находить приключения буквально на ровном месте. Эти качества невероятным образом сочетались в ней с неугомонным желанием причинять добро и заботиться о нас с Кати.

Каштановые кудряшки Виктории нетерпеливо подпрыгивали, пока мы чинно спускались на первый этаж, где располагалась общая гардеробная, куда еще накануне вечером доставили готовые наряды от модисток. Эскизы платьев к Весеннему балу воспитанницы создавали сами, но под чутким руководством мэтра Левиля, когда-то одевавшего фрейлин Ее Величества. Фантазии и чувству меры юных дарований пока не доверяли, поэтому все эскизы были мэтром лично проверены и одобрены. Говорят, готовые платья также подверглись тщательному досмотру, и увиденным господин Левиль остался доволен, что не могло не вызвать общий вздох облегчения.

Всё же огорчать мэтра было чревато. За безвкусицу и вульгарность он был готов заколоть булавками насмерть.

Вопреки опасениям Виты, в гардеробную мы пришли первыми. Подчеркнуто любезно поздоровавшись с инспектрисой, мы застыли на месте, едва переступив порог. Вмиг позабыв все заветы леди, простодушно открыли рты при виде представшей перед глазами картины.

Десятки нарядных манекенов застыли в разных позах в просторном помещении. Кружева, расшитые корсеты, перья и атласные туфельки заполнили все пространство. Мы словно попали на чудной бал манекенов, где время остановилось.

Задача отыскать в этом пестром великолепии наши платья уже не казалась такой простой.

— Я нашла их! — пискнула из дальнего угла Виктория, и мы с Катриной поспешили на ее звенящий радостью голос. — Бесподобно! Очаровательно!

Стоило нам с Кати увидеть платья, и восхищенный вздох вырвался у обеих.

Для открывавшего весенний сезон бала традиционного выбирались светлые оттенки и струящиеся ткани, напоминавшие нежные лепестки первоцветов.

Сиреневой дымкой окутало один из манекенов мое бальное платье. Крохотные цветы на тон темнее словно распустились на его корсете, оплетая сиреневыми соцветиями короткие изящные рукава.

Летним рассветом мерцало светло-розовое платье Виты, расшитое золотистыми жемчужинами. Ему в тон на щеках его обладательницы играл счастливый румянец.

Бирюзовое платье Кати с отделкой из белоснежного кружева было, пожалуй, самым ярким из окружавших нас нарядов. И оно невероятно шло к ее глазам, делая их яркими и загадочными, как морские глубины.

Вот недаром Виктория была любимицей мэтра Левиля! Ее врожденное чувство стиля никогда не подводило. Именно она спасла эскиз Катрины, когда та слегка увлеклась кружевным декором. И именно Вита посоветовала мне к простому и лаконичному крою выбрать более дорогую ткань и необычное шитье для отделки лифа. Результат наших совместных усилий превзошел все ожидания!

Всё-таки хорошо, что я почти не тратила подаренные за прошедшие годы деньги. И могла себе позволить эту маленькую роскошь. Вряд ли в моей будущей жизни, после завершения школы Сен-Грейс, будет место балам. Поэтому буду радоваться и наряжаться, пока есть такая возможность!

Пансион Сен-Грейс, хоть и именовался Школой изящных манер, уделял внимание не только обучению танцам, разновидностям придворных поклонов и искусству ведения светских бесед. Помимо прочего воспитанницы изучали философию, экономику, мировую историю, культуру и искусство, общественные отношения и международный протокол. Злые языки говорили, что в Сен-Грейс готовят идеальных невест для некромонгов. Ведь те не посещают мужских клубов и вынуждены больше времени проводить дома, общаясь с супружницами. Вот и основали школу, где из милых глупышек делали достойных собеседниц.

Конечно это был досужий вымысел. За исключением того факта, что школу Сен-Грейс и вправду основала представительница некромонгов — леди Лорентайн Ангэлэр. Как и полторы сотни лет

назад ее пронзительные синие глаза взирали на учениц с парадного портрета, что висел в главном холле. Директор Хоуль говорил, будто у этого хрупкого на вид синеглазого ангела был стальной характер и острый, как оберийский клинок, ум. Основательница слыла женщиной резкой, почти бунтаркой для своего времени.

Тем удивительнее было узнать, что наша непоседа Виктория буквально преклонялась перед леди Лорентайн и по вечерам, сидя на кровати, цитировала ее возмутительно откровенные высказывания, вычитанные в мемуарах:

«Сначала девушка заперта дома родителями, а потом — мужем. Стоит ли удивляться, что, встречаясь в редкие минуты вне затворничества, дамы болтают без умолку».

Конечно, непреклонный характер и стойкость леди Лорентайн были достойны восхищения. Не каждой под силу выдерживать ежедневные нападки и злословие окружающих, по десять раз на дню выслушивать, что Ангелеры создали школу, дабы отбирать лучших невест для своих отпрысков. С таким объяснением мужчинам в ту пору было проще принять сам факт открытия новой школы для девочек. А основательница, будучи женщиной мудрой, никого не разубеждала: пусть болтают, лишь бы палки в колеса не вставляли.

Под школу был отдан фамильный особняк Ангелеров в самом центре Мальбурга. И это не потому, что основатели не захотели тратить средства на строительство нового здания под школу. Всё, что делала эта удивительная женщина, было продумано до мелочей. Учебным зданием стал некогда жилой особняк, потому как где еще будущим хозяйкам подобных особняков учиться управлять хозяйством и штатом прислуги. Девочки смотрели и учились образцово-показательной организации работы кухарок, горничных, привратников и садовников. Дежурства помогали лучше понять работу изнутри, испытав на собственной шкуре, каково это прибираться в комнате, накрывать обед в столовой и высаживать фрезии в школьном саду. После замужества юные леди без труда налаживали быт в своем новом доме, не боясь ударить лицом в грязь и не оправдать ожиданий супруга и его чопорной родни.

Я, хоть и любила занятия по великосветскому домоводству, особо не обошлась, что эти знания мне сильно пригодятся в жизни. Во-первых, потому, что единственный особняк, где я могла стать полноправной хозяйкой, стоял полуразрушенный и заброшенный. Я видела его однажды из-за ограды, и это было печальное зрелище. Видимо, после обрушения перекрытий атриума его так и не выставили на продажу. Или никто не пожелал его купить. Формально он, наверное, числился моим наследством, но средств, чтобы его восстановить, у меня уж точно не было.

А во-вторых... я не собиралась выходить замуж в обозримом будущем. Блестящих партий, к счастью, на горизонте не маячило, и мои опекуны проявляли завидное равнодушие в этом вопросе, что в последнее время только радовало. Ни по чужой, ни по собственной воле отдавать контроль над моей жизнью в руки малознакомого мужчины я не планировала.

Какое будущее ждало незамужнюю девушку в столице нашего славного королевства?

На мой взгляд, не самое печальное! После окончания Сен-Грейс я планировала получить хорошие рекомендации и найти место наставницы в одной из городских школ-пансионов.

Точно не в Тотенбур-Хол. Но и без него достойных заведений хватало. В крайнем случае, можно устроиться гувернанткой в приличную семью.

Воспитанницы Сен-Грейс в большинстве своем ужаснулись бы подобной перспективе, но ведь никто из них не вырос в приюте, смыслом существования которого было вытравить само понятие личной свободы из головок юных воспитанников, а точнее сказать пленников. Лишь в Школе изящных манер я впервые вдохнула полной грудью такой желанный воздух относительной свободы и вовсе не спешила связать себя брачными узами.

Школа Сен-Грейс задумывалась, как альтернатива домашнему образованию, не уступающая ему по качеству, а порой и превосходящая его. Здесь девочки благородного происхождения могли чуть свободнее дышать, без тотального надзора строгих родителей и гувернанток. Последних правда успешно заменяли инспектрисы и классные дамы, бывшие не менее старательными блюстителями нравственности подрастающих леди. Так что из вольностей нам были доступны разве что тайные ночные посиделки в дортуаре, шушуканье и обмен записочками во время уроков. Посещения строго регламентировались: даже родители могли навещать свое чадо не чаще двух раз в месяц. А о визитах молодых людей и речи не шло. Даже с будущими женихами, о помолвке с которыми будет вот-вот объявлено, воспитанницы могли увидеться разве что на благотворительном или сезонном балу, когда школа открывала свои двери для избранных гостей.

Одним из таких знаковых событий и был Весенний бал. Его ждали с нетерпением и внутренним трепетом. Ведь что могло порадовать юных девушек больше, чем возможность сменить наскучившую серую форму воспитанницы на прелестный балльный наряд? Сияя улыбками ярче

мартовского солнца, юные леди мечтали, как статный кавалер закружит их в вальсе или вольте, заставляя тысячи свечей бальной залы сливаться в мерцающие ручейки света.

Статных кавалеров на Весеннем балу всегда было предостаточно, так что ни одна леди не оставалась без партнера. Ради этого руководство школы и приглашало на праздник кадетов Королевской военной академии. И, подозреваю, именно за это Весенний бал был столь горячо любим.

Ах, еще, конечно, за красочные выступления приглашенных артистов балета и неподражаемое музыкальное сопровождение оркестра национального театра. Жаль, фейерверки в столице были не в почете. А ведь какой эффектный был бы финал у праздника, если бы в небе над Сен-Г рейс распустились огненные цветы. Однако мэтр Левиль как-то проболтался, что взрывы фейерверков напоминают Ее Величеству о нападении на королевскую чету, когда погибли десятки человек, а потому о возрождении забавы не могло быть и речи.

Впрочем, и без этого вечер обещал быть незабываемым. За высокими дверями с позолотой уже репетировали музыканты, заставляя сердца проходивших мимо бальной залы воспитанниц биться чаще.

Занятия и дежурства в честь праздника были отменены, и после завтрака мы с девочками поспешили в дортуар примерять наряды и готовиться к торжеству.

Глава 2. Весенний бал

Парадный зал особняка Сен-Г рейс сиял тысячью свечей, подмигивая собравшимся бронзой роскошных подвесных люстр и благородным глянцем старинного паркета. Отблески пламени отражались в больших настенных зеркалах, придавая залу загадочности и зрительно увеличивая и без того просторное помещение. Стулья и диваны, занятые многочисленными гостями, расположились вдоль стен, освобождая простор для танцев. Торжественная музыка плыла над пестрой толпой, сопровождаемая негромким гулом голосов, нежным женским смехом и хрустальным перезвоном, доносившимся из буфетной комнаты, где были накрыты столы с прохладительными напитками.

Бал традиционно открыл полонез в исполнении артистов балета, за которыми последовали и остальные танцующие пары. Короткие шаги, легкие поклоны, кокетливые взгляды из-под ресниц.

Мы с девочками не остались в стороне и тоже станцевали полонез и последовавшую за ним аллеманду.

— Филипп Барроу пригласил меня на прогулку по Королевскому парку, — призналась Катрина, скрыв задумчивую улыбку за роскошными перьями раскрытого веера.

Я вспомнила отчаянно краснеющего улыбчивого юношу в военном мундире с блестящими пуговицами, не сразу отважившегося пригласить Кати на танец на прошлом балу. В этот вечер он добежал до нее едва ли не в припрыжку.

— Как романтично! — мечтательно закатила зеленые глазки Виктория. — И что ты ответила?

— Сказала, что не пойду.

— Почему? — хором удивились мы с Витой.

— Потому что он мне ноги отдал! — нажаловалась на неуклюжего кавалера Катрина.

Теперь нам всем пришлось спрятаться за веерами, чтобы вдоволь похихикать.

— Ты жестокая, Кати, — отсмеявшись, заявила подруга. — По-моему, кадет Барроу тобой не на шутку увлечен.

— Тогда тем более не стоит ходить с ним на свидание, — шутливо возразила я. — Осенью Кати вернется домой в Шлосберг, а бедный Филипп останется с разбитым сердцем.

В то время, как большинство девушек из провинции мечтали о столице, наша подруга всерьез планировала этим летом, после окончания обучения, насовсем покинуть Мальбург и вернуться к родным. Обручиться с достойным юношей из местных и поселиться в красивом доме недалеко от родителей. Видения этого спокойного и уютного будущего наполняли ее сердце искренней радостью, так что для столичных кавалеров в нем совсем не оставалось места.

— Как знать, — протянула Вита, игриво накрутив на палец каштановый локон, — быть может, Филипп будет готов последовать за своей избранницей на край света, коим и является, по правде говоря, горячо любимый нашей Кати Шлосберг...

— Вы только посмотрите на Оливию! — пресекла та наши разглагольствования. — Мне кажется, она сейчас лопнет от гордости.

Нет, такой конфуз с несравненной Оливией Мортимер вряд ли случится.

Я посмотрела на высокую брюнетку в сдержанном кремовом платье, что стояла рядом с директором Хоулем. Наша негласная элита. Любимая дочь некромонгов, близких к королевской чете. Неудивительно, что именно Оливии посчастливилось стать хозяйкой Весеннего бала. Согласно традиции так чествовали самую достойную и прилежную ученицу Сен-Г рейс еще со времен леди Лорентайн.

Хотя счастьем это было весьма условным. Ведь хозяйка бала отвечала и за подготовку этого долгожданного события, и за его безупречное проведение. Конечно, у нее были помощники, но всё равно можно было с ног сбиться в этом водовороте бесконечных приготовлений. Так что в чем-чем, а в этом я Оливии точно не завидовала.

— Кухарки жаловались, что Оливия их совсем загоняла за сегодняшнее утро, — шепнула Вита, которая вечно была в курсе всего происходящего в школе. — И лакеи их поддерживали, заявив, что ни за что не согласились бы работать в ее доме.

— Ну и напрасно, — пожала плечами рассудительная Катрина. — Говорят, некромонги хорошо

платят своей прислуге. Особенно той, что не болтает лишнего, а занимается работой.

— Перед кем она так краснеет? — Я с изумлением наблюдала, как всегда невозмутимая брюнетка заливалась нежным румянцем, приветствуя очередного гостя.

— Это же Арланд Ангэлэр! — ахнула Вита, не отрывая глаз от темноволосого мужчины, галантно склонившегося к девичьей руке. — Я до последнего сомневалась, что лорд-попечитель будет присутствовать на балу.

— Постой-ка, разве совет попечителей возглавляет не леди Ангэлэр?

— В светских кругах говорят, что Маргарет Ангэлэр с супругом уехали отдыхать на побережье, а обязанности попечителя временно взял на себя ее сын Арланд, — с видом знатока пояснила Виктория и мечтательно вздохнула: — Он такой загадочный... Может пригласить его на танец?..

Шатенка суетливо пролистала свою бальную книжечку, раздумывая, каким бы танцем осчастливить ничего не подозревающего лорда.

— Вставай в очередь, — усмехнулась Катрина, оглядев бальную залу. — Кажется, все воспитанницы планируют сегодня с ним потанцевать!

— Никого не смущает, что он некромонг? — удивилась я, с интересом разглядывая предмет девичьих мечтаний. Высокий молодой мужчина в элегантном темном костюме тихо беседовал с директором Хоулем. Сдержанная вежливая улыбка на гладко выбритом аристократичном лице, равнодушно скользкий по собеседнику взгляд. Да, у такого в кабинете к стене вместо трофеев прибиты трепещущие сердца влюбленных женщин.

— Ты что, это как вишенка на торте! — подмигнула мне Катрина. — Выйти замуж за некромонга все девушки мечтают чуть ли не сильнее, чем стать избранницей наследного принца.

— Ну уж точно не все, — натянуто улыбнулась я, внутренне поежившись от подобной перспективы. — Ходят слухи, что они одним взглядом могут убить...

— А ты думала, их за красивые глаза на службе короны держат? Большинство некромонгов служат карателями Ее Величества. Очень обеспеченные люди, кстати, помимо прочих достоинств, — Виктория многозначительно замолчала и снова мечтательно уставилась на темноволосого лорда.

— Их долголетие — не достоинство, а дар Смерти, — с умным видом поправила ее Кати. — Первые некромонги...

— Ну хоть на балу давай обойдемся без лекций! — перебив подругу, простонала Вита и театрально закатила глазки.

В пояснениях Катрины и впрямь не было нужды, ведь легенду о некромонгах знали все жители нашего королевства, а уж воспитанницы Сен-Грейс и подавно...

В стародавние времена, когда династия Меровингов только заняла престол, в Лидегории было неспокойно. Агрессивные соседи то и дело проверяли на прочность границы, а внутренние конфликты между правящими кланами грозились низвергнуть королевство в пучину переворотов и кровавой вражды. Король Ангус прилагал все силы, чтобы укрепиться на троне и передать власть прямому наследнику. Вот только с последним возникали сложности. Первенец королевы умер от болезни в детском возрасте. Безутешная мать молила Всеединого, чтобы ее второй ребенок рос здоровым и принял венец правления от отца. Но боги остались глухи к ее мольбам: во время одного из приемов юного наследника отравили, и королевство вновь погрузилось в траур.

Родив в третий раз, королева Аурелия больше не молилась Всеединому. В отчаянии и страхе она взывала к Смерти, моля не забирать ее дитя, отвести беду, укрыть темным саваном от предателей и врагов. И Смерть откликнулась на ее призыв. Девять темных ангелов явились во дворец защищать кронпринца днем и ночью, пока он не достигнет совершеннолетия. В качестве платы за эту помощь королева должна была построить храм, где будут поклоняться Смерти, и отдать в жрицы свою дочь, когда та появится на свет.

Так в Лидегории с легкой руки правительницы зародился культ Смерти. Но королева Аурелия была не только заботливой матерью, но мудрой и прозорливой женщиной. Предвидя, что в момент совершеннолетия, как и предвещала Смерть, принц лишится своих защитников, она придумала, как этого избежать. Девять прекрасных юных фрейлин были отданы ангелам смерти в жены. От этих союзов родились дети с особым даром, которых стали называть некромонги. Дети ангелов смерти росли рядом с принцем и, когда пришло время, стали его преданными защитниками.

И по сей день потомки темнокрылых ангелов защищают королевскую кровь. Меровинги стали бессменными правителями на престоле Лидегории, которым удалось приручить смерть. Хотя вернее

было бы сказать — договориться со смертью. И договор этот короли и королевы добросовестно исполняли из века в век. Одна из королевских дочерей становилась жрицей в храме Темнейшей, а культ Смерти приобрел статус официальной религии, за что церковники осыпали королевство проклятиями. Чтобы примирить церковь и монархию, король всегда исповедовал веру во Всеединого, в то время как королева хранила древние заветы и принимала клятвы некромонгов.

Само собой, такие ценные защитники не остались не обласканы короной. У всех них уже давно были дворянские титулы и впечатляющие состояния. Но богатство было не главной причиной, по которой юные леди желали некромонгов в женихи. Те, как правило, были весьма хороши собой и долго сохраняли красоту, делясь молодостью со своими избранницами. В общем, мечта, а не мужчина!

Вот только мне казалось, что эти слухи сильно преувеличены, и распускали их сами некромонги. Цену себе набивали: приятно же, когда можно придирчиво выбирать из сотен восторженных претенденток.

— Согласитесь, девочки, что-то в нем есть, — уверенно изрекла Виктория, разглядывая лорда-попечителя, как картинку в модном журнале. По ее тону было понятно, чтобы наше с Кати согласие вовсе и не требуется.

— Убийственная харизма? — хмыкнула я, не согласная показывать заинтересованность некромонгом.

— Смертоносное очарование? — не упустила шанса подразнить подругу Катрина.

— Да ну вас! Ничего вы не понимаете в мужчинах...

— А тебе не приходило в голову, что перед нами шестидесятилетний старик с юношеским лицом, — не отступала я, уже и сама не в силах оторвать взгляд от темной фигуры. — Говорят, у мужчин с возрастом очень портится характер...

— Нет, это же младший Ангэлера. Ему не может быть больше тридцати пяти, — тотчас выдала кудрявая всезнайка.

— А ты хорошо подготовилась, — изумилась Катрина, прищутив серо-голубые глаза на кокетливо игравшую веером шатенку. — И как только всё разузнала?

— Сестрицу расспросила, — легкомысленно отмахнулась Вита, постреливая глазками в молодого лорда. — Она у меня постоянно бывает на приемах, а там Ангэлера нередко упоминают. Вот как важно, девочки, удачное замужество!

— Да-а, как же без этого свежие сплетни-то собирать, — съехидничала я.

— Знаешь, Эла, — неодобрительно покачала головой подруга, отчего кудряшки вокруг ее лица весело запрыгали, что не вязалось с нарочито строгим взглядом зеленых глаз, — твой язык — твой враг! И красота не спасет, стоит тебе открыть рот рядом с мужчиной. Так что мой тебе добрый совет — танцуй молча!

Мы с Катриной почти одновременно прыснули со смеха. Неодобрительные взгляды наставниц тотчас метнулись в нашу сторону. Отзвук нашего веселья, похоже, докатился даже до того места, где директор вел великосветскую беседу с грозой девицких сердец. Оба мужчины подняли глаза и бросили быстрый взгляд в нашу сторону. Хмурый и непонимающий — директора школы. Слегка удивленный и ироничный — красавчика-лорда.

Однако стоило взгляду лорда скользнуть по моему лицу, как налет легкого веселья словно ветром сдуло. Его лицо будто окаменело, застыв ледяной маской. Взгляд стал темный и тяжелый. Воздух в праздничной зале словно сгустился, так тяжело стало его вдыхать. У меня по коже побежали испуганные мурашки.

Наваждение продлилось буквально пару секунд. Потом некромонг отвернулся, отвечая на рукопожатие подошедшего высокостатусного гостя.

Кажется, мы разозлили одного из попечителей Сен-Грейс. И директора заодно. Хотя может мне всё это показалось? Накрутила себя на тему некромонгов...

А бал между тем продолжался. Сменяли друг друга вальсы и вольты, кружились пары, дамы обмахивались веерами, кавалеры норовили многозначительно пожать ручку понравившейся воспитанницы, пожилые джентльмены коротали время за беседами, а их спутницы — за разглядыванием нарядов.

В этой веселой кутерьме ощущение чужого взгляда возвращалось ко мне снова и снова. Будто липкой паутиной меня опутывало постороннее настойчивое внимание. Я то и дело вытягивала шею,

пытаясь найти источник беспокойства, но не видела в толпе людей ни некромонга, никого бы то ни было еще, кому я могла быть интересна.

Да и кому я нужна?

Я не была ни блестящей отличницей, гордостью школы, ни выгодной партией для потенциальных женихов. Бесприданница и сирота, пусть и из титулованной семьи, но запятнанной сомнительной историей с пропажей главы семейства и гибелью его жены — не самая желанная избранница для родовитых домов Мальбурга. Ну и что! Зато спокойно доучусь, и никто не будет мне навязывать женихов и смотрины. Да и прежде, чем создавать семью, мне необходимо разобраться с семейными тайнами из моего прошлого и узнать, что случилось с родителями.

Погруженная в свои мысли, я и не заметила, как отстала от подруг, мгновенно затерявшихся среди снующих по залу нарядных гостей. В надежде увидеть каштановые кудряшки Виты или пепельные локоны Катрин я приподнялась на цыпочки.

— Вы кого-то потеряли? — раздался за спиной низкий мужской голос.

Я испуганно обернулась. Излишне резко, так, что локон выбился из прически и упал мне на лицо. Привычным движением убрала его и замерла, пойманная в сети завораживающего синего взгляда. Лицо лорда Ангэлера оставалось невозмутимым, но в его стремительно темнеющих глазах таилась непонятная угроза.

— Я могу вам чем-то помочь, мадемуазель...? — некромонг вопросительно приподнял темную бровь, намекая что не знает моего имени.

Откуда же ему знать? Где я — и где Ангэлеры!

— Мадемуазель Элеонора Генриетта Дюбар, — поспешно представилась я и сделал легкий книксен. Все как учили наставницы. Правда никто не предупреждал, что мужчина может вот так просто подойти и обратиться к незнакомой девушке. Хотя он из совета попечителей. Наверное, у него такие же права, как и у директора Хоуля...

— Лорд Арланд Ангэлер, — галантно поклонился некромонг, не сводя странного взгляда с моего лица. — Мне показалось, вы кого-то искали?

— Нет-нет, — я нервно перебирала пальцами шелковые оборки, — всего лишь потеряла из виду подруг. Уверена, они меня с минуты на минуту найдут.

На самом деле уверенности у меня никакой не было. Просто почему-то рядом с этим безусловно красивым мужчиной мне было крайне неудобно. Было ли дело в заинтересованных взглядах, что уже начали бросать в нашу сторону окружающие, или...

— Я знаю гораздо более надежный способ вернуть вам подруг, — заговорщически улыбнулся лорд-попечитель. И шагнул ко мне.

— Не откажете мне в танце? — неожиданно протянул руку, слегка поклонившись.

Как загипнотизированная, я вложила похолодевшие пальцы в его ладонь,

которая тут же захлопнулась, как ловушка. На негнущихся ногах последовала за ним на свободный пятачок паркета.

Что со мной такое? Просто приглашение на танец! От красавца, потанцевать с которым мечтает вся школа. И он, судя по всему, определенно в курсе этого...

Окутавшее меня оцепенение понемногу рассеивалось. Я всё еще опасалась поднять на него глаза, поэтому сосредоточилась на окружающих.

Идея было не самая удачная.

Воспитанницы в нарядных платьях буквально застыли на местах, широко распахнутыми глазами наблюдая за нашей парой. Я ловила недоверчивые, завистливые и откровенно злобные взгляды, от которых холодела спина. Где-то в толпе, кажется, мелькнули удивленные кудряшки Виты.

Интересно, это он имел в виду под более надежным способом? Сомнительный способ какой-то...

Видимо последнее я произнесла вслух, поскольку над ухом прозвучало насмешливое:

— Но ведь работает!

Помимо воли подняла на мужчину глаза.

Изучающий взгляд, горячая ладонь на моей спине, теплые пальцы нежно, но крепко сжимают мою кисть и, кажется, с каждым шагом мы всё ближе.

Так...так и должно быть? На уроках танцев мы всегда держали дистанцию с партнером. Впрочем, возможно в высшем обществе манера танцевать уже несколько изменилась. Наше образование вечно отстает от жизни.

Танцевать с лордом было невероятно приятно. Отбросив переживания по поводу недобрых взглядов и пугающей близости мужчины, я отдалась ритму танца и опытному партнеру. Вел лорд превосходно. Мы кружились так легко и непринужденно, словно танцевали вместе уже годы. Я и не заметила, как на лице расцвела задорная улыбка, отражением заигравшаяся на губах некромонга.

Музыка стихла, но мы продолжали стоять, как заколдованные. Моя рука в его руке, вторая ладонь на моей талии. И лишь что-то хищное, промелькнувшее в его бездонных глазах, вернуло меня в реальность, заставив отступить на шаг назад.

— Спасибо за танец, мадемуазель Элеонора, — поблагодарил некромонг, невесомо поцеловал руку и галантно откланялся, оставив меня рядом с наставницей.

Через секунду рядом появились подруги.

Хитрый лорд не ошибся!

— Как тебе это удалось?

— И когда ты успела-то?

Затараторили девушки в один голос, пока на них не шикнула наставница. Прижавшись ко мне с обеих сторон, они тихо продолжили допрос с пристрастием.

— Ничего это не значит, — сердито осадил я Катрину, успевшую чуть ли не планы на мою свадьбу с лордом построить за время одного несчастного танца.

— То-то ты так блаженно улыбалась всё время, — парировал подруга.

— Он в тебе явно заинтересован, — с детской непосредственностью закивала Виктория. — Вы так прижимались друг к другу, что со стороны можно было подумать всякое...

Я испуганно накрыла ладошкой рот. Всё-та к и мне не показалось, что объятия лорда были излишне тесными. Но такими неожиданно приятными!..

Ох, что теперь будет! Надеюсь, все ограничится порцией наставлений от мадам Мезар.

Иначе мне несдобровать! Репутация и скромные накопления — это последнее, что у меня осталось. Если моя характеристика от школы не будет безукоризненной, то хорошего места мне не видать. Вот я как чувствовала, что нужно держаться от некромонга подальше. От некоторых мужчин одни неприятности.

Желая успокоиться и проветрить голову, я ускользнула от подруг и направилась в дамскую комнату. В уединенной тишине побрызгала холодной водой на пылающие щеки, поправила прическу, и, постояв немного в задумчивости перед зеркалом, направилась обратно.

Не прошла я по коридору и десяти шагов, как моего слуха коснулся чей-то сдавленный всхлип, заставив замереть на месте.

Показалось или кто-то плачет?..

Я прислушалась. Тихое и горестное рыданье повторилось, заставив сердце болезненно сжаться.

По-настоящему близкие отношения у меня были только с соседками по комнате, а с остальными девочками мы, можно сказать, соблюдали дружеский нейтралитет. Исключение составляли лишь нескольких вредных особ, любивших распускать сплетни за спиной. Но кто бы там ни рыдал в одиночестве, я не могла безучастно пройти мимо. Ведь сегодня праздник, а значит, никто не должен грустить!

Приглушенные всхлипы доносились из хозяйственного крыла. Свернув в слабо освещенный коридор, я осторожно пошла на звук, который неожиданно стих. Остановилась у приоткрытой двери какого-то чулана, зиявшей непроглядной чернотой.

— Эй, кто тут плачет? — позвала тихо.

Темнота хранила безмолвие.

Я осторожно вошла внутрь, силясь в скудном свете из коридора разглядеть девичий силуэт.

Кто из воспитанниц так горько плачет в этой темной каморке? Что могло случиться?..

Грохот внезапно хлопнувшей за спиной двери заставил меня подпрыгнуть. Лязгнул замок, помещение окутала непроглядная тьма. Я испуганно метнулась назад к выходу.

Отыскав на ощупь медное кольцо, потянула что было сил. Но тщетно. Дверь отказывалась поддаваться.

Что за глупые шутки?!

Я забарабанила кулаками по двери.

— Выпустите меня! Откройте!

Прижалась ухом к шершавому дереву и прислушалась. В коридоре стояла гробовая тишина: ни голосов, ни шагов неизвестных шутников.

Или шутниц?

Меня что же — нарочно сюда заманили, чтобы закрыть?

Да за что?!

Глаза постепенно привыкали к мраку, и уже через пару минут я смогла оглядеть чулан, который оказался кладовой — расползавшаяся от пола прохлада подтверждала, что здесь хранились продукты. Морозильные камни исправно охлаждали воздух до уровня колен. Как я сразу не почувствовала? Ноги в атласных туфельках и тонких чулках почти мгновенно стали ощутимо мерзнуть.

Неужели это чья-то изощренная месть за танец с лордом-попечителем? Глупость, конечно, но ничего другого в голову не приходило. Я ни с кем не враждовала, чтобы у кого-то из девочек были ко мне счеты.

Или всё же были?..

Как же холодно! Если застряну тут надолго, то заработаю, как минимум, простуду.

Я с удвоенной силой замолотила по двери в надежде согреться и привлечь внимание прислуги. Вот только официанты и работники кухни сейчас сновали по винтовой лестнице, что скрывалась за выступом в буфетной комнате с противоположной стороны бальной залы и соединяла ее с кухней, откуда гостям подавались закуски и напитки. В хозяйственное крыло теперь заглянут только после бала или если внезапно закончится что-то из продуктов. Шанс просидеть запертой до полуночи был более чем реальный.

Не знаю, как долго я стучалась в закрытую дверь, но дыхание сбилось, а ладони заныли. Я уже почти отчаялась и опустила руки, когда из-за двери послышался настороженный голос:

— Кто здесь?

— Откройте! Это Элеонора! — закричала, мгновенно воспряв духом.

Всё стихло на минуту, за время которой я успела испугаться, что меня опять бросили, а потом раздался скрежет открываемого замка.

— Элеонора Дюбар? — Красивое лицо Оливии Мортимер второй раз за вечер озарилось неподдельно яркой эмоцией. — Что ты здесь делаешь?

— Меня з-закрыли, — простучала зубами, просочившись в теплоту коридора.

Оливия недоверчиво прищурила темные глаза.

— И кто это сделал?

— Я не видела.

Брюнетка скептически поджала губы, а внутри меня вспыхнула злость.

Она мне не верит?! А может это она и закрыла меня в кладовой, а теперь хочет выставить дурочкой, испугавшейся не пойми чего на ровном месте?

— А ты здесь зачем? — спросила с вызовом.

Темные глаза сверкнули неприязнью.

— Шла показать Джераду, где взять вишневый лимонад. У гостей закончился, — холодно пояснила Оливия.

Только сейчас я заметила мнущегося в сторонке парня, смущенно переводящего взгляд с Оливии на меня.

Значит, это точно не Оливия... И, если бы не ее дотошность и придирчивость, погнавшие хозяйку бала самолично за лимонадом, сидеть бы мне еще взаперти неизвестно сколько времени.

— Спасибо, что открыла дверь, — вымученно улыбнулась я и поспешила прочь, чувствуя нацеленный в спину хмурый взгляд.

Как вихрь я пролетела по коридорам и притормозила лишь перед бальной залой, чтобы войти с достоинством и легкой улыбкой.

Кем бы ни была моя злопахательница, пусть видит — ничего у нее не вышло! Я вернулась и прекрасно себя чувствую. А красный нос и нездоровый блеск глаз можно списать на последствия употребление пунша. Кстати, от пунша я бы не отказалась... Как и поскорее поделиться своими злоключениями с Катриной и Викторией. На удивление быстро я отыскала их в пестрой толпе и торопливо подошла.

— Где ты пропадала? — нахмурилась Кати.

Я уже открыла было рот, чтобы пожаловаться на чью-то гадкую выходку, но не успела.

Резкий щелчок каблуков совсем рядом заставил нас дружно вздрогнуть. Я подняла голову, чтобы увидеть светловолосую макушку, склонившуюся в приветственном поклоне.

— Леди, доброго вечера, — отчеканил кадет в белоснежной форме с серебристыми эполетами, гордо заявлявшей о его принадлежности к элитному корпусу Королевской военной академии.

— Добрый вечер, милорд, — хором ответили мы будущему военному атташе и по совместительству жениху Виктории. Тоже будущему.

Их родители ждали окончания учебного года, чтобы официально объявить о помолвке. А для нас с Катриной это был уже практически свершившийся факт, потому как о Себастьяне и планах на будущую семейную жизнь Вита нам все уши прожужжала за последний год.

Скользнув по нам с Кати равнодушным льдисто-голубым взглядом, Себастьян галантно подал будущей невесте затянутую в белую перчатку руку.

— Мадемуазель Виктория, вы как всегда обворожительны, — со сдержанной улыбкой произнес дежурный комплимент. — Позвольте, я провожу вас к родителям. Сенатор и леди Аделаида только что прибыли.

Не отказав себе в удовольствии проводить взглядами красивую пару, мы с Катриной направились к фуршетным столам, чтобы угоститься миниатюрными пирожными и пуншем.

Но добраться до угощений нам было не суждено. На пути к вкусняшкам выросла неожиданная преграда в виде статного усатого военного и смуглого кадета.

Последний уверенно двинулся ко мне, в то время как усач в синей форме с рубиновым крестом на груди пригласил Катрину.

Краем глаза я заметила, как спешивший в нашу сторону поклонник Кати, кадет Барроу, замедлился и сник. Не успел. Жаль. Он бы не отказался сопроводить нас в буфетную комнату. Еще и, наверняка, заботливо набрал бы целую тарелку десертов.

Эх, расторопнее надо быть, молодой человек!

Пригласивший меня кадет, чье имя я не запомнила, весь танец рассыпался в комплиментах и, не стеснясь, заглядывал в мое вполне целомудренное декольте. Я его заигрывания откровенно игнорировала, а попытки сократить между нами дистанцию тактично пресекала, опасливо косясь на инспектрис. Больше никаких провокаций! Отныне я демонстрирую безупречные манеры и похвальную сдержанность в общении с противоположным полом. Не дам ни одного повода усомниться в моей порядочности.

Бал закончился ближе к полуночи.

К тому времени мои ноги уже гудели от многочасового хождения на высоких каблуках, а шпильки в

высокой прическе злыми осаами жалили кожу головы. Но отказывать себе в удовольствии прогуляться по саду перед сном не хотелось. Подхватив под руку Катрину, а честнее будет сказать, повиснув на ней, я вышла на террасу, которая спускалась к саду.

На резной скамье под окном мы заметили ссутулившуюся фигурку управительницы дортуара и хранительницы ключей, одуванчика Бэтти, как называли ее воспитанницы. Старенькая и седая ключница, казалось, была одного возраста с особняком Сен-Грейс и воспринималась его неотъемлемой частью. Бал и кадеты ее совершенно не интересовали. Я внутренне поежилась, представив, что когда-нибудь сама стану старожилкой какого-нибудь пансиона и буду также коротать вечера на скамейке, провожая выцветшими глазами шумных учениц.

Бр-р-р! От такой перспективы становилось дурно.

Нет, я обязательно встречу в будущем достойного человека и создам свою семью. Не красивую иллюзию для высшего света, не напоказ, а что-то настоящее, душевное. Союз любящих сердец, как бы избито это ни звучало. Но это потом. Сначала стоит разобраться с прошлым, а потом уже строить планы на будущее.

Только мы с Кати ступили на серебрившуюся в свете фонарей дорожку сада, как перед нами словно из-под земли выросла мадам Мезар, наша классная дама. Строгим голосом нам было велено немедленно отправляться в свою комнату и готовиться ко сну. Ни сил, ни желания спорить или выяснять причины неожиданного запрета на прогулки мы в себе не нашли, и, подчинившись требованию, побрели в дортуар.

Уже на лестнице, ведущей на верхние этажи, нас догнала счастливая Виктория, успевшая проводить до ворот родителей и несравненного Себастьяна. Нам тут же поведали о грандиозных семейных планах на весенние каникулы, что должны были начаться через неделю. Напоминание о них слегка подпортило мое настроение. Ведь мне как обычно предстояло остаться в школе, и эти две недели без девочек обещали быть ужасно скучными.

Глава 3. Страшная находка

Лорд Арланд Ангэлер уже садился в ренмобиль, чтобы покинуть после бала особняк Сен-Грейс, когда к нему подбежал запыхавшийся лакей и передал, что директор Хоуль просит его срочно зайти к нему в кабинет. Лорд-попечитель надменно приподнял бровь, выказывая свое недоумение от столь несвоевременной просьбы. И ожидая каких-то пояснений. Но лакей лишь пожал плечами, настороженно и заискивающе заглядывая в лицо некромонга.

Что ж, у директора должна быть серьезная причина для подобной бесцеремонности. Иначе ему придется объясниться.

Арланд коротко кивнул, смиряясь с необходимостью. Следуя за лакеем по аккуратным мощеным дорожкам, пропахшим гиацинтами, он поднял глаза к ночному небу, где мерцали холодные осколки звезд. Насмешливо подмигивали из-за темных, едва различимых облаков, словно знали, как отчаянно он нуждался оказаться поскорее в темноте своей спальни, стряхнуть липкую паутину этого дня, успокоить мысли бокалом янтарного бренди.

Пригласить ее на танец было роковой ошибкой. Едва он увидел ее лицо, призраки прошлого накнулись на него подобно стае голодных волков. Всё, что было забыто, зарыто, похоронено в самом дальнем уголке памяти, внезапно воскресло, напрочь сметая все стены и бастионы, что он так старательно выстраивал все эти годы.

То же лицо, те же янтарные глаза и медовые локоны, но на оттенок темнее. Или его уже подводит память?

Нет, этот ангельский лик он прекрасно помнил. Сколько ночей он воссоздавал его до мельчайших подробностей, чтобы ненавидеть до красной пелены перед глазами. За ее холодную расчетливость и за свою непреодолимую к ней тягу.

Он переболел ею. И не горел желанием заразиться снова.

И тут ему на глаза попала она!

Эта жестокая женщина в насмешку произвела на свет копию себя, чтобы мучить его даже после смерти...

Самым мудрым решением было держаться от юной Дюбар как можно дальше. Стереть из памяти эту встречу, до боли знакомый нежный образ, по которому тосковала его душа. Но это уже оказалось не в его силах.

Когда-то давно, поддавшись чувству вины, он внес имя дочери Эвелины в список воспитанниц Сен-Грейс, оставив депозит для оплаты обучения. Он слышал, что малышка попала в приют при живых опекунах, и, дабы успокоить свою совесть, решил гарантировать ей шанс на одно из самых престижных для юной леди образований. Сделал, успокоился и забыл. И их встрече никогда не суждено было случиться, если бы ему не пришлось временно принять на себя обязанности лорда-попечителя.

И вот он уже кружил ее в танце, жадно изучая каждую черту девичьего лица, с мучительным удовольствием отмечая их поразительное сходство. И этот жест, когда она заправляла выбившийся локон, был до боли знакомым. И в то же время она была неуловимо другая. Но такая же губительно притягательная.

Лорд Ангэлер обреченно вздохнул. Боковая дверь, ведущая непосредственно в апартаменты директора, гостеприимно распахнулась перед ним.

Нужно поскорее переговорить с Марком и покинуть школу. И с самого утра озадачить себя делами, желательно на другом конце города, чтобы даже мысли не возникло мимоходом заглянуть сюда снова. Лишний раз пересекаться с копией Эвелины не хотелось. Вернее, хотелось, а потому не стоило. Не хватало еще уподобиться юным воздыхателям и постыдно глазеть из-за ограды на гуляющих по саду воспитанниц.

В уютной гостиной сидела супруга директора. Старость едва коснулась лучиками мелких морщинок красивого лица мадам Луизы. Родившаяся в семье некромонгов, мадам была на двадцать лет старше своего супруга, но, увидев их вместе, легко было предположить обратное.

Раскрытая книга лежала на ее коленях, но взгляд умных глаз рассеянно блуждал по комнате, выдавая нервное напряжение.

— Марк сейчас подойдет, милорд. — Мадам Хоуль беспокойно огляделась. — Желаете что-нибудь из напитков?

Арланд отрицательно качнул головой и прошел в кабинет. Был соблазн попросить бокал бренди, но напиваться он предпочел бы уже будучи у себя дома.

Через минуту в кабинет влетел директор Хоуль, плотно закрыл за собой дверь и устало опустился в кресло.

— Прошу прощения, милорд, но вы должны это узнать безотлагательно. В школе произошла страшная трагедия, — выпалил директор, вытерев высокий лоб платком. — Одна из официанток найдена мертвой.

В первую секунду некромонг решил, что ослышался. Но бледный вид директора красноречиво свидетельствовал, что дело скверно. Оставалось только выяснить, насколько скверно.

— Люди умирают, это неизбежно, — хладнокровно заметил он. — Плохо, когда это случается в нашей школе.

— Совсем плохо, когда это происходит насильственным образом, — глухо добавил Марк Хоуль, сжав кончиками пальцев поседевшие виски, словно его мучила сильнейшая головная боль.

— Хотите сказать, что женщину убили?

— Именно, милорд. Торчащий из ее груди нож не оставляет в этом сомнений.

Арланд оцепенел в кресле, превращаясь в неподвижное изваяние.

— Тело нашли на ступенях, ведущих в погреб, — продолжил директор. — Ума не приложу, что ей могло там понадобиться. Она была не из постоянной obsługi. Из дополнительно нанятой на время бала. Может просто заблудилась...

— Есть основания подозревать кого-то конкретного? — перебил пространные рассуждения Ангэлера.

— Никаких, милорд.

— Кто еще знает о произошедшем?

— Помощница кухарки — она и нашла тр... тело. Повариха, работник кухни, швейцар, которого послали известить меня. Мы держим всё в тайне, милорд.

— Проклятье! — Ангэлер вскочил на ноги и зашагал по кабинету.

Об убийстве знает толпа народу, а значит, скоро это перестанет быть тайной и для всех остальных. Без сомнения, бедняжку жаль, но ей ничем уже не помочь. А вот сохранить репутацию школы и семьи жизненно важно. Но получится ли?

Сейчас, когда Ароне должен вернуться из ссылки в столицу и возобновить службу при дворе, скандал вокруг их имени недопустим. Слишком долго все ждали, слишком многим пожертвовали. И он не допустит, чтобы усилия его семьи и друзей пропали даром. Какова бы ни была цена...

Но кто? Кто мог это сделать? И зачем? Ссора между прислугой с кровавым финалом? Или злой умысел кого-то из гостей бала?

— Все свидетели случившегося заперты в комнате для прислуги, — проник в его мысли вкрадчивый голос Марка. — Чтобы не допустить распространения слухов, пока мы не решим, как действовать далее. Милорд, мне вызвать полицмейстера или...?

— Или. — Некромонг решительно шагнул к столу директора и активировал кристалл связи.

Еще десять лет назад, чтобы срочно связаться с кем-то, пришлось бы отправлять посыльного. Но Центр магических исследований, учрежденный королевой, не даром ел свой хлеб — к слову, весьма дорого обходившийся казне хлеб — и ознаменовал последнее десятилетие несколькими впечатляющими открытиями в прикладной магии. Кристаллы связи, успешно прописавшиеся во всех казенных учреждениях и домах с достатком, стали одним из них.

Арланд набрал по памяти последовательность символов для связи с преданным другом семьи, возглавлявшим службу охраны кронпринца. Официально. А негласно бывший главой Канцелярии тайных дел. Если кто-то и мог в данной ситуации помочь, то только Рэйвен Дэлавер.

Дэлавер имел странную привычку везде носить с собой уменьшенную копию кристалла связи, за что над ним нередко потешались. Сейчас же Арланд молился, чтобы у Рэйвена артефакт был с собой и ответ не заставил себя долго ждать.

— Необходимо усилить охрану школы и ограничить передвижения воспитанниц.

— Это было сделано в первую очередь, милорд. Не лишним будет также проверить целостность магических систем защиты, но на это требуется время. И сделать это тайно вряд ли удастся, вы же понимаете...

— Девушек следует на время проверки отправить по домам.

— Через неделю начнутся весенние каникулы, — подсказал директор.

— Думаю, в этом году они начнутся раньше. Порадуйте утром воспитанниц.

— Вас понял, милорд. Вот только... — Директор замялся. — Как объяснить необходимость всем покинуть школу? Особенно будут пытливы те, кто привык оставаться на каникулах в школе.

— Придумайте что-нибудь. Борьба с крысами, покраска стен...

— Придется быть изобретательнее, чтобы не возбудить излишнее любопытство Дюбар, — тихо проворчал себе под нос директор.

От звука этого имени некромонг едва заметно вздрогнул.

— Элеонора Дюбар?

— Именно. Опекуны никогда не забирают ее на каникулы. По сути кроме школы ей некуда податься. Обычно и весной, и летом она остается здесь, дежурит и проходит педагогические курсы для наставниц.

— Я заберу ее, — выпалил раньше, чем успел прикусить язык.

Самоубийственное решение. Неужели ему и без этого проблем мало?..

— Что, простите?.. — Темные глаза директора Хоуля в недоумении уставились на лорда-попечителя.

Виски сдавило болью, и Арланд приоткрыл окно, втягивая прохладный ночной воздух.

— Она может временно переехать в наш дом. Прабабушка будет рада обществу хорошо воспитанной юной леди.

— Кхм... ваша прабабушка? — озадаченно уточнил Марк. — Леди?.. гм... простите, запомнил...

— Леди Цицерия.

Неудивительно, что директор не помнил. Леди Цицерия и сама в последнее время частенько забывала, как ее зовут. Еще бы — сто двадцать лет разменяла старушка... Острота ума некогда блистательной придворной дамы притупилась за последние годы.

— У прабабушки идеальные манеры и прекрасная репутация, — с напускным высокомерием продолжил лорд. — Уверен, общение с ней скажется на мадемуазель Дюбар самым благоприятным образом.

— А-а, вы хотите предложить Элеоноре место компаньонки вашей прабабушки, — догадался директор и облегченно выдохнул.

«Нет. Я преследую совершенно иные цели, — мысленно возразил Арланд. — Лучше остановите меня прямо сейчас, директор. Потому что потом это будет вам не под силу...»

Ему даже отчасти хотелось, чтобы Марк возмущенно воскликнул: «Да вы в своем уме?!». Чтобы запретил ему даже думать об Элеоноре. Он ожидал куда большего сопротивления, не даром же школа Сен-Грейс славилась строгостью нравов.

Что ж, юное создание назначили компаньонкой для престарелой бабули. Лучше не придумаешь!

Вот только совесть и здравый смысл упрямо твердили, что то, что он собирался сделать, станет чудовищной ошибкой.

— Если это решит нашу дилемму, то не вижу смысла тратить время на дальнейшее обсуждение, — попытожил некромонг.

Кристалл связи призывно мигнул. На его поверхности высветилось сообщение, что Рэйвен возвращается из дворца и через полчаса будет дома, где и предлагает встретиться. Арланд ответил согласием и, не теряя времени, засобиравшись в путь.

Ночь обещала быть долгой.

В доме Дэлавера царила тоскливая тишина. Роскошный трехэтажный особняк печально глядел на липовую аллею темными глазницами окон. Когда-то здесь всё было по-другому: гул голосов разносился по пустующим ныне залам, и линия окон парадной анфилады ярко сияла до самого утра, когда Дэлаверы устраивали званые ужины или торжественные приемы. Теперь лишь в кабинете Рэйвена мягко мерцал одинокий свет.

Арланд уважал причины, по которым некромонг редко звал к себе гостей. Его родители погибли при покушении на сиятельную чету, сохранив жизнь монархов ценой своей. Такова природа некромонгов — защищать королевскую кровь любой ценой. Однако, их жертва едва не стала напрасной: король был тяжело ранен, и его с трудом вытащили с того света. Прожил он после этого недолго, и спустя год на трон взошла его дочь, Магдалена Вторая, правящая королевством и по сей день.

Встав во главе семьи, Рэйвен погрузился в работу, пойдя по стопам отца и возглавив службу охраны кронпринца.

— Благодарю, что нашел время встретиться. — Арланд прошел в просторный, но какой-то безликий кабинет. Впрочем, неудивительно, поскольку Рэйвен большую часть времени проводил во дворце, где у него и был настоящий рабочий кабинет. — Признаться, я боялся, что ты останешься ночевать в резиденции кронпринца.

— Я всегда возвращаюсь. Ты же знаешь.

Ангэлэр знал, но, к своему стыду, забыл. Был в этом мрачном доме человек, который остро нуждался в Рэйвене. Но о таких вещах временами хотелось забывать.

— Так что случилось, Арланд? — вернул его к причине их встречи Дэлавер.

Высокий и светловолосый, он был одет в форменный темно-серый мундир с

серебряным шитьем и аксельбантом. Не иначе как во дворце проходили какие-то официальные мероприятия или совещания. Рэйвена редко можно было увидеть в униформе службы охраны. Для его работы порой лучше подходил неприметный костюм городского щеголя, в котором с легкостью можно затеряться среди придворных.

Некромонг подошел к небольшому столику, где стоял пузатый графин и поднос с бокалами. Похозяйски плеснул в два бокала ром, протянув один из них гостю.

— Это касается Аронса? — спросил, потягивая напиток.

— Нет. Не напрямую, по крайней мере. У нас проблемы в школе Сен-Г рейс.

— Что, во время бала парочка кадетов пала жертвой твоих юных прелестниц?

Или наоборот — теперь там целый взвод барышень с разбитыми сердцами? — насмешливо хмыкнул Дэлавер. И устало прикрыл глаза, допивая ром в два глотка.

Судя по всему, и у друга сегодня был непростой день.

— Почти угадал, — хмуро ответил Арланд. — Жертвой стала официантка. Ей воткнули десертный нож в сердце.

Рэйвен опустил бокал и присвистнул. Легкое веселье и пренебрежение вмиг слетели с него, и перед Ангэлэром уже стоял глава Тайной канцелярии.

— Паршиво, — констатировал он и немилосердно дернул, ослабляя, тугой воротничок, так что тонкий шелк подкладки жалобно затрещал. — Где сейчас тело и сколько свидетелей? Давай с самого начала.

Арланд спешно пересказал всё, что узнал от директора Хоуля, тщательно избегая любого упоминания об Элеоноре Дюбар.

— Всё не так плохо, как мне поначалу представилось. Грамотно сработал твой директор. А ты верно сделал, что пришел прямиком ко мне.

Стальной взгляд Рэйвена сделался цепким и чуть отрешенным, как у человека, активно просчитывающего в уме варианты решения проблемы. Что-то вспомнив, он метнулся к секретеру и начал методично открывать его многочисленные ящички.

— Нужно срочно решать, как действовать дальше. Марк не может держать людей взаперти всю ночь, — напомнил о себе Ангэлэр, наблюдая, как Рэйвен тщетно пытается что-то отыскать.

— И не понадобится. Сейчас мы вместе вернемся туда и заберем тело. Лишние руки и глаза привлекать не будем. Ни к чему подставляться. А потом уже будем думать, как найти убийцу.

— Планируешь избавиться от трупа? — мрачно уточнил Арланд. Всё внутри восставало против такого циничного действия, хотя умом он и понимал, что иного выхода у них нет. Но вынести человека, как мусор...

Ангэлера почти десять лет прослужил в отряде карателей Ее Величества и повидал многое. С изменниками короны там не церемонились и королевские приказы не обсуждали. Но вот от трупов избавляться ему не приходилось ни разу. Особенности магии смерти. Когда некромонги убивают, избавляться не от чего.

— Ваша официантка временно побудет пропавшей без вести. А потом жертву ограбления найдут на окраине города. Вы же жалованье сразу после отработки отдаете? — получив утвердительный ответ, Рэйвен продолжил: — Вот тебе и версия для полиции — грабители польстились на скромный честный заработок.

— Всё же стоит как-то компенсировать ее семье...

— Потом. — оборвал Дэлавер. — Все игры в благородство потом.

Арланд не стал спорить, но решил, что отправит доверенного человека незаметно узнать про семью убитой. Жизнь на неглянцевой стороне Мальбурга не была безоблачной. У официантки могли остаться дети, и, если им нужна помощь, он придумает, как ее оказать анонимно. В конце концов, никто не отменял ответственности за наемный персонал, и угрызения совести сейчас будут лишь отвлекающим фактором.

— Версия хорошая, — вернулся он к насущному вопросу, — но кто-то может проболтаться, что женщина не покидала стен школы.

— Над этим я как раз работаю, — промычал Рэйвен, роясь в ящиках. — Думаю, мы сможем убедить пару-тройку свидетелей, что они точно видели, как она покинула школу до завершения этих ваших танцулек.

Арланд скептически хмыкнул. Слишком рискованно верить словам и обещаниям людей.

— Стиратель нам в этом поможет, — убежденно добавил Дэлавер.

Арланд в неверии уставился на друга. Стиратель — ментал, способный

корректировать воспоминания. Маг высшей категории, служащий сиятельной чете. Рэйвен и правда собирается выдернуть его из постели посреди ночи?

— Где-то тут он был. — Дэлавер выдвинул очередной ящик секретера. — Нашел!

На столешницу лег редкий артефакт, и Арланд облегченно выдохнул. В

закромах тайной канцелярии и не такое найдется. Артефакт работал топорнее, чем маг: просто стирал память за короткий отрезок времени. Зато не болтал лишнего, в отличие от вздорных и непредсказуемых королевских чародеев.

— Спасибо! — искренне произнес некромонг. — Страшно представить, какой урон репутации школы нанесло бы это происшествие.

— Репутация твоего курятника, признаться, меня волнует в последнюю очередь. Если эта история всплывет, имя Ангэлеров смешают с грязью. Аронсу будет крайне тяжело восстанавливать свои позиции в таких условиях. Его недруги не преминут раздуть из этой истории зловонный пузырь и припомнить ему все грехи, включая дела двадцатилетней давности. А это нам совершенно ни к чему.

— Но королева давно забыла об этом! Она сама хочет видеть Аронса среди советников кронпринца.

— Королева может и забыла. А вот королю-консарту о той истории напомнят, и вряд ли он будет счастлив лицеизреть при дворе одного из ее непосредственных участников.

Арланд скривился, словно глотнул настойку горькой полыни.

Когда уже та история перестанет аукаться его семье? Сколько еще понадобится лет, чтобы стереть саму память о ней? Конечно, было бы проще стереть в порошок тех прихвостней, что сделали из его старшего брата козла отпущения, но, увы, их имена доподлинно не были известны. Подозрения щедро высказывались, имена настойчиво звучали, порождая еще большую вражду и неприятие, но карать без доказательств не позволено никому.

А ведь роль Аронса в той истории была крайне скромной и безобидной. Он всего лишь пытался вернуть здравомыслие и спасти жизнь другу-некромонгу, который на свою беду влюбился в принцессу Магдалену, будущую королеву Лидегории. Но есть заветы, которые не могут быть нарушены. Королевская кровь неприкосновенна. Во всех смыслах. И лелеял бы некромонг тайно свою любовь, есть бы принцесса не ответила взаимностью.

Что тут скажешь — вполне закономерно... Беззаветно влюбленный, безоговорочно преданный, почти всемогущий каратель — какая юная барышня устоит? Однако, любовь наследницы престола и некромонга изначально была обречена на печальный финал. О чем юная принцесса думала, принимая ухаживания Роланда? Возможно, хотела хотя бы ненадолго стать обычной влюбленной девушкой, купающейся в лучах внимания и обожания. Отношения их были исключительно целомудренными, и потому до поры до времени не вызывали никаких подозрений.

А потом про них прознали придворные интриганы, извратили всё и выставили некромонга коварным обольстителем, изменником и едва ли не узурпатором, позарившимся на трон. Особо изобретательные попробовали даже представить это как заговор некромонгов против короны. К счастью, правящий король был достаточно благоразумен, чтобы не поверить этим бредням. Однако ситуация с некромонгом монарха всерьез встревожила.

И небезосновательно.

У некромонгов всегда рождаются некромонги, даже в смешанных браках. Соверши принцесса необдуманный поступок, и династия Меровингов прекратила бы свое существование. Стоит ли удивляться, что решение короля в той ситуации было быстрым и беспощадным. Магдалену поспешно обручили с герцогом Беррийским, а поскольку слово «долг» принцесса выучила раньше, чем свое имя, судьбу она приняла безропотно.

Чего нельзя было сказать о Роланде, не пожелавшем отступить от любимой. Этим он и подписал себе смертный приговор, который предстояло привести в действие отряду карателей, возглавляемому лордом Ангэлером старшим. Ароне тогда выпросил у отца небольшую отсрочку, чтобы образумить друга, уговорить отступить, временно уйти в тень. Попытка, к сожалению, не увенчалась успехом. Более того — поставила крест на политической карьере Аронса, когда его объявили сводником, едва не подложившим принцессу под некромонга.

Мрази! Ничтожные интриганы с лживыми языками.

Арланд никогда не понимал и не принимал эту придворную возню и подковерные игры. То была родная стихия Аронса. Вот только брат оказался недостаточно беспринципным и изворотливым, чтобы выйти сухим из воды. И в этот гадюшник он собирался вернуться в ближайшее время. А чтобы политические противники не смогли помешать его планам, возвращение держалось в тайне.

— Не будем терять время! — Дэлавер торопливо скинул мундир и надел вместо него неприметный сюртук. — Возвращаемся в Сен-Грейс, пока наши свидетели не разбежались, как тараканы. На твоём ренмобиле поедет. Мой больно приметный. Сейчас распоряжусь, чтобы в назначенное время к школе подали конный экипаж.

Допрос прислуги, занявший несколько часов, не пролил свет на совершенное в стенах школы убийство. Сонные работники кухни не смогли припомнить, чтобы официантка с кем-то ссорилась, и, конечно, никто из них не видел, с кем она спустилась в погреб. Кухарка и повариха в один голос твердили, что не покидали кухню весь вечер — столько было хлопот с угощениями для гостей. Возможно, больше о передвижениях убитой знали другие официанты, работавшие в бальном зале, но они все давно разошлись по домам.

Итог беседы был неудовлетворительным, но, как заметил Дэлавер, вполне ожидаемым. Скорректировав память об этом вечере, он отпустил уставших работников по комнатам. Никто из них не вызвал у Рэйвена подозрений, да и директор Хоуль был уверен, что из постоянного штата obsługi Сен-Грейс к злодеянию никто не причастен. Если у несчастной и случился кровавый конфликт, то явно с кем-то из временных работников. Списки с их именами были переданы Дэлаверу, который обещал вплотную заняться ими поутру.

— Куда ты собираешься отвезти ее? — тихо спросил Арланд, помогая загрузить тело женщины в дожидавшийся у задней калитки экипаж.

— Ты же помнишь поговорку, что у каждого карателя есть личное кладбище?

Так вот, считай, я на одном из них арендую безымянный склеп. Место уединенное, черный мрамор, сводчатые потолки. Ей там понравится. — Дэлавер похлопал по холодной руке, очертания которой проступали сквозь траурную ткань.

— Это чересчур цинично даже для тебя.

— Что поделать! На моей работы будешь либо циником, либо неврастеником. — Рэйвен махнул на прощание рукой, и его черный экипаж быстро растаял в ночном тумане.

Домой Арланд добрался лишь под утро, отчаянно нуждаясь в тишине, покое и доброй порции бренди. День, обещавший быть легкомысленным и приятным, обернулся сущим кошмаром. Благодаря помощи Рэйвена удар временно удалось отвести, но грозовые тучи, сгустившиеся над его семьей, грозились в любой момент пролиться нескончаемым потоком бед.

Глава 4. Неожиданные известия

После разговора с директором Хоулем прошло два дня, а я по-прежнему не находила себе места. Всё сказанное им не укладывалось в голове. За последние пять лет я ни разу не покидала особняк Сен-Грейс, а тут вдруг такая новость — всем придется уехать на время каникул. У меня словно почву из-под ног выбили.

На мою просьбу позволить остаться в школе директор неожиданно ответил отказом. Никогда такого не случилось! Я осторожно поинтересовалась почему, на что господин директор промывчал что-то невнятное про перенастройку охранного контура и токсичное магическое воздействие. А потом и вовсе меня огорошил, заявив, что мне дозволено провести эти две недели в доме лорда-попечителя, ухаживая за его престарелой родственницей.

Наверное, я тогда вылупилась на него, как деревенщина на королевский дворец. Просто всё это было так странно... и подозрительно!

Девочки ожидаемо восприняли новость о досрочных каникулах с энтузиазмом. Виктория едва не запрыгала от радости, строя планы на дополнительные дни, а Катрина тотчас умчалась извещать отца, что даты каникул передвинулись.

Я тоже отправила письмо тете, но ответа пока так и не получила. Могу ли я приехать к опекунам без приглашения, сославшись на чрезвычайные обстоятельства?

И хочу ли я это делать?

Куда проще принять любезное приглашение Ангэлеров и провести неделю- другую, развлекая старушку праздными беседами. Буду читать ей книги и играть на рояле — уж парочку пьес я вполне прилично исполняю. В общем-то я не гордая: если надо и чай ей подам, и в аптеку схожу. Тем более что крайне редко выпадает возможность выбраться в город...

Так стоит ли стремиться туда, где тебя никто не ждет и видеть не желает, когда есть место, где ты можешь быть полезна и тебе будут хоть немного рады?

Конечно, меня смущало, что это дом некромонгов — кто знает, что у них там за порядки? И эта жуткая магия смерти... Надеюсь, мне не доведется увидеть ее в действии.

Мало кто из людей доподлинно знал, как она проявляется. Поговаривали, что тот, кто узнал, уже никому ли расскажет. Даже наша отличница Катрина, чувствовавшая себя в обширной библиотеке Сен-Грейс как рыба в воде, не нашла проверенных фактов о магии смерти. Зато откопала самые первые упоминания о некромонгах, включая первоисточники из секции с ограниченным доступом. Очень древние и очень скучные.

Мучимая сомнениями, я была крайне рассеяна во время занятий. Вопреки обыкновению, слушала невнимательно и ошибалась с ответами, за что заслужила не один сердитый взгляд мадам Мезар. Наша строгая классная дама не терпела, когда воспитанницы витали в облаках, и, наверняка, списала мою рассеянность на романтический флер Весеннего бала.

Как назло, в оставшиеся до каникул дни в наше расписание включили сплошь утомительные и мудреные уроки. Мировая история, экономика, международный этикет... Никаких танцев и рисования, где можно безнаказанно предаваться отвлеченным размышлениям.

А подумав мать-то было о чем...

Что значит это тайное приглашение от лорда Ангэлера? Ведь я совершенно посторонний для его семьи человек... Неужели за время одного танца я произвела такое благоприятное впечатление?.. Ох уж этот злополучный танец! Вполне вероятно, что из-за него меня закрыли в чулане, и я до сих пор не выяснила, кто это сделал. Страшно представить, что меня ждет, если эта ревнивая поклонница некромонга узнает, что Ангэлер пригласил меня к себе на каникулы! Такими темпами до них можно и не дожить...

Нет, смех смехом, а на душе было тревожно. Я даже не стала говорить о приглашении девочкам. Хотелось самой сначала разобраться, как к нему относиться.

С одной стороны, было лестно: ни одна воспитанница на моей памяти не удостоивалась чести быть приглашенной в дом основателей школы. Если я смогу потом получить рекомендации от самих Ангэлеров, то это будет невероятная удача. С другой стороны, именно тот факт, что ни одна воспитанница до меня не бывала у некромонгов дома, и вызывал беспокойство. Слишком всё внезапно, чересчур неоднозначно... Перед глазами то и дело всплывал образ лорда-попечителя, слишком крепко прижимавшего меня к себе в танце. С этим мужчиной всё было слишком и чересчур...

Очередные раздумья о лорде Ангэлере и сгубили меня в конечном итоге.

Господин Оруэн, преподаватель международного этикета, как и его предмет, не терпел невнимательности и рассеянности. И именно на его уроке меня угораздило вновь выпасть из реальности на каких-то пять минут, оказавшихся роковыми.

— Так какой цвет следует исключить из общей палитры, мадемуазель Дюбар? — Стоило немалых усилий не вздрогнуть всем телом от раздавшегося над головой скрипучего голоса учителя.

Класс выжидательно притих. Голос господина Оруэна звучал негромко, но в повисшей тишине я отчетливо расслышала в нем предостерегающие интонации. Ох, лучше бы расслышала, что он говорил до этого...

Беспомощно оглядевшись, поймала встревоженный взгляд Катрины. Но подруга сидела в соседнем ряду и ничем не могла мне помочь.

— Простите, профессор, не могли бы вы повторить вопрос, — промямлила я, чувствуя, как запылали щеки. Угораздило же так не вовремя отвлечься!

— Надеюсь, мыслями вы были как раз на приеме в честь полномочного посла Вармии, — ехидно прокомментировал профессор, но всё же снизошел до пояснений, в которые я жадно вслушалась: — Итак, будучи ответственной за организацию торжественного приема в честь вармийского посла, на что вы обратите внимание в первую очередь? Облегчая вам задачу, спрошу конкретнее — если цветочник доставит композиции, в которых присутствуют желтые фрезии, красные розы и белые лилии, то какой цветок вы прикажете немедленно убрать?

Я закусила губу, судорожно пытаюсь сообразить, что следует ответить. Что я знаю про цветочные традиции Вармии? К своему ужасу — ничего! Даже не припомню, чтобы мы проходили что-то подобное...

— Быть может, лилии? — предположила робко, решая избавиться от самых интенсивно пахнущих цветов.

Виктория, пытавшаяся незаметно привлечь мое внимание, сделала «страшные» глаза.

— Быть может, лилии, — эхом повторил профессор, и острый кадык на его гладко выбритой шее неприязненно дернулся. — Быть может, женщинам стоит использовать голову не только для ношения шляпки?

Насмешливые и сочувствующие взгляды воспитанниц метнулись в мою сторону, и я окончательно смутилась.

— Вы ищете угрозу среди цветов, тогда как на самом деле она притаилась в цветке, — сухо продолжил господин Оруэн. — И, если бы вы удосужились быть внимательной на уроке, это не стало бы для вас открытием. Красный цвет, мадемуазель Дюбар! Красный вы должны были тотчас исключить из декора и сервировки.

Точно! Боги, как я могла забыть! Красной краской в Вармии наносили имена усопших на гробы. Этот цвет у вармийцев считался траурным, а потому его следовало избегать в одежде и оформлении на любых совместных мероприятиях.

— Непростительное невежество для воспитанницы Сен-Г рейс. Более того, оскорбительное! Господин посол был бы уязвлен, решив, что его пригласили не на праздник, а на похороны. Вы только что похоронили наши добрые отношения с Вармией, мадемуазель Дюбар! И, признаться, я всерьез опасаясь за будущее нашего королевства, если, не приведи Всеединый, вы станете устроительницей международных приемов.

Я искренне хотела успокоить профессора, заверив, что в будущем навряд ли когда-либо вообще попаду на подобный прием, не говоря уже о том, чтобы стать его устроительницей. Но вовремя прикусила язык. Любые мои возражения будут сейчас как капли масла в огонь праведного негодования бывшего международного атташе Лидегории.

Втянув голову в плечи, я пристыженно помалкивала, ожидая, пока гроза минует. Что уж тут, сама виновата! Но всё равно было очень обидно за столь нелестную характеристику, ведь обычно я хорошо отвечала этот предмет.

Тем временем, профессор Оруэн распалился не на шутку.

— Это всех касается, леди! — повысил он голос на начавших было шушукаться воспитанниц. — Большинство из вас станут женами государственных деятелей. Вы будете хозяйками самых статусных домов Лидегории. В таких союзах женщине негоже быть слабым звеном! Жена должна

быть для супруга преданным другом и верным соратником, а не божьим наказанием. Не думайте, что раз вы леди, вам простительно ошибаться. Некоторые ошибки обходятся невероятно дорого! — В полной тишине учитель закончил свою гневную тираду.

Поджав побледневшие губы, господин Оруэн вновь обратился на меня потухший

взор:

— Вы меня разочаровали, мадемуазель Дюбар.

— Я искренне сожалею, профессор...

— Сожаления в вашем возрасте слишком быстро рассеиваются бесследно. А вот доклад о традициях Суверенных земель Вармии, возможно, отложится в памяти. Будьте любезны подготовить за время каникул. На этом урок окончен.

В сопровождении утешавших меня девочек, я спустилась в столовую, где нас ждал обед, и пообещала себе выкинуть из головы Ангэлера, хотя бы до завтрашнего дня. И так из-за него уже дважды попала в неприятности! Теперь еще и доклад писать на каникулах...

Настал последний день в школе, и я в очередной раз заглянула к мистеру Филдсу, нашему дворецкому, справиться, не пришло ли на мое имя письмо. Я ждала ответ опекунов, но они традиционно хранили молчание. Такое равнодушие ранило и удручало. Всё же не чужие люди, а протянуть руку помощи в затруднительной ситуации не пожелали...

Заметив мое угнетенное состояние и визнавав, что тетушка так и не ответила на мое письмо, Виктория, возмущенная таким положением дел, предложила погостить у нее. Пришлось долго отбиваться от настойчивого желания меня приютить. Во-первых, не хотелось навязывать свое общество, когда у ее семьи уже были планы, ну а во-вторых, перспектива посетить дом Ангэлера с приближением каникул казалась всё заманчивее. Девичье любопытство, воистину, не имеет границ...

В конце концов, дабы не обижать Виту отказом, мне пришлось во всем сознаться, рассказав девочкам о неожиданном предложении директора.

Ой, что тут началось! Подруги тут же напридумывали всяких небылиц про тайные чувства ко мне лорда-попечителя и окончательно смугили меня своими домыслами! Но им, как и мне, было невероятно любопытно, так ли отличается жизнь в доме некромонга от будней прочих жителей нашего славного королевства. Девичий совет настоятельно советовал мне предложение принять, всё разузнать и после каникул во всех подробностях доложить.

Когда еще выпадет такой шанс?..

В последний вечер перед отъездом мы, как обычно, болтали в комнате. Первой упаковавшая свои вещи Кати валялась с книжкой на кровати, Вита перебирала наряды, стараясь припомнить, которые из них уже выводила в свет, а потому их следует оставить в школьном шкафу. Я же сидела на подоконнике, тихо радуясь, что передо мной такая дилемма не стоит. Все мои немногочисленные платья еще не выходили в свет.

Немного беспокоило меня другое: не слишком ли скромным был мой гардероб? Пять домашних платьев, парочка парадно-выходных, не считая бального, и милые женскому сердцу аксессуары в виде нескольких шляпок и сумочек — вот и всё, что скрывалось в недрах моего шкафа. До этого некуда было ходить в модных платьях, поскольку в Сен-Грейс мы почти всегда носили форму. Хотя, наверное, зря я волнуюсь — мне ведь и не по балам ездить предстоит. Леди-некромонг уже не в том возрасте, а дома не перед кем наряжаться.

Разве что перед лордом Ангэлером? Почему-то не хотелось перед ним ходить замухрышкой...

О нет! Неужели меня тоже поразила эта всеобщая эпидемия интереса к некромонгу?.. Чур меня, чур!

Я прижалась щекой к прохладному стеклу. Легкий ветерок из приоткрытого окна приятно охлаждал плечи. Перед глазами внезапно что-то мелькнуло, и я, испуганно взвизгнув, соскочила с подоконника. Вита прервала свою милую болтовню и вместе с Кати подбежала ко мне. Прижавшись друг к другу, мы изумленно наблюдали, как в приоткрытое окно в нашу комнату медленно заползала веревка, на конце которой оказался привязанным увесистый сверток. С глухим ударом он свалился с подоконника на пол. Веревка безжизненно опала рядом.

Что за шутки?..

— Ой, девочки! Вдруг это что-то опасное? — пискнула Вита, указывая на сверток. И тут же

воодушевленно добавила: — Давайте потыкаем его пальцем!

— Не надо пальцем! — остановила подругу Катрина и, как фокусник, извлекла откуда-то длинную спицу для вязания.

Обойдя по дуге веревку, словно та была уснувшей змеей, Кати осторожно ткнула неподвижный кулек.

— Может, надо позвать одуванчика Бэтти? Вдруг и вправду опасное?

— Опасно оно разве что для наших фигур, потому как пахнет шоколадом, — заметила я, склонившись над свертком. Первый шок от произошедшего прошел, и теперь на смену пришло любопытство. Хотелось скорее открыть загадочную посылку и узнать, кто придумал такой необычный способ ее доставить.

Безжизненно валявшаяся на полу веревка была самым настоящим магическим сквидом, какие продаются в артефактной лавке. Там, помимо самоползущей веревки, можно было прикупить и другие полезные в быту изобретения королевских магов, если конечно вы могли себе их позволить. Магия никогда не стоила дешево.

— И кто это так расщедрился? — задумчиво произнесла я. И, решившись, развернула плотную коричневую бумагу.

Внутри оказался милый, но слегка помятый букетик ландышей и кулек с шоколадными конфетами в фирменной оберточной бумаге Агильте — самого известного шоколатье Мальбурга. На новый год воспитанницам Сен-Г рейс дарили шоколадные снежинки его производства. Это был единственный раз, когда нам разрешали есть шоколад. В остальное время калорийные сладости были под запретом. Леди должна быть тонкой, звонкой и не толстеющей, потому как перешив формы — та еще морока! Нос ключницы Бэтти, чующий шоколад за версту, был на страже наших фигур.

— Это всё тебе, — я протянула Катрине карточку с ее именем, выпавшую из свертка.

— Уммм... объеденье, — промычала она, бесстрашно отправив в рот конфету. — Угощайтесь, девочки!

— Ты не хочешь узнать, от кого они, прежде чем слопаешь? На обороте наверняка есть имя.

— Не-а, пусто, — вздохнула Кати, повертев в пальцах золотистую карточку.

— А я знаю, кто это прислал! — пропела Вита, скользнув к окошку. — Подойди сюда, Кати, и помаши ручкой Филиппу Барроу.

Мы одновременно подбежали, чтобы увидеть силуэт молодого человека, что топтался у ограды. Парень смущенно улыбнулся и, развернувшись, поспешил прочь. Очевидно, он ожидал увидеть Кати, а тут целая толпа девиц высыпала, как горошины

из стручка.

— Это же почти признание в любви! — проворковала Виктория, подхватив с пола нежный букетик и пристраивая его в вазочку. Комната уже наполнилась сладким ароматом ландышей. — вспомнили, что означают ландыши? Тайная любовь...

— Думаешь, кадеты военной академии изучают язык цветов? — скептически хмыкнула я.

— А почему нет! — не унималась Вита. — Как бы там ни было, а он от тебя без ума, Кати...

— И правда последний ум потерял, — проворчала Катрина. — Придумал же такое!

А мне теперь мучайся, как ему эту веревку вернуть. Дорогой же сквид!

— Значит, о возврате конфет ты не беспокоишься, — хихикнула я, откусив шоколадному зайке голову.

— Это будет плата за доставленное беспокойство, — с довольной улыбкой ответила подруга, уплетавшая уже вторую конфетку.

— Просто признай, что он тебе нравится! — Вита пощелкала пальцами над открытой упаковкой, выбирая самую аппетитную фигурку.

— Ну есть немного, — сдалась Катрина. — Только всё это ни к чему! Папа сказал, что на каникулах мы приглашены в гости к семейству Фирелл. Ну, вы понимаете, что это значит? У них сын на шесть лет старше меня, и он уже статс-секретарь при губернаторе Шлосберга.

— Ууу... — понимающе протянули мы с Викторией.

— А почему он не присылает нам шоколад? — невинно поинтересовалась она.

— Не нам, а Кати, — поправила я. — Видимо, он очень занят своими статс- секретарскими делами. В неугомонном Шлосберге ведь столько всего происходит!

Кати демонстративно надулась, показала нам язык и отняла конфеты.

Приверженность подруги вяло текущей провинциальной жизни родного городка нередко становилась предметом наших шуток. В то время, как все провинциальные барышни мечтали о роскошной жизни в столице, а столичные штучки падали в обморок при мысли о переезде, Кати без сожаления была готова покинуть Мальбург, чтобы свить свое семейное гнездышко недалеко от родительского. К несчастью для кадета Барроу, Катрина была очень целеустремленной девушкой и своего всегда добивалась.

Магическую веревку мы спрятали в обувницу — вряд ли туда кто-то заглянет в наше отсутствие. Оставалось только гадать, что будет происходить в школе, когда все воспитанницы разъедутся по домам, и надеяться, что сквид не найдут. Иначе придется объясняться с мадам Мезар, а это было чревато выговором.

Руководство школы не одобряло наличие у воспитанниц магических предметов. Самые необходимые бытовые артефакты имелись в школе, а все прочие, считалось, могли спровоцировать реакцию на них охранных систем. Учитывая это, было немного странно, что веревка кадета совершенно беспрепятственно к нам проникла. В то же время это дарило надежду, что она и дальше будет вести себя тихо и не навлечет на нас неприятности. Прилежным воспитанницам не пристало хранить у себя посторонние магические штуковины.

Женщинам в нашем королевстве вообще позволялось пользоваться исключительно бытовой магией, да и то с превеликой осторожностью.

У мужчин с магическим потенциалом был выбор: либо долго и упорно учиться управлять своим даром для получения лицензии мага, либо надеть браслет- блокиратор, став ходячим источником магической энергии. Инкрустированные в браслет кристаллы-накопители гасили магические всплески и накапливали в себе энергию. Оставалось только не забывать своевременно их менять, возвращая лицензированным артефакторам отработанные кристаллы, которые потом использовались в различных приспособлениях. Такие браслеты мы порой видели на гостях Сен-Грейс. У высшей знати они были очень красивыми: выполненные в виде золотых наручных часов или инкрустированные драгоценными камнями, — их легко было перепутать с обычными украшениями. Оно и понятно, свои отношения с магией никто не жаждал афишировать. У горожан победнее и браслеты были попроще, и заморочек на этот счет поменьше.

Женщинам всегда предлагалось блокировать магию. Причем, как правило, не с помощью браслетов, а путем концентрации и расслабления. Нам об этом рассказывала Катрина, которая единственная из нас троих посещала уроки магии, так как при поступлении у нее обнаружился повышенный магический потенциал. Я даже немного завидовала ей поначалу, но ровно до тех пор, пока она не рассказала, что весь урок они плетут кружева, вышивают или вяжут спицами, учась таким образом успокаиваться и концентрироваться. По словам преподавателей, унылая и монотонная работа помогала гасить эмоциональные всплески, которые у магически одаренных женщин могли приводить к опасным последствиям.

Надо ли говорить, что все свободные поверхности в нашей комнате были покрыты кружевными салфетками? А на новый год мы с Викторией получили в подарок теплые шарфики...

Погасив свет, мы с девочками проболтали до поздней ночи, пообещав хотя бы раз за время каникул написать друг другу письма. Лежа в кровати и пялясь на отблески фонарей на потолке, я пыталась представить, каким будет для меня вечер следующего дня. В незнакомом доме с незнакомыми людьми...

Какая я всё-таки трусиха!

Вместо того, чтобы пугать и накручивать себя, лучше поскорее заснуть, чтобы не предстать завтра пред светлы очи бабушки-некромонга зевающей и с темным кругами под глазами.

Засыпая, я представляла нашу встречу с пожилой леди, но ее черты оплывали и менялись, превращаясь в породистое лицо лорда Ангэлера, опасно щурившего на меня свои синие глаза.

Глава 5. Дом Ангэлеров

Утром мы тепло попрощались с девочками, и я спустилась вниз, ожидая последних распоряжений от директора Хоуля и мадам Мезар. Последняя не преминула напутствовать меня вселяющим оптимизм: «Надеюсь, вы не опозорите школу, мадемуазель Дюбар». Моя уверенность в правильности принятого решения в который раз за это утро пошатнулась. Но отступить было уже поздно...

Лорд Ангэлера оказался настолько любезен, что прислал за мной экипаж. К счастью, без гербов, а самый обычный городской кэб, легко затерявшийся в веренице карет, что развозили воспитанниц по домам. Меньше всего мне хотелось, чтобы вся школа судачила о том, где и в каком качестве я проведу каникулы. И без того было страшно неловко.

Страшно. И неловко.

Бросив прощальный взгляд на изящный фронтон особняка Сен-Грейс, я поймала удивленный взгляд ключницы Бэтти, что застыла среди белоснежных каменных колонн. Кажется, все обитатели школьного пансиона настолько привыкли к моему неотлучному в нем пребыванию, что сейчас искренне недоумевали, куда это я собралась. Мне и самой с трудом верилось...

Экипаж с рывком тронулся и покатил по умыггым весенним дождем улочкам и бульварам Мальбурга. И глядя на город через небольшое оконце, я отчетливее чем когда-либо осознала всю неприглядность собственного положения. Формально у меня есть дом, но вернуться в него я не могу. Мне назначены опекуны, но ни помощи, ни поддержки от них не дождешься. Я совсем одна и рассчитывать могу только на себя. Уж не из жалости ли лорд-попечитель решил приютить меня?..

Я смахнула непрошенную слезу. Не нужна мне жалость Ангэлера! Мне вообще ничего от него не надо, кроме рекомендаций. Вот получу их, и начнется у меня новая жизнь! Тем более через месяц я вступлю в возраст принятия решений и стану полностью самостоятельной. Даже если опекуны и решат поучаствовать в моей жизни, они мне будут не указ.

От последней мысли я буквально воспряла духом.

«Нет поводов раскисать, Эла! — пожурила саму себя. — Покажи себя с лучшей стороны за эти две недели. Очаруй пожилую леди, и мадам Мезар еще будет рыдать от умиления, подписывая твой выпускной аттестат!»

Обособняк Ангэлеров располагался в престижном квартале Прегель, и от него было рукой подать до бульвара Клермон. Там, за небольшим сквером, стоял полуразрушенный дом, где прошло мое детство. В голову пришла шальная мысль навестить фамильный особняк, если у меня выдастся свободное время.

Высокие парадные двери дома Ангэлеров гостеприимно распахнулись, едва я протянула руку к медному кольцу. На пороге в приветственном поклоне застыл румяный мужчина средних лет, больше похожий на конферансье, чем на дворецкого. Эта мысль меня развеселила, и я вопреки приличиям широко улыбнулась.

— Добро пожаловать, мадемуазель! С вашим появлением на Лустгартен засияло солнышко.

Имел ли он в виду мою неуместную лучезарную улыбку или выглянувшее из-за туч весеннее солнце, я сообразить не успела. Мои чемодан и накидка тут же перекочевали к дворецкому, а меня провели через светлый холл в уютную гостиную в кремовых тонах.

Высокие окна, золотистые портьеры, обитая бархатом мебель. Она чем-то напоминала музыкальный салон в Сен-Грейс. Никакой атрибутики смерти и могильного холода. Я усмехнулась, вспомнив, какие дикие предположения о быте некромонгов мы выдвигали с девочками накануне.

А в следующее мгновение мое сердце пропустило удар и забилось с удвоенной скоростью. Со стороны лестницы послышался голос лорда Ангэлера, и последовавшие за этим приближающиеся шаги.

— Добрый день, мадемуазель Элеонора, — поприветствовал меня лорд-попечитель с вежливой улыбкой. Только она не коснулась его глаз — синий взгляд оставался цепким, изучающим. — Вы позволите так вас называть?

— Доброго дня, милорд! — Я попыталась изобразить самый грациозный в истории Лидегории книксен, скрывая охватившее меня волнение. — Как вам будет угодно.

Мы оба замолчали. Старинные часы на стене шумно тикали, отсчитывая последние минуты до... До чего?

— Что ж... Пойдемте, я представлю вас леди Цицерии. — Меня галантно пропустили вперед и направили к широкой парадной лестнице.

По ней мы неспешно поднялись на второй этаж и, прошествовав по освещенному хрустальными светильниками коридору, остановились у резной двери. Обозначив кратким стуком наше присутствие, лорд Ангэлэр отворил дверь.

Покои пожилой леди, выполненные в темных винных тонах, мирно дремали в полуденный час. Как и она сама, сидя на диване, укутанная пушистой шалью и ароматом домашней герани.

— Кхм... — кашлянул некромонг и, словно забывшись, взял меня за руку, подводя ближе. — Леди Цицерия, просыпаемся! К вам гости.

При звуке его голоса старушка открыла глаза и обвела нас потерянным взглядом. В дальнем углу комнаты звякнул поднос с посудой, и из кресла поспешно поднялась миниатюрная девушка в платье горничной. Рассмотреть ее я не успела, так как всё мое внимание вновь приковала к себе леди Цицерия.

— Ари, мальчик мой, какая радость! — заговорила она сиплым после дневного сна голосом. — Какое счастье... Я уж начала бояться, что не доживу до него...

В уголках выцветших глаз заблестели слезы, которые старушка торопливо промокнула старомодным платком с цветочной вышивкой. А потом искренне, светло улыбнулась мне, словно родной внучке. Я была тронута до глубины души таким радужным приемом. Конечно, я надеялась на гостеприимность, но о такой неподдельной радости от моего появления и мечтать не могла. Неужели, пожилой леди так грустно и одиноко в этом роскошном доме?..

— От всей души поздравляю вас, — торжественно произнесла леди-некромонг, с умилением глядя на наши с лордом соединенные руки. — Что же ты молчишь, мальчик? Скорее представь мне свою...

— Кхм, — перебил ее лорд-попечитель, усаживая меня в кресло напротив и, наконец, выпуская мою ладонь из захвата. — Поздравления слегка преждевременны...

И тут до меня дошло... по какому поводу случилось такое оживление! Старушка приняла меня за избранницу лорда Арланда.

Боги! Как неловко-то!

Мне стоило сразу представиться, а не стоять немым истуканом. Теперь первое впечатление обо мне будет испорчено этим досадным недоразумением...

Остро захотелось провалиться на месте или превратиться в кустик алой герани, что стоял рядом на столике. Я как раз сравнялась с ним по цвету.

— Но я рад представить вам мадемуазель Эв... Элеонору, воспитанницу нашей славной школы Сен-Грейс. Уверен, ее присутствие скрасит наши будни и составит вам прекрасную компанию, — продолжил между тем лорд Ангэлэр. — Мадемуазель Элеонора, как вы уже поняли — леди Цицерия Ангэлэр, моя прабабушка.

— Рада знакомству, душечка, — сказала старушка, мгновенно переключившись на светский тон, но в ее голосе не слышалось и половины той радости, что наполняла его прежде.

— Это честь для меня, миледи. — Я смущенно улыбнулась, стараясь не встречаться взглядом с некромонгом и его прабабушкой.

В этот момент в гостиной вновь звякнула посуда.

— Криста, — лорд Ангэлэр повернул голову в сторону горничной, собиравшей на поднос остатки завтрака с небольшого столика у окна. — Когда закончишь здесь с уборкой, приготовь гостевые покои на этом этаже.

Всё еще пунцовая, я была рада отвлечься на служанку. Радость эта, впрочем, продлилась недолго.

Какая-то небрежность сквозила в движениях горничной, хотя сама она была очень аккуратно одета и причесана и выглядела довольно хорошенькой. Темные дуги бровей, блестящие черные глаза, высокие скулы, чуть смуглая кожа... Похоже, у нее в роду был кто-то из Оберона.

— Слушаюсь, милорд, — елеинным голосом ответила девушка и, стоило некромонгу отвернуться, метнула на меня насмешливый взгляд.

Этот тайный язык многозначительных взглядов был мне хорошо знаком. Г оды в женском коллективе не прошли даром. И распознать послание не составило труда. Во взгляде черноокой

красотки звучало неприкрытое злорадство: «Такую, как ты, только спросонья можно принять за избранницу Арланда Ангэлера. Ты ему не ровня.

И даже не смотри в его сторону».

— И, будь добра, попроси Ларса подать сюда чай, — добавил лорд-попечитель, взглянув на часы.

— Сию минуту, милорд. — Скромно опустив глазки, горничная подхватила поднос и скрылась за дверью, оставив ее приоткрытой.

Через десять минут был подан чай с теплыми вафлями и маленькими кремовыми пирожными. Я по привычке внимательно следила за процессом сервировки, подмечая детали. Изящный чайный сервиз из костяного фарфора, расписанные вручную вазочки для варенья, изогнутые серебряные ложечки, белоснежные салфетки. В этом доме знают толк в элегантности и роскоши. Впрочем, этого и следовало ожидать от потомков Лорентайн Ангэлера.

Жизнерадостный Ларе, накрывая стол, с интересом поглядывал то на меня, то на лорда-попечителя. А вот леди Цицерию, кажется, больше интересовали вафли, чем персона новой компаньонки.

— Погода этой весной необычайно переменчивая, — несмело начала я, решив, что пора приступить к выполнению своих прямых обязанностей, а именно: развлекать пожилую леди светскими беседами. — Утром шел дождь, а сейчас уже всю светит солнышко.

Я кивнула на закрывавшие окно бордовые портьеры, щедро подсвеченные с улицы солнечными лучами.

— Отрадно, что не наоборот. Мне вскоре предстоит отправиться в город, — откликнулся лорд Ангэлера, заботливо придвинув всем чашки с чаем.

Его прабабушка, тем временем, довольно ловко — несмотря на заметный тремор рук — замазывала вафлю клубничным джемом, не выражая ни малейшего желания присоединиться к беседе.

— У вас красивый район, — предприняла я новое усилие для поддержания разговора. — По дороге я заметила несколько живописных каштановых аллей.

Деревья вот-вот зацветут. Когда это случится, там будет очаровательно!

— Надо же... никогда не обращал внимания.

— О, это совсем недалеко отсюда! Когда пойдете гулять, нужно свернуть направо в конце улицы...

Я осеклась, заметив снисходительную улыбку на мужском лице. Лорд-попечитель сидел в кресле с чашкой в руках и преувеличенно внимательно слушал мою болтовню.

«Боги, Эла, ты болтаешь глупости! «Когда пойдете гулять...» Можно подумать, лорду Ангэлера делать больше нечего, как бесцельно гулять по городу, любясь цветущими каштанами... Ты не с соседками по дортюару беседуешь... Скажи что-нибудь умное!»

Ничего умного, как назло, в голову не приходило, поэтому я уткнулась в чашку с чаем, изображая приступ жажды.

— Значит, вы любительница прогулок... — Некромонг пригубил напиток и посмотрел на меня поверх тонкого фарфорового края.

— Можно и так сказать... Наставницы в школе говорят, что следует проводить как можно больше времени на свежем воздухе.

— И где вы любите гулять?

— В школьном саду. Там круглый год очень красиво! Весной цветут желтые нарциссы, розовые и фиолетовые гиацинты. Этот год они так обильно цвели, словно лиловое облако опустилось на клумбы...

— А как же Королевский парк? — Лорд Ангэлера расслабленно откинулся на спинку кресла. — Я слышал, это излюбленное место для прогулок и тайных свиданий воспитанниц Сен-Грейс и кадетов военной академии...

Синие глаза насмешливо прищурились, посылая мне долгий и словно вопросительный взгляд. Румянец на щеках вновь вспыхнул.

— Раньше были белые, — внезапно произнесла леди Цицерия.

— Что, простите? — растерялась я.

— Гиацинты. Раньше в школе высаживали белые гиацинты. И когда они цвели, казалось, вновь выпал снег.

Пожилая леди посмотрела на меня невидящим взглядом и рассеянно улыбнулась своим мыслям.

— О, вы тоже там учились... — Едва не добавила «при леди Лорентайн».

Конечно, где еще могла учиться девушка-некромонг, как не в Сен-Грейс? К

тому же, во времена молодости леди Цицерии вряд ли существовал богатый выбор.

— Рискну предположить, что в Королевском парке с цветами дела обстоят ничуть не хуже, — вернул разговор в прежнее русло лорд-попечитель. — Недаром он прослыл самым романтичным местом Мальбурга.

Дался ему этот Королевский парк! Вот что я должна ответить?..

— Мадам Мезар водила нас в парк в пору золотой осени. Такое буйство красок! А зимой там была традиционная ярмарка и ледяные горки... Но сад Сен-Грейс всё же роднее. И для его посещения не требуется разрешения покидать территорию школы.

— Так по весне вы там еще не были?

Я отрицательно покачала головой, гадая, к чему такой допрос.

— Я тоже, — сокрушенно вздохнул лорд. — Думаю, это следует исправить.

Он это серьезно?

— Леди Цицерия, как вы смотрите на прогулку по Королевскому парку? — обратился некромонг к притихшей старушке.

Смотрела леди Цицерия куда-то внутрь себя, без зазрения совести игнорируя и меня, и правнука. Наверняка вспоминала веселые деньки в школе Сен-Грейс, которые были очень-очень давно...

— Что ж, оставим леди отдыхать. — Ничуть не смущенный отсутствием ответа, некромонг поднялся и непринужденно кивнул в сторону двери. — Прошу, мадемуазель Элеонора. Поручим Ларсу позаботиться о вас. К моему превеликому сожалению, я вынужден отлучиться.

Польщенная таким вниманием, я поблагодарила леди Цицерию за угощение и посеменила на выход.

— Ари! — Тихий голос остановил нас в дверях. — Почему Ароне не навещает меня? Мальчик совсем позабыл про старую бабуку...

Лорд Ангэлера заметно помрачнел:

— Он в отъезде.

— Пусть зайдет ко мне, когда приедет. Передай ему. — Старая леди завозилась на диване, кутаясь в шаль, как в гигантскую паутину.

— Разумеется, — сухо ответил лорд, и мы покинули пропахшие геранью покои.

Манера разговора старой леди немало озадачивала. Путешествуя по лабиринтам

памяти, ее мысль совершала подчас весьма неожиданные повороты. Лорд Ангэлера никак на это не реагировал — судя по всему, такое поведение старушки было нормой. Что ж, значит, и мне следует привыкать.

— Ароне ваш старший брат? — спросила у шагнувшего рядом мужчины, припомнив болтовню Виктории про семью попечителей школы.

— Да. У нас почти пятнадцать лет разницы.

Ого! Это много... В человеческих семьях редко бывает такая разница в возрасте детей. А в семьях некромонгов, интересно, такое часто встречается?..

Я попыталась представить, каково это — иметь брата или сестру, настолько старше тебя. В моем случае, ему или ей было бы почти тридцать пять. Наверное, неплохо, когда есть кто-то взрослый и родной, к кому можно обратиться за советом и помощью...

— Ваш брат живет здесь же?

Лорд-попечитель взглянул на меня искоса.

— Нет.

По тону некромонга и отсутствию пояснений стало понятно, что разговор о брате ему отчего-то неприятен, и я тактично прекратила расспросы. Кто знает — быть может, они не слишком ладят?..

Мы молча спустились на первый этаж, где нас уже поджидал дворецкий.

— Ларе, помогите нашей гостье с комфортом устроиться. Покажите ее комнату и остальной дом, чтобы мадемуазель не заскучала в мое отсутствие, — распорядился лорд.

— Это вовсе необязательно, — смутилась я. — Мне бы не хотелось никого беспокоить...

В таком большом доме у прислуги, наверняка, много работы, а тут придется нанять великовозрастную девицу.

— Никакого беспокойства, мадемуазель, лишь обычное гостеприимство. — Он коротко взглянул на часы и накинул пальто.

Настроение лорда Ангэлера как-то неуловимо изменилось. От былой расслабленности и доброжелательности не осталось и следа. Передо мной стоял сосредоточенный и мрачный каратель Ее Величества, и мне оставалось лишь надеяться, что не я стала причиной столь разительной перемены.

— Будьте осторожны с оранжереей. Самое гиблое место в доме — леди имеют тенденцию пропадать там бесследно, — бросил на прощанье и стремительно покинул холл, пока я удивленно хлопала глазами.

— Доброго вам дня, милорд, — пожелала закрывшейся двери и в смятенных чувствах повернулась к дворецкому.

Румяный Ларе благосклонно улыбался, получая явное удовольствие от происходящего. Или от моего смущения?

— Лорд Арланд пошутил, мадемуазель. В оранжерее очень красиво и совершенно безопасно, — мягко пояснил он, жестом предлагая следовать за ним. — Леди Ангэлера там и вправду пропадают часами. Если ее нигде нет в доме, то следует искать именно там.

— А где сейчас леди Ангэлера? — пользуюсь случаем, спросила я.

— Хозяйева отдыхают на побережье.

— О...

Странное время для отдыха на морском курорте... Девочки рассказывали, что весной на побережье ветрено, промозгло и скучно. Другое дело летом! Но, возможно, некромонги предпочитают уединение шумной отдыхающей толпе...

Дом Ангэлеров оказался ожидаемо роскошным. Богатое убранство особняка, оформленное со вкусом и без лишней помпезности, не кричало, а доверительно сообщало, что здесь проживают люди, знающие цену красивым вещам и редким произведениям искусства.

Ой, не люди — некромонги.

Правда, ничего, хоть отдаленно намекающего на проживание здесь потомков ангелов Смерти, мне на глаза так и не попало. Вспомнилась враждебная настороженность, унаследованная мною от отца. Сейчас я искренне недоумевала, в чем могли быть ее причины...

В упомянутую оранжерею мы заглянули лишь на минутку. Аромат южных растений окутал меня невесомой вуалью, будоража сознание видениями неведомых стран. Далекая линия берега с призрачными очертаниями гор, пенные барашки волн... Я как наяву ощутила брызги прибоя на лице... Оказалось, это включилась система полива оранжереи, и дворецкий поспешил меня увести, пока я не намочила платье.

— Обед накрывают ровно в два часа в малой столовой, — сообщил Ларе, подводя к дверям выделенной мне комнаты. — После обеда, будьте добры, загляните к леди Цицерии.

— Конечно, буду только рада.

— В это время Криста обычно читает ей что-нибудь. А вот и она!

В проеме отворенной двери я увидела смуглую горничную, с любопытством склонившуюся над моим чемоданом.

Мне с трудом удалось подавить первый порыв ворваться в комнату и выхватить у служанки свои вещи. Такое поведение было бы недостойно леди. А еще показало бы мою уязвимость, а таким как Криста демонстрировать слабость ни в коем случае нельзя. Она далеко не первая нахальная девица, с которой мне довелось столкнуться еще со времен Тотенбур-Холла, и я найду, как ей ответить.

Я молча прошла в любезно распахнутую дворецким дверь и, сохраняя каменное выражение лица, остановилась у дивана, на котором и происходил досмотр содержимого моего чемодана.

— Я помогаю мадемуазель распаковать вещи, — выпалила девица в ответ на вопросительно приподнятую бровь Ларса. Его тонкое чутье профессионального дворецкого мгновенно уловило мое недовольство от увиденного.

— Благодарю, не стоило утруждаться, — сухо произнесла я. — У вас наверняка много другой работы по дому.

Криста медленно опустила крышку чемодана, бросив на меня мимолетный, но полный откровенной враждебности взгляд.

А ты как хотела, голубушка?... Пусть я тебе и не хозяйка, но такую беспардонность спускать не намерена.

— Да, Криста, зайди на кухню, — деловито велел Ларе. — У Марты было для тебя поручение перед обедом.

Девушка недовольно поджала губки и, сделав посредственный книксен, прошмыгнула в дверь.

Вот так-то!

— Что ж, располагайтесь, дорогая мадемуазель! — С преувеличенной радостью дворецкий всплеснул руками, сложив ладони на уровне груди. — Надеюсь, эта скромная, но уютная комната вам понравится.

Напомнив про время обеда, Ларе тактично удалился, а я занялась исследованием этой самой комнаты, которая на поверку оказалась совсем не скромной. Покои, где меня поселили, на самом деле состояли из двух комнат: небольшой гостиной, с диваном и удобным уголком для чтения, и спальни с примыкающей уборной. Сообщающиеся между собой помещения были оформлены в прелестной жемчужно-розовой палитре. На украшавших стены акварельных картинах цвели вишневы сады, а в изящных фарфоровых вазах благоухали белоснежные гардении.

Живые цветы не по сезону! Такое могут позволить себе лишь избранные...

Остаток дня прошел на удивление спокойно. Я разобрала свои немногочисленные вещи и переоделась к обеду в клетчатое домашнее платье. Обедала я в гордом одиночестве. Лорд Ангелер еще не вернулся из города, а леди Цицерия велела подать кушанья наверх, в ее покои. Прислуживавший за обедом и развлекавший меня беседой Ларе доверительно сообщил, что это уже стало традицией. Пожилая леди редко гуляла дальше второго этажа особняка и не любила спускаться вниз. От него же я узнала подробный распорядок дня старушки, немалую часть которого занимал дневной сон и отдых. Признаться, готовясь к новой роли, я думала, что леди-некромонг ведет более активный образ жизни, потому как с нынешним режимом оставалось лишь гадать, для чего ей понадобилась компаньонка...

Это только сильнее утвердило меня в мысли, что лорд Ангелер придумал это занятие с единственной целью — пристроить бездомную меня на время каникул.

Делать выводы по одному дню, конечно, преждевременно, но даже если так, то я приложу все усилия, чтобы он не пожалел о своей доброте.

После обеда, как и обещала, я заглянула к леди Цицерии и почитала ей книгу — скучнейший философский роман — пока старушка благополучно не уснула. А за ужином словоохотливый Ларе, которого на самом деле звали Джонас, передал мне еженедельник «Трибуна», и я с удовольствием полистала его перед сном, выбирая интересные статьи, которые можно будет утром прочитать пожилой леди. Лорда-попечителя тем днем я больше не видела. Очевидно, выполнив долг вежливости и встретив меня лично, он занялся важными делами и обременять меня своим обществом не намеревался. Мне же без его синих глаз было только спокойнее.

Засыпая на непривычно мягкой постели с тонким ароматом яблоневого цвета, я искренне уверовала

в то, что две недели вдали от школы не принесут мне тревог и волнений, которых так опасалась.

Как же я ошибалась...

Глава 6. Опасное сближение

Первую ошибку я осознала уже утром следующего дня.

Лорд Ангэлера, как оказалось, обожал проводить время в обществе прабабушки. А потому не преминул с самого утра составить нам с леди Цицерией компанию. Я как раз читала ей статью «Трибуны» о недавно состоявшемся посольстве в Оберон, которое возглавил Его Высочество кронпринц Фредерик, когда в дверях появился некромонг.

Я позорно запнулась, впервые увидев мужчину не в повседневной или парадной, а в домашней одежде. Светлые мягкие брюки и сорочка цвета топленого молока удивительно ему шли. В темных волосах еще блестели капельки воды, а на гладко выбритых щеках виднелись покраснения от бритвенного станка. Кажется, кто-то только-только закончил свой утренний туалет. Не в меру деятельное воображение тут же нарисовало картинку обнаженного по пояс Ангэлера, склонившегося над раковиной с теплой водой.

Пожелав всем доброго утра, лорд уселся в соседнее кресло, а я поспешно уткнулась в газету, чтобы он, не дай бог, не прочел в моих глазах не приличествующих порядочной девице мыслей. Не прошло и минуты, как в комнате появился сияющий улыбкой Ларе, чтобы подать Ангэлера утренний кофе, а дамам чай с разноцветным мармеладом.

Прослушав в моем исполнении несколько свежих новостей из светской жизни Мальбурга, лорд-попечитель закинул ногу на ногу и, повертев в руках изящную кофейную ложечку, выдал:

— Леди, зачем я собственно зашел так рано, так это чтобы пригласить вас в Королевский парк. Погода сегодня располагает к прогулкам, а я располагаю некоторым количеством свободного времени до обеда. Что скажете?

Вот так новость! Когда лорд накануне предложил погулять в парке, я решила, что это было сказано больше из вежливости, чем с намерением претворить обещание в жизнь. И уж точно не ожидала, что он соберется так скоро. Впрочем, идея прогуляться по цветущему парку в такой удивительной компании захватила меня мгновенно. Но решающее слово здесь было, к сожалению, не за мной...

Мы оба посмотрели на леди Цицерию в ожидании ответа. Старушка безмятежно обрывала подсохшие лепестки у цветков герани, по своему обыкновению, не проявляя живого участия в беседе. Лорд Ангэлер помолчал с минуту, в течение которой я успела попрощаться с заманчивой перспективой прогулки.

— Что ж, тогда решено. — Он отставил остывший кофе и поднялся на ноги. — Жду вас, леди, через час в холле.

У них какая-то семейная телепатия что ли? Или лорд заранее всё решил, и никакого ответа ему и не требовалось?..

Как бы там ни было, я мысленно захлопала в ладоши от радости и поспешила к себе переодеваться. Новое платье из синего бархата с очаровательной шляпкой в цвет давно ждало своего часа.

В холл спустилась за две минуты до назначенного времени — так боялась припоздниться и задержать всех. Ангэлер был уже там, одетый в щегольский шерстяной костюм цвета вечернего неба. А через минуту, сопровождаемая Ларсом, к нам присоединилась и леди Цицерия. В элегантном прогулочном платье изумрудного цвета леди-некромонг выглядела очень величественно, и лишь ее отсутствующий взгляд немного портил картину. У подъезда уже ждал экипаж. И какой! Я закусила губу, чтобы не взвизгнуть от восторга.

Блестя черными раздутыми боками на Лустгартен стоял самый настоящий ренмобиль! Длинный капот с хищным оскалом решетки и серебристый силуэт молнии — чудо инженерно-магической мысли и престижная игрушка самых состоятельных мальбуржцев. Едва ли не самое удивительное изобретение королевских магов за последнее десятилетие. И, пожалуй, самое скандальное! Ведь далеко не всех порадовало появление железных монстров на улицах столицы. Многие аристократические семьи, храня приверженность традициям, продолжали содержать конные экипажи и громогласно обвиняли ренмобили в излишней шумности. Хотя на мой взгляд, колеса экипажей стучали по мостовой на порядок громче, чем урчал мотором железный зверь.

— Прошу, леди! Загружаемся. — Некромонг гостеприимно отворил боковую дверцу и помог прабабушке забраться в роскошное нутро ренмобиля.

Но когда я попыталась последовать за ней, меня перехватили на полпути и указали на переднее сиденье, что располагалось по правую руку от возницы.

— Вы ничего не услышите, если сядете сзади, — пояснил лорд. — А леди Цицерии ваша компания

сейчас без надобности. Она предпочтет поспать в дороге.

Я безропотно заняла предложенное кресло, с интересом рассматривая переднюю панель с маленькими рычажками и стрелочками. В салоне пахло орехом, терпкой кожей и еще чем-то дымчато-древесным. Лорд-попечитель устроился рядом, вставил длинную палочку-кристалл в секретный паз, и ренмобиль плавно покатился по дороге. Немногочисленная публика, прогуливавшаяся неподалеку, не обратила на черного зверя ровно никакого внимания. Должно быть, уже давно привыкли к диковинной игрушке Ангэлеров.

— Не доводилось прежде путешествовать на ренмобиле? — с довольной улыбкой скорее констатировал, чем спросил некромонг, пока я восторженно глазела на город сквозь фронтальное окно. — Не страшно?

Мы покинули сонный респектабельный Прегель и въехали на суетливую торговую улицу Тонон-ле-Бер, убегающую вдаль к самому центру Мальбурга.

— Ничуть! — отважно вскинула подбородок.

— А чего глаза такие большие?

— Чтобы лучше видеть, — ответила я и рассмеялась, вспомнив известную детскую сказку про незадачливого волка.

В детских спектаклях, что разыгрывались в Тотенбур-Холл накануне зимних праздников, мне всегда доставалась роль легковерной девочки, весело бегущей по лесу в расставленную ловушку. Теперь девочка выросла и перестала быть доверчивой малышкой. Да и Арланд Ангэлер не серый волк...

Лорд на миг отвлекся от дороги и широко улыбнулся мне, сверкнув белыми зубами.

Хотя определенное сходство всё же имеется...

— Вы упоминали накануне о каком-то разрешении на прогулки. — Ренмобиль замедлился, пропуская отъезжающий от тротуара кэб. Сзади послышался тихий храп леди Цицерии. — Не слышал, чтобы в школе как-то ограничивали воспитанниц.

— Я бы не назвала это ограничением. — Таковым оно стало исключительно для меня. — Обычное разрешение покидать школу в не учебное время, которое все родители подписывают каждый год. Ну, чтобы воспитанницы могли выйти на прогулку или в конфекцион. Просто мои опекуны... забыли подписать его.

— В этом году?

— В каждом году.

— Вы шутите?! — Лорд-попечитель с неверием уставился на меня, перестав следить за дорогой.

— Совсе нет, — грустно улыбнулась я. — Поэтому я искренне благодарна вам за эту прогулку. И... очень хотела бы доехать до парка, — добавила нервно, многозначительно посмотрев вперед.

Мужчина нарек понял и вернул свое внимание дороге. И очень своевременно: мы едва разминулись с нагруженной коробками тележкой носильщика, выкатившейся из торговых рядов.

— Что ж... — нахмурился некромонг. — В таком случае имеет смысл немного разнообразить маршрут. Прокатимся по нашей славной столице!

Два противоположных порыва с минуту боролись во мне: вежливо отказаться от столь щедрого, но продиктованного жалостью предложения, или, скромно опустив глазки, поблагодарить и позволить лорду покатасть меня по Мальбургу.

О, такую поездку я буду долго помнить!

— Если только это не нарушит ваших планов, — улыбнулась я с благодарностью, сдаваясь на милость победившему желанию увидеть город во всей красе.

Некромонг удовлетворенно кивнул и свернул с Тонон-ле-Бер на соседнюю улицу почти у самой Центральной площади Мальбурга. Впереди мелькнула ограда Королевского парка, кованная, с золочеными копиями, за которой зеленой дымкой благоухали цветущие деревья. А по левую руку мимо окон проплыл розовато-серый фасад конфекциона Эжени, занимавшего целый квартал. Самый известный в Лидегории магазин готового платья, место, где сбывались женские мечты, а мужские банковские счета сокращались на весьма крупные суммы.

Воспитанницы Сен-Грейс нередко посещали конфекцион, прогуливаясь до площади через парк,

когда выдавался погожий денек. И всегда возвращались с прелестными обновками. Как же мне хотелось хоть раз сходить в Эжени вместе с девочками, а не заказывать одежду по скучнейшим каталогам школьных модисток! Виктория искренне старалась уменьшить мои страдания и регулярно покупала в подарок что-то миленькое. Зимой она подарила мне пушистую белую муфточку, в которой так уютно было греть в морозы озябшие пальцы. Я же собственноручно смастерила для ее шляпки новый набор бархатных цветов, который она даже носила, хотя уверена, в Эжени можно было купить что-то в разы красивее.

Единственный раз, когда мне довелось побывать внутри этого женского рая, случился еще в далеком детстве. Тогда мы заезжали сюда с мамой и няней, и в памяти навсегда отпечатались бесконечные ряды манекенов, наряженных в шелка и бархат, стойки с развешанным на них тончайшим бельем, разноцветные шляпные коробки, перевязанные яркими лентами и прогуливающиеся среди всего этого великолепия изысканно одетые дамы с мечтательными улыбками на холеных лицах.

Интересно, многое ли поменялось в конфекционе с тех пор?

Вскоре я это узнаю. Ждать осталось недолго! Пусть Эжени будет не первым местом, которое я посетю после окончания Сен-Г рейс и обретения самостоятельности, но и определенно не последним.

— Мы въехали в район Семи ручьев, один из самых древних в Мальбурге, — пояснил лорд Ангэлэр, едва разномастные фасады торговой части города сменились аллеями кряжистых дубов, обрамлявших классические домики из старого коричневого кирпича. — Если дворец и Центральная площадь, это сердце города, то сейчас мы попали в его мозг.

Я улыбнулась забавной ассоциации. В самом деле, академический район Семи ручьев славился старинными гимназиями — исключительно для мальчиков! — магическими мастерскими и более современными исследовательскими центрами. Ну и семью ручьями, закованными в серый гранит, через которые были перекинuty живописные мостики. Как-то Катрина сказала, что если бы и согласилась жить в Мальбурге, то только в районе Семи ручьев.

Потом лорд-попечитель направил ренмобиль к Центральной набережной, где полноводная река Марна степенно несла свои темные воды. Я не удержалась и попыталась отыскать глазами дом советника Сюффрена, где жили мои опекуны. Но дорогие особняки были едва различимы в глубине садов, и отыскать нужный у меня не получилось.

К Центральной площади мы вернулись с другой стороны города, когда солнце поднялось в зенит, а воздух стал по-летнему теплым. Пришлось даже расстегнуть бархатную накидку. Ну а когда лорд Ангэлэр предложил отведать мороженого в уличном кафе на территории Королевского парка, никому и в голову не пришло отказаться. Правда, леди Цицерия опять витала где-то в облаках, но, по крайней мере, была на свежем воздухе.

Мы присели за свободный столик в тени пышного куста сирени, которая уже выпустила стрелы соцветий. Как же здесь будет хорошо через неделю-другую, когда сирень зацветет!

Наш галантный кавалер отошел к буфету, дабы поскорее разместить заказ, а я засуетилась вокруг пожилой леди, устраивая ее в кресле поудобнее.

— Вам так удобно, миледи? — спросила у своей притихшей подопечной.

Старушка посмотрела на меня выцветшими глазами будто видела впервые. Потом

что-то осмысленное и живое промелькнуло в них, и они внезапно наполнились такой злобой, что я невольно отшатнулась.

— Опять ты, — прошипела леди Цицерия, почти не двигая ссохшимися губами. Ее пальцы мелко задрожали.

От неожиданности и страха я совсем растерялась. Чем я могла ее разозлить? Я всегда была предельно вежлива, накануне и утром мы совершенно мирно общались. Хотя, конечно, у меня и имелись подозрения, что пожилая леди не очень различает кто ей читает — я или Криста...

— Лорд Ангэлэр, — позвала я тихонько, стараясь привлечь внимание мужчины, заказывающего мороженое. — Милорд!

Нерешительно поднялась, не зная, что делать. Стоит ли ненадолго оставить леди и подойти к нему?

— Оставь его в покое! — Костлявая рука неожиданно сильно сжала мое запястье.

— Хочешь разрушить и его жизнь?..

Мы замерли, как нелепая статуя.

Гул беспечной болтовни других посетителей уличного кафе долетал из-за куста сирени, но чужая злоба словно стеной отгородила меня от остального мира, заключив в ледяные оковы. Даже солнце перестало казаться таким теплым и сияющим...

— Ваше любимое миндальное мороженое, бабушка. — Появившийся за спиной лорд Ангэлэр поставил на столик две креманки с мороженым.

А потом с самым невозмутимым видом разжал старушечьи пальцы, что безжалостно впивались в мое запястье, и вложил в них маленькую ложечку для мороженого.

— Лорд Ангэлэр, ваша прабабушка... я ничего не сделала... она сказала... — задыхаясь, как после долгого бега, попыталась объяснить я, но выходило какое-то невнятное бормотанье.

Шок от произошедшего с опозданием настиг меня, сделав язык заплетаящимся, а колени ватными.

— Я слышал, что она сказала, — процедил лорд-попечитель, подхватив меня под локоток и усадив в свободное кресло. Я даже не успела возмутиться подобной бесцеремонности. Не до того было! — Не обращайтесь внимания, Элеонора. К вам это не имеет никакого отношения.

Я с недоверием уставилась на некромонга, и он ответил мне тяжелым пристальным взглядом исподлобья.

— Ваш заказ, милорд! — Юноша в форме официанта услужливо поставил перед Ангэлэром третью креманку, и, сгрузив следом с подноса бокалы и кувшин с клубничным лимонадом, откланялся.

— Кушайте мороженое, леди. А то растает. — Некромонг с показным рвением принялся за свою порцию.

Леди Цицерия как ни в чем не бывало последовала его примеру. И мне ничего не оставалось, как вежливо угоститься предложенным десертом. За столиком воцарилась тишина, нарушаемая лишь позвякиванием ложечки пожилой леди о край креманки и щебетанием птиц в высоких кронах деревьев. Но в этой тишине не было привычного умиротворения, покоя. Какая-то недосказанность невесомой дымкой повисла над столом, добавляя горчинку в сладкое угощение и тревожные ноты в птичьи трели.

— Вам не нравится мороженое, мадемуазель Элеонора? — любезно поинтересовался Ангэлэр, заметив мое вялое ковыряние в стеклянной вазочке. — Я не угадал со вкусом?

— Нет, что вы, милорд! Десерт восхитительно вкусный.

Даже не обманула — мороженое на самом деле было великолепным. Свежим, ароматным, с изумительным сливочным послевкусием. Да и ошибиться с выбором лорд не мог — ведь он, кажется, собрал все ассорти вкусов, что подавались в кафе!

Поймав мой очередной настороженный взгляд в сторону леди Цицерии, Ангэлэр сдался:

— Послушайте, дорогая, вам совершенно не стоит беспокоиться о произошедшем. Как я уже сказал, вы здесь совершенно ни при чем. Прабабушка заблудилась в лабиринтах памяти и не всегда понимает, где находится и с кем разговаривает... Не берите в голову! Когда вам сто двадцать лет, такое случается...

— О! — только и смогла выдохнуть я.

Сто двадцать лет — кто бы мог подумать! Обычному человеку, как я, до таких седин не дожить. Впрочем, учитывая странности леди-некромонга, может, оно и к лучшему...

Увещающие интонации в голосе Ангэлэра, открытый взгляд и это «дорогая» сделали свое дело. Я решила последовать совету и выкинуть из головы этот нелепый инцидент. Не позволю ему испортить мне прогулку! Тем более, что леди Цицерия уже выглядела вполне довольной жизнью и улыбалась добродушно поочередно то мне, то правнуку.

Солнечные лучи вновь весело заиграли в нежно-зеленой листве, птицы запели громче, а клубничный лимонад показался самым вкусным напитком на свете.

В особняк мы вернулись в прекрасном расположении духа. Время обеда давно миновало, но после обильного сладкого угощения в парке никто, похоже, не испытывал чувства голода. Лорд Ангэлэр, коротко попрощавшись, отправился по делам, а я поднялась к себе переодеться. Заглянувший позже Ларе сообщил, что на вечер у леди Цицерии запланирована встреча с портнихой, а потому я могла распорядиться освободившимся временем на свое усмотрение.

Немного погуляв по дому, я вспомнила про обещание написать девочкам письма и поспешила его исполнить. Тем более, рассказать было о чем! В подробностях расписала утреннюю прогулку и мой нехитрый быт в доме лорда-попечителя, просидев за письмами до самого ужина.

Как и накануне ужина я в одиночестве, наблюдая, как за окнами гаснет день, и Мальбург окутывают весенние сумерки. Яркая лазурь неба уступила место густой вечерней синеве, расцвеченной на горизонте алыми полосами. На тротуарах то тут, то там появились лужицы желтого света, лившегося из окон особняков, в которых за тяжелыми портьерами мелькали размытые силуэты.

Полубовавшись на вечерний город, я подумала, что посещение библиотеки стало бы отличным завершающим аккордом для этого плодотворного дня. Не буду без разрешения выносить оттуда книги, а просто посмотрю, есть ли в коллекции Ангэлеров что-то по истории и традициям Вармии.

Библиотека некромонгов произвела на меня впечатление еще при первом посещении, когда Ларе показывал дом. Как и в Сен-Грейс она была не слишком просторной, но плотно заставленной высокими книжными шкафа, верхние полки которых уносились ввысь под самый потолок. На этом сходства заканчивались. Здесь, в особняке Ангэлеров чувствовалось, что библиотека — это преимущественно мужская территория. Об этом говорили и громоздкие кресла из темно-коричневой кожи, и напольные лампы в виде старинного оружия. И затаившийся в темном уголке мини-буфет с толстостенным графином, в котором загадочно мерцала янтарная жидкость.

Я неторопливо подошла к дальнему шкафу, где корешки книг были особо привлекательными. Философские трактаты, манифесты канувших в небытие учений, сочинения политических деятелей прошлых лет... Нет, в этом ряду я вряд ли найду что-то полезное. Я приподнялась на цыпочки, чтобы заглянуть на полку повыше.

Энциклопедии, географические атласы, заметки путешественников... Уже ближе. Я потянулась к толстой книге с многообещающим названием «Странствия по южным землям».

— Интересный выбор, — прозвучал за спиной знакомый низкий голос.

От неожиданности едва не уронила увесистый том себе на ногу. Лорд Ангэлер стоял в нескольких шагах позади меня, склонив голову набок. Смотрел откровенным, изучающим взглядом, задумчиво покачивая в руке полупустой бокал. Сладковатый аромат крепкого алкоголя причудливо переплетался с горьковатым запахом гвоздики, старых книг и мебелиной полироли.

Неужели я не заметила его присутствия в библиотеке? Или некромонг бесшумно вошел следом?..

— Добрый вечер, лорд Ангэлер, — поборов растерянность, улыбнулась я.

— Зовите меня Арланд. Нас целых три лорда Ангэлера. Порой мне кажется, что вы говорите о моем отце или брате. — Он шагнул ближе, и я непроизвольным жестом прижала книгу к груди в нелепой попытке отгородиться от надвигавшегося мужчины.

Развязанный шейный платок и расстегнутый ворот сорочки делали образ Ангэлера элегантно-небрежным и по-домашнему уютным. Но хищный прищур темно-синих глаз будоражил, не давая расслабиться и забыть, с кем имею дело.

— Я бы предложил вам напиток, но сомневаюсь, что вы любите бренди. — Ангэлер пригубил янтарную жидкость, не отпуская мой взгляд. — Быть может, вы хотели бы вина, Элеонора? Вы позволите вас так называть?

— Да... Нет. В смысле, называть можно, а вина не надо, — пролепетала я и нахмурилась, рассердившись на саму себя.

Что за косноязычие на меня напало? Я без пяти минут выпускница Сен-Грейс или кто?! Мямлю и бормочу как неотесанная деревенщина... Надо немедленно взять себя в руки и продемонстрировать умение поддержать беседу.

— Благодарю, лорд Арланд, но я заглянула сюда лишь на минутку. Хотела найти книги по традициям Вармии, чтобы утром спросить у вас разрешения их ненадолго одолжить.

— Как удачно я зашел, — криво усмехнулся Ангэлер и шагнул еще ближе. — Теперь до утра ждать не придется...

Что ж за манера у него такая — подкрадываться, как хищник?! И смотреть при этом так плотоядно... У меня мурашки по коже от таких взглядов. И в голове словно сигнал тревоги срабатывает: «Беги, Эла! Беги, не оглядываясь!». Но другой голос, вкрадчивый и томный, нашептывает остаться и посмотреть, что будет дальше...

— Позвольте спросить, откуда такой интерес к нашим южным соседям?

Планируете отправиться в путешествие? — Лорд-попечитель кивнул на книгу, которую я продолжала сжимать в руках.

— Вообще-то не собиралась, но теперь вот думаю, что идея неплоха, — улыбнулась я и немного расслабилась, мысленно радуясь, что наш разговор, наконец, свернул в привычное русло светских бесед. — А пока интерес сугубо научный. Профессор Оруэн велел подготовить за время каникул доклад на тему традиций и обычаев Вармии.

Уточнять, при каких обстоятельствах профессор дал мне такое задание, я, конечно, не стала.

— Сдается мне, господин Оруэн с вами излишне строг. Ведь каникулы для того и существуют, чтобы отдыхать от учебы.

Я лишь пожала плечами, в душе всецело соглашаясь с лордом. Эх, его бы слова, да в уши нашему преподавателю! Хотя лучше не стоит, а то с непреклонного профессора станется взять и нажаловаться лорду-попечителю, что я витаю в облаках во время уроков.

— Боюсь, выбранная книга, которую вы так трепетно прижимаете к груди, едва ли содержит что-то по теме вашего доклада. — Лорд Арланд наклонился и забрал у меня из рук тяжелый том, коснувшись костяшками пальцев моей груди. От этого случайного прикосновения щеки опалило жаром, а сердце застучало часто-часто. Некромонг же, полистав страницы, бесстрастно пояснил: — Здесь по большей части собраны подробные географические описания Оберона и Вармии.

Я смотрела, как Ангэлер убрал обратно на полку мою неудавшуюся находку, но думала уже вовсе не о докладе. Загадочное поведение самого лорда не давало мне покоя. Что бы оно значило? К чему эти совместные прогулки, нечаянные прикосновения, просьба звать его по имени? И эти пристальные взгляды... У меня не такой богатый опыт общения с противоположным полом, но различить в глазах мужчины интерес мне под силу. И в синих омутках Ангэлера читался самый неподдельный, густо концентрированный и откровенно мужской интерес...

Вот только что за ним стояло? Фривольный светский флирт, обыденный и ничего не значащий для лорда? Или эту заинтересованность я могла записать на счет своих женских чар?..

От последнего предположения в груди разлилось приятное тепло, а в животе сделалось щекотно. Я закусила губу, довольная собой и одновременно смущенная собственной дерзостью.

Впечатлений для одного дня оказалось более чем достаточно, и я уж было решила пожелать некромонгу доброй ночи и отправиться к себе, но меня опередили. Ангэлер легко разгадал мой замысел и тут же развил кипучую деятельность по поиску нужной мне книги.

Неужели ему так не хотелось лишаться компании? Возможно, лорду-попечителю стоит и для себя подобрать компаньонку?

Мысль про компаньонку мне не понравилась. А вот как лорд Арланд рассказывал о книгах очень даже понравилось. Узнавать, каким причудливым путем то или иное сочинение попало в здешнюю библиотеку, было неожиданно увлекательно. Через пару минут я и думать забыла о том, чтобы уйти.

— А вот, похоже, и то, что мы ищем, — произнес лорд, вчитываясь в названия томов у нас над головами.

Мужская рука мягко обвила мою талию, немного сдвигая меня в сторону, пока Ангэлер тянулся за искомой книгой. Лишь пару секунд я была прижата к его боку, лишь пару ударов сердца обжигаяще горячая ладонь лежала на моей пояснице, а ноздри наполнял аромат разгоряченной мужской кожи — довольно приятный, — к которому примешивался сладковатый запах бренди и парфюма. Я стояла, замерев, как пойманная мышь. Голова шла кругом от остроты нахлынувших ощущений. И такой непозволительной близости...

— Хм, определенно здесь найдется что-то полезное, — заключил лорд Арланд, пробежав глазами оглавление. И, отступив на шаг, вложил мне в руки сборник обычаев и суеверий соседних государств.

— С-спасибо, — прошептала в ответ, стараясь незаметно восстановить сбившееся дыхание.

Не стоит показывать лорду, какой эффект на меня производят его маневры на грани приличий. Сколь новыми и волнующими они ощущаются! И приятными. Да, — к чему обманывать себя? — мне нравилось, стоя в полумраке библиотеки, чувствовать себя центром, средоточием его интереса и желания. Пусть и мимолетного... Оно развеется в воздухе, стоит лорду выйти за двери, но сейчас... Сейчас его настойчивое внимание окутывало меня, как плотный туман окутывает осенний Мальбург.

Это и пугало, и будоражило...

Взгляд как магнитом притянуло к лицу Ангэлера, и я впервые по-настоящему рассмотрела его. Оно не было таким идеальным, каким показалось мне в бальном зале. Я заметила и тонкий белесый шрам прямо под темной бровью, и небольшую горбинку носа, и крупноватый рот, не тонкогубый или изнеженно пухлый, а очень мужской. Эти несовершенства не портили его, а лишь сильнее завораживали, не отпускали взгляд, как и темно-синие глаза, которые так и хотелось назвать «жгучими».

Разве может холодный синий быть таким обжигающим?!

Тишина в библиотеке стала такой плотной, хоть ножом режь, и я с ужасом поняла, что беззастенчиво пялюсь на стоящего рядом мужчину. Опомившись, аккуратно раскрыла выданную мне книгу и пробежала глазами оглавление.

— Лилия или чертополох, — прочитала привлекающую внимание строку и перелистнула на указанную страницу. — Всё же есть у них цветочные традиции...

Лорд Арланд неопределенно хмыкнул:

— Эту традицию вы вряд ли включите в свой доклад...

— Почему же?

Улыбка некромонга стала поистине коварной.

— Эта пикантная традиция пришла изначально из Оберона, но быстро прижилась в Вармии, — начал он, и его хрипловатый голос проникал в самый центр моей груди. — А касается она первой брачной ночи.

Я как раз долистала до нужного раздела и с удивлением уставилась на малопристойную гравюру.

— Южные мужчины больше ценят чувственность, чем девственность своей избранницы, — продолжал вещать в мое краснеющее ухо Ангэлера. Когда он успел опять приблизиться? — И суть традиции проста: если мужчине понравилась проведенная вместе ночь, то утром на пороге покоев будут благоухать лилии. Одаренная таким образом леди остается жить в самых роскошных покоях, где и делит постель с супругом. Если же он остался разочарован, то утром на пороге жену будет ждать чертополох. Участь ее в таком случае незавидна: ее переселят в скромные комнаты в женской части дома, где супруг лишь изредка будет ее навещать с целью продолжения рода, если, конечно, у него не появится вторая жена.

Лорд Арланд замолчал. Его глубокое дыхание согревало мой висок, пока он сам широкоплечей скалой нависал надо мной. Стоило повернуть к нему лицо, и наши губы неминуемо бы встретились...

И мне хотелось этого... О, как мне этого хотелось! До дрожи в коленях, до покалывания на губах...

А потом вдруг вспомнилась мадам Мезар и ее наставительное: «Надеюсь, вы не опозорите нас!» Это возымело эффект пощечины.

Что я творю?!

Вести беседы с мужчиной на подобные темы — уже неприемлемо! Но я, в конце концов, образованная и современная девушка, могу поговорить и об этом... Но падать в объятия лорда-попечителя на второй день пребывания в его доме — это уже слишком!

Какой беспутной девицей я предстану в его глазах! А уж если об этом узнают в школе, то меня живьем съедят...

Я протиснулась бочком к письменному столу и опустилась в кожаное кресло, отвоевывая себе немного личного пространства. Это позволило хоть немного вернуть мое безвременно почившее здравомыслие.

Лорд Ангэлера не сводил с меня горящего взгляда, но и попыток приблизиться, к счастью, не предпринимал.

Как день ясно, он со мной играет! И получает явное удовольствие, смущая и провоцируя меня. А я что же? А я тоже в долгу не останусь...

— А что дарят мужчине, если он разочаровал жену в первую брачную ночь? — спросила, невинно похлопав ресницами.

Некромонг на мгновение удивленно замер, а потом рассмеялся. Негромко, но очень проникновенно. Его смех беспрепятственно проник внутрь меня и завибрировал в груди.

— Никогда не слышал о такой традиции, — отсмеявшись, он присел на краешек стола и сложил руки на груди. — Но, думаю, уместнее всего был бы кусок веревки с мылом. Если мужчина не может удовлетворить женщину в постели, так проще ему сразу удавиться.

И снова наши взгляды встретились, и пол под ногами пошатнулся.

В воздухе библиотеки, пропахшем знаниями и книгами, разливалось что-то чуждое этому месту. Тягучее, пьянящее, греховно-сладкое... Какой-то яд, проникающий сразу в душу, отравляя ее запретными желаниями. Еще немного и им невозможно станет сопротивляться...

Вот теперь точно пора бежать!

— Вы правы, милорд. — Я торопливо поднялась из кресла. — Оставим этот удивительный обычай вармийцам, а для доклада я поищу что-то более подходящее. Вы позволите взять книгу с собой?

Ангелер медленно кивнул. Выглядел он при этом так, будто силился что-то сказать... или не сказать?..

Впрочем, мне в этот момент было не до его душевных терзаний. Ноги едва слушались, и я пятилась к двери на чистом упрямстве.

— Доброй ночи, лорд Арланд, — пожелала я и решительно взялась за ручку.

— Доброй ночи, Элеонора, — долетело мне в спину, и чем-чем, а добротой голос лорда точно не сочился.

Глава 7. По тонкому льду

Дымчато-красный рассвет занимался над сизыми холмами. Ниже, над рекой медленно плыл утренний туман. С противоположного берега Марны, покрытого дымкой молодой зелени, доносилось жизнерадостное пение зарянок. Оно и разбудило лорда Ангелера.

Он открыл глаза, устало потер ладонями лицо и принялся разминать затекшую шею. Спать в ренмобиле было определенно плохой идеей. От долгого сидения в неудобной позе затекли и спина, и ноги. Угораздило же заснуть за рулем! Мог бы хотя бы перебраться на заднее сидение и устроиться с относительным комфортом. Не то, чтобы он собирался тут заночевать, но вот, однако ж, вышло...

Черный ренмобиль стоял на скалистом выступе, где дорога, следуя руслу реки, делала резкий поворот, открывая чудесный вид на окрестности Мальбурга. Уединенное место на лоне природы, где можно спокойно подумать в тишине. Арланду всегда здесь нравилось. Бывать, но не ночевать!

После всего произошедшего и не произошедшего в библиотеке прошлым вечером он малодушно сбежал из дома. Якобы проветриться перед сном. Такими темпами он скоро переедет в гостевые покои в недостроенном особняке Аронса. Чтобы случайно ночью не переехать в жемчужно-розовую спальню к ничего не подозревающей

Арланд невесело усмехнулся.

Вот так хрупкая девушка почти выселила карателя Ее Величества из его собственного дома. Из дома его родителей, если быть точным, но сути это не меняло.

С женщинами так всегда: стоит их пустить в свой дом, в свою постель и свое сердце, и они всенепременно попытаются обосноваться там единолично, не терпя никакого соперничества, даже со стороны здравого смысла. Вот только пускать юную Дюбар в сердце он не собирался. Нет, второй раз такой ошибки он не совершит.

Пусть это останется увлекательной игрой, но не более того.

На словах всё очень просто, а на деле...

Зачем боги людей создали двух женщин такими похожими? Зачем коварно столкнули его с копией бывшей возлюбленной? Чтобы от души повеселиться, наблюдая за его агонией?.. Что это — кара за грехи?! Или его шанс взять реванш?..

Элеонора Дюбар... Его наваждение и проклятие. Эта девочка не так проста, как кажется на первый взгляд. Истинная дочь Эвелины. Временами она так похожа на мать, аж руки чешутся, то ли обнять, то ли придушить. А в следующее мгновение становится абсолютно другой: недостижимой и чужой. Тянутся пальцы ухватить привычный образ, но ловят лишь воздух.

Какая же она на самом деле?..

Теперь, когда девушка оказалась всецело в его власти, сопротивляться соблазну узнать ее поближе стало решительно невозможно. Да и зачем? Коль так удачно всё сложилось... Родители уехали к Аронсу, и городской дом Ангелеров остался в его полном распоряжении. Леди Цицерию можно не принимать в расчет. Прабабушка так сдала в последнее время, что усади он Элеонору к себе на колени во время утреннего чаепития, она вряд ли поймет, в чем тут дело. Хотя внезапные прозрения ей не чужды...

Повезло, что она не успела наболтать лишнего во время того случая в парке. Никаких экскурсов в семейную историю для Элеоноры он не планировал. Девочке лучше оставаться в счастливом неведении. Ведь те события двенадцатилетней давности ее не касаются. То была история Арланда и Эвелины, а для Элеоноры он напишет новую историю. Лучше прежней. Возможно, получится даже сказка, правда без банального финала про жили долго и счастливо...

Только бы никто не помешал! В идеале увезти бы ее в загородное имение Ангелеров, но такое нарушение всех приличий без последствий не останется. Удобное прикрытие в лице леди Цицерии прихватить с собой без скандала не выйдет. В их семье никто, кроме Арланда, по доброй воле не был согласен жить в той глуши, что гордо именовалась Мор-ле-Мец. Потому фамильный замок и отошел вопреки традиции — Ароне наотрез отказался им владеть — младшему из братьев, и у Арланда, до недавнего времени, и в мыслях не было перебраться в Мальбург.

Теперь же неотложные дела держали его в столице крепче якорных цепей. И если на приличия он легко мог бы наплевать, то на семейные поручения — нет. Значит, придется пока жить в особняке на Лустгартен и уповать на забывчивость прабабушки. И исключить на время совместные прогулки. Слишком уж похожа Элеонора на мать в своем прогулочном костюме из синего бархата.

Немудрено, что леди Цицерии привиделась Эвелина. Та тоже любила эффектные наряды. Правда, в ее исполнении они были роскошнее, пышнее, ярче. Леди Дюбар умела себя подать... Мадемуазель Дюбар одевается, не в пример, скромнее. Это Арланд отметил еще на балу, когда впервые увидел девушку в лиловом платье. Показная или истинная, ему нравилась целомудренная сдержанность ее нарядов. С ладной фигуркой, затянутой в бархат, Элеонора напоминала большеглазую лизссскую куколку, которых коллекционировала дочурка Аронса. Куклы походили на уменьшенных злым магом столичных модниц, в перчатках и шляпках с перьями...

Злополучная шляпка с перьями, с которой когда-то всё началось...

Память услужливо подбросила воспоминание, как Арланд впервые увидел Эвелину Дюбар. В ту пору ему было восемнадцать, ей — двадцать семь. На дворе стояла осень. Юный Ангэлэр прогуливался в Королевском парке в компании таких же беспечных балбесов, охотясь на улыбки столичных красоток. Прошел месяц с того момента, как он начал бриться, и его распирало от желания совершить что-то значительное. В груди жило ощущение необузданной силы, и он воображал себя невероятно взрослым. Не шел — летел на крыльях бесстрашия и собственной важности. И опрометчиво влетел в умело расставленные сети.

Порывом ветра с головы гулявшей поблизости дамы сорвало модную шляпку. Огромные перья, как паруса, несли ее в воздушном потоке. Арланд ловко, рисуясь, подхватил ее на лету и вернул владелице. Неосторожно заглянул в широко распахнутые золотистые, как осенний парк, глаза и пропал...

А дальше были встречи, случайные и не очень, в опере, на светских раутах и приемах у общих знакомых. Он таскался на скучнейшие мероприятия, в душе презирая всю эту великосветскую толкотню, только ради шанса увидеть ее, услышать ее смех, коснуться руки чувственно-вежливым поцелуем. Парные танцы, многозначительные взгляды, мимолетные прикосновения, невысказанные обещания — моменты и дни нанизывались друг на друга, формируя причудливые бусы, что удавкой затягивались на его шее. Арланд и не заметил, как к его ошейнику пристегнули поводок, второй конец которого держала изящная ручка Эвелины.

Неприятным открытием стала новость, что предмет его воздыханий давно и прочно замужем. Но к тому времени он уже увяз в этой женщине, как муха в варенье, и отступить не желал. Даже семейные откровения, вылитые на него, подобно ушату холодной воды, не заставили очнуться от сладкого наваждения.

Наоборот, в его бестолковой голове поселилась невероятная мысль, что именно он, младший из Ангэлэров, накажет вероломного Освальда Дюбара: утрет ему нос, уведя его прекрасную супругу! Родители настаивали на прекращении любых отношений с этой женщиной и, наконец, поведали ему подробности крайне болезненной для семьи истории, из-за которой старший брат к тому моменту уже семь лет пребывал в добровольной ссылке.

Когда Эвелина Эргольд была еще девицей, Ароне ухаживал за ней. Как и Освальд Дюбар. Оба были старше, оба являлись не последними фигурами на политическом Олимпе Лидегории. У Дюбара был приятель, Роберт Сюффрен, который, как и Ароне, претендовал на место второго советника при взошедшей на престол королеве Магдалене. Эти двое дружков-интриганов и придумали, как оклеветать и устранить Аронса. Сюффрен — чтобы расчистить себе путь к политической вершине, а Дюбар — дабы убрать соперника, способного очаровать юную девицу. Доподлинно неизвестно, но вероятнее всего именно в доме Эвелины, где она принимала Аронса и Освальда, Ангэлэру и были подброшены крамольные письма некромонга к принцессе. Поднялась новая волна шумихи вокруг несостоявшегося романа, главной фигурой которой стал Ароне Ангэлэр. Ни о каком месте советника уже не могло быть и речи. Более того, королева намекнула, что Аронсу следует уйти с политической арены в тень и на время покинуть столицу. Так старший брат уехал в крошечный приморский городок Косвелли, а Ангэлэры лишились позиций при королевском дворе.

Арланд отказывался верить, что Эвелина, пусть и косвенно, могла быть причастна к случившемуся. Что, зная о бесчестном поступке, приняла предложение Дюбара и стала его женой. Нет, она лишь жертва махинаций Дюбара, но он откроет ей глаза на то, каким ничтожеством являлся ее супруг. Эвелина сама не захочет оставаться с таким подлецом под одной крышей и покинет его.

Каким наивным и самонадеянным болваном он тогда был! Влюбленным слепцом, не заметившим притворства и игры за томными вздохами и признаниями, что ему шептали такие желанные губы. Почти год она водила его за нос, внушая ложные надежды, привязывая к себе и разжигая пагубную страсть. Страсть, которая в конце концов должна была дать ей то, ради чего она всё это затевала. Дитя-некромонга. Ее счастливый билет в долгую молодость. Об этом Арланд узнал из анонимного письма, что получил одним хмурым осенним вечером. Злополучное послание открыло ему глаза на неприглядную правду их отношений.

Нет! Он не желал в это верить! Незвестный отправитель лишь очередной лжец. Но многое сходилась, кусочки мозаики складывались и игнорировать это знание не получалось. Терзаемый

сомнениями, он не придумал ничего умнее, как отправиться к Эвелине выяснять отношения. Ангэлер тайно надеялся, что любимая разуверит его, лаской сотрет из памяти гнусные строки лживого письма. Но нескрываемая ярость и досада, с которой Эвелина выслушала его, разбила пустые мечты. Как холодно, как высокомерно она с ним разговаривала! Куда делся весь бархат из ее нежного голоса? Больше он не предназначался юному некромонгу... Для него остались лишь раздражение и злость.

Но даже тогда, захлопнув дверь особняка на бульваре Клермон, дабы не слышать разъяренных воплей Эвелины, Арланд верил, что это не конец. Леди Дюбар переберется, осознает свои чувства, и сама будет искать встречи с ним.

Глупым мечтам глупого мальчишки не суждено было сбыться...

Сейчас, много лет спустя, Ангэлер поступил бы иначе. Позволил Эвелине довести игру до конца и получил бы в процессе свою долю удовольствия. Если женщина не желает отдать себя целиком и готова предложить лишь тело, что ж, стоит насладиться предложенным. Памятуя о коварных женских планах, он был бы достаточно осторожен, чтобы она не понесла от него. Снова и снова возвращалась бы за желанным призом, утоляя его голод по ней. Но юношеский максимализм — всё или ничего! — не позволил ему тогда увидеть выгоды сложившейся ситуации. Да, ни один из них не получил бы то, чего хотел, но это была бы игра на равных... Теперь ничего уже не исправить и не изменить. Последнее слово всегда остается за Смертью.

Лорд Арланд передернул плечами, стряхивая пепел болезненных воспоминаний, и резко свернул на Парк-Лейн, направляясь в особняк Аронса. Просыпающийся Мальбург сонно щурил глазницы окон на встающее из-за холмов весеннее солнце. Мальчишки-посылные и газетчики спешили разнести утренние заказы по домам состоятельных господ, которые еще спали в своих теплых постелях.

Интересно, Элеонора тоже еще нежилась в постели или уже встала и, накинув тонкий пеньюар, отправилась к зеркалу прихорашиваться?.. Надеется ли она увидеть его за завтраком или скорее страшится этого?

Нет. Не думать об Элеоноре. Лучше подумать, где в такую рань можно перекусить. Пока в доме Аронса продолжался ремонт, рассчитывать на завтрак там не приходилось. Через пару недель работы будут завершены, приедет Каролина и организует привычный быгг, наняв поваров и прислугу.

Удивительно, как родители смогли уговорить брата отпустить супругу в столицу вперед себя. Решение со всех сторон было правильным — кто лучше будущей хозяйки подготовит дом к прибытию семейства и не привлечет ненужного внимания? — но как же нелегко оно далось Аронсу. А ведь брат никогда не был собственником в отношениях с женщинами: легко сходилась, легко расставался. Пока не встретил Каролину. За десять лет их супружеской жизни он не отпустил ее от себя ни на шаг.

Должно быть, для каждого где-то ходит по свету женщина, способная превратить вменяемого мужчину в одержимого безумца. Для кого-то встретить ее — счастье. Для других — проклятье...

Весь день Арланд занимался координацией работ строителей и оформителей, выписывал чеки и согласовывал даты доставки всевозможной мебели. Со стороны всё выглядело так, будто Ангэлер младший устраивал себе семейное гнездо. В особняк на Лустгартен вернулся лишь под вечер, поднялся в кабинет, чтобы проверить корреспонденцию и скоротать время до ужина.

Арланд едва успел вскрыть первый конверт, когда в дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, распахнули ее.

— Скажи мне, что меня обманули и девица Дюбар не живет в твоём доме! — с порога накинулся на него Рэйвен Дэлавер.

Ангэлер досадливо поморщился, предвкушая неприятный разговор:

— Лучше ты мне скажи, от кого об этом узнал?

— Всерьёз рассчитывал скрыть это от меня? — насмешливо приподнял бровь Дэлавер, остановившись напротив стола. — О чем ты вообще думал, когда решил притащить ее сюда?

— О необходимости быстро и без шумихи освободить школу от воспитанниц, — невозмутимо соврал Арланд.

— Ну так и отправил бы ее к опекунам! На худой конец, на стажировку в Оберон или в кругосветное путешествие.

— Не смешно.

— А я и не шучу. Чем дальше она от тебя, тем лучше. Проклятье, Ар! Уже прошло десять лет...

— Двенадцать, — машинально поправил Ангэлера.

— Двенадцать проклятых лет! И ты опять вляпываешься в то же... — Рэйвен раздраженно плюхнулся в кресло. — Забыл, сколько усилий стоило вытащить тебя из той скверной истории? Чтобы имя Ангэлеров там даже близко не прозвучало.

Пришлось заткнуть очень много ртов.

В подобных напоминаниях Арланд не нуждался. Как и в том, чтобы его отчитывали, точно нашкодившего ребенка. Колкие фразы готовы были сорваться с языка, но хватило выдержки и ума сдержаться. Ссориться с Рэйвеном было бы глупо и недальновидно. Поднявшись из-за стола, Ангэлера отошел к окну.

— Ты делаешь поспешные выводы, Рэйвен. Никакого вреда не будет. Элеонора Дюбар просто временная компаньонка для леди Цицерии.

— Эту байку ты можешь своему директору рассказывать, — понимающе ухмыльнулся Дэлавер. — А мне скажи прямо, что собираешься делать?

— Ничего я не собираюсь с ней делать!

Издевательская ухмылка на лице друга сменилась поистине страдальческим выражением.

— Мало мне любвеобильного принца, так теперь и ты туда же, — устало вздохнул он, словно вся тяжесть мира обрушилась на его плечи. Только цепкий, следящий взгляд стальных глаз выдавал игру.

И эта игра изрядно бесила Арланда.

— Я еще раз повторяю, — упрямо процедил он, уставившись в сгущающиеся за окном сумерки.

— Что ничего не замышляешь? И именно поэтому притащил в свой дом девушку Дюбар... — Дэлавер отбросил скорбную гримасу, вернувшись к привычному язвительному тону. — Ну-ну! Ладно, мне врать — себе-то не ври! Зачем тебе эта ходячая неприятность?

— Ты ее даже не видел, а уже сделал выводы!

— Мне достаточно того, что я о ней слышал.

— И что же? — Арланд обернулся, не сумев сдержать интерес.

— Что она копия безвременно покинувшей нас леди Дюбар.

— Да, сходство поразительное...

— А потому юную Дюбар к тебе на пушечный выстрел подпускать нельзя. Ее мамаша испортила жизнь Аронсу и власть поиграла с тобой. Не хватало, чтобы семейную традицию продолжила ее дочурка!

Арланд посмотрел в решительное лицо друга и нахмурился. Вот и первое препятствие не заставило себя ждать! Умеет Дэлавер смешать чужие планы... Что бы сказал Рэйвен, узнай он, что Ангэлера задумал сам власть наиграться с мадемуазель Дюбар? Осудил его? Отговорил? Как бы там ни было, а делиться своими планами некромонг не собирался.

— Не драматизируй, Рэйвен. Ты просил освободить школу от воспитанниц, чтобы беспрепятственно заниматься расследованием убийства, и я решил этот вопрос. Оставим Элеонору Дюбар в покое. Она к нашим делам не имеет никакого отношения...

— И откуда такая уверенность? — мгновенно подобрался Дэлавер. Подлокотник тяжелого кресла жалобно скрипнул под его пальцами. — В твоей школе совершено убийство как раз накануне возвращения Аронса. И оказывается — удивительное совпадение! — в школе учится дочь Эвелины и Освальда Дюбара. А в опекунах у нее никто иной как советник Сюффрен. Не улавливаешь связь?

— Нет. — Арланд поджал губы, не соглашаясь с таким направлением мысли. — Ее опекун тетка.

— Её жена, на минутку. Как этот хитроумный Сюффрен вообще умудрился запихнуть ее в вашу школу под носом у твоей матери?

— Это не он. Это я, — сознался Ангэлера, испытывая при этом странное чувство удовлетворения. — Давно.

— Без комментариев. — Рэйвен на секунду прикрыл глаза, словно хотел развидеть этот несовершенный мир, где эмоциональным и глупым поступкам подвержены не только люди, но и друзья-некромонги. — Ты понимаешь, насколько это всё усложняет? Твоя зазнаба вполне может быть связана с происшествием в школе.

— Ради всего святого, Рэйвен! Какое отношение может иметь к этому Элеонора?!

— А ты послушай внимательно...

Дэлавер на мгновение прервался, достал из внутреннего кармана отчаянно мигавший кристалл связи и, быстро начертав что-то на его поверхности, сунул обратно.

— Мои люди осмотрели все помещения школы, — продолжил он, — и нашли кое-что, требующее пристального внимания. Боюсь, эта пренеприятнейшая находка разбивает в пыль нашу теорию об убийстве официантки во время ссоры между прислугой.

Ангэлера молча открыл дверцу секретера и наполнил бокалы бренди, предчувствуя дурные новости.

— Речь о следах крови убитой. И не где-нибудь, а на двери, ведущей в старые подземелья.

— Бессмыслица какая-то! — Арланд удивленно приподнял брови. — Проход в подземелья давным-давно запечатан. Его невозможно открыть.

— Его и не открыли. Но это не отменяет того факта, что пытались. И не гарантирует, что не попытаются снова.

— Зачем?

— Ты мне скажи! Что-то очень желанное находится за той дверью...

— Понятия не имею, что там. Просто старые ходы, соединявшие когда-то особняк Сен-Грейс с королевским дворцом...

— Никаких тайных сокровищниц Ангэлеров? — хмыкнул Рэйвен, тихонько звякнув льдом о стенку бокала.

— Ничего подобного.

— Странно... Я не нашел подробных планов подземных переходов ни в архивах службы безопасности, ни в архивах карателей. Как будто кто-то их изъяс...

— Да кому они нужны? Переходы давно не используются и запечатаны. Скорее всего документы просто истлели за ненадобностью, — предположил Арланд и удостоился скептического взгляда. Во дворце без ведома королевских магов не может истлеть даже комар, случайно попавший между рамами окна.

— Тут мы подошли ко второй странности: точные данные о том, кто и когда запечатал подземный туннель, тоже отсутствуют.

— Хм... Я тоже не располагаю такой информацией. Отец может знать, но мне бы не хотелось его тревожить. Возможно, есть записи в семейных архивах.

— Надо искать, Ар. В ближайшее время. — Дэлавер скользнул взглядом по двум шкафам за спиной Ангэлера, заполненным книгами и папками с документами, и удрученно покачал головой. — Дверь в подземелье не просто испачкана кровью, на ней кровью нанесены символы. Часть стерта и неразличима, но я рискну предположить, что это был ритуал снятия печати. Убитая вполне могла стать случайной жертвой, чью кровь использовали для него. Кто-то очень хотел открыть проход... И, если предположить, что за дверью действительно нет ничего, кроме подземного хода во дворец, то этот кто-то именно во дворец и хотел попасть...

— Зачем такой сложный план? — нахмурился Арланд, с сомнением глядя на друга.

— Территория дворца огромная, и как бы его ни охраняли, где-нибудь да можно найти лазейку, чтобы туда проникнуть. Не ведут же эти ходы в королевскую опочивальню!

— Этого мы с тобой наверняка не знаем. Но вопрос очень правильный. И мне на ум приходит лишь одно: если неизвестный злоумышленник воспользуется старым проходом из особняка и учинит во дворце диверсию, то кто окажется крайним?

Ангэлер помрачнел, осознавая последствия.

— И тут мы вплотную подошли к вопросу, а кому выгодно в очередной раз подставить Ангэлеров? —

Рэйвен многозначительно прищурился в ожидании предположений от Арланда. Но тот угрюмо молчал. — Фамилии сплошь знакомые, — добавил Дэлавер, так и не дождавшись реакции. — Бессмысленно отрицать их возможную причастность.

— Если ты о Сюффрене, то он не присутствовал на балу.

— Это еще ни о чем не говорит! Когда этот сморчок что-то делал своими руками? У него всегда есть кому поручить свои грязные делишки. И возвращаясь к девице Дюбар...

— Остановись, Рэйвен! Это смехотворно! По-твоему, Элеонора по его наущению зарезала официантку и пыталась открыть дверь?!

— Не сама. Но она вполне могла провести человека Сюффрена в школу во время бала.

— Чушь! — Арланд со стуком поставил бокал на стол, в раздражении расплескав напиток. — Она годами не общается с опекунами. Даже если бы Сюффрен чудом пронюхал про возвращение Аронса, придумал такой хитроумный план и вышел на связь с воспитанницей, Элеонора не стала бы ему помогать!

— И снова твоя уверенность безосновательна, — возразил Дэлавер, в его серых глазах промелькнула тень жалости. — Всё зависит от того, какую семейную историю про гибель матери ей рассказали. Если в ней Ангелеры главные злодеи, то желание отомстить вполне предсказуемо...

— Она ничего не знает про ту историю. И пусть так впредь и остается.

— Не будь таким легковерным, Арланд, — недовольно качнул головой Дэлавер и поднялся из кресла. — Мне пора. Ночью подробнее посмотрю список гостей, а ты подними семейные архивы, поищи старые планы особняка Сен-Грейс. И присмотришься к девице повнимательнее, раз уж она у тебя под боком! Не вынюхивает ли чего, пока живет здесь... — У двери Рэйвен обернулся: — А я, в меру своих скромных сил, присмотрю за вами обоими.

Еще чего! Только согладатею ему и не хватало. Арланд мысленно пожелал кронпринцу влипнуть в очередную любовную авантюру, чтобы «скромные силы» Рэйвена были направлены в ту сторону. Как глава службы охраны, Дэлавер отвечал не только за то, чтобы принц дожид до коронации, но и за неприкосновенность репутации Его Высочества. Облегчать жизнь безопаснику распутное высочество не стремилось, регулярно вынуждая вытаскивать себя из чьей-нибудь постели или предприимчивых придворных дам из своей...

В причастность Элеоноры к убийству некромонга не поверил ни на секунду. Все подозрения Рэйвена казались нелепыми, продиктованными чрезвычайным недоверием к людям в целом, а к людям с фамилией Дюбар — в частности. Что же касается совета присмотреться... Да он и так глаз отвести от нее не может! От одного воспоминания об этом личике с кокетливой улыбкой сердце билось чаще и кровь прилиwała, куда не следовало.

Стоило Арланду остаться в одиночестве, среди молчаливых стеллажей с книгами, как мысли вновь пошли враздрай. Нет, не время поддаваться эмоциям. Лучше сосредоточиться на насущных делах. Всё, что рассказал Дэлавер, обеспокоило, но и странным образом взбодрило. Одно дело непонятный конфликт незнакомых людей — голову можно сломать, кто, почему и за что... И совсем другое дело — старая как мир история вражды Ангелеров и политической клики людей, где мотивы и действующие лица заведомо известны. Очередной виток противостояния. Да, сейчас они с Рэйвеном слишком мало знают, но это временное явление.

Он решительно развернулся к шкафу, вытащил из дальнего угла потускневшую от времени пухлую папку и принялся перебирать документы. Бесконечные счета, векселя, доверенности и никаких упоминаний о подземеелье Сен-Грейс. Завязав тесемки, вернул папку на место. Очерки, книги, которые отец перенес в кабинет из библиотеки... А ведь старые архивные документы могли убрать как раз туда... Эта мысль не обрадовала. Эдак ему придется просидеть в библиотеке не один день, методично перерывая полку за полкой... И далеко не факт, что затраченные усилия оправдаются и удастся что-то найти.

Вот если бы кое-кто составил ему компанию... Вдруг Элеонору вновь потянет к знаниям, и она навестит его в этой сумрачной обители вековой мудрости? Хотя более вероятно, что после прошлого вечера юная леди будет обходить библиотеку стороной...

Накануне хваленая выдержка некромонга подвела. Не сдержался. Зажал малышку Дюбар в углу, как мышку. Едва хватило силы воли не слопать. Впрочем, напуганной девушка не выглядела. Арланд многое бы отдал, чтобы узнать, какие мысли проносились в ее хорошенькой головке, пока она так смело его разглядывала. Дикая смесь наивности и осознания собственной власти над желаниями мужчины плескалась в ее глазах. Приоткрытые губы, учащенное дыхание, тонкие

ключицы, золотистые завитки на шее. Это невыносимо... Эту сладкую пытку Ангэлера навлек на свою голову сам: гореть от желания и не сметь коснуться... Она смотрела на него, а он на ее губы, мысленно пробуя их на вкус. Как и нежную кожу на шее и груди. Благоразумие тогда подсказало Элеоноре отойти от некромонга подальше. Весьма своевременно, в тот момент он бы за себя не поручился.

И зачем только стал рассказывать ей о пошлых традициях Вармии?.. Можно было просто понаблюдать за лицом Элеоноры, пока она читала про лилии и чертополох. Само по себе было бы незабываемое зрелище! Но, загипнотизированный ее взглядом, Арланд не мог заставить себя заткнуться. Пока румянец на девичьих щеках не запылал пожаром, поджигая сам воздух между ними...

Однако ж, малышка Дюбар его удивила!

«А что дарят мужчине, если он разочаровал жену в первую брачную ночь?» — задала дерзкий вопрос, а сама спрятала глаза под ресницами.

Много ли юная леди знает о брачной ночи? О мучительной страсти, о сводящем с ума желании?

Он мог бы рассказать ей в подробностях. А лучше — показать... Была бы она против? Возможно. Имело бы это значение? Не факт...

Рядом с Элеонорой нерушимый самоконтроль Ангэлера давал трещину и осыпался серой пылью, оголяя давно забытое чувство неуверенности в себе. Не в том смехотворном значении, что присуще юности. Нет, в куда более страшном: когда не ведаешь, что натворишь в следующий момент. Остается лишь отчаянно цепляться за остатки здравого смысла, чести и достоинства в битве с пьянящим чувством падения, что, как крепленое вино, притупляет и голос разума, и крики совести.

Не переоценил ли он свои силы, затеяв эту игру?..

Арланд отбросил глупую мысль, как и очередную кипу бумаг, которую бездумно пролистывал уже не в первый раз.

Он кое-что увидел вчера в красивых янтарных глазах... Робкий ответный интерес, который ни за что на свете не даст ему теперь отступить. Сейчас он бросит все силы на то, чтобы разобраться поскорее с проблемами и недругами, выполнить свои обязательства перед семьей, чтобы потом целиком и полностью посвятить время Элеоноре.

Из крошечного огонька родится бушующее пламя, и в этот раз оно поглотит их обоих. В нынешнее время не так и редки близкие отношения до свадьбы... Вреда не будет, если сохранить всё в тайне. Компрометировать девушку у него и в мыслях не было — огласка им обоим ни к чему.

А если она сама сделает решающий шаг, то в чем будет его вина? Лишь в том, что разжег огонь желания в малышке Дюбар?.. Он разжег, ему и тушить...

Арланд предвкушающе улыбнулся и, решив пропустить ужин, отправился в библиотеку.

Глава 8. В тихом омуте

За окном буйствовала весна, а дни в доме Ангэлоров текли медленно, как густой мед. Размеренный быт в окружении роскоши. Чинные беседы и чтение газет в темно-красной гостиной. Рассеянный взгляд леди Цицерии, загадочные фразы как неведомые шифры. Оборванные нити разговоров можно было сматывать в громоздкий клубок. Я привыкала и старалась лишний раз не показывать своего смутения.

Так, не удивилась и в тот раз, когда, рассказывая про школьные будни, я упомянула ключницу Бэтти, на что леди Цицерия горестно вздохнула и назвала ее «бедной девочкой». А девочка-то не сильно младше самой пожилой леди! Но когда тебе сто двадцать, все вокруг, видимо, кажется молодежью.

Школа Сен-Г рейс была нашей излюбленной темой для бесед. Наверное, леди Цицерии было приятно вспоминать о времени, проведенном в стенах прославленного учебного заведения. Она увлеченно слушала мои рассказы о новых занятиях, дополнительных дежурствах, о неспящих инспектрисах и зевающих преподавателях. Однажды я так увлеклась, что поведала о шалостях, которые устраивали в дортуаре воспитанницы. Спohватившись, закусилa губу, но вместо выговора услышала несколько сиплых смешков. Однако, стоило мне заговорить про наряды и моду, как старушка мгновенно теряла интерес к беседе и уходила в себя.

После вечного гомона Сен-Грейс в особняке Ангэлоров было непривычно тихо и пустынно. Гулкое эхо шагов путешествовало со мной по дому известным послеобеденным маршрутом до оранжереи и обратно. В такие моменты одиночества я особенно сильно скучала по подругам и нашим посиделкам. Дворецкий Ларе — единственный из слуг кто свободно общался со мной — рассказал, что при хозяевах в особняке бывало куда оживленнее: и гостей принимали, и музыкальные вечера устраивали. Прислуги тоже работало больше: камердинер лорда, личная горничная леди и еще несколько человек отправились с хозяевами на побережье. Судя по тому, как Ларе вздыхал в ожидании их возвращения, с уехавшими работниками он был очень дружен.

Со мной же дружить никто не спешил. Немногочисленные слуги меня сторонились и к попыткам завести беседу относились настороженно. Взорная горничная Криста и вовсе делала вид, что меня не существует. Самой приветливой со мной была пышнотелая экономка Марта, но и ее мое общество тяготило. Должно быть, во всем был виноват мой неоднозначный статус. С одной стороны, у меня в этом доме были обязанности, как у большинства слуг, а с другой — лорд Ангэлер назвал меня гостьей и поселил в роскошных покоях. Вот и не понимала прислуга, как себя со мной вести...

Сам виновник моей неожиданной изоляции дома бывал нечасто. После того памятного вечера в библиотеке мне даже казалось, что лорд Арланд меня избегает. Глупости, конечно! Просто некромонг был занят своими делами... Нет, он по-прежнему заглядывал по утрам к прабабушке и пил с нами кофе, но был при этом задумчив, сдержан и немногословен.

А я... У меня сердце замирало, когда он открывал двери, а потом пускалось вскачь и грохотало за ребрами так звонко, что его стук должно быть разносился по всей комнате. Я даже начинала читать громче, чтобы заглушить предательский грохот. На мои чудачества никто не обращал внимание. Лорд Арланд, похоже, вовсе утратил ко мне всякий интерес... Да и был ли он? Или я всё себе придумала?..

Отстраненность Ангэлера задевала, но я даже себе стыдилась признать в причинах такой неуместной чувствительности. Тогда в библиотеке мне словно показали другую версию лорда — для ближнего круга, — а потом в одночасье из этого круга исключили, отодвинув за черту холодной вежливости. Как будто я не оправдала доверие... Привычные слова и взгляды стали казаться незначительными, теперь, когда я знала, КАК он может смотреть! Каким обволакивающе-проникновенным может быть его голос... Оставалось лишь тайно вздыхать, вспоминая откровенные и ласкающие взгляды, что несбывшимися поцелуями запечатлелись на моих губах. Взгляды, уместные не в самом приличном обществе. А я, наверное, не самая приличная леди, потому что мне они нравились.

«Это всё от безделья, Эла», — убеждала себя, отмахиваясь от непристойных мыслей, мельтешивших как солнечные зайчики.

Ведь и вправду, когда в последний раз у меня было столько свободного времени? Сколько себя помню — никогда не было! В приюте и школе всегда было полно дел, даже на каникулах. А здесь... Я честно пыталась писать доклад по Вармии, но всякий раз, взяв в руки выданную Ангэлером книгу, вспоминала его горячий шепот, и весь учебный настрой разом улетучивался.

Я коротала вечера за чтением «Трибуны» и с нетерпением ждала писем от Виктории и Катрины. И вскоре письмо пришло. Только совсем не то, на которое надеялась...

— Прочитайте мне это письмо, дорогуша, — тихо прошелестела леди Цицерия, пригубив

обжигающе горячий чай. — Зрение совсем плохим стало.

На столике перед пожилой леди лежал вскрытый конверт. Я послушно достала аккуратно сложенный листок из плотной дорогой бумаги — такую в Сен-Г рейс использовали только по особым поводам — и развернула его, ожидая увидеть приглашение на какое-нибудь мероприятие.

Но внутри было рукописное послание и явно личного характера.

— Читайте, милочка, — поторопила меня старушка, с удовольствием глотнув чаю.

И я принялась читать красивый крупный почерк с легким наклоном:

«Дорогая бабушка,

Мы получили Ваше письмо и спешим сообщить, что добрались благополучно. Полагаю, Арланд Вас в этом уже заверил. Наша временная обитель радует неожиданным комфортом, созданным заботливыми руками Каролины. Даже ворчавшему всю дорогу Ренарду новая обстановка пришлось по вкусу (как и коллекционный виски из местной винокурни). Вечера мужчины проводят на веранде с видом на море, опустошая погреб сына. Оба шлют Вам низкий поклон! Мы все искренне надеемся, что Вы здоровы и в прекрасном расположении духа.

Каролина готовится к отъезду и в преддверии разлуки всё время проводит с детьми. Мы с Ренардом занимаем сына досужей болтовней, отвлекая от тягостных мыслей о расставании с супругой. Я в душе опасаюсь, как бы он не переиграл всё в последний момент, решив отправиться вместе с ней и детьми. Если такая мысль взбредет ему в голову, то, пожалуй, разве что Каролина сможет возвать к его здравомыслию. Отрадно наблюдать, какое согласие и безграничное доверие царит между ними. За десять лет брака они словно проросли друг в друга.

Всё же нет худа без добра! Если бы сыну не пришлось уехать из столицы, возможно, они никогда бы не встретились. Я благодарна судьбе, что мой мальчик нашел в лице Каролины любовь своей жизни. И молюсь Темнейшей, чтобы такое же счастье постигло младшего сына. Тогда мое материнское сердце будет спокойно за судьбу детей.

Намедни я получила письмо от кузины Мари Мортимер. Она спрашивала, когда мы вернемся и зазывала в гости. Кстати, приглашение Мари направила и к нам домой, поручите Ларсу отыскать его в кабинете Ренарда. Мы же обе понимаем, к чему такое оживление! Вы помните, у Мари две миловидные дочери на выданье. Старшая, Делия, уже закончила, а младшая, Оливия, еще учится в Сен-Г рейс. Арланду стоит присмотреться к девушкам, возможно одна из них рождена составить его счастье. Это была бы прекрасная партия!

Погода на побережье стоит ветреная...»

Строчки запрыгали у меня перед глазами, а голос предательски дрогнул. Я прочистила горло и продолжила чтение, не вдумываясь в слова и предложения.

Перед внутренним взором стоял образ развратившейся Оливии, когда директор Хоуль хвалил ее перед лордом-попечителем за прекрасную организацию Весеннего бала. Знала ли она тогда, строя глазки Ангэлери, что ее прочтат ему в жены? Конечно, знала! В таких семьях, как у Оливии, будущее отпрысков распланировано на годы вперед, и, если они нацелились на лорда Арланда, то непременно его получат.

Впрочем, почему это они его получают? Может, он сам жаждет заполучить в жены одну из сестер Мортимер?..

Жгучий и постыдный приступ зависти завладел мною. Почему одни получают в жизни всё: положение, богатство, любящую семью, красоту и потрясающего жениха? Причем ничего для этого не делая! Просто родившись под счастливой звездой. А кто-то в одночасье теряет то небольшое, на что, казалось бы, расщедрилась судьба... Леди Ангэлери вряд ли написала бы про Элеонору Дюбар, что она прекрасная партия...

Ну что же, у меня свой путь. Никогда не равнялась на Оливию, так и теперь начинать не стоит. Не первый год знаю, что между мной и Мортимерами непреодолимая пропасть. Бессмысленно даже тянуться: они недостижимы, как и лорд Арланд. Слишком много воли дала я глупым мечтам!

Несколько раз глубоко вдохнув, взяла себя в руки. Не таясь посмотрела на леди Цицерию, которая снова впала в задумчивость. Не буду второй раз читать это письмо, даже если она всё прослушала! Короткий стук в дверь показался спасением. В комнату проскользнула Криста и принялась убирать посуду после чаепития. Весьма неторопливо, не глядя на меня и явно надеясь услышать что-нибудь любопытное. Но, похоже, сегодня день разочарований был не только у меня! Пожилая леди с минуту хранила гробовое молчание, а потом отпустила меня, пожелав приятного вечера.

Однако вечер отказывался быть приятным, как бы я ни пыталась себя успокоить. В груди противно ныло, а мысли помимо воли возвращались то к письму леди Ангэлера, то к моему детству на бульваре Клермон, когда жизнь казалась легкой и беззаботной. Пришло время спать, но я долго крутилась, сбивая шелковистые простыни. Сон бежал от меня, оставляя на растерзание сомнениям и тревогам. Устав бороться с собой, поднялась с постели и накинула домашнее платье. Свет уличных фонарей мягко лился в спальню сквозь темные окна, позволяя видеть обстановку, не включая освещение. Побродив бесцельно по покоям, я решила отправиться на кухню за стаканом теплого молока. Помнится, в детстве это всегда помогало уснуть. Кого-нибудь из слуг там, наверняка, получится застать. Только бы не Криту...

Выскользнув в коридор, освещаемый приглушенным ночным светом, я мягко прикрыла за собой дверь, а, развернувшись, едва не закричала от испуга. В нескольких шагах от меня стояла леди Цицерия, глядя в пустоту широко раскрытыми глазами. Длинная ночная сорочка белела ярким пятном на фоне темных стен коридора. Растрепавшиеся седые волосы словно призрачной дымкой окружили морщинистое лицо. Холодный пот прошиб меня мгновенно — столь леденящим кровь было сходство пожилой леди с призраком из страшилок, которыми пугали друг друга воспитанницы. Но самым жутким было отсутствующее выражение на ее лице. Она смотрела перед собой и видела что-то недоступное мне, и от этого становилось еще страшнее.

— Леди Цицерия, — ломким от испуга голосом позвала я, вжимаясь спиной в закрытую дверь покоев.

Судорожно нащупывала ручку, готовая в любой момент юркнуть обратно в свою комнату и без зазрения совести захлопнуть дверь. Я страшилась очередного необъяснимого приступа злости старухи и не сводила с нее глаз, холодея от мысли, что костлявые пальцы могут попытаться снова меня схватить.

Понесла же меня нелегкая за молоком!

— П-простите, миледи! — Тяжелое молчание леди-некромонга пугало до икоты. — С вами всё в порядке?

Леди Цицерия мне снова не ответила, но ее губы пришли в движение. Она что-то бормотала себе под нос, совершенно не замечая моего присутствия. А через мгновение и вовсе резко развернулась и пошла прочь. Только не в свои покои, а в сторону лестницы, несколько раз останавливаясь без видимых причин и продолжая беседу с собой.

Таких чудачеств за пожилой леди прежде не замечалось...

И тут меня осенила внезапная мысль: а не ходит ли леди Цицерия во сне? Вспомнились рассказы Виктории о какой-то дальней родственнице, что гостила у них в доме и ночами, не просыпаясь, бродила по коридорам. Все тоже поначалу жутко пугались. А потом, разобравшись, стали бояться за ходящую во сне даму, которая даже и не помнила своих ночных приключений. А ведь это очень опасно, когда человек не ведает, что творит, свято веря, что спит в своей постели...

Вдруг и леди Цицерия подвергает себя опасности, блуждая по дому в оковах сна?

Я встrepенулась и бросилась следом за старушкой, направлявшейся к лестнице. Надо ее скорее пробудить!

— Леди Цицерия, очнитесь! — Не без содрогания коснулась руки пожилой леди, но мои пальцы тут же стряхнули. — Придите же в себя!

Обойдя спящую подопечную, я встала посередине коридора, раскинув руки и решив не подпускать ее к ступеням. Осознание грозящей ей опасности немного притупило охватившее меня чувство страха, заставив быть смелее и настойчивее. Хотя в глубине души скреблось сомнение: хватит ли моих сил, чтобы удержать леди-некромонга на этаже. И какой может быть ее реакция на подобную вольность со стороны компаньонки? Всё же я не с человеком имею дело... Мысль о магии смерти нанесла моей решимости сокрушительный удар.

Где же Ларе или кто-нибудь из слуг?

К счастью, так и не дойдя до меня пары шагов, старушка развернулась и нетвердой походкой направилась обратно. Толкнула приоткрытую дверь и исчезла в темноте своих покоев, оставив меня в коридоре, растерянную и дрожащую.

И что же теперь делать?! Вернуться к себе и лечь спать?

Признаться, именно это и хотелось сделать. Забраться с головой под одеяло и постараться не

вспоминать жуткую сцену. Я бесшумно приблизилась к знакомой двери и взялась за резную ручку. Но замерла, потревоженная новой мыслью.

А вдруг спящая леди снова соберется в свой опасный поход? Рискованно оставлять ее без присмотра. Но как быть? Караулить в коридоре всю ночь? Пожалуй, самым разумным было бы немедленно рассказать о случившемся лорду Ангэлери или Ларсу. Они непременно придумают, как уберечь леди Цицерию от беды.

Помедлив мгновение, я отправилась вниз по лестнице на поиски дворецкого. Его найти проще всего: Ларе обычно сам тотчас появлялся, ведомый своим удивительным профессиональным чутьем, стоило лишь пожелать его присутствия. Холл первого этажа встретил меня едва мерцавшими светильниками и уснувшими в углах тенями. Шаги гулко отдавались в вязкой тишине.

Никого. Пусто и тихо.

Похоже, ночью чутье Ларса крепко спало, вместе с его обладателем...

Я свернула в коридор, ведущий в хозяйственные помещения и комнаты слуг. По крайней мере, очень на это надеялась: в темноте особняк выглядел незнакомым, и я с трудом ориентировалась. Хоть бы кто-нибудь из его обитателей попался навстречу! Все словно вымерли...

Ночью на кладбище многолюднее, ей богу! Так до самого утра можно помощь искать...

Я уже почти уверовала, что свернула не туда, как впереди показалась полоска света, и из-за приоткрытой двери донеслись голоса. Неужели удача мне улыбнулась?

Я на миг остановилась, чтобы отдышаться — даже не заметила, что остаток пути почти бежала. Этого мига оказалось достаточно, чтобы узнать голоса беседовавших. В комнате были две горничные: Криста и вторая, постарше, по имени Лииса.

— Что ж ты к ней прицепилась-то? Вроде, спокойная и вежливая девица, — произнес из-за двери чуть скрипучий, словно простуженный, голос Лиисы, когда я готовилась постучать.

Моя рука замерла в воздухе. Отчего-то сразу подумалось, что говорили обо мне.

— Ну конечно! Строит тут из себя скромницу, а у самой глаза горят от увиденных богатств. Небось, спит и видит, как бы лорда Арланда к рукам прибрать, — рассерженной кошкой прошипела Криста. — Только ничего у нее не выйдет! Вот вернется хозяйка и быстро отвадит от него всяких приживалок безродных.

— Чего это безродных? Она из школы ихней, а там простолюдинов не водится.

— Но и на благородную не похожа! Если только из этих — обнищавших. Ты видела ее платье? И глазу-то зацепиться не за что, одно убожество...

Убожество?!

Я невольно опустила глаза и оглядела свой наряд. Домашнее платье приятного кремового цвета. Мне всегда шли теплые оттенки. Добротное, не вычурное. Чем оно им не угодило?!

Служанка тем временем продолжала распекать меня. Мне бы уйти и не слушать, но ноги будто к полу приросли.

— Вот у леди Аиды были платья! Бархат алый как кровь, вышит золотой нитью и тончайшим кружевом оторочен. Загаденье! Да у нее самое захудалое платье краше было, чем у этой парадное.

— Ну! Сравнила! Леди Аида известная модница. Как ей не быть, когда муж богат! Но стервозина она, каких поискать! И угораздило же кузена хозяина жениться на такой мегере...

— Да потому и женился, что она горячая штучка! Недаром, когда они здесь гостили, наутро двери спальни были изнутри заперты, — с намеком произнесла Криста. — А сорочки у нее какие... Из oberрийского шелка — так бы и трогала всю жизнь, — вздохнула она мечтательно. — А здесь что? Скука смертная... Исподнее и вовсе мрак.

У леди Цицерии соблазнительнее. На что тут можно польститься?

Мои щеки запылали от стыда и гнева. Вот же язва! Она и в моем исподнем успела порыться?!

— Видать есть на что, — хмыкнула Лииса. — Недаром Джонас говорит, что лорд ходит за ней, как голодный пес за тарелкой супа.

— Много твой Джонас понимает! Сдалась ему эта рыба замороженная. Пусть возвращается в свою

богадельню! Такому мужчине, как лорд Арланд, нужна девушка погорячее...

— Уж не ты ли?

— Может и я, — с вызовом ответила Криста. — И зря смеешься! Просто раньше у меня случая не было показать себя. Хозяйский сын у нас редкими наездами бывал. А теперь, когда здесь живет, он ко мне приглядится и...

— Да больно ты ему нужна!

— Для чего-то и стожусь, — бессовестно мурлыкнула служанка, отчего у меня на языке сделалось кисло. — Он же мужчина, у него есть потребности. А постоянной любовницы нет. Вот он такими голодными глазами и смотрит на эту пигалицу, что перед глазами вьется.

— Ох, дурной у тебя язык! Может, ухаживать за ней хочет...

— Пф! Тела он женского хочет. Мягкого да податливого...

Дальше я слушать не могла! Картинка столь отчетливо встала перед глазами, что кровь тут же ударила в виски, запульсировав болезненным возбуждением. На широком ложе обнаженный мужчина сжимал в объятиях девичий стан, исцеловывал страстно. Одна мысль, что эта девушка Криста, заставляла стискивать кулаки от непонятной горечи и обиды.

И вроде не мое это дело — никаких романтических отношений с лордом-попечителем у меня нет и быть не может... Но как же тоскливо стало на душе! Лучше бы мне не слышать, не знать о тайных желаниях Кристи, о возможных причинах интереса со стороны некромонга... Ни одно слово о моей одежде и манерах не задело так, как предположение смуглой нахалки, что лорд Ангэлера видит во мне временное развлечение, инструмент удовлетворения плотских желаний. И если сама Криста с радостью готова им стать, то для меня подобная роль унижительна!

Злость вспыхнула в душе, стирая тоску и уныние. Злость на дерзкую служанку и на себя. За то, что позволила ее словам отравить мою душу сомнениями и неуверенностью. Что эта девица о себе возомнила?! Ставит меня — образованную леди благородного происхождения — в один ряд с собой! Так и чешутся руки вернуть ее с небес на землю. Но как раз этого и нельзя делать! Недопустимо для леди устраивать скандал и показывать свою уязвленность. И уж конечно нельзя выдавать, что подслушала чужой разговор.

Я тихонько попятилась от двери, развернулась и поспешила прочь, пока мое присутствие не обнаружили. Ничто не заставит меня войти в ту комнату! Нет, не после того, что я имела удовольствие слышать. Если я сейчас сообщу, что видела леди Цицерию гуляющей во сне, — в то время как она уже давно сладко спит в своей кроватке! — то завтра утром предстану не только алчной вертихвосткой, но и городской сумасшедшей. Только таких сплетен мне не хватало! Да и репутация самой пожилой леди может пострадать, учитывая несдержанный язык Кристи.

Нет, служанкам я ничего не расскажу.

Бесшумно поднимаясь по ступеням, вспомнила про шнур сонетки, что висел в моих покоях. Почему я сразу не воспользовалась вызовом прислуги? Как ни обидно признавать, но было в словах служанки зерно истины: мне и вправду не хватает аристократического высокомерия и напыщенности. Никому из воспитанниц Сен-Грейс и в голову бы не пришло самостоятельно искать дворецкого, когда можно вызвать слугу, дернув за сонетку. Подумаешь, перебудила бы половину дома — кого из благородных леди волнуют такие мелочи?.. Но в моем случае привычки менять поздно, да и незачем. Не гордая — ножками сходила, не сломалась. Жаль только, что Ларса так и не нашла.

А какой он всё-таки болтун! Это же его глупые слова про голодного пса цитировала Лииса. Придумал же! Мало того, что это неуважительно по отношению к лорду Арланду, так еще и ни капельки не правдиво... Мы с лордом-попечителем видимся один раз на дню в лучшем случае... Ничего он за мной не ходит и голодными глазами не смотрит. Не дом, а пристанище сплетников и фантазеров!

Оказавшись на втором этаже, я на цыпочках пробралась к покоям леди Цицерии и прислушалась. За дверью было тихо. Понадеявшись, что леди глубоко уснула, я вернулась к себе, наскоро переоделась и, забравшись в кровать, провалилась в беспокойный, тяжелый сон.

Утро встретило меня пасмурным небом, головной болью и скверной новостью.

За завтраком Ларе с привычной жизнерадостностью, которая в этот раз только раздражала, объявил, что на следующий день у леди Цицерии и лорда Арланда запланирован выезд. Ангэлера едут в гости к Мортимерам, и я, как компаньонка, буду сопровождать пожилую леди.

К счастью, к тому моменту я успела дожевать и проглотить тост, иначе непременно подавилась бы. Но до конца завтрака кусок в горло больше не лез. В голове опять закружился хоровод невеселых мыслей.

Как же отчаянно не хотелось ехать в гости к Оливии Мортимер! Хотя, о чем это я? Меня никто и не приглашал. В гости едут лорд Ангэлэр и его прабабушка, а я так — довесок к леди-некромонгу. Интересно, родители Оливии предложат мне посидеть на кухне с прислугой или всё же пригласят за стол, признав себе ровней?.. Да лучше в каморке посудомойки провести вечер, чем за одним столом с сестричками Мортимер, наблюдая, как они будут любезничать с лордом Арландом. Ведь теперь, после прочтения письма леди Ангэлэр, цель данного визита для меня не секрет: лорд-попечитель едет свататься... И в случае успеха, в котором не может быть сомнений, что мне делать? Изобразить удивление и рассыпаться в неискренних поздравлениях?..

Мельком увиденное платье, доставленное от портнихи пожилой леди, не добавило хорошего настроения. Роскошный наряд цвета спелой вишни с золотым кружевом выглядел по-королевски! И всецело подтверждал мои догадки о значимости предстоящего визита. Я горестно вздохнула у распахнутого настежь шкафа. В моих скромных платьях я буду похожа на камеристку леди Цицерии, а не на компаньонку. Нет, я категорически не считала свои туалеты убогими, как изволила их охарактеризовать несносная Криста! Просто среди них не было ничего помпезного, соответствующего случаю. Такие платья в моем гардеробе не водились за ненадобностью. Вот у Виктории точно нашлась бы парочка подходящих, но увы — мы не в Сен-Г рейс.

Скажусь больной. Почихаю для вида, и меня оставят дома. Кому нужна компаньонка болезненного вида? Тем более, когда предстоит столь важное событие как помолвка...

А если лорд Арланд, с присущей ему заботливостью, прикажет вызвать для меня доктора? Как буду выкручиваться? Ведь господин доктор мгновенно выведет меня на чистую воду. Щеки горячо запылали, стоило лишь представить, какой жалкой вруней предстану в глазах Ангэлэров, когда обман раскроется. Может, просто попросить у лорда-попечителя на завтра выходной? Сейчас, когда его мысли заняты грядущим судьбоносным решением, некромонгу будет проще отмахнуться от меня, позволив остаться в особняке... Но не сочтет ли он черной неблагодарностью мое нежелание сопровождать их с леди Цицерией?..

Весь день я обдумывала варианты, как избежать визита в дом Оливии.

Терзалась сомнениями, правильно ли поступаю, идя на поводу у собственных эмоций. Взывала к холодному рассудку, но безуспешно. Внутреннее, интуитивное убеждение, что поездка к Мортимерам обернется для меня чем-то непоправимым, только крепло час от часу. В веренице мучительных раздумий лишь под вечер вспомнила, что так и не рассказала никому о ночном происшествии с леди Цицерией. И решилась. Переоделась к ужину, пригладила перед зеркалом волосы и отправилась в кабинет к лорду Арланду. Поведаю ему о ночных прогулках прабабушки и между делом поинтересуюсь, настолько ли необходимо мое присутствие на обеде у Оливии. Пожалуюсь, что плохо сплю последние ночи — а это чистая правда! — и намекну, что предпочла бы отдохнуть один денек. Надеюсь, мой бледный вид хоть немного разжалобит лорда.

На словах выходило складно и деликатно. Теперь на деле не растеряться бы, не позволить пронзительному взгляду синих глаз сбить меня с мысли.

Я неспешно поднялась на третий этаж и свернула в сторону хозяйских покоев, не доходя до которых располагался кабинет лорда Ангэлэра старшего. Просторный коридор украшали мраморные статуи изящных юношей и девушек, подозрительно похожие на фиарийские. На истории мирового искусства нам рассказывали, что с затонувшего острова Фиара удалось поднять около двухсот бесценных статуй, каждая из которых стоила небольшое состояние. Я насчитала семь изваяний, когда из-за одного из них неожиданно вышла Криста, тихонько прикрыв за собой дверь кабинета. Служанка мазнула по мне равнодушным взглядом и замерла на миг, поправляя лиф платья. Потом резко развернулась на каблучках и зашагала по коридору в противоположную сторону.

А я осталась стоять, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Все заготовленные фразы вылетели из головы, остались лишь обрывки подслушанного накануне разговора. Картинка сложилась быстрее, чем я успела обдумать увиденное. Уединенный кабинет, поправляющая платье девица... Неужели чаяния горничной сбылись?.. Она и лорд Арланд... они...

Я прижалась спиной к стене, положив холодную ладонь на горячий лоб, стараясь унять внезапно вернувшуюся головную боль.

Конечно, то, что господа и лорды порой позволяют себе вольности в общении с молодой прислугой женского пола, не было тайной даже для таких неискушенных девушек, как я. Но о таком в дортуаре говорили исключительно шепотом, как о чем-то происходящем в других домах и в чужих семьях. Никто бы не хотел уличить в подобном ни своего отца, ни своего жениха.

А увидеть подобное собственными глазами — помилуйте! Ужасно неприлично, вопиюще...

Вот только где уместное в данных обстоятельствах праведное негодование? Почему вместо этого мне так больно? Почему сердце трепыхается в груди, словно его пронзили отравленной стрелой предательства?..

Лорд Ангэлера мне не жених, а значит не мне и страдать из-за его неверности...

Глупости всё! Я и не страдаю. И злюсь на него вовсе не из-за шашней с горничной. Просто весь настрой сбил... а я так долго готовилась... а он в это время...

Сердито оттолкнувшись от стены, я направилась обратно к лестнице. Нет, сейчас разговора у нас с ним определенно не получится. Не хочу его видеть.

— Элеонора? — раздался за спиной слегка удивленный мужской возглас.

Я остановилась и зажмурилась. Что ж мне так не везет-то сегодня?! Медленно развернулась, боясь встретиться взглядом с вышедшим из кабинета некромонгом. Опустила глаза, невольно отметив отсутствие сюртука и расстегнутые верхние пуговицы на его рубашке.

Из глубины души поднялась жгучая обида, щедро приправленная ревностью, заставив меня до боли закусить губу, удерживая нейтрально-вежливое выражение лица.

— Элеонора, вы меня искали? — шагнув ближе, поинтересовался Ангэлер.

— Нет! — выпалила, гневно сверкнув глазами. Ну вот опять! Рядом с этим мужчиной мой самоконтроль рассыпается в труху. И, кажется, чем дальше, тем хуже.

— А я посмел надеяться... — Красивых губ коснулась легкая усмешка.

Некромонг облокотился плечом о стену и, сложив руки на груди, впился в меня

изучающим взглядом. Словно его забавляла моя несдержанность. Шурил свои темные глаза, заставляя чувствовать себя бабочкой, которую вот-вот насадит на булавку скужающий коллекционер.

— Раз уж вы здесь, я бы хотел кое-что обсудить. Пройдемте в кабинет, — лорд Арланд сделал обманчиво-приглашающий жест, придерживая для меня дверь, в то время как в его глазах застыло прямое требование.

Я с опаской проскользнула мимо некромонга и вошла в кабинет. Солидный, немного старомодный стол застыл посреди комнаты громоздкой черепахой. На его поверхности в беспорядке были свалены кожаные папки и кипы пожелтевших документов. На самом краю сиротливо ютился поднос с чашкой и миниатюрной сахарницей. Пахло кофе и высохшими чернилами.

— Присаживайтесь, — Ангэлер убрал с гостевого кресла несколько учетных книг и с досадой зашвырнул их на дальнюю полку шкафа.

Нда, не слишком романтичное у него настроение в преддверии завтрашнего...эмм... мероприятия. Ну да не мое это дело. Если разговора нам не избежать, то надо постараться развернуть его в нужное мне русло.

— О чем вы хотели поговорить, милорд? — Послушно опустила в предложенное кресло, продолжая украдкой осматриваться. Что именно искал мой взгляд, даже мысленно себе отказывалась признаваться.

— Ларе уже передал вам радостную новость?

— Вы о завтрашнем визите к семейству Мортимер?

— О нем. Вижу, вы уже в курсе. Что ж, прекрасно... — Лорд Арланд обошел заваленный бумагами стол и присел на подоконник. — Должно быть, вам уже не терпится?

Уличный фонарь красиво очертил мужской силуэт на фоне темного окна, но лицо осталось в тени. Не видя его выражение, я не могла понять — он надо мной насмехается или спрашивает всерьез?

С какой радости мне должно не терпиться?..

— Простите, милорд, не понимаю... При чем здесь я?

— Ну как же! Завтра вы повидаетесь с подругой, сможете вдоволь наговориться,

— снисходительно улыбнулся некромонг. — Представляю, какими ужасно скучными вам показались эти полторы недели в нашем доме...

Вот оно что! Ангелер решил, что мы с Оливией хорошие подруги, и я должна буду за нее несказанно обрадоваться... Стоит внести некоторую ясность в этот вопрос, чтобы мое нежелание видаться с одноклассницей не навело лорда на ненужные мысли.

— Кхм... Мы с Оливией, конечно, учимся вместе, но у нас несколько разных круг общения. С моей стороны было бы явным преувеличением записать себя в ее подруги,

— осторожно пояснила я и, выдохнув, добавила: — Могу я попросить вашего позволения остаться завтра дома?

Сказала и мгновенно пожалела, заметив, как мужчина подался вперед, будто не поверил своим ушам.

Браво, Эла! Стоило весь день готовиться, придумывать оправдания, чтобы потом просто в лоб заявить, что не хочу ехать. Мысленно застонала, ругая себя за поспешность.

— Как это остаться?! — пробормотал опешивший лорд и пересел на краешек стола, ближе ко мне. — Я согласился на эту поездку исключительно ради вас. У нас тут немного развлечений, и я думал, что встреча с кем-то из знакомых порадует вас.

А вы не хотите ехать...

Ангелер озадаченно вглядывался в мое лицо, а я в неверии хлопала на него ресницами. Молчание затягивалось.

— Разве у вас нет личного... эмм... дела к Мортимерам? — неловко выдавила я.

— Слава Темнейшей, среди всех свалившихся на меня дел Мортимеры не значатся,

— невесело усмехнулся лорд Арланд и устало потер переносицу.

В ярком свете настольной лампы резче обозначилась хмурая складка между его бровей и залегшие под глазами тени. В этот момент я словно посмотрела на него другими глазами, отмечая, каким утомленным он выглядел. Сердце кольнула жалость. Какое бремя ответственности и бесчисленных забот держит он на своих плечах...

Каким взрослым и состоявшимся кажется... В круговороте дел у этого мужчины нет времени даже на полноценный отдых, не говоря уже о романтических заморочках. На его фоне я выглядела беспечным ребенком с чрезмерным воображением.

Божечки, сколько всего я успела нафантазировать за сегодняшний день! Мысленно чуть ли не женила Ангелера на Оливии, а он даже ехать к ней не собирался... И согласился только ради меня...

Стало ужасно стыдно: и за свою ревность, и за то, что невольно добавила некромонгу хлопот.

Но одновременно с этим на душе сделалось легко и необъяснимо радостно. Словно внутри меня надули огромный воздушный шарик, готовый вот-вот оторвать меня от земли и унести в заоблачные дали.

— Простите... мне очень жаль, — пролепетала я. И робко предложила: — Может отменить визит?

— Увы, уже не получится, — развел руками лорд Арланд. — Леди Цицерия восприняла идею навестить Мортимеров с невиданным энтузиазмом, и с моей стороны будет жестоко лишить ее такой возможности.

«Ну, это неудивительно, — подумала про себя, — старушка не теряет надежды устроить счастливое будущее правнука, о котором тот, как выяснилось, ни сном ни духом...»

Мгновение я колебалась, не просветить ли лорда-попечителя относительно планов родственниц, но потом решила, что влезать в семейные дела Ангелеров чревато. У каждого семейства свои скелеты в шкафу, и посторонним лучше держаться от них подальше...

— Совсем-совсем не хотите ехать? — вернул меня к разговору голос лорда Арланда. В темно-синих глазах еще теплился огонек надежды.

Я покачала головой и виновато улынулась. Хотя на самом деле никакой вины не чувствовала — только безграничную радость.

Как же мало человеку нужно для счастья! Лишь пара фраз — и за спиной словно крылья

вырастают...

— Так вы разрешите мне остаться, милорд? — В глубине души я уже знала ответ, но следовало получить личное дозволение Ангэлера.

— Как я могу вам отказать, Элеонора, — вздохнул он. Затем поднялся на ноги, намекая, что аудиенция окончена. — Придется мне завтра отдуваться за нас обоих.

Столько трагизма было в его голосе, что предательский смешок невольно сорвался с моих губ. Лорд Арланд укоризненно покачал головой, но я видела, как дернулись уголки его рта. Мне галантно подали руку, провожая до двери.

— Прошу простить меня, что сегодня не смогу составить вам компанию за ужином. Дела пока не отпускают. — Некромонг махнул свободной рукой в сторону заваленного бумагами стола.

— Ничего страшного, милорд, я уже привыкла.

— Теперь я чувствую себя самым негостеприимным хозяином Мальбурга, — посетовал Ангэлер и, опустив голову, невесомо коснулся моей руки губами. — Но я обещаю исправиться, — заверил он, удерживая мою кисть. А потом перевернул ее и запечатлел горячий, влажный поцелуй в самом центре ладони...

По коже побежали мурашки удовольствия. Жар от того места, где кожи коснулись мужские губы, казалось, заполнил меня всю. Словно в трансе я вышла в любезно приоткрытую дверь и пошла по коридору в сторону малой столовой. Лишь дойдя до первого этажа, осознала, что всё это время сжимала ладонь, как будто боялась потерять оставленный мне на память волнующий поцелуй...

Глава 9. Нечаянные признания

На следующий день до обеда я почти не выходила из комнаты. Нет, я не боялась, что лорд Арланд изменит свое решение. Просто не хотелось расхаживать по дому и ловить на себе недоуменные и пытливые взгляды слуг, пока их хозяева готовились к выходу в свет. Любопытство подхлестывало хоть одним глазком взглянуть на лорда Арланда и леди Цицерию, полюбоваться на них перед отъездом.

Не решившись спуститься в холл, я прилипла к оконному стеклу в своей спальне. Там внизу, у центрального входа, блестел черной крышей ренмобиль лорда- попечителя. Не сводя с него глаз, я ждала появления Ангэлеров. Конечно, глупо было рассчитывать что-то разглядеть с такого угла: тротуар рядом с домом почти не был виден. Мелькнувшие юбки пожилой леди, когда она протискивалась в придерживаемую лакеем дверцу, — вот и всё, что удалось увидеть. Зато лорд Арланд в элегантном темном костюме предстал во всей красе, пока обходил ренмобиль, чтобы занять место возницы.

Мой восхищенный вздох застыл на холодном стекле полупрозрачной дымкой, и я непроизвольно обвела ее пальцем, нарисовав сердечко. В этот момент некромонг поднял голову и прицельно посмотрел в сторону моего окна. Наши взгляды практически встретились и... я отпала от оконной рамы, как перезревший фрукт от ветки.

Ой, неловко получилось... Заметил меня лорд или нет?..

Впрочем, долго терзаться сомнениями времени не было. Ведь я и сама готовилась уйти из дома вслед за Ангэлерами. План созрел накануне вечером: посетить наш семейный особняк. Именно на бульвар Клермон я и направилась, выйдя на Лустгартен погожим апрельским днем. Солнышко ласково светило, покрывая теплыми поцелуями лица гулявших по аккуратным аллеям аристократов, сплошь отличавшихся благородной бледностью. Птицы весело щебетали в дымчатых кронах деревьев, наполняя солидный Прегель суетой и подлинной жизнью.

Я вдохнула полной грудью прохладный, свежий воздух. Как же хорошо!

Всю дорогу до бульвара Клермон беззаботная улыбка не покидала моего лица. Редкие прохожие отвечали вежливыми кивками головы, очевидно принимая мое хорошее настроение на свой счет и силясь вспомнить, где мы могли встречаться. Меня забавляла и смешила эта смесь растерянности и любопытства на встречах лицах. Но стоило поравняться со старым домом, как веселиться разом расхотелось.

Что-то холодное и угрюмое растекалось в весеннем воздухе вокруг сероватого пустующего здания. Я неторопливо шла вдоль забора, который очевидно недавно покрасили, потому как выглядел он лучше, чем спрятавшийся за ним дом. Ближайшие к ограде кусты еще были подстрижены, а вот дальше ощущался характерный налет неухоженности. В высокой траве газона то тут то там виднелись кучки прошлогодней осенней листвы. Клумбы, когда-то пестревшие первоцветами, заросли сорняками. Неудивительно, за двенадцать лет любые декоративные цветы вырождаются без соответствующего ухода.

Сам особняк Дюбар казался полинявшей копией себя в лучшие годы. В детстве мне нравился наш дом: модный, монументальный, с богато украшенным фасадом. А теперь он напоминал скорее проигравшегося картежника, нацепившего свой лучший костюм, желая выглядеть респектабельно и не замечая, что тот местами протерся и безнадежно устарел.

Из-за забора веяло заброшенностью и болезненными воспоминаниями. Дом осуждающе смотрел на меня глазами пыльных окон, от чего по спине ползли мурашки. Я пристально смотрела в ответ, силясь проникнуть в загадки прошлого моей семьи, узнать, увидеть... В какой-то момент даже показалось, будто я заметила чье-то лицо в окне второго этажа. И словно призрачный огонек свечи мелькнул в старом кабинете. Ощущение чужого пристального взгляда укололо кожу на щеках, заставив нервно передернуть плечами.

Ерунда, мне показалось! Дом был совершенно безлюден...

Воровато оглядевшись — бульвар был на удивление пустынен, — я подергала калитку в заборе. Ожидаемо заперто. Ржавчина на массивном замке, что висел по ту сторону кованой дверцы, подтверждала, что сюда давно никто не входил. Конечно, я помнила, что с бокового проулка в дом вел запасной проход, которым пользовалась прислуга, но идти и проверять его не было ни малейшего желания. Постояв и повздыхав еще минутку, развернулась и пошла обратно в сторону Лустгартен.

Возвращаться в тишину и пустоту дома Ангэлеров не хотелось. Я отчаянно нуждалась в компании, пусть даже и незнакомых людей. После созерцания заброшенного дома, излучавшего что-то неживое, остро захотелось ощутить всю полноту жизни с ее яркими красками. И я знала одно

местечко в Мальбурге, где можно было это запросто сделать!

Выйдя на соседнюю улицу, поймала кэб и велела ехать на Центральную площадь, к конфекциону Эжени. Вот уж где точно никому не грозит остаться в одиночестве!

В магазин готового платья входила, как в храм, с замиранием сердца. Детские воспоминания не сохранили и половины того изобилия и великолепия, что правили бал в Эжени. Первый этаж нынче целиком был отдан под обувной отдел. С удовольствием побродив недолго среди рядов туфелек и сапожков, я направилась к лестнице, ведущей наверх. Разодетые манекены, расставленные вдоль перил, провожали меня застывшими улыбками. Степенные дамы, спускавшиеся по ступеням в сопровождении нагруженных свертками служек, поглядывали с любопытством.

Атмосфера царила непередаваемая! Нарумяненные продавщицы в фирменных ярко-малиновых платьях деловито сновали среди посетительниц, услужливо улыбаясь воркующим дамам и нескончаемым хоромом несли в примерочные всё новые и новые наряды. Я наблюдала за этим нешуточным переполохом и чувствовала, как на душе становилось легко и весело, словно глотнула игристого вина. Пожалуй, только сейчас по-настоящему поняла, за что Виктория так любила походы за покупками в Эжени.

Одно из платьев привлекло мое внимание. Узорчатый темно-фиолетовый шелк с пышными рукавами и манишкой из белого гипюра. На пьедестале рядом стояли шелковые ботиночки в цвет наряда.

— Мадемуазель желает примерить? — В мгновение ока рядом возникла высокая и худая девушка в форменной одежде. — Этот комплект из новой весенней коллекции, представлен у нас в единственном экземпляре.

Я смотрела на мерцавший в огнях Эжени шелк и не могла сказать «нет». Признаться, в конфекцион я зашла больше из любопытства, чем с намерением что-то купить, но... Это была любовь с первого взгляда! Неуверенно кивнула и не успела моргнуть и глазом, как оказалась в просторной примерочной с зеркалом во всю стену. Прислужница со сноровкой опытной камеристки извлекла меня из бархатного платья и переодела в новый наряд.

Как же он был хорош! Такой ни у кого язык не повернется назвать убогим...

Оставив меня любоваться своим отражением, продавщица ненадолго исчезла и вернулась с элегантной шляпкой, украшенной шелковыми фиалками. Идеально подходящей под костюм! Девушка отступила ко входу и, сложив в умилении ладони на груди, рассматривала меня с нескрываемым восхищением.

Беру!

Под такое красивое платье сразу захотелось купить новое нижнее белье. Поймав себя на этой мысли, нахмурилась, вынужденная признать, что всё-таки глупая болтовня прислуги запала мне в душу куда сильнее, чем я того желала.

А ну и пусть! В конце концов, шанс сделать покупки в Эжени выпадает не каждый день, так что буду его использовать себе во благо. Вернусь с каникул с чудесными обновками — представляю, что скажут девочки!

Выпорхнув из примерочной, я поднялась на самый верхний этаж, где по словам моей помощницы располагался бельевой отдел. Этот женский рай утопал в кружевах и кисее. Закованные в корсеты, как в броню, манекены обступили меня со всех сторон. Решив не блуждать среди этого бельевого воинства, я тут же направилась к миниатюрной женщине в приметном малиновом платье. Как небольшой ураган, она пролетела между рядами, собрав для меня несколько комплектов исподнего. Когда перед моими глазами развернули невесомый нежно-сиреневый батист, я всерьез заподозрила продавщицу в умении читать мысли и угадывать желания.

— А есть у вас сорочки из оберийского шелка? — спросила неожиданно для самой себя.

Служительница Эжени на секунду пришла в замешательство.

— Нет, мадемуазель, но могу показать вам пеньюары из тамасского шелка. Их очень хвалят наши покупательницы. — Лукаво улыбнувшись, женщина добавила быстрым шепотом: — Оберийский шелк разве что в бутике Луазье можно купить, но под заказ и втридорога. Оно того не стоит, мадемуазель, уж поверьте! Мужчины ни в жизнь тамасский шелк от оберийского не отличат. Большинство из них предпочитают шелка побыстрее снимать, а не рассматривать...

К таким откровениям я оказалась не готова и залилась обильным румянцем. Просто из любознательности же спросила... Демонстрировать свое белье мужчинам в ближайшее время я не

планировала. Даже таким притягательным, как лорд Арланд...

Ох, Эла, и думать в этом направлении не смей!

Быстро выписав чек, я попрощалась с говорливой продавщицей и попросила доставить заказ домой лично в руки. Не хочу, чтобы кто-нибудь из служанок Ангэлоров опять сунул свой любопытный нос в мои пакеты.

Из конфекциона вышла довольная и немного уставшая. Раздумывая над тем, не зайти ли куда-нибудь перекусить, я обвела глазами Центральную площадь.

Небывалое скопление людей у входа в Королевский парк привлекло мое внимание. Там, на высоких помостах, показывали что-то интересное, и пестрая толпа горожан периодически взрывалась громкими аплодисментами. Ведомая острым любопытством, я подошла ближе.

— Какая приятная встреча! — неожиданно раздался над ухом смутно знакомый голос.

Я обернулась и с неподдельным удивлением уставилась на говорившего. Совершенно не помнила его имени, а вот лицо мне было определенно знакомо.

Смуглый кадет, с которым я танцевала на Весеннем балу, смотрел на меня карими глазами и широко улыбался. По правде говоря, я совсем не разделяла его радости от встречи.

— И вам доброго дня, — откликнулась умеренно-приветливо и отступила от юноши на шаг, что на переполненной людьми площади было не так-то просто.

— Альберт... Меня зовут Альберт Ниц, — повторно представился кадет, очевидно осознав, что я его толком не запомнила. Это открытие его слегка расстроило, но, увы, жажду общения не отбило. — А я вас сразу заметил, Элеонора! Ваша красота затмила всех на этом празднике...

Я натянуто улыбнулась. Сразу вспомнилось, как едва не оказалась погребена под лавиной слащавых комплиментов, нескончаемым потоком сыпавшихся на мою голову во время нашего танца. Как и любая девушка, я любила комплименты, но... Мадам Пийль на уроках изящной словесности установила невероятно высокую планку светской учтивости, и поразить воображение воспитанницы Сен-Грейс теперь было нелегко. Кадет Альберт Ниц пока, увы, поражал лишь своей излишней вольностью при общении с малознакомой девицей.

— Какой сегодня праздник? — поспешно спросила я, желая избежать новой порции хвalebных речей.

— Ну как же — праздник весны! И начало народных гуляний. Сегодня чествуют виноградарей и показывают про них сценки. Я думал, вы как раз пришли посмотреть представления...

Это самое представление шло полным ходом на центральном помосте, но разглядеть что-либо за широкими спинами и пышными перьями шляп было невозможно. На соседней сцене разнорабочие только устанавливали декорации для уличного театра.

— Нет, я просто шла мимо...

— Тогда позвольте я провожу вас до школы, прекрасная Элеонора, — оживился кадет, быстро глянув через плечо.

Я проследила за его взглядом и обнаружила неподалеку от нас двух незнакомых кадетов. Они нетерпеливо переминались с ноги на ногу и что-то обсуждали, по очереди поглядывая на своего приятеля. Перспектива подобного эскорта меня ужаснула.

— Благодарю, в этом нет необходимости! Мне совершенно нечего делать в Сен-Грейс, у нас каникулы.

Фразу про «совершенно нечего делать» Альберт Ниц воспринял по-своему:

— О, тогда давайте просто погуляем в парке? Или вы предпочли бы посмотреть спектакль?

Ну, конкретно в данный момент, я предпочла бы оказаться подальше от одного навязчивого кадета! Пустота особняка Ангэлоров резко перестала быть удручающей и перешла в разряд весьма желанной. Никогда я не отличалась общительным нравом, что ж тут поделать...

— Мне пора возвращаться домой, — попыталась отказаться я, но не тут-то было.

— Вы же только что подошли! И еще ничего не успели увидеть, — посетовал настойчивый кадет и, подхватив мою руку, водрузил ее на сгиб своего локтя: — Пойдемте поближе, милая Элеонора! Вам понравится представление, местами оно весьма забавное.

Не дожидаясь согласия, юноша потащил меня ближе к сцене, ловко раздвигая локтями столпившийся народ.

Я досадливо поморщилась: некоторые люди настолько непрошибаемы, что иногда проще с ними согласиться, чем от них отвязаться. Посмотрю из вежливости пару сценок и ретируюсь.

Фамильярность кадета раздражала. Мы не настолько хорошо знакомы, чтобы называть друг друга по именам. Он что, не знает элементарных правил вежливости? Или почему-то решил, что со мной им необязательно следовать? Разве я дала повод так думать?.. Да, лорд Ангэлер тоже обращался ко мне по имени, так он предварительно спросил разрешение и получил мое согласие. И мне — чего уж таить — нравился этот доверительный тон между нами, это словесное сближение, намекавшее на более близкие отношения. Даже если этот намек на близость я лишь придумала. А в случае с кадетом подобное сближение казалось неуместным и некомфортным.

Меня довели до самого помоста. Приятели Альберта Ница, как оказалось, последовали за нами и остановились в паре шагов. Рассматривали меня беззастенчиво, с одобрением и толикой зависти, не спеша представляться. Один даже подмигнул — то ли мне, то ли своему удачливому другу. Насколько я знала, в Военной академии учились не только лорды, но и отпрыски совершенно неаристократических фамилий, и судя по отсутствию манер, передо мной были как раз они.

Я отвернулась к сцене и сосредоточила свое внимание на артистах. Представление уличного театра было более приятным для глаз, чем эта любительская пантомима кадетов. Жаль, мы подошли почти к самому концу. Высокий актер с фальшивой бородой громко объявил, что через пару минут нас ждет новое зрелище. С края площади громко возопили зазывалы, предлагая попробовать засахаренные фрукты и теплое вино. Толпа пришла в движение.

Воспользовавшись суетой, я отошла от кадетов и направилась ко второй сцене, где только возводили декорации, видимо, для вечернего спектакля. На высокой раме был натянут холст с изображением бескрайних плодородных полей и сверкающих озер. Двое рабочих передвигали у края громоздкую арочную конструкцию, которая представляла из себя весьма достоверный фасад загородного имения.

Внезапно нога одного из работников провалилась в щель настила и подвернулась. Мужчина вскрикнул от боли и потерял равновесие. Массивная декорация, которую он придерживал, начала заваливаться на бок, грозясь рухнуть со сцены.

Как раз туда, где стояла я...

Один из рабочих еще пытался что-то сделать: безрезультатно тянул конструкцию на себя, в то время как второй, пострадавший, лишь смотрел на рушащийся декор широко распахнутыми от ужаса глазами.

Меня парализовал страх. Вид окровавленной щиколотки рабочего и неотвратно приближающегося фасада буквально приковал к месту. В голове молнией мерцала мысль, что нужно отскочить от помоста, а следом за ней другая — что я не успеваю это сделать! Тяжеловесная декорация наклонялась всё ближе, сердце всё сильнее билось о ребра, предчувствуя скорую боль. Как вдруг правая балка конструкции просела, словно разрушилась за долю секунды, рассыпавшись прахом, и траектория падения изменилась.

Заденет меня или нет?!

Узнать это не довелось. В следующее мгновение мой локоть грубо сжали и резко дернули назад. Я охнула и, потеряв равновесие, стала падать. Неловко взмахнула руками, готовясь к болезненному столкновению с землей, но вместо земли оказалась нос к носу с... лордом-попечителем.

— Ой! — пикнула невольно, врезавшись в каменную грудь, к которой меня тут же прижали так сильно, что едва могла дышать.

Ангэлер медленно опустил голову и посмотрел на меня в упор. Очень недобро.

Позади с грохотом упала декорация. Кто-то взвизгнул, кто-то выругался — поднялась суматоха и гомон. А я, как зачарованная, смотрела в глаза лорда Арланда. Они были похожи на темные провалы: черный зрачок расширился, перекрыв почти всю радужку и оставив лишь тонкую, едва заметную каемку синевы. И вроде бы я твердо стояла на ногах, а ощущение было такое, будто падаю-падаю, проваливаюсь в бездонную тьму...

— Элеонора!

Я вздрогнула от громкого окрика и оглянулась. Это кадет Ниц запоздало кинулся ко мне, но сделав пару шагов, замедлился и остановился, словно увяз в забучих песках.

Лорд Ангелер коротко взглянул в его сторону и еще больше помрачнел.

— Уходим, — сухо обронил он. В голосе явственно звучало раздражение и что-то еще, что мне не удавалось определить. — Сами идти сможете или вас понести?

Прислушавшись к своим ощущениям, я осознала, что вроде как ничего нигде не болит. Даже дыхание уже почти выровнялось, хотя близость Ангелера этому и не способствовала. Однако перспектива быть унесенной на руках казалась весьма заманчивой. Я даже всерьез ее обдумывала пару секунд. Это же так романтично! Красавец-мужчина пронесет испуганную деву сквозь толпу, а она стыдливо прячет лицо на его груди. Вот только вид у некромонга был слишком уж недовольный и неромантичный. С таким настроением меня скорее перекинут через плечо, как мешок с репой, и вынесут с площади отнюдь не румяным лицом вперед...

Ой нет! Лучше я сама, ножками-ножками...

— Смогу, — кивнула уверенно и тут же, вопреки словам, оступилась.

Не слишком любезно подхватив меня под локоток, лорд Арланд двинулся прочь от злосчастного помоста. Ему даже не пришлось работать локтями, пробивая нам путь сквозь напиравшую толпу, устремившуюся к месту происшествия. Люди сами отступали, едва ли не шарахались в стороны.

— Ой! — Я снова споткнулась. И тут же ощутила, как мужская рука беззастенчиво обвила мою талию, придерживая и вынуждая идти быстрее.

— Вам потребуется чуть больше красноречия, чтобы объяснить, что тут произошло, — процедил Ангелер.

Я взглянула в его лицо, напоминавшее ледяную маску, и отчетливо поняла: лорд-попечитель сердится!

На меня?..

Но за что?! И каких именно объяснений он ждет?..

Почти бегом мы добрались до оставленного в начале Тонон-ле-Бер ренмобиля. Меня усадили на переднее сиденье и внимательно осмотрели, желая убедиться, что на мне ни царапины. Такая забота была приятна, вот только мужской взгляд при этом был такой колючий и холодный, что хотелось обнять себя за плечи, закрываясь от него. Так же молча некромонг сел на руль и привел ренмобиль в движение.

Тишина в салоне давила на нервы. А они у меня и без того пострадали... Шок от произошедшего немного отступил, и в теле появилась неприятная дрожь. Перед мысленным взором, как безумная карусель, закружились страшные картинки.

— Спасибо, что спасли меня, — нарушила я тягостное молчание. — Но как вы оказались на площади, милорд?

— Внепланово, — буркнул лорд Арлана. Немного помолчав, всё же пояснил: — Уехал с приема чуть раньше, сославшись на срочные дела, и оставил леди Цицерии наслаждаться гостеприимством Мортимеров. Собственно, на встречу с нужным...хм... человеком я и направлялся, когда, проезжая мимо площади, заметил знакомое синее платье. Вы очень целенаправленно куда-то шли. Я уже доехал до конца площади в поисках места для остановки, когда увидел, что было предметом вашего интереса. А точнее — кто!

После финальной фразы Ангелера я даже перестала рефлексировать на тему едва не случившегося со мной несчастья. Что это сейчас было? Ревность?!

С трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться вслух. Почудится же такое с перепугу!

— Пока я там в гостях веду скучные беседы, отдуваясь за нас обоих, — продолжил тем временем лорд-попечитель, — вы ходите на тайные свидания с каким-то кадетом!

Некромонг попытался скрыть досаду за улыбкой, но та вышла фальшивой и кривой. В его глазах читался явный упрек.

— Это не было тайным свиданием! Альберта Ница я встретила совершенно случайно...

— Ах, Альберта Ница... совершенно случайно... Значит, с Оливией Мортимер вы недостаточно дружны, чтобы проводить вместе время, а Альберт Ниц — вполне для этого годится, так?

Не знаю, как выглядит сцена ревности — не доводилось в ней участвовать, — но наш разговор сильно ее напоминал. Если бы не одно «но»: лорд Арланд совсем не подходил на роль ревнивца. А

ревновать меня к несчастному кадету так и вовсе бессмысленно. Но сказать это я не решалась, боясь выставить себя наивной глупышкой. У недовольства лорда-попечителя, скорее всего, иная природа, никак не связанная с ревностью: если бы я пострадала, ему бы пришлось объясняться с директором и возможно даже опекунами. Кому такая перспектива понравится?..

Но с другой стороны, разве виновата я в случившемся? Не по моей же просьбе та дурацкая конструкция решила упасть! Почему мне приходится оправдываться?

Именно эти доводы, только в более мягких выражениях, я и озвучила робко, на что услышала категоричное:

— Ничего бы не произошло, если бы вы не отправились гулять в одиночку. Точнее в сомнительной компании. Могли бы дожидаться моего возвращения!

— Но я же не знала! Думала, вы у Мортимеров до самого вечера пробудете...

— Поэтому решили улизнуть из дома, воспользовавшись случаем?

— Да! Именно так! — Мое хрупкое душевное равновесие разлетелось вдребезги, похлеще театральной декорации, щедро плеснув в невыносимого лорда возмущением

и обидой. — Решила использовать свой шанс погулять по городу. Ведь он представился мне впервые за двенадцать лет!

Ангелер насупился и замолчал, стиснув руль до побелевших костяшек.

Снова в салоне воцарилось безмолвие. Только утробное рычание ренмобиля нарушало тягостную тишину. За окном проплывали залитые солнцем фасады домов, горожане, нарядные и не очень, спешили по своим делам. Мой поход в Эжени с веселой и суетной примеркой нарядов казался бесконечно далеким, как будто с того момента уже год прошел. Приподнятое настроение рассеялось без следа...

Я кусала губы, тайком поглядывая на сосредоточенное мужское лицо, и ругала себя за несдержанность, граничащую с грубостью. За свое поведение сделалось стыдно, а на душе — муторно... Я уже открыла было рот, чтобы извиниться, но лорд-попечитель меня опередил.

— Простите, Элеонора. — Голос его звучал мягче и глуше. — Я не хотел вас попрекать прогулкой. Наш дом не тюрьма, и вы можете гулять, когда вам захочется. Просто будьте осмотрительнее. Сегодня вы едва не погибли... Мне невыносима сама мысль, что с вами может случиться несчастье, как с вашей...

Лорд Ангелер оборвал себя на полуслове, но я поняла, что он хотел сказать. Невысказанная мысль на миг словно повисла в воздухе, а потом ударила наотмашь. Меня накрыло осознанием едва не случившейся беды. Остро, болезненно! Мама погибла под рухнувшими перекрытиями этажей, а считанные минуты назад я едва не была погребена под упавшей декорацией. Представила себя лежащей на брусчатке, бездыханной, с раздробленной грудиной, и от этого видения мороз побежал по коже, а внутренности сжались. Жутко осознавать, что семейная трагедия могла повториться, оборвав мою жизнь... Вот так просто и внезапно...

Сдержав постыдный всхлип, я закрыла лицо руками. Смотреть на произошедшее с такого ракурса было тяжело. Это бредило старые воспоминания, будило суеверия и страхи... Зачем я ходила глазеть на наш старый дом?.. И вот ведь удивительно: почти сразу после визита домой со мной случилась беда... Будто нить семейного проклятья через годы протянулась от него ко мне...

Боже, что за бредовые мысли лезут в голову!..

Тут я почувствовала, что сиденье рядом прогнулось. Лорд Ангелер пересел ближе и, обхватив мои запястья, аккуратно убрал ладони от лица. Ренмобиль стоял в тихом сквере на незнакомой улице. Поглощенная переживаниями, я и не заметила, как мы здесь оказались.

— Испугались? — участливо спросил некромонг, не торопясь отпустить меня.

Кивнула в ответ, чувствуя, как вместо отступающего страха зарождается

смущение. А еще странное томление и иррациональная надежда, которым вообще не место рядом с этим мужчиной. Мягко высвободила руки и, скрывая неловкость, принялась разглаживать несуществующие складки на юбке.

— С вами ничего не случится, Эла... Обещаю, — прошептал лорд Арланд, и от этого хриплого шепота стало нечем дышать.

— Вы даете невыполнимые обещания, милорд. — И откуда только взялась во мне смелость

посмотреть ему в глаза? Снова синие, без пугающей черноты...

— Почему же?

— Чтобы их исполнить, придется всё время быть рядом...

— А кто сказал, что я не собираюсь? — подавшись вперед, проговорил лорд-попечитель. Почти мне в губы, так, что я невольно разомкнула их и наше дыхание смешалось. Один гулкий удар сердца, и его губы накрыли мои. Резко, нетерпеливо. Мужская рука властно легла на затылок, не позволяя отстраниться.

Как будто я могла!

Внутри меня взорвался целый фейерверк эмоций, который разом поглотил все мысли и желания, заставляя забыть где я и кто... В ушах зашумело, по телу волнами разошлась приятная дрожь, голова закружилась... Пальцы впились в мужские плечи, и лишь где-то на краю сознания красным огоньком замерцало понимание, что, вопреки всем приличиям, отвечаю на поцелуй. Страстно и самозабвенно!

Осмыслить это не было ни малейшего шанса... С каждым прикосновением губ, языка Арланда я проваливалась в омут наслаждения, где само понятие благопристойности рассыпалось пылью. И, кажется, падала в эту бездну я не одна... Глухо застонав, Ангэлера обвил мою талию рукой, зажав между сидением и своим телом, продолжая целовать так жадно, так умело, что не было сил даже вздохнуть, не говоря уже о том, чтобы очнуться от наваждения и осознать происходящее.

Я потеряла счет времени и даже под пытками не смогла бы сказать, длился этот поцелуй минуту или час. Даже когда лорд Арланд с трудом оторвался от меня, пробубнил что-то про «возвращаться домой» и вырулил на Лустгартен — даже тогда меня не покидало чувство, что все происходит не со мной...

В холл особняка Ангэлера входила с трепетом. Поцелуй еще горел на губах, щеки заливал румянец, и казалось, что любой взглянувший на меня сразу поймет, что я делала совсем недавно. Лорд-попечитель, напротив, был немного бледен и бросал на меня нечитаемые взгляды, от которых по телу бежали мурашки. Я не знала, как вести себя с ним после случившегося, что говорить... Нас неминуемо ждало объяснение, и я боялась его до дрожи в коленях.

Спасение пришло неожиданно — от притаившегося на козетке у дверей посыльного из Эжени, доставившего покупки. Мальчишка ждал моего возвращения, чтобы вручить коробки лично в руки, как было наказано. Сунув ему пару медяшек, я забрала обновки и малодушно сбежала к себе в комнату.

Оставшиеся до возвращения в школу дни пролетели незаметно. Серьезного разговора, которого опасалась, так и не последовало. Успокоившись, я осознала, что зря себя на эту тему накручивала. Ну, какие объяснения, в самом деле?.. Не будет же лорд Ангэлер оправдываться передо мной? Или тем более извиняться? А уж ждать предложения руки и сердца после единственного поцелуя было бы с моей стороны крайне наивно...

Я и не ждала. Нет, себе можно не врать: хотела, очень хотела, дивясь собственной поспешности, но особо не рассчитывала... Всё же лорд Арланд не восторженный юноша, склонный к скоропалительным решениям и романтическим безумствам. Но что-то в его глазах, когда он смотрел на меня там на площади, а потом в ренмобиле и по прибытии в особняк, позволяло надеяться, верить... Самое удивительное — меня совершенно не мучило чувство стыда. Не было ни малейших сожалений. Да что уж там! Я бы с удовольствием повторила наш поцелуй, чтобы снова испытать это неопишемое чувство полета, так похожее на падение... Но шанса больше

не представилось.

Лорд-попечитель был очень занят и частенько уезжал из дома. В один из дней, со слов Ларса, его даже вызывали во дворец, откуда он вернулся задумчивым и немного расстроенным. Мне хотелось разгладить пальцами суровую морщинку между его бровей, стерев эту печать невеселых мыслей, но я не решилась даже спросить о причинах его задумчивости. С того памятного поцелуя между нами ничего не изменилось. И в то же время изменилось многое... Лорд Арланд стал вдвойне обходительным и заботливым, стремился провести в моем обществе каждую свободную минуту, словно слышал ход иллюзорных часов, отсчитывавших мгновения до моего отъезда. Но при этом не позволял себе никаких вольностей. Его поведение сделалось едва ли не более галантным, чем в начале нашего знакомства. Никаких провокаций и неприличных намеков, как тогда в библиотеке! Следящий за мной взгляд темно-синих глаз по-прежнему был жарким, но не вызывающим и плотоядным, а скорее ласкающим и присваивающим. От него внутри всё трепетало и пело.

Окончательно были выброшены из головы непристойные намеки Кристи. Теперь я была уверена, что лорд Арланд не воспринимал меня как девицу для утех. В противном случае он непременно

воспользовался бы ситуацией. Ведь в ренмобиле я позволила ему неприлично многое... И он явно потребовал бы большее, будь его желания столь низменны и неблагородны. Но ведь это не так! Вот только ответить себе, в каком качестве тогда воспринимает меня Ангэлер я не могла... Его обходительность последних дней могла быть ничем иным, как попыткой сгладить впечатление от той минутной слабости, что была вызвана переизбытком эмоций после происшествия... Однако мне претило думать о нашем поцелуе в таком ключе... Умом я понимала, что влюбленность некромонга в меня сродни чуду, но сердце упорно желало верить в сказку.

Глава 10. Обитель грез

В последний день каникул лорд Ангэлер вызвался лично отвезти меня в Сен-Грейс. Я тепло попрощалась с леди Цицерией и Ларсом, надела купленное в Эжени платье и спустилась в холл.

Вот и всё.

Не верилось, что пришло время уезжать... С одной стороны, мне хотелось вернуться в привычный мир: к девочкам, занятиям и легкомысленным ночным посиделкам в дортуаре. С другой стороны, в том мире — моем мире — не было места лорду Арланду... После возвращения леди Ангэлер он снимет с себя обязанности попечителя и, скорее всего, мы больше никогда не увидимся. От этих размышлений на душе становилось тоскливо.

«Учитесь ценить каждую мелочь, дарованную судьбой», — так нам говорили в Тотенбур-Холле, выдавая рисовое печенье вместо обещанного на праздник шоколадного пудинга. И я научилась. Сердце грела мысль о рекомендациях, которые пообещал мне Ангэлер, а еще призрачная надежда вновь увидеться с ним, когда он привезет рекомендательное письмо.

— Я уже всерьез обдумываю предложить директору Хоулю ввести в школе формат дистанционного образования, — внезапно произнес лорд Арланд, вырвав на каштановую аллею.

Я повернулась к нему, ожидая пояснений.

— Скажем, вы могли бы заниматься по программе школы, оставаясь в нашем особняке.

— Это больше напоминает домашнее обучение, — осторожно возразила, не понимая, к чему он клонит. — Леди Лорентайн Ангэлер считала его устаревшей традицией.

— Ну надо же. Вы знаете о моих родственниках больше меня, Элеонора.

— Только про основательницу, — смутилась я. — Мы подробно изучали ее биографию и все этапы создания школы... Кстати, вы знали, что в ту пору многие считали, будто школа создавалась с целью отбора и обучения невест для некромонгов?

— Да глупость несусветная!

— Мы с девочками так же подумали...

— Правильно подумали, — кивнул одобрительно. — Любой нормальный некромонг свою избранницу не в школу бы отправил, а увез подальше от всех, в родовой замок. И там научил бы всему необходимому...

На последней фразе Ангэлер окинул меня выразительным взглядом, задержавшись на губах. Я невольно вспыхнула, представив, как могло бы проходить такое обучение. Явно в очень, очень тесном контакте...

— И вообще, зная распутные нравы наших придворных, я бы не спешил выводить избранницу в свет, — продолжил воодушевленно рассуждать некромонг. — Пара лет вдали от пороков двора пошла бы только на пользу. Может быть, после рождения первенца...

Он осекся, заметив мой изумленный взгляд.

— Вы шутите, да?

— Конечно. Шучу, — хмыкнул Арланд и отвернулся к дороге.

Прозвучало не слишком убедительно, но развивать тему я не стала. Однако для себя вывод сделала: мужчина или некромонг — все они в определенный момент уподобляются ненасытным драконам из легенд, которые прятали свои сокровища в неприступных пещерах высоко в горах, а потом охраняли их до последнего вздоха. Так что тут уж задача сокровища не дать затащить себя слишком далеко в недра пещеры, где света белого не видно. А так-то пусть защищают конечно. Интуиция подсказывала, что леди Лорентайн в свое время пришлось бороться не только с чужими, но и со своими. Не каждой такое под силу.

— Если говорить про школу, то это ведь не только уроки, — вернулась я к началу нашего разговора. — Важную роль играет и общение с друзьями. Не могу представить себе Сен-Г рейс без этого. А формата дистанционной дружбы не существует.

— Соскучились по подругам? — понимающе взглянул на меня лорд-попечитель.

— Да! Очень.

— А меня вы считаете другом?

— Если вы позволите, — ответила осторожно. Вопрос казался с подвохом.

— Что ж, тогда буду надеяться, что через две недели вы и по мне начнете скучать, — улыбнулся он. Неожиданно искренне и задорно.

Скажет тоже! Две недели... Да мне двух дней хватит, чтобы истоскаться по синим глазам. А по его светлой улыбке я начинаю скучать уже сейчас, как только она соскользнула с красиво очерченных губ.

— Приехали, — сообщил Ангэлера и первым покинул ренмобиль, чтобы открыть для меня дверь. То, что он не стал дожидаться, пока это сделает лакей, а предпочел лично позаботиться обо мне, в очередной раз заставило сердце радостно затрепетать в груди.

На ступенях особняка Сен-Грейс я заметила директора Хоуля, подслеповато шутившего на весеннее солнышко, пока наш дворецкий что-то неспешно ему докладывал. Увидев нас, директор отпустил мистера Филдса и поспешил навстречу лорду-попечителю. Появление наше не осталось незамеченным и другими обитателями школы: ключница Бэтти с интересом наблюдала за нами, сидя на любимой скамейке, а в окнах дортуара то тут, то там мелькали лица любопытных воспитанниц.

От столь пристального внимания мне стало не по себе, и я попыталась скрыться за парадными колоннами крыльца, пока мужчины приветствовали друг друга. Но не тут-то было.

— Подождите минутку, мадемуазель Элеонора, — задержал меня за локоток лорд Арланд.

Я повернулась с вежливой улыбкой на лице, как никогда явственно ощущая тепло его пальцев через шелк платья.

— Марк, я хотел бы прояснить один момент. — Ангэлера повернулся к директору, который, как и я, напряженно замер в ожидании продолжения. — Насколько я понял, по выходным, когда нет никаких мероприятий, воспитанницы нашей школы могут выходить в город, верно?

— Да, — кивнул директор. — Если школой было получено на это дозволение от родителей или опекунов воспитанницы.

— Но есть воспитанницы, которые ни разу не покидали стен школы, не так ли?

— Так. Речь сейчас о мадемуазель Дюбар, я верно понял, милорд? — Меня наградили очень пристальным, оценивающим взглядом. Ох, как бы директор не подумал, будто я нажаловалась лорду-попечителю. У меня же и в мыслях не было...

— Просто пытаюсь понять, как так вышло, что мы шесть лет фактически держали девушку взаперти, — бесстрастно пояснил некромонг.

С участвующимся пульсом я наблюдала, как вытягивается лицо директора.

— Ну что вы, милорд! — шумно выдохнул он. — Никто не держал воспитанницу взаперти. Она могла посещать Королевский парк, театр, музеи вместе с другими девушками и нашими наставницами.

— Но не одна?

— Нет. Для самостоятельных прогулок требуется разрешение. А его опекуны мадемуазель Дюбар не давали.

— То есть они запретили?

— Не совсем так, — стушевался директор. — Они вообще не ответили на наш запрос...

— И вы это так оставили? — Недоверчиво вскинул бровь Ангэлера.

— Помилуйте, милорд! Мы направляли письма пять раз. И ни на одно не получили ответа. — Господин Хоуль беспомощно развел руками. — Что тут можно было сделать? Не заявляться же на порог дома советника Сюффрена...

Я подавилась вдохом. Пять раз! Пять раз директор писал моим опекунам! И все пять раз они не снизошли до ответа. А я удивлялась, что мое единственное письмо было проигнорировано... Стало так горько, будто я настойки полыни хлебнула.

— Думаю, в сложившейся ситуации школа должна взять на себя ответственность и принять самостоятельное решение. Пусть и запоздалое...

— Что вы предлагаете, милорд?

Вот и мне стало интересно. Что задумал лорд Арланд?

— Как глава совета попечителей я выдаю разрешение Элеоноре Дюбар покидать школу в свободные от занятий часы.

— Эм... Не уверен, что устав школы предполагает подобное, — озадаченно потер переносицу Марк Хоуль. — С другой стороны, ваше слово... Но вы уверены, милорд, в необходимости такого решения? — Директор с сомнением посмотрел на некромонга, а потом медленно перевел взгляд на меня. — Юным девушкам небезопасно разгуливать по городу в одиночку...

«Особенно тем, кого некому защищать», — осталось несказанным.

— Всецело с вами согласен, Марк. Поэтому мадемуазель Дюбар, — тут лорд Ангэлэр посмотрел на меня в упор, — будет пользоваться нашим разрешением осмотрительно. Верно, Элеонора?

Я поспешно закивала, с трудом веря в услышанное. Неужели я смогу, как и все девочки, выходить за ограду?

Хотя и так вскоре смогла бы: до конца обучения оставалось совсем немного времени, а до моего дня рождения — и того меньше. Но получить разрешение здесь и сейчас, а тем более от лорда Арланда, было куда приятнее! На фоне озадаченного директора я буквально светилась от счастья, провожая глазами некромонга, пока тот не скрылся за воротами.

После нескольких дней, наполненных непрерывной болтовней, в которой взбудораженные воспитанницы делились впечатлениями о каникулах, жизнь в Сен-Грейс вернулась в привычное русло. Занятия, дежурства, посиделки в дортуаре и прогулки по школьному саду... Во время одной из прогулок Катрина умудрилась вернуть кадету Барроу магический сквид, благополучно дождавшийся нашего возвращения в обуюнице.

В дальнем углу сада, за кустом ракитника, располагалось укромное местечко, где можно было подойти вплотную к ограде. Со стороны Королевского парка от любопытных глаз нашу школу в том месте скрывал пышный вечнозеленый кустарник. Между ним и забором при должной сноровке можно было протиснуться, что и сделал предприимчивый поклонник Кати. И как позже выяснилось — не один раз...

— Так он тебе понравился? — спросила я Катрину, когда мы готовились ко сну.

Последний учебный день недели медленно угасал, растворяясь на горизонте

коралловой дымкой. Город тихо засыпал, а во мне, наоборот, просыпалось желание поболтать. Тем более, что следующий день был выходным, а значит никто не придет нас будить ни свет ни заря. Эх, быстро я в доме Ангэлэров отвыкла от ранних подъемов...

Тема «страшного жилища некромонгов» была исчерпана в первые же дни. Я поведала девочкам обо всем, что происходило в доме лорда-попечителя. Только о поцелуе не сказала.

«Так он и не в доме случился», — нашлось достойное оправдание моего молчания.

Открыто говорить о чувствах к Ангэлэру — а в их наличии сомневаться уже не приходилось — я пока не была готова. Катрина же, напротив, охотно рассказывала о своем знакомстве с семьей потенциального супруга, вот только былого энтузиазма в ее голосе уже не слышалось.

— У него красивое имя... Леон Фирелл, — безрадостно начала Кати и, притянув колени к груди, обняла их руками.

— А сам-то он красивый? — подала голос Виктория, сражавшаяся перед зеркалом с непослушными кудрями.

— Да не особо... Но папа говорит, что он хорошо воспитанный, надежный и перспективный молодой человек...

— Звучит, как рецепт микстуры от зубной боли. Тебе хоть что-то в нем нравится?

— Да! Отсутствие интереса ко мне. Потому что всякий раз, когда за обедом он смотрел в мою сторону своими выпученными глазами, мне хотелось спрятаться под стол! К счастью, он это делал нечасто.

— О-о-о... — протянули мы с Викторией в голос, а Катрина лишь горестно вздохнула.

— Так может ну его, такого жениха? — Я ободряюще улыбнулась приунывшей подруге. — Не будет

же тебя папенька против воли замуж выдавать!

— Не знаю... Не хочу спешить с выводами. Может, Леон не так и плох, просто я...

— Просто ты влюбилась в Филиппа Барроу! — пропела Вита, радостно сверкнув глазищами.

— Не влюбилась! — тотчас насупилась Кати. — Он мне небезразличен. Ну, хорошо! Он мне симпатичен, — призналась подруга в ответ на насмешливо вскинутую бровь Виктории. — Я поняла, когда сквид отдавала, что соскучилась по нему за время каникул. По ясному взгляду голубых глаз... и по робкой улыбке, от которой у него на щеках ямочки появляются...

— А кадет Барроу уже признался тебе в любви? — поинтересовалась я.

Если чувства взаимны, то объективно я не видела препятствий на пути

влюбленных. Кроме разве что настойчивого желания Катрины поселиться в Шлосберге. Но неужели она не отступится от него ради любви?

— Можно сказать, что признался. А еще он... поцеловал меня.

— И ты молчала?! — возмущенно уставилась на подругу Вита.

— Было как-то неловко вот так, ни с того ни с сего, об этом рассказывать, — потупилась та.

О, я понимала ее, как никто другой! Всё же поцелуй, тем более первый — очень интимное переживание, чтобы о нем легкомысленно болтать между делом.

— Тебе понравилось? — сменила гнев на милость взбодораженная новостью Виктория.

— Да... Было так жарко, так сладко... Сердце стучало, как сумасшедшее... А еще я до жути боялась, что нас застукают! — Прикрыв глаза, вспоминала Кати.

Слушая ее, я тоже вновь переживала наш с лордом Арландом поцелуй. Внезапный, страстный, лишаящий воли... Тогда я совершенно потеряла голову и даже на мгновение не задумалась, а не видел ли нас кто-нибудь. А что если...

— Милая, если твое сердце отдано улыбашке Филиппу, то сдался тебе этот Леон Фирелл! — тряхнула кудрями Вита.

— Ты не понимаешь... Я ведь до вчерашнего вечера никогда не целовалась ни с кем. Что если еще больше мне понравилось бы с кем-то другим? Хотелось бы попробовать...

— Что?! — одновременно вскрикнули мы, уставившись на отчаянно краснеющую подругу.

Катрина съежилась на кровати и закрыла пунцовое, как помидор, лицо руками.

— Не смотрите на меня как на гулящую девку, — пробурчала из-под ладоней. — Я и сама чувствую себя ужасно распутной!

— Кати, ну что ты! — Я подсела к подруге и ободряюще погладила поникшее плечико. — Мы просто не ожидали услышать что-то подобное от такой... серьезной барышни, как ты.

— Девочки, я просто хотела сказать...Если абстрагироваться от морали и правил,

— воспряла духом Катрина, — то как сделать выбор, если пробуешь только что-то одно? Как понять, что любишь клубничное мороженое, если никогда не пробовала фисташковое и ванильное? Филипп мне очень нравится, но... Я не уверена, что это те самые чувства! Ведь всё познается в сравнении. Так нас учили на философии. А в реальной жизни по сути лишают выбора...

Кати грустно вздохнула, а я призадумалась. Она, как всегда, говорила вполне разумные вещи. Недаром была отличницей. Один поцелуй с единственным мужчиной — неужели это всё, что у нас есть для принятия решения, хотим ли мы провести с ним всю оставшуюся жизнь? А скольких женщин целуют мужчины, прежде чем поймут, с кем хотят связать судьбу? Вот лорд Ангелер отчего-то сразу отмел сестер Мортимер, хотя даже не целовал их, надеюсь. А меня целовал. И, возможно, сравнивал с кем-то. Знать бы с кем! И в чью пользу было сравнение?.. Похоже, что не в мою, раз за поцелуями ничего не последовало...

Согласно этой логике картина получалась неприглядная. А как же любовь с первого взгляда? Всего лишь самообман?..

Я прислушалась к собственным ощущениям. Хотелось ли мне поцеловать кого-то еще для сравнения? Нет, желания целоваться с другими мужчинами не обнаружилось, а вот повторить опыт

с Ангелером очень даже хотелось. И что же это получается? Не всем требуется пресловутое сравнение? Или бывают чувства, исключительность которых вообще не ставится под сомнение?.. Хорошо это или плохо, я пока не знала.

— Знаешь, Кати, а ты права! — с жаром произнесла Виктория, выдергивая меня из потока сумбурных мыслей. — Это несправедливо, в конце концов! Леди Лорентайн говорила, что свобода выбора — неотъемлемое право каждой женщины в Лидегории.

Мы с Катриной понимающе переглянулись: в нашей подруге в очередной раз проснулся борец за права слабых и угнетенных, на этот раз — женщин. Такое случалось каждый семестр. А после того, как Вита на каникулах познакомилась с леди Мередит Терса — первой и единственной женщиной-сенатором, едва не потеснившей основательницу школы Сен-Грейс на пьедестале кумиров, — скорое явление воительницы стало неизбежным. Как в миниатюрной девушке уживаются две личности: светской красотки, мечтающей удачно выйти замуж и под ручку с супругом блистать на приемах, и непримиримой правдоискательницы, — я могла только гадать. Не знаю, как относился к необычным порывам младшей дочери сенатор Кэррош, но жених Викторию явно не поддерживал, из-за чего у них даже случилась размолвка.

— Вот только леди Лорентайн говорила про свободу выбора образования, — заметила Катрина. — В ту пору подобное высказывание об отношениях с мужчинами обернулось бы жутким скандалом.

— Но времена меняются! И традиции тоже порой нужно пересматривать. Вот, например, помолвка... могла бы быть не итогом выбора спутника жизни, а только шагом к нему, возможностью узнать друг друга поближе и понять, есть ли будущее у ваших отношений. А разрыв помолвки не должен ставить крест на репутации девушки! Ведь каждый может ошибиться и не с первого раза найти свою судьбу... — Виктория в сердцах дернула запутавшийся в кудрях гребень и жалобно пискнула.

Спрыгнув с кровати, я подошла и забрала у нее из рук многострадальный гребешок. Такими темпами она выдерет себе половину волос или, сломав расческу, ляжет спать так, а утром проснется похожей на взбесившийся одуванчик. Встав за спиной шатенки, стала аккуратно распутывать пушистые кудряшки.

— Ви, мне кажется или ты тоже не против поцеловаться с кем-то кроме своего ненаглядного Себастьяна? — поддела подругу Кати.

— Не хочу говорить о Себастьяне! Я еще злюсь на него, — надула губки Вита. С минуту она молча наблюдала в зеркале, как я заплетаю ее волосы в тугую косу, а потом сдалась и, лукаво взглянув на меня из-под ресниц, созналась: — Вообще-то мы даже и не целовались...ТАК. Он просто мимолетно касался моих губ и руки. Было приятно, но не более... А я тоже хочу, чтобы было жарко, сладко и сердце стучало!

В этот момент за дверь послышались шаркающие шаги ключницы Бэтти; мы вынужденно притихли и погасили свет.

— Завтра Филипп пригласил меня на прогулку в парк, — прошептала Катрина в темноте.

Я с досады куснула внутреннюю сторону щеки: так надеялась провести выходной вместе с девочками. Выбраться куда-нибудь в мой первый день свободы... Конечно, я не обижалась на Кати. Моя вина, что заранее ни о чем не договорилась.

Но, как ни стыдно признаваться, я до последнего ждала, что лорд Ангелер пригласит меня на прогулку в город...

Глупая, наивная Эла!

Оставалось верить, что Вита не бросит меня грустить в одиночестве. Сходим вместе в ее любимый Эжени... Однако утром, когда мы вернулись с завтрака, в комнате ждал сюрприз, с ходу изменивший все наши планы.

Рядом с моей кроватью стояла объемная корзина для пикника, накрытая льняной салфеткой, в складках которой виднелась именная карточка.

— Это от леди Цицерии, — удивленно произнесла я, прочитав короткое пожелание приятного пикника в саду, написанное размашистым почерком и подписанное именем пожилой леди.

Вот только готова поклясться, что это не ее почерк! Возможно, писал Ларе или... Лучик надежды ярко забрезжил в душе.

— От леди Цицерии, говоришь? — словно подслушав мои мысли, хмыкнула Вита, ловко выудив за горлышко бутылку «Ликирии». — Вино белое, полусладкое... идеально к фруктовым закускам и

десертам, — провозгласила с видом знатока. — Довольно легкое, кстати! Так что нас, девочки, даже не обвинят в злоупотреблении спиртного...А что еще там есть, Элечка?

Беглая ревизия корзины порадовала свежей выпечкой, миниатюрными эклерами, орехами в карамели и разнообразием спелых фруктов. Ко всему этому прилагался набор бокалов и посуды однократного использования.

— Какая прелесть! — восхитилась Катрина.

— Точно не хочешь остаться с нами? — подмигнула ей Вита.

Подруга виновато улыбнулась, развела руками и поспешила к шкафу выбирать платье для свидания. Ну где эклерам соперничать с улыбкой Филиппа Барроу! А вкус его поцелуев для Кати, видимо, слаще любого вина...

Ближе к полудню мы с Викторией спустились в школьный сад. Там было пустынно и хорошо. В кронах деревьев пели птицы, нежно гудели пчелы. Не слышалось звонких девичьих голосов, гравий не шуршал под чужими шагами — воспитанницы, в большинстве своем, упорхнули в город. В дальней части сада, рядом с пышным кустом шиповника, стояли плетеные стулья и круглый столик. Здесь мы и решили обосноваться. Сидеть на земле еще было холодно.

— Что между вами всё-таки произошло? — спросила я притихшую Виту, пока мы неспешно накрывали на стол. — Не припомню, чтобы ты хоть раз всерьез сердилась на Себастьяна.

— О, в этот раз он превзошел самого себя! И сказал ужасную гадость...

— Даже боюсь спросить какую... За такие слова мадам Мезар выгнала бы его из школы?

— За такие слова мадам Мезар стукнула бы его по голове! — воинственно сверкнула глазами Вита. — Мне, между прочим, тоже хотелось...

Я затаила дыхание от любопытства. Что же такого мог ляпнуть всегда вежливый и холодный жених Виктории, чтобы пробудить кровожадность в нашем миниатюрном борце за справедливость?..

— Знаешь, какой девиз у Военной академии? «Учимся, чтобы побеждать», — сама себе ответила Вита. — А он сказал, что девиз Сен-Г рейс, если бы он у нас был, звучал как «Учимся, чтобы угодать»!

— Так и сказал?!

— Представь себе!

— Возмутительно. — Я протянула подруге тарелку с орешками.

— Не то слово! — С досады плюхнулась та в кресло и горько вздохнула. — И это не говоря о том, что он категорически не поддержал мое желание учиться законотворчеству и пройти стажировку в Сенате. Хочу стать политиком и делать жизнь в Лидегории лучше!

— Ты это серьезно? — Моя челюсть лишь чудом не стукнулась о стол. — Ты же всегда говорила, что лучшее, что может случиться с девушкой — это удачное замужество. А теперь...

— Я и не отказываюсь от своих слов! Просто пересмотрела критерии удачного замужества. В чем же здесь удача — быть аксессуаром для мужа без права на собственное мнение?!

Это был неожиданный поворот. Непоседа Вита определенно полна сюрпризов... Вопрос лишь в том, не растают ли эти ее политические мечты, как туман над Марной, когда Себастьян через пару месяцев наденет помолвочное кольцо с бриллиантом на тонкий пальчик?.. Наша Виктория имела свойство как быстро загораться новыми идеями, так и в одночасье к ним охладевать.

— Я уже давно мечтала пойти по стопам отца, — почувствовав мои сомнения, уверенно заявила она. — Просто не знала, с чего начать, как подступиться. Но после знакомства с сенатором Мередит Терса...

— Доброго дня, леди, — раздался за спиной знакомый рокошующий голос, и мое сердце самовольно пустилось вскачь.

Как во сне, я медленно повернулась и попала в плен темно-синего взгляда. Лорд Ангэлер смотрел внимательно и чуть насмешливо, словно спрашивая: «Скучала?». А ответ на моем лице читался легко и однозначно.

— Доброго дня, милорд, — звонко поздоровалась Виктория, заставив меня вспомнить, что мы тут не одни. — Эм-м... милорды, — поправила себя подруга, когда из-за спины лорда-попечителя показался

еще один господин.

Я отмерла и сделала книксен. Высокий блондин в темно-сером костюме сухо кивнул в ответ. Взгляд у него был такой же колючий, как ветки шиповника, что норовили зацепиться за рукав его сюртука. Выражение недовольства от нахождения здесь отчетливо читалось на породистом лице. Мужчина был красив и надменен. И чем-то отдаленно напоминал жениха Виты. Но если холодная вежливость Себастьяна была подобна порции мороженого, то от этого незнакомца веяло ледяной пустыней.

Почему-то сразу подумалось, что он тоже некромонг. Из совета попечителей или просто друг лорда Арланда? Представляться мужчина не спешил.

— Мадемуазель Элеонора, я привез вам письмо, — Ангэлера достал из кармана небольшой конверт и протянул мне.

— Благодарю, милорд... Рекомендательное? — Я с сомнением посмотрела на розовую бумагу, источавшую цветочный аромат.

— Кхм... нет. Рекомендательное привезу вам в следующий раз. А это пришло по почте на следующий день после вашего отъезда.

— Ой, кажется, оно от меня, — пролепетала Виктория, заливаясь румянцем. — Поздно отправила Элечке ответ. Простите, я не хотела никому причинять неудобства...

Я и забыла попенять Вите на отсутствие обещанного письма. А оно, оказывается, пришло, хоть и с опозданием. И лорд-попечитель взял на себя труд привезти его в Сен-Г рейс. Наверное, подумал, что это что-то важное, хотя представить нечто важное в розовом конверте затруднительно.

— Не переживайте, мне несложно было захватить письмо. Я в любом случае ехал к директору Хоулю по делу, — заверил смущенную девушку некромонг, при этом неотрывно глядя мне в глаза.

Вот так стоять и смотреть друг на друга в окружении подружки и незнакомца казалось неловким, неправильным. Но я ничего не могла с собой поделать: Арланд как магнитом притягивал мой взгляд.

— Лорд-посыльный к вашим услугам, — тихо хмыкнул блондин, вогнав успокоившуюся было Виту обратно в краску.

Ангэлера бросил на спутника предупреждающий взгляд, который не произвел на того ни малейшего впечатления. А потом по-дружески хлопнул блондина по плечу и, повернувшись к нам, произнес:

— Леди, на правах лорда-попечителя разрешите представить вам лорда Рэйвена Дэлавера, главу службы безопасности Его Высочества и моего доброго друга.

Так вот кто этот странный тип! И да, я была права: судя по фамилии, он некромонг.

Безопасник кисло улыбнулся нам и, пока мы с Викторией по очереди официально представлялись, достал из кармана быстро мерцавший черный кристалл и уткнулся в него, водя по поверхности пальцем. Не очень-то вежливо с его стороны.

— Милорд, не желаете ли вместе с другом присоединиться к нашему пикнику? — обратилась я к лорду Арланду. — Позвольте поблагодарить вас и... — Тут его взгляд опустился на мои губы, явственно давая понять, какой именно благодарности он ждет, и я... забыла, что хотела сказать дальше...

— Окажите любезность, разделите с нами эти угощения! — пришла на помощь

Вита.

Лорд Дэлавер при этих словах оторвался от кристалла и скептически оглядел накрытый стол. Его правая бровь слегка приподнялась, когда взгляд упал на бутылку вина.

— Эти угощения прислала нам леди Цицерия, — во избежание недоразумений поспешила объяснить я.

Мимолетная улыбка, скользнувшая по губам Ангэлера, сказала мне больше слов.

— С удовольствием примем ваше приглашение и присоединимся к пикнику, — отозвался он и придвинул к столу дополнительные стулья.

— Ненадолго, — вставил Дэлавер, без особой радости опускаясь в плетеное кресло.

Всегда думала, что при королевском дворе все очень любезные и обходительные, а, оказывается,

совсем наоборот. Если у остальных придворных такие же манеры, как у лорда-безопасника, то будущим фрейлинам скорее пригодится умение игнорировать грубость, чем навык куртуазно изъясняться.

— Итак, к чему приурочены ваши милые посиделки? — поинтересовался блондин.

— Что-то празднуете, мадемуазель Дюбар?

Серо-голубой взгляд опасно полоснул по мне, и я едва не выронила пару бокалов, которые достала для лордов. Мне почудилось или от друга Ангелера повеяло неприязнью?

— Разве что отличный солнечный денек, милорд, — скупой улыбнулась в серьезное лицо, на что мне ответили пристальным, изучающим взглядом, заставив почувствовать себя букашкой под лупой исследователя.

Непросто будет с этим господином вести непринужденную беседу.

— А вы, мадемуазель? — переключился безопасник на Викторию. — Ваш отец сенатор Мартин Кэррош, глава отчетной комиссии Казначейства. И вскоре вы породнитесь с семейством генерал-лейтенанта Лирца, не так ли?

Подруга удивленно хлопнула ресницами, очевидно как и я, ощутив себя на допросе.

— Извечный союз финансистов и военных, — удовлетворенно кивнул своим мыслям Дэлавер и снова устался в кристалл, временно потеряв интерес к разговору.

На кукольном личике Виктории застыло растеряннo-обиженное выражение. Подобный стиль общения был непривычен и, сказать по правде, неприятен.

Лорд Арланд осуждающе взглянул на друга и перехватил инициативу в разговоре. Дальше беседа потекла в легком, приятном тоне, без напряжения и манерности. Мне нравилось просто слушать глубокий мужской голос, рассказывающий о событиях прошедшей недели и последних новостях Мальбурга. Я отмахнулась от тревожной мысли, как глубоко он запал мне в сердце — об этом я подумаю позже, наедине с собой. Сейчас вспомнилось, как по утрам я читала вслух для леди Цицерии «Трибуну», а лорд-попечитель слушал, сидя в кресле с чашечкой кофе. Мы словно поменялись местами.

— Позвольте поухаживать за вами, ведь сегодня вы наш гость, — радушно улыбнулась Вита, забирая из рук Ангелера бокалы и открытую им бутылку вина.

Я немного завидовала ее непосредственности и умению держать себя.

Сказывался опыт многочисленных светских приемов, которые устраивала ее семья, а не только тех, что проводились в школе. Виктория общалась легко и непринужденно в любой компании — лорд-безопасник стал первым исключением за все время нашего знакомства — и умела всецело расположить к себе собеседника. Вот и сейчас лорд Арланд благодушно улыбался, принимая наполненный бокал и слушая звонкое щебетанье. Я почувствовала постыдный укол ревности.

Быть может, совместный пикник был не самой удачной идеей...

— Сейчас бы мороженого, — мечтательно вздохнула кудрявая кокетка. — Говорят, летом в кафе Королевского парка появится десерт из лепестков роз и фиалок. Удивительная идея, не правда ли?

— Н-да, чтобы леди могли не только нюхать цветы, но и есть их. Очаровательно.

— Тон Дэлавера был далек от очарования и сквозил неприкрытым ехидством.

Вита с королевским достоинством проигнорировала насмешку и изящным жестом пригубила вино.

Мне тоже отчаянно хотелось сказать что-то оригинальное и остроумное. Но, как назло, ничего не приходило на ум. Все события прошедшей недели казались незначительными и совершенно неинтересными двум взрослым мужчинам. Кому захочется слушать про то, как профессор Оруэн похвалил меня за доклад по Вармии или какую тему я выбрала для зачетной работы по живописи. Странное дело, жизнь в Сен-Грейс всегда представлялась мне увлекательной и наполненной событиями, а оказывается, стоит попасть в светское общество, так и рассказать не о чем.

Может тогда начать задавать вопросы? Спросить лорда Ангелера, как чувствует себя леди Цицерия, как отдыхает на побережье его родителям... Нет, слишком фамильярно. Будет выглядеть так, словно я пытаюсь втереться в семейный круг. Две недели в роли компаньонки не сделали меня близким другом семьи и не дали права интересоваться их делами.

Получается, у нас совсем нет общих тем...

Это открытие расстроило меня безмерно, заставив впервые за долгое время пожалеть, что не возвращаюсь в высшем свете. Тогда у нас с Арландом непременно были бы общие знакомые и воспоминания о событиях из светской жизни.

— Перед нашим появлением тут прозвучало любопытное имя... Вы упомянули Мередит Терса, — изрек Дэлавер, словно насмехаясь над моими сожалениями.

— Вы правы, — оживилась Виктория. — На каникулах мне посчастливилось познакомиться с этой удивительной женщиной! Сенатор Терса произвела впечатление очень умной и любезной леди.

— Как неожиданно. Всегда думал, что сенатор Терса не терпит конкуренции и на дух не переносит других женщин.

— Вовсе нет! — Подруга сердито фыркнула. — Она даже выразила сожаление, что в законотворчестве не участвуют другие дамы...

— Уж не ее ли стараниями, — хмыкнул безопасник. — Впрочем, за это сенатора можно только поблагодарить.

— Считаете, что женщинам не место в политике? — недобро прищурилась Вита.

— Что им там делать? Разве что модные цвета шляпок узаконивать, — язвительно поддел Дэлавер, окинув девушку насмешливым взглядом.

Вита возмущенно выпрямилась. Тонкие ноздри гневно затрепетали, и я внутренне сжалась, готовясь к взрыву.

Глава 11. Призраки прошлого

Лорд Ангэлэр незаметно пнул друга под столом.

Рэйвен опять заигрался. Была у Дэлавера одна раздражающая особенность: ему нравилось провоцировать людей. Раскачивать их эмоции, выводить из себя. Он верил, что в такие моменты человек являл свое истинное лицо. Ключевое слово тут было — человек. С некромонгами, как ни странно, Глава Тайной канцелярии в такие игры не играл.

Но одно дело — устраивать подобные проверки придворным, что можно считать частью его работы, и совсем другое — доводить юную девушку. Последнее Арланд не одобрял.

Мог бы просто проигнорировать этот милый бред... Когда хотел, Рэйвен умел быть очень обходительным, даже обольстительным, чем всегда вызывал повышенный интерес у придворных дам. Вот только путь от восторженного обожания до жгучей ненависти бывал весьма коротким. За десять лет службы во дворце Арланд насмотрелся на всякое. Что оставалось неизменным: игнорировать Дэлавера мало кому удавалось.

Тем удивительнее было, что подруга Элеоноры на провокацию не поддалась. Обиженно посопела и взяла себя в руки.

Премия что ли Марку выписать — за особые успехи в обучении воспитанниц?

Лорд Арланд с облегчением отметил, что спустя пару минут и Элеонора расслабилась и снова заулыбалась. За время пикника он успел несколько раз пожалеть о своем решении взять с собой Дэлавера. Однако друга было просто необходимо познакомить с малышкой Дюбар, чтобы раз и навсегда развеять глупые подозрения. Рэйвен обладал гибким, хищным умом, и его следовало направить по верному пути, избегая траты времени и сил на пустые домыслы в отношении Элеоноры. Арланд был уверен, что после личного знакомства он окончательно перестанет подозревать девушку.

— По-прежнему считаешь Элеонору угрозой? — спросил у приятеля Ангэлэр, когда они, попрощавшись с девушками, направились к воротам.

— По-прежнему считаю, что девица не стоит тех хлопот, что ждут тебя в скором будущем. Влюбись в кудряшку. Она забавнее.

Арланд тихо хмыкнул, не соглашаясь с выводами. Что ж, симпатией к малышке Дюбар Рэйвен пока явно не воспытал, но, по крайней мере, не строит новые теории заговора с Элой в главной роли. А это уже неплохо.

В задумчивом молчании некромонги дошли до места, где был припаркован ренмобиль Ангэлера.

— Ар, ты всерьез думаешь, что найдешь свое счастье с девушкой, чьи родители пытались растоптать твою семью? — Дэлавер с непривычной серьезностью посмотрел на друга поверх сияющей черной крыши.

— Не обобщай. В ситуации с братом виновен лишь ее отец, но и это не доказано.

— Мы оба знаем, что ситуация с Аронсом возникла из-за ее матери. Так что косвенно она тоже виновата.

— Глупо винить женщину за красоту.

— А за тщеславие и коварство — подойдет? Или ты уже забыл, какой была Эвелина Дюбар?

— Нет. И вряд ли когда-либо забуду, — буркнул Ангэлэр и нырнул в теплое нутро нагретого на солнце ренмобиля. На душе сделалось мутно. Зачем было опять начинать этот разговор? Ощущение тепла и радости после пикника в школе растаяло без следа, сменившись ноющим осколком льда в области сердца.

— Я напомню, если это вдруг случится, — пообещал Дэлавер без тени улыбки, усаживаясь рядом. — Женщины из этой семьи приносят только горе. Послушай меня как друга, оставь ее. Не надо давать волю чувствам.

— Ты не понимаешь. Это сильнее меня...

— Сильнее тебя только Смерть! Всё остальное в твоей власти, — возразил непреклонно. — Забудь ее! Мало того, что она не некромонг, что само по себе упущение, так еще и дочь врагов. И это лишь вопрос времени, когда недруги нанесут следующий удар. Тебе сейчас нужна холодная голова...

— Ты так говоришь, потому что не знаешь, что такое страсть. Она сжигает изнутри, если не дать ей выход.

Вот вроде и не собирался откровенничать с Дэлавером, а слова лились сами, и Арланд испытывал странное удовлетворение, проговаривая вслух всё то, что зрело и бурлило в нем последние недели.

— Ну так утоли свою страсть и двигайся дальше, — бездушно обронил Рэйвен. — Я видел это не единожды. Неутоленная страсть как болезнь, и лечится она известным способом. А когда наиграешься, пристрой в хорошие руки. Только не надо городить планы на совместное будущее!

Про руки Дэлавер зря сказал. Ничьих рук рядом со своей Элеонорой лорд терпеть не намерен. Одно воспоминание о чернявом кадете вызывало в душе вспышку раздражения. При всем цинизме совет Рэйвена был дельным. Да что там! До недавнего времени Арланд и сам планировал поступить ровно таким образом: утолить плотский голод и навсегда перевернуть эту страницу своей жизни.

Когда всё изменилось?

Должно быть, в тот день, на площади... Когда едва не закончилось то, что только обещало начаться.

Ужас, парализующий и всеобъемлющий — вот что он испытал тогда. Вот что заставило переосмыслить свои желания. В один миг он чуть не потерял Элеонору навеки. Опять. Всё тот же злой рок...

Стоя рядом со сценой и прижимая к себе дрожавшую девушку, Ангэлэр чувствовал магию смерти. Не только свою, но и чужую. Так ли случайно подломила прогнившая доска под ногой рабочего? Как мог прогнить новый настил?

Но все произошло слишком быстро, и некромонг не успел толком разобраться. Нужно было увести Элеонору с площади, из-под прицелов сотен глаз. В тот момент было важнее убедиться, что с ней всё в порядке, забрать в безопасное место, остаться наедине.

Темнейшая продемонстрировала ему тогда, насколько всё зыбко и не вечно под небесами. Но зачем? Что должен он вынести из этого урока? Всеблагая Смерть учит своих детей, но уроки ее порой туманны.

Однако кое-что Арланд понял точно. Ему мало обладать телом малышки Дюбар. Он хочет ее всю. Всю ее суть. Чтобы она душой стремилась к нему, добровольно и неистово. И он ее получит. Прикосновения этих губ, отзывчивых и чувственных, сказали больше любых слов. К чему эти игры в пошлое соблазнение? Он сыт ими по горло! Сколько лет дышал воздухом дворца, пропитанным ими насквозь. Теперь ему захотелось соблазнить ее душу. Чтобы к моменту окончания Сен-Грейс его золотая рыбка была плотно на крючке и помыслить не могла жизни вдали от него. Он увезет ее в Мор-ле-Мец. В родовом замке они укроются от навязчивого внимания и гнусных слухов, и он сделает всё, чтобы мысль о неоднозначности их отношений даже не возникала в девичьей головке.

— Элеонора не такая, как ее мать, — констатировал вслух Ангэлэр.

— Ты же сам недавно говорил, что она ее копия. — Дэлавер недоверчиво фыркнул, искоса взглянув на друга.

— Я имел в виду внешнее сходство. Содержание совершенно иное. Элеонора относится к людям искренне, без притворства и высокомерия.

Хвала Темнейшей, Эла определенно не такая, как ее мать! Та же ангельская внешность, от которой всегда предательски замирало его сердце, но совершенно иное наполнение. Она не холодная и расчетливая стерва, в которую он в юности влюбился до беспамятства. О нет! Она искренняя и страстная девочка! Его девочка. Которая будет любить его, а не пытаться использовать в своих целях... Мысленно Арланд уже присвоил себе малышку, предвкушая блаженство обладания желанной женщиной. Пагубная страсть, сжигавшая его изнутри все эти годы, перерождалась во что-то совершенно иное...

Арланду нравилось, что у них нет прошлого. Только настоящее; оно как чистый лист — рисуй, что хочешь. И будущее. Хотя о нем пока рано думать.

В одном Дэлавер был несомненно прав: семья Ангэлера не примет мадемуазель Дюбар. Не сейчас уж точно. Возможно, потом... Когда история с Аронсом уляжется, брат вернется в столицу и благополучно восстановит свои позиции при дворе, может, тогда он расскажет родителям об Элеоноре. В любом случае, это будет непросто...

Арланд невольно скривился, представив ярый протест родственников.

Стоило вспомнить реакцию Дэлавера и помножить на десять — так отреагируют родители на

появление где-то рядом женщины с фамилией Дюбар.

— Расскажи лучше, как прошла твоя аудиенция у Ее Величества? — выдернул его из неприятных размышлений Рэйвен.

Ангэлер ощутимо напрягся. Говорить о карьерных планах не хотелось, хотя бы потому, что он и сам еще до конца с этими планами не определился. Но Дэлавер упорно ждал ответа.

— Мне дали время на подумать, — неохотно признался некромонг. Говорить в открытую о своем нежелании возвращаться в ближайшее время на службу было неблагоприятно. — Ее Величество предложила мне возглавить один из отрядов карателей. Очевидно это должно было способствовать скорейшему принятию решения.

— У тебя есть все шансы сделать блестящую карьеру, обойдя на этом пути отца. Ты пользуешься высочайшим доверием.

— Да, пока безропотно выполняю приказы.

— В новом звании ты эти приказы будешь отдавать. Разница ощутимая, Ар.

— Я пока не готов возвращаться во дворец, — покачал головой Ангэлер. — Семейные дела сейчас в приоритете.

— Никто и не говорит, что вернуться надо прямо сейчас. Королева всегда придерживалась мнения, что хорошего карателя можно и подождать. Но советую не злоупотреблять королевским терпением.

Рэйвен побарабанил пальцами по кожаной обивке двери.

— Признаюсь, я тоже жду твоего положительного решения. Ты же знаешь, что скрывается за внешним спокойствием и благополучием в королевстве... Какую цену мы платим за этот шаткий мир... Каждый надежный союзник на счету. Ароне, ты, я и еще с десятков проверенных некромонгов — и шансы Фредерика дожить до коронации и взойти на престол существенно повышаются. В противном случае клятву верности придется приносить его двоюродному брату, а Лукавый Лу не тот король, который нужен Лидегории...

— Лукавый Лу? — улыбнулся Арланд. — Кто из вас двоих дал Луиджи это прозвище — ты или кронпринц?

— Дерек. У них с детства отношения не сложились, — хмыкнул Рэйвен, будто вспомнив что-то забавное, и продолжил уже серьезнее: — Так что, друг мой, уединиться в своей глуши в родовом замке у тебя в любом случае не получится. Ты нужен правящей семье и мне. И, конечно, Аронсу. Да-да, твое возросшее влияние и связи, которые неизбежно появятся после принятия командования отрядом, будут хорошим подспорьем и для него. Брат сказал бы тебе то же самое, будь он здесь.

— Я начинаю подозревать, что решение о моем назначении принималось с твоей подачи, — Арланд с сомнением покосился на приятеля.

— Каждый получает то, что заслужил, — неопределенно пожал плечами Дэлавер. Достав кристалл связи, он быстро прочитал сообщение и начертил ответ. — Вчера было совершено покушение на обер-мейстера лорда Файнса, ты уже в курсе?

— Нет, не знал, — мгновенно подобрался Арланд. — Его племянница учится в Сен-Г рейс. Думаешь, это может быть связано с нашим убийством?

— Сомневаюсь. Его не было в списке гостей Весеннего бала. Никакой взаимосвязи тут не улавливаю. Да и вообще, по спискам, что выдал директор Хоуль, всё глухо, — с неудовольствием признал Рэйвен. — Совершенно не за что зацепиться.

С минуту они в молчании медленно ползли по загруженным экипажами улицам Мальбурга. Изредка среди карет и кэбов сверкали глянцевыми антрацитово-серыми боками другие ренмобили, вальяжно проплывая по центральным проспектам.

— Знаешь, недавно я был с визитом у Мортимеров, — прервал молчание Ангэлер, — и переговорил с Оливией, младшей из дочерей. По традиции школы она была хозяйкой бала, и я поспрашивал осторожно, что она видела и слышала в тот день. Говорю же, аккуратно поспрашивал, — с нажимом произнес Арланд, заметив настороженный взгляд друга, — не упоминая ни о каких происшествиях. И она рассказала кое-что любопытное.

— Что именно?

— В разгар бала она обнаружила Элеонору запертой в кладовке.

— И снова в действующих лицах мадемуазель Дюбар...

— Не станешь же ты утверждать, что она сама себя закрыла!

— А ты готов поверить, что ей грозила опасность?

— Если бы считал так всерьез, то уже забрал бы ее из школы.

— Bravo! Тебе только повод дай... Хотя, — Дэлавер на мгновение задумался, — возможно, на это и делалась ставка...

— Да брось! Хватит видеть во всем, связанном с Элеонорой, тайный умысел. Не надоело еще подозревать ее?

— Моя работа — подозревать всех и всегда. К тому же, почему тайный? На мой взгляд, вполне явный.

— И в чем, по-твоему, тут был замысел?

— В том, чтобы со скандалом забрать воспитанницу из Сен-Г рейс. И обвинить школу в несостоятельности с точки зрения безопасности. Ведь жизнь ученицы подверглась ужасной опасности! Возможно, ее должны были найти одновременно с трупом... Представляешь, какая шумиха поднялась бы среди родителей и опекунов?

— И ради этого убили официантку? — скептически возрился на друга Ангэлера.

— Не думаю. Но заточение, с последующим вызволением, воспитанницы, якобы чудом избежавшей смерти, стало бы отличным поводом раздуть скандал и отвлечь всех от истинных мотивов убийства.

— А что мы знаем про истинные мотивы?

— По-прежнему, пугающе мало, — разочарованно вздохнул Рэйвен. — Я так понимаю, никаких сведений про подземелья ты не нашел?

— Нет, — отрицательно качнул головой Арланд.

— Скверно. Либо тут всё лежит на поверхности, а мы просто не видим, либо зарыто так глубоко, что еще копать и копать...

— Послушай, версия со скандалом из-за воспитанницы выглядит сомнительной, хотя бы потому, что опекунов Элеоноры не было на балу и по сей день они никак не дали о себе знать... А возможность-то была, и вряд ли Сюффрен упустил бы ее. Но я уверен, что заперли малышку Дюбар не случайно. Скорее всего, она что-то видела или еще как-то помешала...

— И она до сих пор жива? И при этом молчит?..

— Значит, она не представляла серьезной опасности для убийцы. Может, и сама не поняла, что стала чему-то свидетельницей...

— Тогда уж скорее участницей, каких-нибудь коварных девичьих разборок, — неуступчиво заключил Дэлавер. — Дамочки с малых лет горазды плести интриги и пакостить друг другу.

— Не знаю, почему эта мысль не пришла мне в голову раньше, — проигнорировав слова некромонга, продолжил Ангэлера. — Думаю, мне надо ее расспросить про тот вечер.

— А, ну с этого и следовало начинать! Нужен повод для внепланового свидания?

— ехидно протянул Рэйвен. — Надеюсь, остатков твоего благоразумия хватит, чтобы не посвящать девицу в детали случившегося?

— Само собой, я не планирую рассказывать ей об убийстве.

Вечно Дэлавер всё выворачивает и извращает. Хотя идея с внеочередным свиданием Арланду понравилась. Конечно, можно было бы дожидаться следующих выходных: он в любом случае планировал пригласить Элу на прогулку или в ресторан. Но это же еще так нескоро! А времени у них с Рэйвеном в обрез. Значит, чем быстрее он выяснит, что могла видеть или слышать девушка, тем лучше. С такими доводами даже директор Хоуль не поспорит. Кстати, нужно уточнить у Марка, в какой из дней воспитанницы освобождаются с занятий пораньше.

— Что-то мы упускаем, — задумчиво пробормотал Дэлавер, уставившись вперед невидящим взглядом.

С этим было сложно не согласиться. Сколько раз Арланд ловил себя на этом ощущении, что они ходят кругами, что разгадка странного убийства где-то рядом, но они в упор ее не замечают. Будто что-то скрыто от них призрачной пеленой, заклинанием отвода глаз... Нет, бред! Предполагать причастность магов к этой и без того темной истории совершенно не хотелось. И без их участия тут всё предельно запутанно...

— Высади меня в квартале Семи ручьев, — очнувшись от задумчивости, бодро скомандовал Рэйвен. — Нанесу-ка я кое-кому визит...

Оставив друга у дверей одного из старейших центров артефакторики, Ангэлера направился домой. С приятным предвкушением он думал о предстоящей неделе, о скорой встрече с юной Дюбар, предпочтительно в уединенном, тихом месте. И даже в страшном сне не мог предположить, как зло посмеется судьба над его планами...

Глава 12. Смертельный соблазн

— Мадемуазель Дюбар! — Звучный голос мистера Филдса раздался в холле, подобно раскату грома, заставив меня замереть на месте.

Я с подругами только вышла из музыкального класса и вместе с остальными воспитанницами спешила в столовую. В середине учебной недели после обеда нас традиционно ждал урок цветоводства, проходивший в школьном саду. Весеннее солнце с самого утра задорно перемигивалось с зеркалами, отвлекая от учебы и выманивая на улицу. Я с трудом дождалась окончания группетто и мордентов в заунывном исполнении Эмилии Уорд и уже мысленно отправилась гулять по цветущим аллеям. Окрик дворецкого застал меня врасплох и немало удивил.

— Доставлено утром на ваше имя, мадемуазель. — Мистер Филдс протянул мне запечатанный конверт и поспешно откланялся.

От кого может быть это послание? Вариантов, в общем-то, немного... Надежда, что его прислал лорд Ангэлер, ласковым теплом согревала пальцы, державшие письмо.

Виктория, рассказывавшая о своем недавнем походе в оперу, прекратила щебетать и вместе с Катриной с любопытством уставилась на безымянный конверт.

— Откроешь? — нетерпеливо поинтересовалась Кати.

В приятном предвкушении я закусила губу и вскрыла письмо. Плотная двойная карточка выскользнула мне на ладонь. Строгая черная виньетка на белом фоне, красивые ровные буквы. Фамилию Ангэлер в рукописном тексте мой взгляд выхватил сразу, а вот контекст от меня ускользал, не желал укладываться в голове. Я снова и снова перечитывала короткий официальный текст, не в силах поверить в случившееся...

— Ну что там? — Вита игриво тронула меня за руку. — Похоже на приглашение.

Карточка выпала из моих разом одеревеневших пальцев. Спohватившись, я неловко подняла печальное послание.

— Это от лорда-попечителя? — уточнила догадливая Катрина.

Я кивнула. Комок в горле встал так плотно, что не получалось выдавить ни звука.

— Он тебя куда-то приглашает?

Снова кивок.

— Элечка, что не так? На тебе лица нет! — Звонкий голосок Виктории звучал озабоченно.

— Что случилось? — Катрина взяла меня за плечи и заглянула в лицо, не позволив отвести взгляд.

— Леди Цицерия умерла, — непослушными губами прошептала я. — Лорд Ангэлер пригласил меня на похороны. — Дрожащими пальцами протянула подруге траурную визитку, будто она могла прочитать там что-то иное и убедить меня, что всё не так плохо.

— Как печально, — вздохнула Вита, сочувственно обняв меня, — совсем нерадостный повод для встречи...

— Похороны через два дня, — Кати пробежала глазами по скупым строчкам послания. — Думаю, от школы тоже кто-то будет в знак уважения семье основателей.

В столовую мы вошли последними. От скорбных новостей аппетит у меня пропал напрочь, и никакие умопомрачительные ароматы жаркого и запеченных овощей не смогли его вернуть. Кусок в горло не лез.

— Должно быть, пожилая леди болела перед смертью, — робко предположила Катрина.

Я отрицательно качнула головой, вяло ковыряясь в тарелке:

— Она ни разу не жаловалась на плохое самочувствие и была бодрой, когда мы прощались.

— Сейчас попробуем узнать подробности. — Виктория подхватила тарелку и направилась к буфету в углу, возле которого периодически суетились работники кухни.

Она почти подкралась к худой девушке, сортировавшей грязную посуду по подносам, и что-то ей сказала. Та робко улыбнулась в ответ. Я отстраненно наблюдала, как между девушками завязалась

беседа, во время которой Вита округляла глаза и горестно качала головой.

— Ивона работает у нас посудомойкой и приходится родней кухарки Ангэлеров, — пояснила Виктория, вернувшись за стол. — Говорит, пожилая леди вчера упала с лестницы... Кошмар какой-то...

От этих слов мне окончательно поплохело. В голове словно с десяток маленьких молоточков застучало, высекая болезненные искры и подстегивая пульс. Столовые приборы неприятно звякнули о край тарелки.

— Это случилось ночью? — просипела я, не узнавая собственный голос.

— Не знаю, — пожала плечами Вита, — Ивона не в курсе деталей трагедии.

Наверняка, ночью... Леди Цицерия опять ходила во сне, и никого не оказалось

рядом, чтобы подстраховать ее... А всё потому, что я так и не рассказала никому о том ночном происшествии. Острое, жгучее чувство вины затопило сознание.

— Это я виновата, — выдавила еле слышно и закрыла лицо руками, чувствуя, что вот-вот позорно разрыдаюсь на глазах у всех.

— Не говори глупостей, — шикнула на меня Катрина и, схватив за локоть, настойчиво потащила прочь из столовой. — Пойдем-ка на свежий воздух!

Мы присели на скамейку под раскидистым кустом сирени, и я сбивчиво пересказала девочкам события той ночи, как пошла за помощью, как несколько раз потом порывалась сообщить лорду Арланду или Ларсу о случившемся и всякий раз забывала, отвлекаясь на что-то...

— Как я пойду на похороны после такого? Как буду смотреть в глаза лорду Ангэлери?!

— Ну, не пойти ты тоже не можешь, — осторожно заметила Виктория. — Это будет прямым оскорблением...

— А, по-моему, ты напрасно на себя наговариваешь, — твердо заявила Кати. — Ты жила в доме Ангэлеров только две недели и успела увидеть бродящую во сне старушку. Наверняка, ее ближайшие родственники, живущие с ней годами, знали об этих ее особенностях. Так что не делай себя без вины виноватой.

— Я уже неоднократно успокаивала свою совесть этими доводами, но... Если они знали, то как допустили подобное?..

Отвлекаясь от собственных переживаний, я на секунду представила, каково сейчас должно быть Арланду. Одному, в пустом доме, без поддержки родных... Как чувство вины безжалостно терзает его, как он корит себя из-за случившегося! Ведь он всегда так трепетно и заботливо относился к прабабушке... Ну почему, почему я промолчала? Как просто было снять этот груз со своей совести и как глупо, что я этого не сделала! Разумеется, если я не скажу, то он никогда и не узнает, чему была свидетельницей одна безответственная девица. Но я-то знаю! И это молчание навсегда останется между нами... Но ведь это так неправильно — начинать отношения с недомолвок... Конечно, напрямую лорд Арланд не предлагал мне стать его невестой, но как иначе интерпретировать его обещание быть всегда рядом?.. А между любящими сердцами не должно быть никаких секретов.

Через два дня неприметный кэб снова увозил меня из школы в особняк на Лустгартен. Небо над Мальбургом было затянуто облаками, грозясь в любой момент пролиться дождем, словно сам город грустил, провожая леди Цицерию. Воздух пах влагой и цветущей акацией. Я зябко куталась в черную шаль, которую мне одолжила Виктория в дополнение к строгому темному платью, и гадала, как провожают в последний путь некромонгов.

Возможно ли, что прощание проходит в доме усопшей? Ведь меня было велено доставить именно туда... А еще я набиралась храбрости, чтобы поговорить с лордом Арландом и признаться в увиденном той ночью. Что ж, если после моей откровенности он окатит меня презрением, то это будет заслуженно.

В доме Ангэлеров было привычно тихо и пустынно. Но теперь в этом безмолвии звучали тоскливые, тянущие душу ноты. Открывший мне дверь лакей выглядел бледным и встревоженным, Ларса и прочих слуг не было видно. Мне предложили пройти в гостиную, но не успела я дойти до дверей, как через них навстречу вышел лорд Арланд, одетый в элегантный черный костюм.

Я жадно всматривалась в его лицо. Безупречно выбрит, темные волосы небрежно откинута назад, взгляд нечитаемый. Лишь залегшие под глазами тени и скорбно опущенные уголки губ выдавали

природу постигшего семью несчастья.

— Примите мои искренние соболезнования, милорд... — Порывисто шагнула ближе, желая обнять и не решаясь. — Это невосполнимая утрата... — Я осеклась, заметив вышедшую из-за спины лорда девушку.

Черный шелк одеяний струился по ее высокой фигуре, пенился у ног темными волнами. Лицо ее, довольно миловидное, портила маска холодной отстраненности. Незнакомка не касалась Ангелера, но стояла к нему очень близко, словно имела на это право.

Кто она?..

Сердце тревожно зачастило в груди.

— Это доула из храма Темнейшей, — пробился сквозь стук пульса в ушах голос Арланда. — Она поможет вам подготовиться к церемонии прощания. У вас есть час на сборы. — Повернувшись к девушке, лорд представил меня: — Аша, это мадемуазель Элеонора, компаньонка леди Цицерии.

При этих словах доула окинула меня безразличным взглядом и, наконец, отклеилась от Ангелера. Меня же царапнул сухой тон некромонга. Компаньонка пожилой леди... И ничего более. По холлу словно порыв ледяного ветра пролетел, заставив меня плотнее укутаться в шаль.

«Не время сейчас для романтических переживаний, Эла», — одернула себя и последовала за поплывшей в стороны лестницы девицей.

Платье у нее все же было примечательное: вроде просторное, как мантия ученых, и в то же время удачно подчеркивающее статную фигуру при движении, с небольшим элегантным шлейфом позади.

— А в чем будет заключаться подготовка? — поинтересовалась я, когда мы поднялись на второй этаж.

Неразговорчивая доула уверенно направилась к спальне леди Цицерии.

— Вам следует одеться соответствующе, — скупой обронула в ответ, пройдя мимо знакомых дверей и свернув в небольшое помещение, явно примыкавшее к покоям пожилой леди.

— А чем мое платье не... — Слова застыли у меня на губах, когда, послушно шагнув следом, я оказалась в уютной гардеробной, заполненной нарядами.

Темный бархат, шелк и парча окружили меня со всех сторон. Черные, как ночь, меха и кружевные вуали были небрежно разложены на кресле. Окинув меня цепким взглядом, доула быстро выудила с вешалки и расправила передо мной несколько траурных платьев.

— Выбирайте, мадемуазель. Можете примерить их все.

Я оторопело взглянула на застывшую темным изваянием девушку:

— Я... я не могу их надеть...

— Это совершенно новые, чистые платья, которые леди собственноручно отобрала для ближнего круга провожающих, — с неприязнью в голосе произнесла та, совершенно неверно истолковав мою неговорчивость.

С ума сойти! Леди Цицерия собирала траурные платья, чтобы одеть в них тех, кто придет на ее похороны?! В голове не укладывалось...

— Дело не в этом... Они... слишком роскошные и... нескромные! Я буду выглядеть неуместно. — Узорчатый черный шелк пышной юбки приятно зашуршал под пальцами, стоило мне коснуться платья невероятной красоты. В таком можно было бы запросто явиться на королевский бал, если бы не траурный цвет.

— Вы будете выглядеть более чем уместно. Такова традиция некромонгов, — бесстрастно прокомментировала доула и, неодобрительно поджав губы, добавила: — Конечно, вы можете пренебречь выбором леди и заботой лорда Ангелера и остаться в своем платье...

Ну, если вопрос поставлен таким образом, то вариантов у меня особо нет. Обреченно вздохнув, я кивнула на платье из шелковой тафты, которое, на мой взгляд, имело самый строгий и незамысловатый силуэт. И только надев его поняла, насколько обманчивым было первое впечатление: глубокое декольте лишало наряд даже намека на строгость.

Кого же леди-некромонг хотела видеть в таком виде на своих похоронах? И не выбирала ли она эти одеяния в состоянии невменяемости?..

Мой взгляд заметался между оставшимися платьями, стараясь выбрать наиболее безопасный вариант. Только доула, вместо того, чтобы помочь мне избавиться от излишне откровенного наряда, отошла к креслу и вернулась с меховой накидкой. Черный мех лег на плечи, целомудренно скрыв всё лишнее.

— Что-то теплое вам пригодится. В храме будет прохладно.

Я благодарно улыбнулась. Доула заколола в моих волосах легкую черную вуаль, показав, как одним движением опустить ее на лицо.

Придирчиво оглядев результат своих трудов и очевидно оставшись удовлетворенной увиденным, девушка повела меня вниз.

— Вас зовут Аша? — спросила дружелюбно, пока мы спускались в холл.

— Обращайтесь ко мне просто «доула», — ответила она, вновь нацепив маску холодного безразличия. — В храме не называют своих имен непосвященным.

— Вы жрица?

— Послушница. — На меня глянули, как на дурочку. А в следующий миг доула по-девчачьи улыбнулась и пояснила: — Только тот, кто никогда не видел жрицу, мог меня с ней спутать. Сами поймете на церемонии.

Внизу нас уже ждал лорд Ангэлера. Он передал доуле объемный букет белых лилий, перетянутых траурной лентой, и взял меня за руку. Жест получился таким естественным и обыденным, словно мы всегда так делали, готовясь выйти из дома.

Мне захотелось коснуться гладко выбритой щеки в ответ, но я сдержала неуместный порыв.

— Лорд Арланд, я хотела вам кое-что сказать, — произнесла несмело, когда мы, замешкавшись, остались в холле одни.

— Лучше не сейчас, Эла. Вернемся домой после похорон и поговорим, — прошептал Арланд, коснувшись моих пальцев теплыми губами.

И от этого мимолетного прикосновения вкупе с обещанием в животе разлилось сладкое предвкушение, совершенно несвоевременное, учитывая, какой разговор нам предстоял. — Держитесь в храме недалеко от меня. И ни с кем не разговаривайте, хорошо?

Мне не доводилось ранее бывать в обители Темнейшей, и в этом я мало отличалась от других мальбуржцев. Храм Смерти был построен не для людей.

Человек входил в его двери в крайне редких случаях — таких, как сегодня.

Возведенный на придворцовой территории, храм стоял особняком. От высоких кованых ворот к нему вела тисовая аллея, в конце которой путника встречали девять исполинских ангелов, вырезанных из черного мрамора. На их фоне само храмовое здание выглядело приземистым и не особо торжественным. То ли дело белоснежный собор Всеединого с уносящимися в небо куполами! Но, как я помнила из истории города, храм Смерти превосходил собор по высоте, только вытянулся он не вверх, а вниз, скрывая в своих недрах не один подземный этаж. Мне это казалось весьма символичным, как и то, что здание храма не пыталось соперничать с возвышающимся на пригорке королевским дворцом, а словно, зная свое место, расположилось у подножья трона.

У входа в храм уже собралась небольшая группа людей, одетых в черное. Среди них я заметила мадам Луизу Хоуль, поддерживавшую под руку какую-то очень древнюю старушку. На этом знакомые лица закончились.

— Как представитель семьи, я войду в похоронный зал первым. Вы — следом, вместе с остальными гостями, — инструктировал лорд Арланд, помогая мне выйти из ренобиля. — Доула будет с вами рядом и поможет сориентироваться.

Я послушно кивнула, чувствуя, как холодеют пальцы от волнения. Ангэлера отпустил мою руку и, забрав у послушницы букет, неспешно направился к собравшимся у ступеней. Тихие речи, короткие кивки головы, скорбные выражения лиц. Стоя чуть в стороне, я будто смотрела спектакль с сюжетом из чужой жизни... Так же, как в день похорон мамы. Тогда я тоже ощущала себя сторонним наблюдателем, а безысходность и необратимость случившегося осознала лишь недели спустя, в неприветливых стенах Тотенбур-Холла.

Моего плеча коснулась чужая рука, заставив вздрогнуть, выныривая из тоскливых воспоминаний.

— Пора, — обронила доула и сделала мне знак опустить вуаль.

Ветер взметнул полы темных сюртуков и подола дамских платьев, когда похоронная процессия вплыла в двери храма, подобно флотилии под черными парусами. Мы шагнули под каменные своды и оказались в запутанной галерее с множеством закутков и ответвлений. Глянцевые поверхности темных стен и колонн играли отражениями, создавая странное, искривленное пространство, так что через пару шагов я уже не могла понять, откуда мы пришли и куда должны двигаться. Моей руки коснулось что-то холодное, и я инстинктивно ее отдернула.

— Наденьте это сейчас же, — шикнула доула, протягивая мне черную маску с прорезями для глаз.

— Зачем? — искренне удивилась я и даже невольно остановилась.

— Вы же не хотите, чтобы Смерть запомнила ваше лицо и нашла раньше времени? Людям следует скрывать свой лик.

— А почему остальные... — попыталась возразить я, завертев головой и рассматривая огибавших нас гостей. Ни на ком маски не было!

— Потому что детям Смерти нечего бояться. А вы не некромонг.

— У меня же вуаль...

— Этого недостаточно. Надевайте! — Потеряв терпение, послушница почти ткнула в меня маской. — Вообще-то, лорд Ангэлэр велел вам меня слушаться.

Вообще-то, он не так сказал, но спорить и шутить со смертью было рискованно. Нацепив маску и почувствовав себя невероятно глупо, я потянулась следом за всеми вглубь храма. С каждым шагом становилось всё холоднее. А еще многолюднее. Из боковых коридоров безмолвными тенями появлялись некромонги и присоединялись к процессии. Изредка среди них мелькали и пугающие маски, нагоняя на меня жуть. Особенно страшный вид имел один высокий господин, худой настолько, что можно было подумать, будто костюм одет на скелет, а под маской скрывается скалящийся череп.

Храм Смерти производил странное впечатление. Монументальный и величественный, он был лишен той помпезности, что господствовала в центральном соборе Мальбурга, призванная продемонстрировать величие Всеединого и щедрость исповедующих в него веру. Смерти не нужна мишура, ее могущество неоспоримо. Как неоспорим и тот факт, что некромонги ценят роскошь. Истинную, а не показную. Это подтверждал редкий мрамор стен, таинственный малахит колонн, загадочно мерцавшее серебро подсвечников и чаш. Дорого и красиво. Такими же были наряды присутствующих на похоронах и букеты, которые некоторые держали в руках.

Процессия остановилась в круглом зале с окутанным мраком возвышением в центре. Облачения послушниц тихо шуршали по полу, пока доулы расставляли гостей в предусмотренном церемонией порядке. Лорд Ангэлэр остался стоять в тени странного пьедестала, в то время как остальные гости распределились по периметру.

Напротив меня, у противоположной стены обнаружился Рэйвен Дэлавер. Мне показалось или он коротко кивнул мне? Как только узнал под маской...

Когда в зале появилась жрица, мгновенно стало понятно, что имела в виду доула: спутать жрицу и послушницу действительно невозможно. Одевания их были схожи — черная мантия жрицы разве что выткана богаче, — но не одежда приковала мой взгляд. На голове у женщины отсутствовали волосы, и вся кожа была испещрена татуировкам. Как тонкие змейки они оплетали ее череп, спускаясь на лоб и скулы.

Это выглядело непривычно и пугающе!

Никто из присутствующих не опустился перед жрицей на колени, никто не протянул руку, чтобы коснуться ее облачения. В торжественном молчании некромонги наблюдали, как служительница культа Смерти прошептывала по залу, подхватывая чашу с огнем и буквально выплеснула на возвышение. Тонкие ручейки огня — только сейчас я обратила внимание, что огонь белый! — побежали по темному камню, освещая то, что на нем стояло.

От неожиданности я отпрянула, едва не наступив на ногу стоявшей позади доуле. Взяла себя в руки, прошептала извинения и вновь посмотрела на каменный пьедестал. Там лежала леди Цицерия в странном подобии гроба с наклонными стенками. В ровном свечении ее лицо было хорошо видно: леди словно безмятежно спала, укрытая черным бархатом. Сердце защемило от нахлынувшей грусти, и на глаза навернулись слезы. Вспомнились наши ежедневные посиделки, моя беспечная болтовня, ее реплики невпопад, повергавшие меня в ступор... Одинокая слеза сорвалась и пробежала по щеке; я порадовалась, что мое лицо скрыто маской.

Привычных на похоронах причитаний и стенаний в рядах присутствующих слышно не было. Лишь

минуту черное море колыхалось: некромонги возлагали цветы к основанию пьедестала, — и вновь всё успокоилось. Я вдруг поняла, что потеряла из виду лорда Ангэлера, и неуверенно заозиралась по сторонам. Арланд нашелся чуть в стороне от возвышения, беседующим со жрицей и... А что это такое?..

Захотелось протереть глаза, но из-за маски я смогла лишь несколько раз изумленно моргнуть. Рядом с лордом-попечителем стояли три призрачные фигуры, чуть размытые сероватой дымкой по краям. В высокой даме я узнала леди Ангэлера, она что-то говорила сыну, и тот согласно кивал. За ее спиной застыли мужские фигуры, видимо, отца и брата Арланда. Получалось, что семья Ангэлера присутствовала на церемонии прощания вот в таком призрачном виде, физически находясь очень далеко отсюда... Но как такое возможно?! Особая магия некромонгов? Или передовые технологии магов, доставшиеся храму в числе первых?.. Очень хотелось расспросить об этом доулу, но меня наверняка сочли бы бестактной и излишне любопытной.

С последним было сложно не согласиться: всё вокруг поражало своей необычностью и будило живой интерес. Сколько же всего я смогу рассказать девочкам по возвращении! Начиная с того, что среди некромонгов не было видно ни одного скорбного лица — сплошь чинные и серьезные, как будто они на торжественном приеме. Будто и не хоронят вовсе леди Цицерию, а отправляют в длительное путешествие.

Когда жрица заговорила, стало ясно, что в своих впечатлениях я оказалась не так уж далека от истины. Ее голос, низкий и выразительный, наполнил зал гулкой вибрацией, похожей на медленную песню. Она вещала о возвращении домой, о радости встречи с прародителями, о вечном покое и заслуженном умиротворении. Ее слова проникали в душу, заставляли поверить, что смерть — это не конец, это лишь начало иного пути...

Последние слова растворились в стылом воздухе зала, и вокруг гроба ярко вспыхнуло пламя, белой змеей скользнуло по углублениям в камне, подбираясь ближе к покоившейся на нем леди. На секунду я испугалась, что в нос ударит запах горелой плоти, но огонь не коснулся гроба. Что-то непостижимое там происходило... Леди Цицерия таяла, подобно воску свечи, на глазах меняясь и усыхая... Пол под ногами дрогнул, и каменный круг с пьедесталом в центре стал медленно опускаться вниз, оставляя вместо себя зияющий чернотой провал.

Мое взволнованное дыхание вырывалось облачками пара. Это конец? Церемония завершена? Взгляд метнулся к Ангэлера: призрачные фигуры его родни развеялись, а сам лорд в сопровождении жрицы спускался по неприметной лестнице на нижний уровень и через мгновение исчез из виду.

Гости начали тихо переговариваться, и я тоже решила спросить у доулы:

— Что будет происходить внизу?

— Прах соберут в погребальную урну и вмуруют в стену, где захоронены многие поколения Ангэлеров. Это не займет много времени.

Доула оказалась права: лорд Арланд довольно быстро поднялся обратно в зал, пошептался о чем-то с отдельными гостями и уверенным шагом направился ко мне.

— В одном из залов накрыт прощальный фуршет, — сообщил некромонг, — но, если вы не возражаете, мы поужинаем дома.

Я не возражала — все силы были направлены на то, чтобы не стучать зубами слишком громко. Этот потусторонний холод, казалось, пробрался мне не только под меховую накидку, но и под кожу, сковывая внутренности колючим льдом. Находясь в обители Смерти, я утратила ощущение времени и не могла с уверенностью сказать, сколько мы здесь пробыли: час или гораздо дольше. Точно знала лишь то, что под конец церемонии мечтала только об одном — попасть в тепло.

«Тепло объятий Арланда было бы идеальным», — шепнула не в меру взбалмошная часть моего сознания, но я прищкнула на нее.

У человека, то есть — у некромонга, в семье горе, а я о поцелуях и объятиях думаю. К тому же, стоит мне признаться в своих прегрешениях, лорд меня видеть не захочет, не то, что целовать.

По дороге до особняка Ангэлеров я успела немного согреться. Был ли тому причиной теплый воздух в салоне реномобиля или жар в моей груди, что неизменно возникал, когда рядом оказывался лорд-попечитель, — с уверенностью определить не могла. Да и мысли мои были заняты другим. Предстоящий разговор заставлял внутренне трепетать. Где-то на краю сознания я уже малодушно жалела, что вообще заикнулась о нем. И от этого еще сильнее сердилась на себя и дрожала уже больше от волнения, чем от холода.

В темный холл особняка входила с настроением, которое бывает перед сложной экзаменацией, когда

не уверен в собственных знаниях: покончить со всем разом и будь что будет. Признаюсь во всем прямо сейчас, переоденусь и уеду. Но у лорда Ангэлера, как водится, были свои планы.

— Давайте вас сначала отогреем, — мягко произнес он, стоило мне открыть рот, и легонько потянул за локоть. — Идемте, Элеонора! Я разведу огонь в камине. Сейчас из слуг никого нет в доме, но нам должны были оставить легкий ужин. Все разговоры потом.

Я послушно последовала за ним в небольшую гостиную на верхнем этаже, где и вправду на столе нашлись закуски, аккуратно накрытые белоснежными салфетками. Лорд Арланд весьма умело и расторопно разжег камин, и, поймав мой удивленный взгляд, пояснил:

— В Мор-ле-Мец я частенько сам разжигаю огонь в своих комнатах, когда не хочется ждать, пока слуга дойдет через весь замок. Хотя он довольно старый и холодный, в нем есть свое очарование. Надеюсь, вам там понравится. — Последнее предложение он произнес тихо, быстро взглянув на меня с какой-то робкой, мальчишеской улыбкой, которой прежде мне не доводилось видеть на его лице.

Следующий вдох дался мне нелегко. Тягучая сладость заполнила грудь, совсем не оставив там места для воздуха. Я опустила голову, пряча расплывшуюся на губах блаженную улыбку и нездоровый блеск, который, наверняка, уже светился в моих глазах.

Лорд Ангэлер пригласил меня в родовой замок! Судя по всему, не за горами знакомство с родителями... Ах, скорее бы они вернулись!

— А почему в доме нет слуг? — поинтересовалась, скрывая за праздным вопросом смущение и ликование.

— Я отпустил их до утра. Старая традиция, — пожал плечами Арланд. — Прошу к столу.

Гостиная постепенно погружалась в сумрак, усиливавший уютную тишину. Опустевший дом и мы одни. Умиротворенно потрескивали горящие поленья, и так легко мечталось в этот призрачный час. Верилось, будто мы с Арландом в нашем доме коротаем вдвоем этот вечер, и он лишь один из многих...

Темным рубином мерцало вино в бокале, но я едва к нему притрагивалась.

Голова и так шла кругом от впечатлений дня, а близость лорда пьянила не хуже вина. Удивительно, но и Арланд лишь раз пригубил напиток, погрузившись в задумчивость.

Я часто ловила на себе его взгляд, когда сама пыталась тайком заглянуть ему в лицо. Наши глаза встречались, и жар, поселившийся во мне, опалял щеки и шею. меховая накидка была давно снята, оставляя меня беззащитной перед ласкающим мужским взглядом.

Правильнее было бы попрощаться и уйти, но я не находила в себе сил расстаться. К тому же, требовалось закончить одно дело...

— Я должна вам кое в чем признаться, милорд! — Решившись, я пересекла комнату и встала за спинкой его кресла.

Арланд заинтересованно повернул голову, и в синей глубине его глаз заиграли отблески огня, напоминая лучи закатного солнца на водной глади.

— Однажды ночью я видела леди Цицерию ходящей во сне, а после забыла вам об этом сказать. В том, что случилось с вашей прабабушкой, есть моя вина.

Вот, я произнесла это вслух... Обратной дороги нет.

— В чем именно вы себя вините? — недоуменно вскинул бровь Ангэлера.

— В безответственности и...

— Да бросьте, Эла! Я тоже видел прабабушку бродящей во сне — такое периодически случалось. Старое поверье гласит, что некромонг ходит во сне, когда его душа слышит зов и ищет путь в обитель прародителей. Значит, время пришло... В том, что для леди Цицерии час пробил, не виноват никто, и уж тем более не вы.

У меня будто гора с плеч упала. Так я ни в чем не виновата? И Арланд не собирается прогонять меня, облив презрением?..

— Отчего же тогда так грустно? — растроганно прошептала я и несмело погладила его по плечу.

— Не печальтесь, леди Цицерия бы этого не одобрила! — Лорд поймал мою руку и нежно поцеловал

ладонь. — Вы же помните, какой у нее был жизнелюбивый характер...

Не успела я ответить, как его губы коснулись моих пальцев, и в следующее мгновение он удивительно мягко втянул один из них в рот.

Из груди разом выбило воздух. Я словно утратила все органы чувств, остались только ощущения от прикосновения губ к кончикам пальцев. Губ, а еще языка, медленно скользящего по коже.

От бесстыдной ласки бросило в жар — в самое пекло! Невидящим взглядом смотрела, как Арланд медленно выпускает изо рта мой палец, позволяя прохладе коснуться пылающей подушечки. Скольжение языка по кончику другого пальца отозвалось пронзительным удовольствием в самом низу живота. Содрогнувшись от короткой чувственной вспышки, я закусила губу. Темно-синие глаза внимательно наблюдали за моей реакцией, а я — за откровенным, порочным желанием, разгорающимся в их глубине. В коленях разлилась позорная слабость. Мужчина подался вперед, и я успела лишь тихо ахнуть, как оказалась сидящей в кресле поверх него.

— Эла...

Странная покорность овладела мной: разумом я понимала всю неправильность происходящего, но не желала сопротивляться. Да и кому противиться? Арланду? Судьбе? Собственным желаниям?..

Чувствовала, как подрагивают от сдерживаемого желания его пальцы, как сильная рука сжимает талию. Арланд медленно огладил мое тело, пальцы щекотно скользнули вдоль линии глубокого декольте. От его прикосновений кожа вспыхивала миллионами горячих искр, а благоразумие, напротив, меркло и терялось в лавине новых ощущений.

— А-ах-х... — с губ помимо воли сорвался рваный вздох.

И он подействовал, как спусковой крючок: мужские губы порывисто накрыли мои, увлекая в головокружительный поцелуй с привкусом вина. Жар, сладкая дрожь, падение в пропасть... Я всё больше запутывалась в собственных ощущениях, как беспомощная мошка в паутине. Глупая мошка, желающая принадлежать пауку, лишь бы снова и снова чувствовать то легкое и мимолетное, то напористое прикосновение его языка. Теплые губы, жадно, властно, откровенно скользящие по шее и груди. Чтобы снова вернуться к губам. Торопливые, жалящие поцелуи, заставляющие забывать обо всем на свете.

— Эла... ты сводишь меня с ума... Я не должен этого делать, — тяжело дыша, прошептал Арланд. — Прикажи мне немедленно остановиться, иначе уже не смогу...

Одурманенное сознание плохо воспринимало сказанное. Выхватило лишь слово «остановиться» и мгновенно откликнулось краткой вспышкой возмущения. Нет-нет!

Не хочу останавливаться! Немыслимо, едва вкусив, лишиться тепла объятий, жара губ, тесной близости наших тел...

Вместо ответа сама потянулась к нему и поцеловала, шалея от собственной смелости, граничащей с безрассудством. От умелых ласк кружилась голова, и в этой круговерти бесследно растворялся окружающий мир. Хотелось стать еще ближе, прижаться к горячему телу без помех в виде рубашки и платья, вдохнуть полной грудью будоражащий запах его кожи... Ощутить, что он полностью принадлежит мне, а я — ему. Словно прочитав мои мысли, Арланд рывком поднял нас из кресла и решительно пересек гостиную.

Я парила в его руках... Шаг, толчок, еще шаг... И мы оказались в темноте соседней комнаты. Секунда, и моя спина коснулась прохладных простыней. Корсет внезапно ослаб — шнуровка, как по волшебству, распустилась сама собой, — и беспомощно сполз, оголяя грудь. Я всплеснула руками, пытаюсь прикрыться, но моя неловкая попытка была тотчас пресечена. Арланд поймал запястья и замороженно замер, пожирая меня глазами. От его голодного взгляда внизу живота разлилась странная тяжесть, заставляя выгнуться, податься навстречу умелым прикосновениям. Из-за сомкнувшейся над нами темноты все чувства обострились стократно.

Как хорошо, как сладко...

С губ вместе с дыханием сорвался стон. Мужчина на мгновение отстранился, вместе с ним исчезло ласковое тепло и моя одежда.

— Пожалуйста... — прошептала, сама не зная, о чем умоляю.

Во мраке спальни что-то зашуршало, хриплый голос Арланда тихо выругался. Не успела я прийти в себя, как губы вновь накрыли неистовым поцелуем, а тело — мужским торсом, горячим как доменная печь. Желание вспыхнуло с новой силой, пробежало по телу лесным пожаром, сжигая остатки смущения. Тяжесть его тела сводила с ума, я тонула в мягкой перине и погружалась в

забыть, где не было правил и приличий. Только наше сбившееся дыхание, его яростное, однозначное желание и мой трепетный отклик.

Теплые губы ласкали шею, опускаясь ниже, к чувствительной, налившейся тяжестью груди. Теперь между нами не было препятствий... Я бесстыдно раскрывалась навстречу прикосновениям, едва сдерживая стоны наслаждения. Рука гладила бедро, и каждое скольжение отзывалось внизу горячим трепетом. Всегда думала, мне будет страшно в первый раз, но этот огонь между нами сжигал все эмоции, оставляя лишь жажду принадлежать самому желанному мужчине на свете.

Так вот как ощущается безумная страсть?..

Арланд приподнял бедра и, резко подавшись вперед, соединил наши тела. Я вскрикнула от пронзившей лоно боли. Но мой крик заглушили тающим на губах поцелуем, томным, обволакивающим. Как и его движения, тягуче медленные, томительные. Я обвила его плечи руками и заглянула в глаза. В них полыхал огонь. Еле сдерживаемое дикое пламя, inferno, грозившее выжечь эту спальню дотла.

— Я так хочу тебя, — горячий шепот рядом с ухом заставил отбросить пробужденные было болью сомнения и отдаваться ему беззаветно, выгибаясь навстречу.

— Я твоя... твоя, — шептала в ответ под грохот пульса в ушах.

В какой-то момент мои руки мягко сняли с плеч и, подняв над головой, прижали к ложу. Удерживая стальным захватом мои запястья, Арланд навис сверху, застыв на мгновение.

— Эла... ты такая красивая, — выдохнул хрипло, всматриваясь в мое лицо.

Сделал несколько вращательных движений бедрами, сорвав с моих губ стон, и

вновь ускорил ритм, лишенный всякой сдержанности. Не отрываясь, смотрел в мои затуманенные страстью глаза, погружаясь до предела, пока не замер, пронзенный судорогой. Хрипло застонав, плавно опустил на меня, вжимая своим весом в пуховую перину. Внутри меня что-то пульсировало, и сердце билось где-то в районе горла.

— Ты сводишь меня с ума, — прошептал его сдавленный голос, словно эхо моих собственных мыслей.

Сегодня мы оба сошли с ума... Но как же сладко ощущалось это безумие!..

Перевернувшись на спину, Арланд притянул меня ближе и накрыл наши сплетенные тела одеялом. Моя прическа давно развалилась, волосы рассыпались и приятно щекотали шею и плечи. Мужские пальцы собирали отдельные пряди и наматывали на запястье, заставляя меня приподнимать подбородок, чтобы снова и снова целовать мои распухшие губы.

Казалось, от пережитой бури эмоций я разлетелась на тысячу осколков, и в то же время — никогда прежде я не чувствовала себя более целостной...

Не было никаких сожалений. Да и не могло быть! Я отдалась любимому мужчине... И наше единение было разрушительно и прекрасно...

Глава 13. День перерождения

Время до моего дня рождения бежало быстро, как бурный горный ручей в истоках Марны. Май шагал по городу, засыпая аллеи лепестками отцветающих груш и яблонь. Парки и скверы тонули в пышном цветении акации и сирени. Безоблачное синее небо отражалось в намытых окнах домов, сверкало драгоценным топазом в стремительно высыхающих лужицах, что оставались после полива клумб. Школьный сад Сен-Грейс благоухал, раскрашивался яркими красками приближающегося лета, и я расцветала вместе с ним.

Эта весна что-то изменила во мне, научила мечтать. О чем-то большем, чем хорошее место при каком-нибудь пансионе Мальбурга. Мои мечты вдруг стали дерзкими, расправили крылья, как первые бабочки, порхавшие за окнами учебных классов. И, конечно, в них непременно фигурировал Арланд Ангэлера...

Мечтательная улыбка появлялась на моих губах, а щеки всякий раз заливал румянец, стоило вспомнить о нашей бурной ночи. И о не менее жарком утре, последовавшем за ней. До возвращения в дом слуг Арланд успел накормить нас завтраком, с рвением преданной камеристки отыскать мое платье и даже помочь соорудить приличную прическу, что было непросто, учитывая, во что он превратил мои волосы. Как же он был нежен в то утро! Когда дурман обжигающей страсти схлынул, и картина произошедшего предстало со всей ясностью, я не знала, куда спрятать глаза от смущения. Сомнения, как черви, заворачивались внутри, заставляя гадать: не считает ли лорд-попечитель меня теперь легкодоступной девицей?.. Но Арланд окружил меня такой заботой на грани обожания, что глупые сомнения развеялись без следа. В то утро он меня по-настоящему удивил: не только как опытный в любви мужчина, а больше как на редкость самостоятельный лорд. На уроках домоводства нам всегда говорили, что мужчины нуждаются в комфорте и бытовых ритуалах едва ли не больше дам. Отдельные экземпляры способны умереть от голода у набитого продуктами буфета, если те не будут должным образом сервированы на столе. Для большинства благородных господ целый день без слуг стал бы серьезным испытанием. Арланд же справлялся на удивление легко, словно был привычен к отсутствию посторонней помощи. Я впервые всерьез задумалась о том, что его быт в Мор-ле-Мец должен существенно отличаться от того, к которому я привыкла за две недели в доме Ангэлеров.

Вот бы поскорее взглянуть на этот загадочный родовой замок, куда Арланд неоднократно обещал меня увезти! Лишь раз я отважилась спросить, в каком качестве войду в его дом. Ангэлер тогда задумчиво помолчал, а потом ответил, что это мне решать. Он везет меня в замок в статусе любимой женщины, а всё остальное для него не столь важно. Кажется, это можно считать официальным признанием в любви... Я была слишком счастлива, чтобы спорить о статусах. Тем более, до окончания Сен-Г рейс мы решили держать наши отношения в тайне.

Скрывать свои чувства от окружающих — было той еще задачей. Такие волнующие, пылкие, доселе неизведанные! Порой я чувствовала себя вулканом, безмятежным снаружи, но в жерле которого кипит горячая лава, грозясь однажды вырваться наружу. Однако настоящим испытанием стало скрывать чувства от девочек. Конечно, о моей влюбленности они догадывались, но были слишком хорошо воспитаны, чтобы выпытывать подробности. К тому же, их любопытство я щедро подкормила рассказом о похоронах леди Цицерии. А всё, что произошло после, было только моим, тайным и сокровенным.

Лорд-попечитель хотя бы раз в неделю наведывался в Сен-Г рейс переговорить с директором Хоулем. Мы встречались, якобы случайно, и соблюдая приличия, обменивались ничего не значащими фразами и украдкой — долгими говорящими взглядами.

Накануне дня рождения, вернувшись с ужина, я обнаружила в комнате роскошный букет цветов. Переплетение орхидей, ирисов и лилий создавало неповторимый, утонченный аромат, заполнивший нашу спальню. Вошедшие следом девочки одобрительно вздохнули.

— От того самого поклонника, имя которого покрыто тайной? — хитро улыбнулась Виктория, пока я читала поздравление на карточке, написанное таким знакомым почерком. Без подписи, конечно, хотя тут и без нее всем всё было ясно.

— Подумаешь, у поклонника нет имени... Зато есть отличный флорист! — веско вставила Катрина, регулярно получавшая охапки сирени от Филиппа Барроу. Мы вдвоем прыснули со смеху.

В постскрипуме Арланд написал, что заедет в школу следующим вечером. Я едва удержалась, чтобы не поцеловать его записку, и скоренько спрятала ее в ящик тумбы. Рядом на столике обнаружилось еще одно послание. На белом конверте безликим официальным почерком было выведено: «Мадемуазель Элеоноре Генриетте Дюбар». Очевидно опекуны поспешили поздравить меня традиционным чеком и фальшивыми пожеланиями счастья. Надеюсь, в этот раз они не забыли приписать, где и когда я смогу получить свое наследство... Ну или что там от него осталось. Секунду подумав, я закинула письмо вслед за запиской Ангэлера в верхний ящик. Прочитаю завтра.

Лежать в кровати и думать о дне рождения было приятно. Даже не верилось, что через несколько часов мне исполнится двадцать лет... И я буду сама распоряжаться своей судьбой, достигнув возраста принятия решений. Сколько дорог мне теперь будет открыто, сколько путей, о которых я когда-то могла лишь мечтать... Самое удивительное, что из всех вариантов меня интересовал лишь один — тот путь, по которому я пойду рука об руку с Арландом. Засыпающее сознание подкинуло картинку тернистой тропы, убегающей в туманную высь меж черных скал. Сонно улыбнувшись, я отмахнулась от зловещего видения.

— Вставай, соня! Проспишь свой день рождения, — прозвучал над ухом бодрый голос Катрины.

Что-то мягкое и пушистое коснулось моей щеки и опустилось на одеяло. Я открыла глаза и увидела белоснежную шаль нежнейшего тонкого плетения.

— Красота какая... — Сладко потянувшись, накинула подарок на плечи. — Спасибо, Кати! Неужели ты сама создала эту прелесть?

Разрумянившаяся подруга торжественно кивнула.

— Да-да, наша Кати непревзойденная мастерица! — Кудрявая голова Виктории высунулась из-под одеяла и сонно поморгала. — У меня для тебя тоже кое-что есть...

Вихрь из розовых кружев унесся к шкафу, выхватил что-то из его недр и вернулся обратно. Мне в ладонь легла изящная коробочка, перевязанная шелковой лентой.

— Открывай скорее! — Вита плюхнулась рядом со мной на кровать и нетерпеливо поерзала. Порой она сущий ребенок...

В коробочке обнаружилась парфюмерная вода флердоранж, сладко-медовый аромат которой мне так нравился.

— Спасибо, девочки! — Я обняла подруг, растроганная их заботой. — После обеда буду угощать всех тортом, и вам достанутся самые большие кусочки!

— Мне нельзя большой кусок, — жалобно округлила глазки Виктория. — У меня и так уже половина платьев только на выдохе застегиваются...

Посмеиваясь и подшучивая друг над другом, мы отправились на занятия. После сдвоенного урока изящной словесности планировалось окно, во время которого я собиралась зайти на кухню и помочь Мариссе задекорировать мой торт. Даже специальную обсыпку в виде звездочек заказала из кондитерской лавки. За ней и поднялась в комнату, когда Катрина отправилась в класс контроля магии, а Вита умчалась на дежурство.

Пританцовывая, я вынула из тумбы увесистый пакетик и, не удержавшись, еще раз перечитала записку от Арланда, где он обещает заехать ровно в пять часов. Эх, впереди полдня ожидания... Мой взгляд невольно упал на безликий конверт. Присев на кровать, я достала из ящика письмо, решив разобраться с ним без церемоний. Вскрыла конверт и достала свернутый вдвое лист, исписанный с одной стороны мелким канцелярским почерком.

И всё? А где же чек? В неверии я потрясла разорванный конверт и для надежности заглянула внутрь. Ожидаемо пусто. Что ж, возможно это и правильно: зачем высылать чеки, когда я теперь имею доступ непосредственно к сберегательному счету?..

В надежде найти разъяснения уткнулась в длинный текст. По мере чтения дыхание мое участилось, а строки запрыгали перед глазами. Стиснув лист до белизны костяшек, заставила себя дочитать роковое послание до конца. После чего несколько минут не могла прийти в себя. Просто сидела и пялилась на стену, как молнией пораженная. Поверхностная неподвижность сковала меня, заморозила на месте, тогда как сердце заскакало, как ополоумевшее, застучало бешеным пульсом, разгоняя по венам и не кровь уже вовсе, а концентрированный яд.

Это не может быть правдой...

Только не он!

Раз за разом я упорно перечитывала письмо, ранилась о жестокие слова и всё равно выискивала между строк призрачную надежду, что всё написанное лишь вранье, чей-то безумный бред...

Неизвестный отправитель с прискорбием сообщал, что хорошо известный

мне Арланд Ангэлэр являлся убийцей моей матери, леди Эвелины, что именно из-за него пропал мой отец, о судьбе которого до сих пор ничего неизвестно (возможно, Ангэлэр добрался и до него), что следствие и маги были подкуплены некромонгами и официальная версия с магическим

всплеском, вызвавшим обрушение, — не более чем фикция, подтасовка фактов, призванная укрыть от правосудия истинного убийцу.

Но и это еще не всё. Самое ужасное скрывалось в мотиве...

Анонимный «доброжелатель» уверенно заявлял, что Арланд и Эвелина были любовниками. Охваченный страстью и похотью, Ангэлера потребовал, чтобы мама отказалась от семьи и уехала с ним, а когда та отказалась, убил ее в приступе гнева и ревности. И что теперь коварный и вероломный Ангэлер намерен превратить меня в свою игрушку, унижить в глазах общества, втоптать в грязь фамилию Дюбар... Его интерес вызван лишь тем, что я копия покойной Эвелины...

Нет-нет! Я не желала верить... Всё неправда! Они не могли быть любовниками.

Будь это правдой, слухи давно дошли бы до моих ушей. Высший свет обожает перемывать косточки знатным леди, смаковать подробности адюльтеров и раздувать скандалы на ровном месте... Такая благодатная тема обязательно бы всплыла в каком-нибудь разговоре! Откуда же этому анониму известны такие подробности из жизни моей семьи? Кто он?! Почему именно сейчас он решил открыть мне эту постыдную тайну?

Лицо опалило жаром от возникшей догадки. Неужели он в курсе наших отношений с Арландом? Как много он знает?... Кто это человек? И человек ли он?

Почему-то мне представился худощавый мужчина с тонкими губами, сжатыми в сердитую линию. Что подвигло его написать мне такое? Быть может, он просто желал оклеветать Ангэлера?.. И почему я так уверена, что это мужчина? Анонимные письма чаще пишут дамы. У женщин и фантазия побогаче...

Нет... такое нарочно не придумает! Да и сходится слишком многое... Взять хотя бы мои воспоминания о том вечере: теперь они предстали в ином свете... Мог ли при той сцене присутствовать кто-то еще? Четвертый участник, незаметный свидетель, знающий так много...

Кто ты, уничтоживший меня словами?

Я повертела письмо в руках, даже смяла в сердцах и вновь расправила. Посмотрела на просвет в поисках скрытых символов. Ничего. Рука с письмом повисла безвольной плетью. Взгляд затуманился от непролитых слез.

Арланд не мог так со мной поступить...

Хотя, о чем это я? Ангэлеру и пальцем не пришлось шевельнуть — я всё сделала сама. Сама доверилась ему, сама влюбилась, по своей воле отдалась...

Господи, я стонала под убийцей моих родителей! Плавила в его объятиях, отдавая себя без остатка... Это чудовищно! Захотелось провалиться под землю и остаться там навеки. Умереть и стать тленом... Горло будто сдавило стальным обручем, обрывая вдох. Я задыхалась и тонула в океане отчаяния.

Порывисто поднявшись, распахнула окно. Теплый ветерок ворвался в комнату, принес с собой трели птиц и мерный гул улиц Мальбурга. Где-то внизу, под окнами спорили садовники...

Никому не было дела до моей боли, моего горя. Как мир продолжает жить, когда творится такая несправедливость? Впрочем, ничего удивительного... Гром не грянул, когда Ангэлер убил мою маму, заслуженная кара не настигла его ни от людей, ни от богов... А сейчас этот город останется безучастным и к моей судьбе... В веренице мелких забот никто не заметит, как посреди белого дня меня убили, вырвав сердце...

Умывшись холодной водой, я спрятала письмо и спустилась на кухню. Что-то отвечала Мариссе, улыбалась через силу, украшала проклятый торт и желала лишь одного — спрятаться в самый дальний угол, в самом темном подвале... там, где ровно в пять меня ни за что не найдет Арланд Ангэлер.

Угостив всех тортом и выслушав с благодарной улыбкой поздравления, я сбежала обратно в дортуар. Девочки отправились на прогулку в сад и едва ли не силой пытались утащить меня с собой, но я, сославшись на головную боль, укрылась в комнате. Закрыла окна и задернула шторы. Так достовернее. А еще мне было невыносимо видеть солнечный свет и бьющую ключом жизнь, когда внутри росла и ширилась ледяная пустыня. Подобно запертому в клетке зверю, мерила шагами комнату, с нарастающим беспокойством поглядывая на часы. Стрелки неумолимо подбирались к роковому часу.

Нет. Не спущусь вниз. Просто не могу...

С одной стороны, я хотела поговорить с Арландом, узнать правду, но с другой... Страшилась услышать ее. А еще понимала, что нам вряд ли удастся побеседовать откровенно и без посторонних. Я не смогу правдоподобно притвориться, что всё в порядке. Он увидит, поймет...

Послышался шорох гравия под колесами реномобиля на подъездной дорожке. Нет, показалось... Последние полчаса я слышу его каждые две минуты. Надо успокоиться.

Я никуда не пойду. И шагу не сделаю из комнаты. Посидев еще немного в нервном ожидании, решила для надежности запереться изнутри.

Да, это нарушение правил Сен-Грейс: мы не закрываем на замок двери спален в дортуаре. Но...

Додумать мысль не успела. Неторопливые шаги замерли перед дверью со стороны коридора, послышался легкий стук. Очень тихий, в сравнении с тем, как загрохотало мое сердце.

— Войдите, — против воли прокаркал мой голос.

Дверь отворилась, и в комнату шагнул лорд-попечитель. Его рослая фигура заняла весь дверной проем, а у меня сложилось впечатление, что он заслонил собой весь мир. И высосал из комнаты весь воздух, потому как стало решительно нечем дышать.

— Эла... Мне передали, тебе нездоровится?

Медленно кивнула, вцепившись в край столика, рядом с которым стояла. Нездоровится. Еще немного и у меня сердечный приступ случится...

— Пришлось практически с боем брать ваш дортуар, — усмехнулся Арланд с интересом осматриваясь. — К счастью, у меня есть веский аргумент — рекомендательное письмо. — Он извлек из кармана конверт и потряс им в воздухе. — Прости, должен был отдать его раньше. И это тоже тебе.

На столик передо мной легла маленькая коробочка, покрытая бриллиантовой крошкой, мягко мерцавшей в сумраке комнаты.

— Что это? — спросила, не поднимая на него взгляд.

Длинные пальцы ловко приподняли изящную крышечку. На белом атласе сверкал множеством граней черный бриллиант, инкрустированный в кольцо из белого золота.

— Небольшой подарок для самой красивой девушки, которая навсегда поселилась в моем сердце. Не откажешься примерить?

Сердце в груди болезненно заныло, потянулось к нему, готовое поверить искреннему чувству, светившемуся в синих глазах. Я недоверчиво посмотрела на кольцо, словно оно было притаившейся перед броском змеей. Такое красивое и, наверное, очень дорогое. Бриллиант — черный, как душа некромонга.

— Эла, что с тобой? — Ангэлера поддался вперед, обеспокоенный моей реакцией.

Интимное «ты» установилось между нами с той ночи, обозначив новый уровень

близости. Близости, которой я обычно наслаждалась. Но не сегодня. В этот момент я нуждалась в дистанции, в свободе от довлеющего присутствия Ангэлера. Нужно собраться с мыслями и спросить о главном...

— Вы знали моих родителей?

Это должно было прозвучать как вопрос, но невольно стало утверждением, с обвинительной интонацией. Арланд ее безошибочно уловил.

Некромонг ощутимо напрягся и настороженно заглянул мне в глаза.

Что надеется там увидеть? Сколь многое мне известно?

— Значит, знали, — сделала я напрашивающийся из его молчания вывод.

— Эла...

Он шагнул ближе, а я отпрянула, как ошпаренная, едва не опрокинув вазу с букетом. Выставила перед собой руку, не желая его приближения.

— Почему вы скрыли от меня факт знакомства?

— Я не скрывал. Просто не представилось случая упомянуть...

— Упомянуть, что у вас был роман с леди Дюбар? Или упомянуть, что вы убили моих родителей?!

Ангэлер дернулся, как от пощечины. Синий взгляд мгновенно заледенел.

— Откуда у вас в голове эти глупости?

Холодный тон, отстраненное «вы» — не на такой ответ я надеялась. А на что рассчитывала — на чистосердечное признание? Покаяния на лице некромонга определенно не наблюдалось...

Сердце болело, не хотело верить в виновность Арланда. Но ведь он и сам не отрицает... Ложно обвиненный человек будет яростно требовать справедливости, а он... Вдруг вспомнилось, как я спросила однажды, доводилось ли ему убивать. И он ответил да. Мы тогда говорили про его службу карателем, и я была уверена, что речь шла про выполнение приказов... Могла ли я тогда предположить... Как же горько осознавать собственные ошибки!

— Глупости?.. — повторила эхом. — Глупостью было довериться вам... Не наигрались тогда? Решили продолжить со мной, да?

— Что именно вам рассказали?

— Всё! Теперь я знаю всё.

— И от кого же?

— Вас только это интересует? Кто мне всё рассказал? Увы, я вас разочарую. Письмо анонимно. — Не видела смысла это скрывать, и в то же время надеялась, что он сделает что-то, спасет меня от боли...

Чуть испуганно покосилась на тумбу, где спрятала злосчастное послание. Появилась дикая мысль, что Ангэлер сейчас выхватит его из верхнего ящика, порвет в клочья и развеет прахом, а потом убедит, что мне всё привиделось. Что письма никогда не было. А я... и рада буду поверить, что это страшный сон, который никогда не случался в реальности...

— Элеонора... уверен, правды в том письме крайне мало...

— Так вы не отрицаете, что она там всё же есть?!

— Не могу сказать с уверенностью — не читал письма. Если позволите...

— Не позволю. Скажите лишь одно: у вас была любовная связь с моей... с леди Эвелиной?

Я затаила дыхание. Лорд Арланд колебался, хмурился, я видела тени сомнений, скользившие по его лицу. В чем он так не уверен: был ли любовником или стоит ли в этом признаваться?

— Были отношения?

— Да. — Признание упало между нами глыбой льда. Мутного, грязного льда.

Вот и всё. Окончательный крах всех надежд. Неужели где-то в глубине души я верила, что он скажет «нет», что послание выдумка, плод чьей-то больной фантазии? Сама же решила, что такое нарочно не придумаешь... Боже! Проклятое «да» разорвало мое сердце в клочья.

Если эта часть письма верна, то правдиво и всё остальное... У них была любовная связь. У Арланда и мамы... Потом в отношениях что-то разладилось и... он убил ее. Ведь я была там. И теперь понимаю, что произошло!

— Элеонора... — Ангэлер снова шагнул ко мне и попытался взять за руку. Я шарахнулась от него, как от прокаженного. Во взгляде некромонга вспыхнуло что-то похожее на горечь. — Это дело прошлое. К нам с тобой оно не имеет отношения.

Ложь! Все слова — безобразная, гадкая ложь. Нет никаких «нас с тобой»! Он меня использовал. И хочет продолжить это делать. Вот оно, перед глазами, доказательство его намерений. Решил превратить меня в содержанку? Разрушить мою репутацию, растоптать мечты...

Я с ненавистью посмотрела на дорогое кольцо.

— Вам мало обесчестить меня — хотите сделать из меня игрушку? Изгоя в глазах общества?! — С трудом сглотнула подступивший к горлу ком.

— Как же вы легковерны, Элеонора, — невесело усмехнулся Арланд и тяжело опустил на

стоявший рядом стул. — Одно лживое письмо, и вы уже назначили меня главным подлецом Мальбурга.

— Вы правы, я излишне доверчива! И вы этим воспользовались.

— Не припомню, чтобы вы возражали. — Взгляд Ангэлера откровенно прошелся по моей фигуре, задержался на груди и поднялся выше.

Меня, как кипятком, окатило злостью. Он насмехается надо мной?! Потешается, когда мне так плохо... Ни тени сочувствия или раскаяния на его лице. Хватит, не буду больше искать в нем то, чего нет! Никаких чувств у Арланда Ангэлера ко мне нет, кроме вождения. Да и оно, судя по всему, предназначено не мне...

— Смейтесь, милорд, давайте, я заслужила! Как легко было обвести вокруг пальца глупышку Элу. Держу пари, вы смотрели мне в лицо и представляли, как спите с моей матерью... Да?! Только знайте, отныне я ненавижу вас всей душой! За всё, что вы сделали со мной!

— Да пойми же ты, Эла, я ничего не сделал! — Маска холодного спокойствия на миг дала трещину, но рассмотреть, что за ней скрывается, я не сумела. — Хватит жить прошлым. Оно уже не имеет значения.

Не имеет значения?! Смерть моих родных для него не имеет значения... Моя жизнь, рухнувшая вместе с проклятыми перекрытиями, тоже ничего не значит?!

— Вы сломали мне жизнь и предлагаете просто забыть об этом?! — помимо воли голос сорвался на крик. — Зачем я вам? Вы не знали меня ни тогда, ни сейчас. Всё, что вы видите, это моя внешняя схожесть с мамой! Для вашей темной, извращенной страсти этого, конечно, довольно...

— Довольно! — Ангэлер резко вскинул руку. — Мы поговорим, когда вы успокоитесь и будете готовы выслушать меня.

— Никогда этого не будет! — По щекам покатились предательские слезы. Я зло смахнула их тыльной стороной ладони. — Не приближайтесь больше ко мне. Вы — чудовище! Не человек, а бессердечный монстр... Ненавижу вас!

С каждым словом в сердце всё ярче вспыхивала слепая ярость, даря мимолетное облегчение, освобождение от мук агонии, в которых умирала моя любовь.

— Вы действительно напоминаете свою мать. И сейчас сильнее, чем когда-либо, — произнес некромонг бесцветно, поднимаясь со стула.

Его глаза казались черными провалами с клубившейся тьмой. За ней невозможно было разглядеть истинные эмоции. Не мужчина, а ледяное изваяние с застывшим лицом. А мне хотелось увидеть боль. Такую же невыносимую, какую он причинил мне! Или хотя бы гнев из-за того, что его хитроумные планы расстроены.

Не проронив более ни слова, лорд Ангэлер вышел из комнаты. С тихим стуком за ним закрылась дверь. Эхо его голоса еще звучало у меня в голове, последние слова словно ледяной кол забивали в кровоточащее сердце. Оно страдало, судорожно сжималось, разгоняя по крови яд ненависти. Ненависти к себе и к этому самому... ужасному мужчине на свете!

На столике что-то тускло блеснуло, привлекая мой затуманенный взгляд. Черный бриллиант злорадно упивался моим отчаянием, с укором мерцал гранями, обвиняя в неблагодарности. Я поспешно захлопнула крышечку ненавистной коробки с кольцом.

В следующее мгновение она сорвалась с места и полетела в сторону двери. Хрупкое изделие с силой ударилось о стену и разлетелось на части. Грустно звякнуло о паркетный пол кольцо и покатилося, исчезая во мраке неосвещенных углов.

Глава 14. Карточный домик

Дверь кабинета медленно отворилась. Нстойчивый гость, не получив ответа на стук, не стал деликатничать и шагнул внутрь. В нос ударил резкий запах алкоголя, носок ботинка что-то задел, и это что-то покатилося по полу с противным звяканьем. Выругавшись себе под нос, Рэйвен Дэлавер нащупал шнур настенного светильника и зажег свет.

От увиденного он удивленно присвистнул. Картина перед глазами предстала впечатляющая: пол, засыпанный бумагами, на которых местами отчетливо виднелись следы ботинок, батарея бутылок из-под бренди и рома, выстроившаяся, как на смотре войск, вдоль шкафа, опрокинутая настольная лампа в компании не менее опрокинутого графина и горсть праха на центральной полке секретера, бывшая... Чем-то определенно ранее бывшая — вряд ли лорд Ангэлера старший украсил свой кабинет горсткой тлена.

Завершал картину локального апокалипсиса Ангэлера младший, спавший на рабочем столе, устроив себе подушку из вороха документов. Почти как дракон из древних легенд, разве что не огнедышащий. Впрочем, концентрация паров алкоголя вполне позволяла это исправить.

Стало понятно, почему смуглая горничная, проводив гостя до двери кабинета, быстро сбежала. Дэлавер потер подбородок в секундном замешательстве, а потом неспешно прошел к столу и громко постучал костяшками по его поверхности.

— Просыпайся, спящая красавица! Разговор есть.

Недовольно ворча, Арланд пошевелился. С мученическим стоном разлепил веки и болезненно поморщился из-за резанувшего по глазам света. Взъерошенный и помятый, он недобро уставился на нежданного гостя.

— По какому поводу празднование? — Рэйвен кивнул на разграбленный запас коллекционного бренди лорда Ангэлера старшего.

— Выпьешь что-нибудь? — вместо ответа предложил не до конца протрезвевший хозяин.

— Боюсь, в этом доме уже не осталось ничего, что можно выпить.

Наклонившись, Ангэлера пошарил рукой под столом. Там что-то весело звякнуло

и, опровергая слова некромонга, жизнеутверждающе булькнуло. На свет явилась недопитая бутылка темного рома.

— Опохмеляйся, — великодушно махнул рукой на бокал Рэйвен. — Я пас.

Смахнув с кресла невидимые пылинки, Дэлавер вольготно устроился в нем,

вытянув длинные ноги. Задумчиво наблюдал за другом, жадно припавшим к наполненному бокалу, как мучимый жаждой путник в пустыне к живительному источнику.

— Так по какому поводу ты истребил запасы отца? — повторил свой вопрос.

— Нестрашно, привезу еще из замковых погребов. — Арланд вытер губы и поднял взгляд на приятеля. — А повод... он тебя порадует...

Дэлавер приподнял бровь, ожидая пояснений.

— С мадемуазель Дюбар всё кончено.

Лорд Ангэлера залпом допил остатки рома и безучастно уставился в сгущавшиеся за окном сумерки.

— Элеонора узнала о той истории... и видеть меня больше не желает.

— Вот оно как, — цокнул языком Рэйвен. — И надо полагать, поведал ей о тех событиях не ты?..

Некромонг горестно вздохнул, уронив голову на руки. Слово за слово, Дэлавер вытянул из него подробности их последней встречи с юной Дюбар. Сведений — по уже сложившейся неприятной традиции — вновь оказалось мало. Но из горячий исповеди Арланда он уловил главное: события тех дней были существенно и намеренно искажены.

— Что ни случается — всё к лучшему, — философски заключил Рэйвен. — Очередное подтверждение, что от женщин с фамилией Дюбар не стоит ждать ничего хорошего.

— А я всерьез обдумывал план, как сменить ей фамилию на Ангэлера... Что ты так смотришь? — Мотнул головой Арланд, поймав недоверчивый взгляд друга. — Уехали бы вместе в Мор-ле-Мец и

обвенчались тайком. В близлежащей деревеньке есть часовня и порой трезвый викарий. Сейчас не до пышных церемоний в храме Темнейшей.

— Воочию это представил, — хохотнул Дэлавер: — Пьяный викарий, ты, принявший для храбрости, осталось только мадемуазель Дюбар подпоить, — и славная бы у вас свадьба получилась!

— Не смешно.

— Конечно, не смешно. Не стремятся замуж за знатных лордов, чтобы потом довольствоваться скромным венчанием в захолустной часовне. Уж поверь мне!

— Паршивый был план? — глянул исподлобья Арланд.

— Провальный изначально.

— Но Эла не то, чтобы сильно стремилась за меня замуж... Да и вообще, был бы ей нужен, хотя бы выслушала меня, а не поверила с ходу этому лживому письму!

— Рассчитывать на здравомыслие юных особ — занятие, в принципе, неблагоприятное, — развел руками Рэйвен. — И возвращаясь к теме анонимного письма... Кто бы ни был этот крайне осведомленный тип, ничего не мешало ему открыть глаза твоей Дюбар и год назад, и два... Но письмо пришло только сейчас. Уверен, это не случайно.

— Еще как не случайно! — грохнул кулаком по столу Ангэлера. — Кто-то планомерно и целенаправленно действует против меня.

— Не думаю, Ар, что целью стал ты. Сам подумай, чем тебе может серьезно навредить разрыв отношений с Дюбар? Только глупец будет рассчитывать, что ты с горя отдашь концы... А тот, кто написал это письмо, далеко не глуп и должен прекрасно понимать, что взбрыкнувшая девица в лучшем случае удостоится горестного вздоха, после чего ты преспокойно продолжишь жить дальше. — Последнее прозвучало почти как приказ, и Арланд скептически скривил губы. — Так что мое предположение: кому-то очень нужно, чтобы юная Дюбар тебя ненавидела и была на многое готова ради мести. Если во время бала она могла и впрямь помешать нашему недругу, из-за чего ее заперли, то теперь он, видимо, рассчитывает использовать воспитанницу в своих интересах. А это значит, что совсем скоро он начнет действовать. Тебе, кстати удалось ее расспросить, что она видела или слышала перед тем, как оказаться в кладовке?

— Нет, — прозвучало уग्रом и немного виновато.

— Даже спрашивать не буду, чем вы были так заняты, — раздраженно обронил Дэлавер.

— Когда доберусь до этого ублюдка, я на нем живого места не оставлю, — прорычал себе под нос Ангэлер, сжимая немаленькие кулаки. — Будь он советником Сюффреном... да хоть Первым магом королевства! Он мне за всё ответит...

— Не кипятись! Горячку пороть сейчас не время, — осадил друга Рэйвен. — Мы непременно выведем интригана на чистую воду и разберемся с ним... каким-нибудь из методов. Я кое-что узнал о подземных переходах. Собственно, по этому поводу к тебе и приехал.

Взъерошив темные волосы, Арланд поднялся из кресла и прошелся по кабинету, разминая затекшие плечи и шею.

— Я переговорил в храме кое с кем из бывших карателей, — продолжил некромонг, — и, наконец, услышал что-то определенное. Подземный ход от Сен-Грейс до королевского дворца был запечатан относительно недавно, после той истории с Аронсом и Роландом. Печати, как мы и предполагали, стоят с обеих сторон, так что попасть в подземный лабиринт невозможно ни со стороны школы, ни со стороны дворца.

— Не понимаю, как с этим связаны Ароне и Роланд? — Ангэлер в замешательстве остановился напротив собеседника. — Я был уверен, что ходы стоят перекрытыми уже сотню лет, со времен основания школы... Потому мы не нашли ни планов, ни упоминаний.

— Мы их не нашли, потому что данные тщательно подчистили. По особому распоряжению короля Вильгельма. А произошло это после того, как Роланд попытался по подземному проходу пробраться к принцессе Магдалене, не без помощи Аронса, кстати.

— Бред какой-то! Брат не помогал Роланду добраться до принцессы. Наоборот!

Он всячески отговаривал безумца от этой идеи, старался образумить. Кто тебе рассказал эти сказки?

— Тот, кто ранее служил под командованием твоего отца.

— Тебя явно ввели в заблуждение.

— Не спеши с выводами, Ар, — спокойно возразил Дэлавер. — Чем руководствовался твой брат, позволяя Роланду воспользоваться проходом во дворец из бывшего особняка Ангэлера, ты потом его лично расспросишь. Но факт остается фактом — без Аронса в особняк Сен-Грейс Роланд бы не попал. Чем закончился их поход, мы все в общих чертах знаем: Роланд мертв, Ароне в ссылке. Правда, теперь я не уверен, что там всё было так однозначно. Поимкой Роланда, как ты знаешь, руководил твой отец.

— В ссылку Ароне отправился только через несколько лет из-за подброшенных писем, когда на престол уже взошла королева Магдалена, — растерянно пробормотал Арланд. — Получается, отец тогда прикрыл брата... а тот, если действительно помогал Роланду, он же... подставил отца! Проклятье, у меня от этих семейных тайн голова пухнет! А еще обескураживает то, что меня не считали нужным в них посвящать. А я бы мог помочь...

— Вспомни, сколько тебе лет тогда было, — снисходительно усмехнулся Рэйвен. — Чем ты мог помочь? Разве что отправиться вовремя спать...

Арланд недовольно нахмурился. Конечно, Рэйвен был прав: на момент тех событий младшему Ангэлеру едва исполнилось восемь лет. Неудивительно, что его не спешили посвящать в детали происходящего. Но ведь потом, позже, ничто не мешало рассказать... Все беды от скрытности и недосказанности. Если бы родители не делали из всего тайну в последующие десять лет, возможно, он повел бы себя иначе, повстречавшись с Эвелиной. Не пал бы жертвой ее обаяния, зная, какую роль сыграла эта женщина в судьбе брата. Хотя, с таким же успехом это знание могло не иметь для него никакого значения, и он бы всё равно запутался в расставленных сетях. Лишь Темнейшей дано знать, что каждому на роду написано.

За последние недели Арланд часто возвращался мыслями к событиям прошлого. Он по-прежнему считал встречу с леди Дюбар роковой. Роковой, но не судьбоносной. В другой женщине он начал видеть свою судьбу. А та далекая встреча с ее матерью была лишь предвестником, первым пересечением их жизненных путей. Правда, он теперь и сам оказался не лучше своих родителей: скрыл прошлое, отказался признать ошибки молодости, позволил недругам внушить Элеоноре ненависть к нему...

Интересно, какой она была в детстве? Неожиданно стало жаль, что ему не довелось увидеть маленькую Элеонору. Не то, чтобы восемнадцатилетний юноша мог заинтересоваться семилетней малышкой, но всё же... Это могла быть их первая встреча, но, увы, она не состоялась. Довольно долго он вообще не подозревал о существовании Элы, не знал, что у Эвелины есть ребенок. Леди Дюбар неизменно появлялась одна даже на семейных мероприятиях, куда другие знатные леди приводили своих обожаемых отпрысков. Сейчас, по прошествии времени, Арланд осознал, что Эвелина была никудышной матерью, не уделявшей своему ребенку должного внимания. Удивительно, как ему удавалось игнорировать этот факт, долгое время считая леди Дюбар едва ли не идеалом женщины?..

Невольно напрашивалось сравнение с Маргарет Ангэлер. Леди Ангэлер тоже вела активную светскую жизнь, возглавляла совет попечителей Сен-Грейс и, несмотря на это, всегда находила время для сыновей. Родителей Арланда можно было упрекнуть в скрытности, но никак не в недостатке любви и внимания.

— И всё же о таких вещах мне следовало знать, — вернулся Ангэлер к разговору.

— Твоя осведомленность сейчас была бы не лишней, — согласился Дэлавер. — Но твои родители, очевидно, решили «меньше знаешь — лучше спишь».

— Неверное решение. Вместо того, чтобы помочь семье, я пребывал в счастливом и бесполезном неведении все эти годы.

— Тут ты не прав. Не умаляй свои заслуги. Ты отслужил карателем десять лет, восстановил пошатнувшиеся после отставки отца позиции при дворе, получил признание своих заслуг в виде весьма лестного назначения, которое осталось только принять... Лорд Ангэлер имеет все основания гордиться тобой. Даже хорошо, что твоя голова не была забита лишними мыслями, которые могли мешать в работе.

— Из-за этой запутанной истории с убийством меня не покидает чувство, что я всех подвожу, — понурил голову Арланд.

— А шашни с Элеонорой Дюбар тут совсем не при чем, — понимающе усмехнулся Рэйвен. — Из-за них тебя совесть не мучает?

— Не будем об Элеоноре, — отмахнулся Ангэлер и, плюхнувшись обратно в кресло, помассировал ноющие виски.

— Как скажешь. Рано или поздно придется о ней рассказать... Но сначала тебе предстоит расспросить отца о событиях в подземелье Сен-Г рейс. Учитывая с какой строгостью охранялась эта тайна, — так что я с трудом что-то нарыл — не представляю, как Сюффрен и его подельники могли про нее разнюхать... Не исключен вариант, что они действуют наобум, до конца не осознавая, куда лезут. — Привычным жестом Дэлавер запустил руку во внутренний карман и достал кристалл связи. Читал пришедшее сообщение, продолжая выдавать другу инструкции: — От твоего отца нам нужны данные обо всех, кто принимал непосредственное участие в поимке Роланда. Были ли среди них люди? Люди всегда слабое звено, кто-то мог проболтаться. Допускать, что против нас действует кто-то из своих, мне пока не хочется.

— Иными словами, мы не продвинулись ни на шаг. И мне придется признаться в этом отцу, иначе ему будет непонятен мой внезапный интерес к подземельям.

— Терпение, мой друг! Я чувствую, мы стоим у самой двери, за которой скрывается отгадка. Осталось только подобрать верный ключ, чтобы открыть ее. — Некромонг плавно поднялся и, красноречиво оглядев скопление бутылок, добавил: — Я могу рассчитывать на твое благоразумие, Ар? У тебя больше не возникнет желания утопить горестные думы в бокале бренди? Ты нужен мне в трезвом уме и твердой памяти.

Поклявшись не злоупотреблять спиртным, Арланд выпроводил гостя из особняка. Как бы он ни оттягивал этот момент, пришло время вернуться к себе, чтобы умыться и переодеться. Велев Ларсу подать ужин через полчаса, лорд Ангэлэр направился в свои покои.

В вязкой тишине спальни его дыхание звучало непривычно громко, и всё казалось, что ему вторит отголосок еще одного дыхания, еле уловимого, нежного и взволнованного. В сгустившихся под пологом широкой кровати тенях мерещился тонкий силуэт, призывно простерший к нему руки. Перед внутренним взором одно за другим вспыхивали воспоминания о том, как трепетно лгнула к нему малышка Дюбар, как страстно сплетались их тела на этой самой постели, как томные стоны растворялись в ночном сумраке...

Проклятье! Стоило вынырнуть из пьяного угара как тут же охватила чувственная лихорадка. Когда-то, заночевав на берегу Марны, он шутил, что девчонка выселила его из собственного дома. Похоже, со временем стало только хуже: теперь одно воспоминание о ней гнало его прочь из собственной спальни.

Арланд скинул рубашку и обессиленно рухнул на кровать, обнимая руками воздух. Много бы он отдал за жаркое примирение с Элой! Как жаль, что некромонгам доступна лишь магия смерти...

Прошлым вечером, пребывая в пьяном бреду, он был готов нестись обратно в Сен-Г рейс, чтобы обнять колени Элеоноры, каяться в чем угодно, только бы видеть ее снова. Вновь тонуть в расплавленном золоте этих невыносимых глаз. Но вот алкогольный дурман окончательно рассеялся, в голове прояснилось, и вместе с этим в душу закралось сомнение. Застарелая мнительность подняла голову и отравила мысли.

А не был ли этот спектакль в Сен-Г рейс хорошо спланирован? Как и соблазнение невинной мадемуазель Дюбар?.. Что, если он снова стал лишь пешкой в женской игре?

С самой первой встречи Арланд беззаветно верил в неосведомленность Элы, в ее неиспорченность, и это несмотря на то, что весь предшествующий опыт предостерегал: женщины расчетливы и коварны. За каждой улыбкой придворной дамы некромонг видел корысть, за каждым знаком внимания — скрытый умысел. И только Элеонора выглядела такой искренней, трогательной в своем смущении, доверчивой...

Но, похоже, доверчивым дураком здесь оказался только он!

Вдруг Рэйвен с самого начала был прав? У главы тайной канцелярии феноменальное чутье, и оно никогда не подводило своего обладателя. Возможно, малышка Дюбар давно посвящена в подробности грязной семейной истории, а это письмо... Было ли оно вообще?

Что, если этот нежный цветочек давно отрастил шипы, но умело их прятал? Яблоко от яблоньки... Или как там говорят люди? Эвелина тоже ловко скрывала свою истинную личину. Дочь завершила то, что не удалось ее матери: заставила некромонга нырнуть с головой в пучину страсти. Не это ли прекрасная месть — даже через много лет заставить его плясать под дудку женщин Дюбар?..

Ангэлэр порывисто поднялся и принялся шагать по комнате. Беспокойные мысли требовали хоть какого-то движения.

«Дурная голова ногам покоя не дает», — так любила говорить прабабушка.

Арланд резко остановился, как на невидимую стену налетел. А ведь леди Цицерия жила в этом доме уже лет тридцать, а значит, была свидетельницей тех событий с Роландом.

И уж она-то точно была достаточно взрослой в ту пору, чтобы ее посвятили в детали. Она наверняка знала, что произошло в подземельях и почему были запечатаны входы. Стоило лишь зайти к ней и спросить. Он с досады хлопнул себя по лбу: всё это время у него под боком был отличный источник информации, а ему и в голову не пришло обратиться к нему. А теперь... уже поздно.

От этих умозаключений аппетит испортился. Лорд Ангэлера проглотил ужин, едва ли почувствовав вкус блюд. Бокал с недопитым вином остался стоять на столе, как символ данного Дэлаверу слова.

— Могу я забрать посуду, милорд? — В комнату заглянула смуглая горничная.

Арланд утвердительно кивнул и поднялся из-за стола:

— Принеси потом кофе, пожалуйста.

Будущий разговор с отцом следовало хорошенько обдумать, чем лорд и планировал заняться этим вечером. С Ангэлером старшим он свяжется на следующий день, когда не будет выглядеть таким помятым. Перед этим стоило бы навестить Каролину, узнать, не нужна ли ей помощь, чтобы потом рассказать отцу, как она устроилась в новом доме.

— Что-нибудь еще, милорд? — Криста подняла нагруженный посудой поднос, но уходить не спешила.

Некромонг знал этот взгляд из-за ресниц: притворно робкий, откровенно оценивающий, с пляшущим в глубине лукавым огоньком. Очередная меркантильная и доступная девица, не сильно-то отличающаяся от придворных дам — разве что наряд попроще, быстрее раздевать.

Так может быть позволить?.. Чем не способ расслабиться и отвлечься от болезненной заикленности на Элеоноре Дюбар...

Арланд прислушался к себе и с удивлением отметил, что сочные прелести, так незамысловато выставленные напоказ, не вызывают никакой реакции. Мысли и желания были направлены на одну конкретную девушку и отказывались сворачивать налево.

Приободренная его задумчивым рассматриванием, Криста приосанилась и открыла было рот, явно решив детальнее объяснить непонятливому лорду суть своего предложения. В этот момент бокал с вином покачнулся, неожиданно лишившись устойчивости, и часть содержимого пролилась на платье горничной. Девушка охнула и едва не выронила из рук поднос.

Некромонг отвернулся, довольный своей маленькой диверсией, и отошел к окну. Некоторым фразам не стоит звучать вовсе. Однажды произнесенные, они способны навсегда изменить отношения между людьми.

Глава 15. Осколки мечты

Отражение в зеркале смотрело на меня золотисто-карие глазами Эвелины. Темные круги, вечные спутники дурных снов, делали лицо в отражении взрослее. Я отвела от него взгляд и принялась обводить пальцем завитки на бронзовой раме, обрамлявшей старинное зеркало в ванной комнате. Губы Эвелины насмешливо скривились, будто спрашивая: «А где же Элеонора? Она вообще существует?»

Уже ставшая привычной боль пронзила сердце ледяной иглой. Пузырьки с косметическими средствами на полке под зеркалом мелко задрожали и, дружно подпрыгнув, устремились к краю. Не на шутку перепугавшись, я попыталась их поймать, но сделала только хуже: кремы и лосьоны с грохотом посыпались в раковину.

— Что у тебя там происходит, Эла? — донесся из-за двери встревоженный голос Катрины.

— Всё в порядке! Уже иду.

Вернула баночки на место и, пригладив дрожащими пальцами волосы, вышла из ванной, чтобы вместе с девочками отправиться на урок по мировой истории.

— Рассаживайтесь, 6-6-барышни, — традиционно приветствовал нас в светлой лектории седовласый профессор Зеле.

Рослый и плечистый, профессор стоял перед темной доской, широко расставив ноги и заложив руки за спину, и напоминал поднявшегося на задние лапы белого льва — такой пышной была его шевелюра. Должно быть, в молодости он был очень привлекательным мужчиной. Да и сейчас Ульрих Зеле обладал весьма импозантной внешностью, и только сероватый оттенок кожи и странная, немного заторможенная мимика выдавали, что у этого статного мужчины не всё в порядке со здоровьем. Говорили, раньше профессор читал лекции в Королевской академии, но после сердечного приступа у него появились проблемы с дикцией и преподавательскую деятельность пришлось оставить. Потеряв место при академии, господин Зеле позже принял предложение читать мировую историю в Сен-Грейс. Несмотря на воинственную внешность, человеком он был мягким, и уроки его проходили весьма спокойно. Даже чуточку занудно: бесконечные перечисления кто кого пытался завоевать, кто и когда взойшел на трон, любого заставят зевать. Если с датами я еще худо-бедно справлялась, то имена иностранных правителей и всевозможных деятелей давались мне с трудом. Зачет по мировой истории, который мы готовились сдавать через месяц, ждала с трепетом. Проявив удивительное понимание, профессор Зеле решил посвятить последние занятия повторению пройденного за год материала.

— Готфрид П-пятый заменил казнь герцога Энвойского на вечное заточение в «Черном аисте», — вещал профессор, напоминая нам о событиях времен смуты в Обероне.

Перед глазами предстала иллюстрация из учебника истории: возвышающаяся на черных скалах крепость в окружении бушующих волн. Черный аист. Самая страшная тюрьма Оберона располагалась на одиноком каменистом острове, который в солнечную погоду можно было разглядеть с берега. Вечное напоминание подданным о расплате за преступления. В то же время остров находился на достаточном удалении, чтобы до берега было невозможно доплыть. Из этой тюрьмы еще никому не удалось сбежать. По крайней мере живым. Наигравшись, злые волны порой выбрасывали истерзанные тела несостоявшихся беглецов на черные камни...

Жаль, у нас в Лидегории нет такого «Черного аиста». Лорду Ангелеру там было бы самое место!

Мысль, что преступление двенадцатилетней давности осталось безнаказанным, мучила меня не первый день. Гибель мамы и внезапное исчезновение отца, которого вряд ли когда-либо найдут живым, лежали на совести некромонга. Сомневаться в этом у меня не было причин. Вот только стоило представить Арланда в тюремной робе, осунувшимся и изможденным, как сердце словно железным кулаком сдавило, а к горлу подступил удушливый ком.

Невыносимо... Невыносимо разрываться между такими противоречивыми чувствами! Я должна выжечь из сердца все, кроме ненависти к нему. Он заслужил! Заслужил...

— Кто нам напомнит п-п-претендентов на оберийский п-престол п-после смерти Готфрида? — вернул меня к теме урока профессор Зеле.

Я подняла глаза от конспекта — совершенно не вовремя — и встретила с ним взглядом. Ой...

— П-пожалуйста, мадемуазель Элеонора, — кивнули мне, увидев желание ответить там, где его и в помине не было.

Меня ждал неминуемый позор! Как вообще можно запомнить всех этих претендентов на

оберийский престол?! Они там каждое десятилетие появлялись и умирали в компании единомышленников. Другое дело у нас в Лидегории: одна династия у власти из века в век, — никакой путаницы с престолонаследием.

Я судорожно попыталась воскресить в памяти нужные имена:

— Дитрих Вилобородый, занявший в итоге трон, поддерживаемый аристократами Хокон Старый... и...

Имя третьего претендента напрочь вылетело из головы. Но я точно помнила, что был еще кто-то.

— И? — ожидающе глянул на меня профессор.

— Улаф Гнуппа, — раздался девичий шепот позади меня.

— Улаф Г нуппа, — повторила я громко, а в следующую секунду поняла, что сморозила глупость.

Сидевшая правее Корнелия Файнс мерзко хихикнула. Эхо смешков пронеслось по рядам и стихло. Воспитанницы уставились на помрачневшего преподавателя.

— Не нахожу это з-забавным, — процедил он. — Т-третьим был Улаф Кнёз.

Конечно! Ведь Улаф Г нуппа никакой не обериец, а герой наших народных

сказок: дурачок и заика, попадавший из-за своего заикания в нелепые ситуации и чудом из них выбиравшийся, чаще всего битым.

Мои щеки вспыхнули от стыда. Лучше бы я призналась, что не помню третье имя, чем озвучила глупую подсказку. Ульрих Зеле вполне мог воспринять шутку на свой счет, ведь для него тема заикания весьма болезненная. Так и есть! Судя по тому, как профессор понуро уткнулся в свои записи, он обиделся.

— Простите, профессор! Я ошиблась, — пробормотала виновато. Кожа на лице и шее горела, как ошпаренная.

Мне небрежно махнули рукой, позволяя сесть, но так и не удостоив взглядом. Я покосилась назад, чтобы посмотреть, кто мне так удружил. По губам сидевшей позади меня Оливии Мортимер скользнула ядовитая улыбка, но тут же растаяла, сменившись привычной надменной маской.

Почему она так поступила?

У нас всегда были ровные отношения, у каждой свой круг общения, практически не пересекающийся. Нам нечего делить... Правда, в последнее время я не единожды натыкалась на странные и откровенно неприязненные взгляды со стороны Оливии. Думала, показалось. Выходит, что нет.

После лекции я поспешила за ней следом, чтобы потребовать объяснения этой враждебной выходки. Одно дело — невинные розыгрыши, пусть порой и обидные для воспитанниц, и совсем другое — заведомо ложные подсказки с оскорбительным для профессора подтекстом. И это накануне зачета!

— Оливия! — окликнула плывущую по коридору девушку.

Меня благополучно проигнорировали, но я не собиралась сдаваться.

— Зачем ты это сделала? — Поймала тонкое запястье, вынуждая брюнетку остановиться и повернуться ко мне.

— Сделала что? — Мою руку брезгливо стряхнули.

По крайней мере, она не торопилась уйти, и, судя по сверкавшим негодованием глазам, ей тоже было что сказать. Оливия царственно кивнула подругам, чтобы те оставили нас наедине, и шагнула в нишу у окна.

— Ты знаешь, что, — последовала за ней, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё бурлило от возмущения. — Твоя подсказка была неверной и обидной.

— С чего ты взяла, что я тебе подсказывала? — Темная бровь насмешливо приподнялась.

— Не отпирайся — ты сделала это намеренно! Это недостойное и непорядочное поведение.

— Кто бы говорил о порядочности! Ты и твоя подруга Вилбур — вот примеры недостойного

поведения, — буквально выплюнула Оливия.

От такого встречного обвинения я опешила. И похолодела.

— При чем здесь Катрина?

— Думаешь, никто не знает, что она тайком встречается с тем кадетом? Так и вьется вокруг него, отчаянно желая остаться в Мальбурге... Как это мерзко!

— Да она наоборот... — вступилась за подругу, но меня бесцеремонно перебили.

— А ты ничем не лучше! Устроила охоту на молодого лорда Ангэлера! — Оливия обвиняюще ткнула в меня пальцем.

Это имя как болезненный укол прямо в сердце. Сколько времени должно пройти, чтобы перестать так реагировать?..

— Так вот в чем причина! — сделала я неприятное открытие. — Ты влюблена в лорда-попечителя и рассчитываешь заполучить его в мужья...

— Я?! Я не собираюсь замуж за Арланда Ангэлера. И уж точно не влюблена в него, — холодно отчеканила Оливия. — Но моя сестра... Впрочем, не важно. Важнее то, что ты зря стараешься и расточаешь свои чары! Я видела какими взглядами вы обменивались. И не сомневайся, я знаю, что они означают. Легкодоступные девицы не становятся женами!

Она всерьез решила, что я охочусь за Ангэлером?! Да я ничего в жизни не желаю больше, чем поскорее закончить Сен-Грейс и оказаться от ненавистного некромонга как можно дальше! Зазнайка Оливия опоздала с обвинениями. Глупышка Эла, мечтавшая о лорде-попечителе, навсегда осталась в прошлом, в том дне, когда легкомысленно забросила в ящик злополучное письмо, не успев его прочитать.

Пока я силилась подобрать наиболее приличные слова, чтобы выразить вспыхнувшее возмущение, Оливия вздернула подбородок и, развернувшись на каблуках, зашагала прочь. Ну еще бы! Как может Ее Зазнайство долго оставаться в компании такой неприличной девицы, как я!

Когда первая волна негодования схлынула, по позвоночнику пополз противный липкий страх. Сколь многое известно мадемуазель Мортимер о наших взаимоотношениях с Ангэлером? Кто, помимо нее, успел заметить связь между нами? Ответы на эти вопросы могли существенно повлиять на мое будущее. Если по школе поползут нелестные слухи, то я пропала! Последние дни, будучи рассеянной и погруженной в себя, я не замечала ничего вокруг. Но, думаю, сплетни о себе вряд ли бы пропустила. А значит, их не было. Проникновение лорда-попечителя в дортуар, к счастью, осталось незамеченным, как и наш разговор на повышенных тонах. В противном случае подробности моей личной жизни уже знала бы последняя поломойка Сен-Грейс. Это обнадеживало. Вот только оставался вопрос — как долго продлится мое везение?

Если Ангэлер озлобится и решит отомстить, ему будет достаточно обронить пару неосторожных фраз. Молва их быстро разнесет, и это меня уничтожит. Поэтому, как бы ни хотелось разоблачить его, покарать за содеянное, я понимала, что не могу с ним тягаться. Любая попытка огласки той истории — и ответные меры не заставят себя ждать! Даже подругам не могу открыть свою тайну, а чтобы они случайно о ней не узнали, то письмо следует сжечь при первой же возможности. Напрямую, конечно, Ангэлер мне не угрожал, и, возможно, даже будет до последнего убеждать в своей невиновности, но я же всё понимаю... Встреч с ним стоит избегать. Разлука — мое единственное спасение; лишь вдали от него получится сохранить остатки здравомыслия... Некромонг мне не по зубам. Единственное, что остается, это доучиться, затеряться в Мальбурге и постараться выкинуть Арланда из головы. Забыть, словно его никогда и не было.

Сегодня мне преподали хороший урок: не стоит рассчитывать на чужую помощь. Пора вспомнить, что у меня есть своя голова на плечах. И, как говорил профессор Оруэн, она дана не для того, чтобы шляпку носить. Через полтора месяца учеба закончится, и жизнь резко изменится. Как бы мы ни сдружились с Витой и Кати, после Сен-Грейс наши пути неминуемо разойдутся. Я найду место при пансионе для девочек, Виктория выйдет замуж за Себастьяна и будет блистать в высшем свете, а Катрина вернется к родителям в Шлосберг.

А Оливия... пусть думает, что хочет! Каждый горазд судить других. О Кати она сморозила настоящую глупость. Менее заинтересованную в столичных кавалерах девицу во всем Мальбурге не сыскать! А гордячка Мортимер дальше собственного носа не видит.

Подтверждение собственных мыслей я получила буквально на следующий день, застав Катрину сидящей на кровати с письмом в руке. Погруженная в раздумья, она не сразу меня заметила.

— Всё в порядке, Кати? — С некоторых пор один только вид письма заставлял меня внутренне

напрячься в ожидании дурных новостей.

— А, да, — рассеянно кивнула блондинка и нахмурилась. — Вот, письмо из дома получила...

Я промолчала, позволяя подруге самой решить, рассказывать подробности или нет. Мне ли не знать: содержанием некоторых писем не хочется делиться...

— Папенька пишет, что на днях Леон Фирелл нанес ему визит и...

— Неужели попросил твоей руки?!

— Официально — нет. Но они обсудили ряд вопросов, непосредственно касающихся помолвки...

Звучало отчаянно неромантично, как биржевые сводки, что печатались на пятом развороте «Трибуны».

— И что ты по этому поводу думаешь? — тихо поинтересовалась я, присаживаясь рядом.

Кати молчала. Серо-голубые глаза подозрительно блеснули.

— Думаю, что поторопилась, — прерывая молчание, тяжело вздохнула подруга. — Не следовало принимать ухаживания Филиппа...

— Почему?! Тебе ведь больше нравится кадет Барроу, а не статс-секретарь Фирелл! Отец же не будет решать за тебя...

— Ах, Элечка, в том-то и дело! Никто не примет за меня этого решения. Я должна решить сама. — Катрина подалась вперед и крепко схватила меня за руку. — И я до смерти боюсь ошибиться! Ведь от этого зависит мое будущее. Выбирать приходится раз и навсегда!

— Ты так не уверена в своих чувствах? — Я успокаивающе погладила девичью руку.

— Нельзя принимать важные решения, основываясь на чувствах. Папенька всегда говорил, что в основу брака должно быть положено взаимное уважение и взаимная выгода. На них строятся самые крепкие союзы. А чувства что? Быстро угаснут, облетят, как яблоневый цвет...

— Или принесут плоды в виде счастливой семейной жизни. Сможет ли господин Фирелл сделать тебя счастливой? Сомневаюсь... Он у тебя даже симпатии не вызывает! В отличие от Филиппа...

— Да, только будущее с Филиппом предстает весьма туманным! Я не знаю, чего от него ждать. А в случае помолвки с Леоном, я получу ту жизнь, о которой мечтала и которую прекрасно себе представляю.

— Но без любви...

— Невозможно получить всё, — грустно улыбнулась Кати. — А ты... ты бы выбрала любовь?

«Конечно!», — хотела воскликнуть в ответ, но вовремя прикусила язык, устыдившись своего лицемерия. Не мне говорить о любви. Не далее, как пару дней назад я променяла ее на ненависть. Да, обстоятельства у меня иные, и это больше вопрос выживания, но выбор-то я сделала осознанный. И он не в пользу любви... Любовь ходит об руку с прощением, а я простить не могу. Да и Арланд моего прощения не просил, не нужно оно ему...

— Наверное, ради настоящей любви я бы смогла расстаться с прежними мечтами,

— ответила с запинкой, стараясь не звучать категорично.

— Как бы еще узнать, настоящая она или привиделось, — покачала головой подруга.

— Филипп уже знает?

— Нет, но я должна ему сказать. Чувствую себя ужасно виноватой, что позволила ему на что-то надеяться...

— Думаешь, он так легко отступится? Юноша казался настроенным весьма серьезно.

— Ну, предложение он пока не сделал, и это к лучшему. Ничего у нас не выйдет — слишком много препятствий...

По правде говоря, я не видела ни одного, кроме предубеждения самой Катрины. Но она права: это ее выбор, и никто не вправе решать за нее. Стало немного жаль влюбленного кадета, которому не

дали шанса только потому, что он не уроженец Шлосберга.

— Больше никаких свиданий, — решительно заявила Кати, украдкой смахнув слезу. — Я должна порвать с ним как можно скорее...

Шанс увидеться с кадетом Барроу Катрине представился лишь в конце недели, когда мадам Мезар повела всех воспитанниц на прогулку в Королевский парк. Лидегория готовилась в конце мая праздновать день рождения Ее Величества Королевы Магдалены Второй, и уже за несколько недель до события повсеместно начались мероприятия, приуроченные к торжеству. Королевский парк по традиции оккупировали музыканты и театральные труппы. На летних сценах и открытых площадках звучали классические симфонии, известные увертюры и легкомысленные оперетты. На одно из таких представлений мы и отправились в сопровождении классной дамы и инспектрис.

В послеобеденный час было по-летнему тепло. Парк блестел сочно-зеленой листвой умытых утренним дождем аллей. Нарядно одетые пары степенно прогуливались по тенистым дорожкам или вели чинные беседы, заняв зрительские места в летнем театре. То тут, то там в разноцветье парковых насаждений мелькали форменные мундиры Королевской военной академии. Не только нам сегодня удалось сбежать из душных учебных аудиторий.

Большинство воспитанниц во главе с мадам Мезар разместились ближе к сцене, а мы с Катриной и Викторией, желая поболтать, заняли один из последних рядов.

— И что нам покажут, — Виктория подхватила со скамьи изрядно помятую программку, — очередную героическую пьесу?

— Музыкальный спектакль рассказывает об основании Мальбурга, — произнес над нашими головами приятный мужской голос. — Добрый день, леди!

Кадет Барроу стоял в шаге от нашего ряда, сверкая белозубой улыбкой и начищенными пуговицами мундира. Рядом с ним вертел головой долговязый юноша, заинтересованно рассматривая окружающих.

— Мы его уже два раза посмотрели, — поделился Филипп.

— Настолько интересный? — Виктория удивленно приподняла брови, пока Кати хранила сдержанное молчание.

— Не то чтобы... Просто мы тут с самого утра гуляем, — смущенно признался кадет, но тут же спохватился и, вернув себе невозмутимый вид, добавил: — Разрешите представить вам моего друга — лорд Морис Эшер.

Долговязый кадет галантно поклонился, но явно не проникся к нам интересом, продолжив кого-то высматривать.

Когда приличествующий знакомству обмен любезностями закончился, я украдкой взглянула на Катрину. Подруга выглядела напряженной и задумчивой, словно решалась на что-то, отнимавшее множество душевных сил.

— У вас сегодня свободный от занятий день? — я постаралась отвлечь внимание собеседников на себя, пока Филипп не заметил отчужденности возлюбленной.

Вдруг Кати еще передумает? Мне почему-то очень хотелось, чтобы так и случилось. Пусть хоть кто-то из нас обретет счастье в любви! На Виту, продолжавшую обижаться на жениха, в этом плане надежды было мало.

— В академии сегодня проводили медосмотр перед сборами. Через месяц выступаем в лагерь под Шотильоном. Мы с Морисом прошли осмотр одними из первых,

— отрапортовал кадет Барроу, не сводя встревоженного взгляда с Кати, которая смотрела куда угодно, только не на него.

Сердце вновь кольнула жалость. Голубоглазый Филипп с его легким и добрым нравом не заслужил того резкого отказа, что готовилась дать ему Катрина. Хотя, признаться честно, в роли мужа его представить тоже не получалось. Юноша был очень уж милый, его хотелось потрепать за щечку и пригладить вихры, но никак не закрутить роман. Как Катрина с ним целуется? Он же почти ребенок.

Неужели у них всё так и закончится? Филипп уедет на сборы в лагерь, откуда его потом распределят в один из военных гарнизонов, а Кати вернется в родной Шлосберг. Какое прозаичное завершение у этой истории любви! Хотя, после собственных драм, мне многие вещи стали казаться обыденными и прозаичными. Но, может, такой и должна быть жизнь? Без сильных переживаний и

рвущих сердце на части чувств...

— Мадемуазель Катрина, вы бы хотели...

— Могу я попросить вас на пару слов? — перебила Кати озадаченного ухажера и решительно поднялась.

— Конечно, как вам будет угодно, — откликнулся Филипп и подал девушке руку, помогая обойти скамью.

— Конечно, как вам будет угодно, — откликнулся Филипп и подал девушке руку, помогая обойти скамью.

Они ступили на тропинку, что петляла среди кустов магнолии и убегала куда-то за сцену, и медленно пошли вперед. Не ожидавший такого поворота событий кадет Эшер потоптался с минуту рядом с нами, а потом, увидев вынырнувших из боковой аллеи приятелей, поспешно откланялся.

Мы с Викторией синхронно вздохнули и обратили внимание на сцену, на которой уже началось представление. Актеры в старомодных нарядах, изображавшие основателей Мальбурга, хором пели о величавой природе Срединной равнины и о полноводной Марне, на берегах которой и закладывался город. За их спинами был натянут холст с весьма живописной иллюстрацией полей и холмов, свободных от человеческих построек. С нашего ряда было сложно разглядеть детали, но, помня о моем плачевном прошлом опыте с уличным театром, я не стремилась подойти ближе.

Не могли меня переубедить ни пример других воспитанниц, ни безобидный вид декораций: натянутый на тонкую металлическую раму холст выглядел вполне легковесным. Сбоку от сцены стояла еще одна рама с иллюстрацией строящегося города. В какой-то момент ее лебедкой стали затягивать на сцену, и конструкция бесшумно поехала по спрятанной на земле рельсе.

Следующий вдох застрял в середине горла. Кто-то негромко ахнул, и все взгляды устремились туда, где только что стояла рама, скрывая происходящее за холстом. А там... Там самозабвенно целовались Кати с Филиппом! Заметив устремленные на них взгляды, девушка отшатнулась от кавалера и замерла, осознавая произошедшее. Лицо Катрины стало мертвенно бледным — только зацелованные губы вызывающе алели на нем, — руки безвольно повисли вдоль тела.

Вита испуганно всхлипнула и вцепилась в мою руку похолодевшими пальцами. А я с ужасом наблюдала, как поднималась с первого ряда мадам Мезар, как с неестественно прямой спиной подходила к сжавшейся в страхе Кати. В какой-то момент мне даже показалось, что она сейчас даст провинившейся воспитаннице пощечину — столько неприкрытого негодования горело в ее зоре. Но классная дама просто молча схватила девичье предплечье и повела Катрину прочь от сцены, дальше и дальше в парк, исчезая за кустами аллеи, что вела к школе Сен-Грейс. Все остальные воспитанницы под присмотром инспектрис остались на местах досматривать спектакль и неумело изображать, будто ничего вопиющего не случилось.

Глава 16. Майские грозы

С трудом досидев до окончания представления, мы поспешили вернуться в школу вместе с остальными воспитанницами. У самой ограды Сен-Г рейс нам с Витой удалось ускользнуть от инспектрисы и, перебежав улицу, заглянуть в кондитерскую лавку за шоколадными эклерами. Давно известно, что в деле утешения девушек им нет равных.

Правда, по пути в дортуар удача нас оставила: мы нос к носу столкнулись с Одуванчиком Бэтти. Надо сказать, что нос Бэтти был отлично натренирован на запах шоколада и свежей сдобы, ведь в обязанности управительницы дортуара входило присматривать за ученицами, не позволяя им проносить в спальни сладости. А мы так спешили, что и не подумали как-то припрятать сверток с эклерами, от которого явственно пахло шоколадом. Казалось, конфискация неизбежна, однако ключница лишь лукаво прищурилась, и, коротко кивнув, прошла мимо.

Ошарашенные своей удачей, мы почти бегом поднялись по лестнице. Дверь нашей комнаты тревожно скрипнула, пропуская внутрь. Стоявшая у окна Катрина обернулась; припухшие глаза выдавали, что девушка плакала, но к нашему появлению уже успела взять себя в руки.

— Рассказывай! — усадив Кати на кровать, Виктория плюхнулась рядом. — Куда тебя потащила наша гримза? Небось, к директору?

Катрина удрученно кивнула.

— Он сильно ругался? — с сочувствием спросила я, пристроив сверток с эклерами- утешителями на столик.

— Нет, что ты! Господин директор и слова грубого мне не сказал. А вот мадам Мезар... Она чуть ли не слюной брызгала, рассказывая в подробностях, что я совершила. Из ее уст это звучало так гадко! Словно я шлюха какая-то...

— Не бери в голову, милая! Это она от зависти! — Вита скорчила умильную рожицу. — Старую змеюку давно никто не целовал...

— И что теперь будет? Что сказал директор Хоуль?

— Сказал, что будет вынужден написать о произошедшем моему отцу. И до получения ответа от него, мое разрешение покидать Сен-Г рейс приостановлено.

— О! — протянули мы с Витой.

— Я тоже должна написать отцу, — вздохнула Кати. — Вот сейчас соберусь с мыслями и напишу...

— Конечно напиши! — поддержала я подругу. — Судья Вилбур, наверняка, поймет и поддержит твое решение. И Филипп ему понравится, когда они познакомятся...

— Они не познакомятся, — осадила меня Катрина.

— Как так?! Разве Филипп не сделал тебе предложение?

— Сделал. Но я отказала ему...

— Что?! — вырвалось у Виты.

— Вы же целовались! — указала я на очевидное. — Разве это не значило...

— Ничего это не значило! — Кати вскочила с кровати и принялась расхаживать по комнате.

— Ты нас совсем запутала, — пожаловалась Виктория. — Давай по порядку. Зачем ты целовала кадета Барроу?

— Да не собиралась я его целовать! Так получилось... Я ему сказала, что скоро возвращаюсь в Шлосберг и что у наших отношений нет будущего, а потому их лучше прекратить прямо сейчас. А он мне: «Станьте моей женой!» И как он себе это представляет? Взяла и стала?! — Разрумянившаяся Кати всплеснула руками, продолжая шагать между окном и стеной. — Ни где церемонию проводить не понятно, ни где жить будем... Ну, я ему и ответила, что в наших обстоятельствах это невозможно. А он смотрит так жалобно, как брошенный щенок... Чувствую, что сердце сейчас дрогнет, и вся моя решимость улетучится. Я ему — «Прощайте!», а он мне — «Подарите последний поцелуй!» И голос такой растерянный, печальный... Я не могла отказать. Ну, а дальше вы всё сами видели, — закончила Катрина, прижав ладони к пылающим щекам.

— М-да, неудачное место вы выбрали для последнего поцелуя, — только и смогла выдавить я.

— Зато поцелуй вышел незабываемый! — хихикнула Вита.

— Да уж! Забыть о нем Кати не скоро дадут...

Смутная, назойливая мысль засела у меня в голове и не давала покоя. Мог ли отвергнутый кадет целенаправленно подставить Катрину? Ведь юноша определенно был обижен отказом...

— Как думаешь, он специально это сделал? Скомпрометировал тебя? — спросила вполголоса.

— Не говори глупостей! — рассердилась Кати. — Это досадная случайность.

Почему-то я не была в этом так уверена, хоть и понимала нежелание подруги

допускать такой вариант. Я и сама до недавнего времени не могла предположить, на какую жестокость и подлость способны мужчины. Теперь же злой умысел виделся в любом жесте. Конечно, Кати может отмахнуться от моих домыслов, но, боюсь, она меньше моего знает, на что способен этот улыбчивый юноша...

— Всё обойдется, Кати, — успокоила подругу Виктория. — Скушай эклерчик!

Оптимистичный прогноз Виты, к сожалению, не сбывся. Отношение воспитанниц и классной дамы к Катрине поменялось коренным образом. Отличница и пример для подражания, она вдруг стала изгоем. Те, кто раньше не единожды обращались к ней за помощью и подсказками, стали избегать ее общества, замолкать, когда она входила в учебный класс и столовую. Никто не желал дежурить в паре с ответственной и старательной Кати.

Какое ханжество! Какая фальшь!

До этого происшествия мне казалось, что наш коллектив в Сен-Г рейс, если не семья, то сплоченная группа единомышленников. Мы все учимся, а в учебе всегда есть место ошибкам. И когда узнаешь жизнь, тоже можно оступиться. И проступок Кати — лишь незначительная оплошность, а не трагедия. Не окажись в парке классной дамы, всё и вовсе ограничилось бы сплетнями и шутками, которые изжили бы себя за пару дней. Но моим иллюзиям было суждено развеяться. Школа Сен-Г рейс оказалась весьма правдоподобной миниатюрой нашего светского общества, которое, как известно, не прощало ошибок и со злым любопытством совало нос в семейные дела всех его членов. А ведь то, что случилось в парке, касалось только Кати и ее родителей, и уж точно не задевало ничьих интересов.

Вот только мадам Мезар вела себя так, будто ей нанесли личное оскорбление. Быть может, она боялась, что судья Вилбур предъявит претензии школе, а поскольку с нами в парке была именно она, то это плохо отразится на ее карьере. Потому и обливала Кати осуждением и презрением, оставляя при этом подчеркнуто вежливой. Самые заковыристые вопросы теперь доставались исключительно Катрине, и никогда классная дама не была полностью довольна ее ответом, каким бы верным и подробным он ни был. К счастью, хотя бы приходящие преподаватели, такие как профессора Зеле и Оруэн, никак не выделяли воспитанницу Вилбур среди прочих девушек и тем самым давали ей небольшую передышку.

Мы с Викторией всеми силами поддерживали подругу, но несмотря на наши старания Кати приходилось нелегко. Она с достоинством держала удар, не плакала и не винила Филиппа, но серо-голубые глаза заметно потускнели. Я невольно представляла на ее месте себя: каково было бы мне находиться под постоянными осуждающими взглядами?

Нет, в моем случае всё было бы гораздо хуже! Ведь и прегрешения мои куда серьезнее чем невинный поцелуй с кадетом... Даже подумать страшно, как отреагировала бы мадам Мезар, узнай она, что...

Я запретила себе вспоминать ту ночь. Словно ее и не было. И лишь порой, когда размышлялась граница между сном и явью, вновь ощущала ласковое тепло чужих рук, тянулась к нему, наслаждаясь сладостью поцелуев с ароматом бренди. И просыпалась с судорожным всхлипом, испытывая жгучий стыд и вину. Перед собой, перед родителями и перед несправедливо наказанной Кати, в то время как мое грехопадение осталось незамеченным.

Благотворительного музыкального вечера в Сен-Грейс мы обе ждали с замиранием сердца. Катрина опасалась, что особо инициативные воспитанницы ее прилюдно выставят в невыгодном свете, а я до дрожи в коленях боялась столкнуться с Арландом Ангэлерам. Благотворительный вечер организовывался ежегодно для сбора средств в пользу сиротских домов и был последним торжественным мероприятием в школе перед нашим выпуском. Никаких кадетов и танцев! Всё очень чинно и с ограниченным кругом приглашенных, готовых проявить невиданную щедрость. Лорд-попечитель просто обязан присутствовать на таком вечере. Единственное, что могло меня спасти от нежеланной встречи — это возвращение леди Ангэлера. Но я не имела ни малейшего понятия, когда глава совета попечителей планировала вернуться к своим обязанностям.

Подготовка к мероприятию шла полным ходом: воспитанницы без устали репетировали выбранные для выступлений мелодии и с еще большим рвением готовили наряды. Нам троим повезло участвовать лишь в хоровом пении, и я надеялась затеряться среди толпы поющих девиц. Это представлялось не такой уж сложной задачей, учитывая, что нас собирались одеть в одинаковые светло-голубые платья.

Относительно спокойные будни нарушил неприятный случай, произошедший во время последней репетиции хора. Корнелия Файнс, наша солистка, оборвала пение на середине и во всеуслышание обвинила Катрину в том, что та фальшивит. А потом и вовсе потребовала исключить девушку из хора за недостойное поведение! От такой вопиющей наглости мы с Витой потеряли дар речи. Правда, Виктория быстро нашлась и в перерыве шепнула Корнелии и другим девочкам, что, если они не успокоятся и, не дай боже, скажут что-то нелicenseприятное о Кати во время торжества, то она, в свою очередь, также не сумеет сдержаться, чтобы не рассказать на многочисленных приемах, на которые выезжает семейство Кэррош, о «милых шалостях» некоторых воспитанниц. Надо сказать, что угрозу разгневанной кудряшки многие девицы восприняли всерьез; видимо, не такие безобидные были эти шалости, о которых прознала Вита.

Меня же больше заботила реакция мадам Мезар: слишком многозначительно она молчала в ответ на нахальное заявление Корнелии. Неужели и вправду решила сделать такую подлость и снять Катрину с выступления?..

Подобной несправедливости я допустить не могла и решила в тот же вечер отправиться к директору Хоулю, дабы положить конец этой травле. Пусть он узнает о недостойном поведении отдельных воспитанниц и о позиции классной дамы, которая подобное поощряет! Время визита выбрала позднее, когда господин директор уже отдыхал в личных апартаментах, чтобы избежать ненужных свидетелей нашего конфиденциального разговора.

Осторожно ступая по коридору директорского крыла, я в очередной раз прокручивала в голове заготовленную речь, когда из-за дверей гостиной прозвучало:

— Лорду Арланду приходится нелегко, — сказал тихий голос мадам Луизы. — Он неплохо справляется, учитывая обстоятельства...

От звука этого имени я замерла на месте и превратилась в слух. Было стыдно и неловко, но заставить себя постучать в дверь, не услышав продолжение, просто не могла.

— Не сказал бы... — возразил знакомый скрипучий голос директора. — Скорее бы вернулась леди Ангелер. Я, признаться, соскучился по тому затишью, что сопровождало все годы ее попечительства.

— Думаешь, леди Маргарет уже знает об убийстве во время бала? Или Арланд скрыл это и от матери?

— Не знаю... Да и знать не хочу! Семейные дела пусть решаются в семье. Я надеялся, что лорд Дэлавер прольет свет на эту трагедию, но пока расследование не сдвинулось с мертвой точки...

Я на миг оглохла. Будто кто-то выключил все звуки внешнего мира, оставив лишь шум зачистившего пульса в ушах.

Они говорят об убийстве?! Здесь, в Сен-Г рейс, во время Весеннего бала? Я не ослышалась?!

Отпрянув, прижалась спиной к стене и попыталась выровнять дыхание. Сердце в груди гремело, как камень в пустом ведре. Еще немного — и на этот грохот сбежится вся школа! Нельзя, чтобы меня увидели стоящей под дверью! Сразу станет понятно, что я подслушивала... А еще придется объяснять, почему брожу в одиночку по личным апартаментам директора. Если бы я нашла мистера Филдса, то попросила бы доложить обо мне, но дворецкий как сквозь землю провалился. А я была очень решительно настроена во что бы то ни стало побеседовать с директором и вошла без приглашения... Понесла ж меня нелегкая!

В голове воцарился сущий хаос. Оправдания, мысли, домыслы, как в калейдоскопе, складывались в странные картинки, которые тут же рассыпались, чтобы сложиться в новый, но не менее непонятный узор.

Кого убили во время бала?

Все воспитанницы живы-здоровы... Да и случись с кем-то из девочек беда, это было бы невозможно скрыть! Неужели пострадал кто-то из гостей? Об этом тоже стало бы известно. Я же в течение двух недель читала леди Цицерии газеты, там наверняка написали бы о гибели именитого мальбуржца.

В голове не укладывалось, как такое могло произойти!

Но самым ледящим душу было то, что рядом со словом «убийство» вновь прозвучало имя Арланда Ангэлера. Неужели некромонг причастен и в этот раз?! А ведь я танцевала с ним на балу... Это случилось до или после?

Нет же, он не мог! Ангэлера был почти всегда на виду... Хотя...

Что если, выбрав меня своей новой игрушкой, он безжалостно расправился с бывшей любовницей?!

От подобного предположения желудок скрутило с такой силой, что я едва не попрощалась с ужином. Дернула верхнюю пуговицу платья в попытке получить больше воздуха, но непослушные пальцы лишь скользнули по ней, не расстегнув.

Стоп-стоп, Эла! Не стоит давать волю буйному воображению. Это уже фантазии на грани безумия. Надо успокоиться и трезво взглянуть на факты... Да мне толком ничего и не известно! Что-то ужасное произошло во время бала, и, готова поклясться, именно из-за этого наши каникулы начались раньше. Поэтому всех и выпроводили из школы... Значит, заботились о безопасности. Или отослали, чтобы не мешали прятать следы преступления?

Как с этим связан Ангэлер? Он скрывает случившееся, чтобы избежать скандала, или у него есть более личные и ужасающие причины?..

От этих рассуждений голова пошла кругом! Причем в самом прямом смысле слова. Мир вокруг смазлся и поплыл. Коридор, двери, портреты закружились со скоростью обезумевшей карусели. Вернулось чувство тошноты, а с ним и страх, мгновенно переросший в панику.

Надо бежать!

Если меня обнаружат... Если Ангэлер узнает, что мне стало известно об убийстве...

Конфликт между нами и так острее некуда, но то дело двенадцатилетней давности, и некромонгу особо не о чем волноваться... А тут речь о недавно совершенном преступлении! Как знать, на что он готов пойти, чтобы факты не выплыли наружу?..

Страх перед некромонгами, который, как мне казалось, развеялся бесследно, вернулся с утроенной силой. И впервые в жизни он был не абстрактным, а направленным на одного конкретного представителя этой пугающей до икоты расы. Могущественный враг, по злой иронии судьбы ставший моим первым...

За дверью гостиной слышались шаги.

Затопивший сознание ужас придал мне сил. Держась за стенку, я двинулась к выходу на лестницу. Десять шагов... Скорее бы преодолеть эти несчастные десять шагов... Почему мне так плохо? Скушала что-то не то?.. Если бы не головокружение и тошнота меня бы уже и след простыл...

В конце коридора что-то зашуршало и забарабанило.

Топот? Кто там идет?!

Я испуганно сжалась, впечатавшись плечом в стену и едва не задев громоздкую раму висевшей рядом картины.

Спрятаться совершенно нигде!

Но паника оказалась напрасной. Пару раз глубоко вдохнув, я прислушалась и поняла, что напугавший меня звук оказался просто шумом дождя. Даже не дождя, а настоящего ливня, что начался снаружи. Крупные капли сердито забарабанили по откосам небольшого торцевого окна.

Фух! Надо уходить. Скорее!

Только сказать оказалось проще, чем сделать. Как я ни старалась, отклеиться от стены не получалось. Такой желанный и близкий проход к лестнице двоился в глазах и уплывал вдаль, пол под ногами немилосердно качался. Мне бы распахнуть окно и подставить лицо под холодные капли... Наверное, помогло бы прийти в себя... Да только до окна не ближе, чем до выхода! В отчаянии я протянула в его сторону руку. И услышала, как натужно заскрипела запертая оконная рама, будто ее гнуло сильным ветром... Ветер зашумел и у меня в ушах, всё громче и свирепее, пока его не оборвал звук глухого удара.

Теперь меня точно обнаружат! И догадаться, что я подслушивала! Они догадаться...

Лоб коснулся холодного паркета. На секунду стало легче. А потом темно.

Пахло отвратительно.

Прохладный компресс приятно охлаждал кожу на лбу и дарил облегчение. Кто-то невесомо гладил меня по волосам, и я млела, несмотря на окутавший меня противный запах.

— Бедная девочка... Почему ей вдруг стало плохо? — спросил в тишину женский голос.

— Вот и мне интересно... — напряженный голос директора Хоуля вмиг вернул меня в действительность. В жуткую, пугающую реальность.

Я распахнула глаза и натолкнулась на обеспокоенный взгляд Луизы Хоуль. Полный сочувствия и искренней заботы. И лишь на мгновение в нем промелькнули настороженность и подозрение.

Божечки! У меня не получилось улизнуть незамеченной... Что же теперь будет?..

Мадам Луиза неторопливо пересела с дивана на стоявший рядом стул, оставляя мне чуть больше личного пространства, за что я была ей благодарна.

— Что с вами случилось, мадемуазель Элеонора? — Марк Хоуль остановился за спиной супруги и впился в меня внимательным взглядом.

Я растеряннo огляделась, собираясь с мыслями. Даже притворяться не пришлось, поскольку была в самом деле напугана и дезориентирована.

— Кажется, я упала в обморок, — прохрипела, всматриваясь в лицо мадам Хоуль и стараясь найти там ответ: меня обнаружили уже без чувств или еще пытающейся ползти в сторону лестницы?

— Похоже на то, — сочувственно покачала она головой. — Вы лежали, уткнувшись лицом в пол. И очень нас напугали! — Тонкая рука взметнулась и сняла с моего лба нагревшийся компресс. — Хорошо, что не набили себе шишку...

— Да... такая удача, — вяло согласилась я и осторожно огляделась. Судя по всему, мы находились в той самой гостиной, где беседовали супруги Хоуль.

— Как вы себя сейчас чувствуете?

— Гораздо лучше, благодарю...

Если не принимать во внимание тот факт, что от страха я с трудом ворочала языком, то мне и впрямь стало легче. Комната не вращалась, и пол не напоминал палубу попавшего в шторм суденышка.

— Отрадно это слышать, — поджал губы директор. — А что вы делали в коридоре?

Ой-ой! Как бы поубедительнее соврать, чтобы не вызвать подозрений? Хотя

можно просто сказать часть правды и умолчать обо всем остальном...

— Я... я шла к вам, господин директор, но еще на лестнице почувствовала себя дурно. А когда вошла в коридор, голова окончательно закружилась, и я упала... Хотела позвать на помощь, но не успела...

— Почему вас не сопровождал мистер Филдс?

— Не смогла отыскать его... А мне очень нужно было с вами поговорить...

— О чем же? — Марк Хоуль выглядел озадаченным и будто даже немного напуганным.

— О Катрине Вилбур, — выпалила я.

Дальше сбивчиво и с запинками проблеяла заготовленную заранее речь, прозвучавшую и в половину не столько горячо и убедительно, как мне мечталось. Но этого оказалось достаточно, чтобы отвлечь директора от мыслей, что я делала в коридоре, и направить в нужную сторону.

— Вы напрасно волнуетесь, мадемуазель Элеонора. Никто не даст вашу подругу в обиду. Мадам Мезар уполномочена действовать исключительно в ее интересах.

Мне с трудом удалось сдержать саркастический смешок. Возможно, директору стоит чуть меньше доверять мадам Мезар?

А я отныне, видимо, буду меньше доверять самому директору... Ведь и он, и его супруга очень спокойно рассуждали об убийстве. Разве могут хорошие, честные люди так поступать?

Мерзлым, жгучим льдом сковал меня ответ на собственный вопрос.

Не люди... Мадам Луиза Хоуль не человек, она — некромонг. Я помнила ее на похоронах леди Цицерии: она стояла, одна из многих, в мрачной шеренге некромонгов с бесстрастными лицами. Они всегда поддерживают и покрывают друг друга.

Конечно! Она никогда не расскажет ничего, что может навредить одному из них. И супругу своему не позволит... Неудивительно, что к расследованию привлекли господина Дэлавера, а не полицию Мальбурга...

Как бы там ни было, но до выпуска из Сен-Грейс мне следует держать язык за зубами. Девочкам говорить ничего не стану: Кати и без того забот хватает, а Вита с ее импульсивностью и обостренным чувством справедливости может таких дел наворотить, что потом устанем разгребать... К тому же в случае чего сенатор Кэррош защитит свою дочь, а вот Элеоноре Дюбар рассчитывать не на кого... Будет лучше самой аккуратно присмотреться и понаблюдать: может и получится что-то выяснить.

— Я всё же вызову мистера Филдса, чтобы он проводил вас в комнату. — Несмотря на мои заверения в прекрасном самочувствии, директор дернул сонетку у дивана и передал меня в руки прибывшего на вызов дворецкого.

Мистер Филдс ничем не выдал своего удивления при виде загостившейся в директорских апартаментах воспитанницы. По пути в дортуар он молча шел рядом, не отвлекая от тягостных раздумий о том, как сильно всё изменилось этой весной и какой неожиданно сложной стала моя жизнь в одночасье. Бесшумно ступая по ступеням лестницы, я вдруг осознала, что Сен-Грейс перестал быть моим домом, той обителью, где всё было знакомо и безопасно. Теперь в роскошных стенах бывшего особняка Ангэлоров я ощущала себя в западне...

Глава 17. Правды пролившийся свет

— О чем ты хотел поговорить, сын? У Каролины всё в порядке? — Голос лорда Ангэлера старшего, искаженный кристаллом связи, звучал как из колодца, но в нем всё же слышались привычные властные нотки.

— У Каролины всё отлично. Ей понравился дом, и она с головой погрузилась в его благоустройство, — заверил отца Арланд, придвинув ближе переговорное устройство.

Впервые за долгое время на рабочем столе царил безупречный порядок. И хотя Ренард Ангэлера не мог этого видеть, — визуальная связь была возможна лишь из храма Смерти — зная его педантичность, так было спокойнее.

— Единственное, что ее тревожит — это предстоящий выход в свет, — усмехнувшись, добавил Ангэлера младший. — Но с ее светобоязнью мы как-нибудь справимся...

В кристалле что-то хрустнуло и крикнуло, делая смешок отца едва различимым. Арланд покосился на изобретение магов с тревогой: связь с побережьем всегда была скверной даже в ясную погоду, а уж когда небо над Мальбургом затягивали грозовые облака, то и вовсе могла оборваться в любую минуту. Это было бы весьма досадно, ведь некромонг как раз планировал перейти непосредственно к цели своего звонка.

— Маргарет тут подсказывает, что из роскошных колец получаются отличные амулеты от боязни высшего света. Посоветуй Каролине попробовать! — К голосу отца едва слышной скороговоркой добавилось щебетание леди Ангэлера. — Да, вот еще... в сейфе украшение возьми, в коричневом футляре. Твоя мать велит передать его Каролине, пусть наденет на прием.

— Всё сделаю, не волнуйтесь, — пообещал Арланд и нахмурился, не зная, как перейти к занимавшей его мысли теме.

Разговор предстоял непростой, и он не предполагал свидетелей. А их, как назло, стало еще больше: судя по топоту и смеху, доносившимся по связи, в комнату к родителям ворвались внуки.

— Ты что-то еще хотел, сын? Мы могли бы устроить сеанс связи вечером, совместно с Каролиной...

— Есть еще один вопрос, который нам нужно обсудить, отец! Это очень важно, — Арланд подскочил с места и навис над кристаллом, взволнованный тем, что Ангэлера старший готов отключить связь.

— Хорошо... Секунду... Все кш из комнаты! — притворно грозно прозвучало на том конце. Последовал писк, топот детских ножек, строгий окрик леди Ангэлера и шум захлопнувшейся двери. — Говори, Арланд!

— Я пытался отыскать планы подземных переходов, соединяющих особняк Сен-Грейс и королевский дворец, но не нашел никаких сведений о них. Как и уточнения, почему проход был запечатан...

— С чего вдруг такой интерес к старому подземелью? — ожидаемо удивился Ренард Ангэлера.

— Была попытка открыть проход. Мне нужно понять, для чего это делалось. Что в том подземелье?..

— Рассказывай всё! — отрывисто бросил отец. Вся расслабленность вмиг улетучилась из его голоса.

Арланд обреченно вздохнул. Как же чертовски хотелось этого избежать! Избежать необходимости посвящать в случившееся родителей. Он планировал самостоятельно решить все проблемы и уже потом поведать родным о кознях врагов, которые к тому моменту были бы расстроены. Теперь же он чувствовал себя маленьким мальчиком, докладывающим мудрому и сильному отцу о постигших его напастях, в надежде что родитель всё исправит.

Однако же разговор вскоре потребует от Ренарда Ангэлера немалой доли откровенности, а за откровенность принято платить той же монетой. А потому, собравшись с духом, Арланд пересказал отцу всё произошедшее в день злосчастного бала, внутренне готовясь к суровой отповеди за то, что не сделал этого ранее.

Кристалл напряженно молчал с минуту. Арланд уже было решил, что связь прервалась, когда послышался усталый голос отца:

— Что именно ты хочешь узнать?

— Что такого произошло в подземелье, из-за чего потребовалось запереть проходы и засекретить все данные?

— Эту историю ты слышал много раз, и, в то же время, правда о произошедшем не звучала ни разу.

Я расскажу... Но прежде ты должен поклясться, что всё сказанное останется между нами.

— Боюсь, не смогу дать такой клятвы, отец. Я должен поделиться сведениями с Дэлавером.

— Хорошо... Пусть Рэйвен узнает. Но только он, и никто больше. Вы оба дадите клятву неразглашения.

— Согласен.

— Когда-то я сам был связан клятвой, данной королю Вильгельму, и лишь его кончина позволяет мне открыть правду о тех событиях. Что ж... Это случилось в тот день, когда король подписал указ об устранении Роланда. — Говорил лорд Ангэлер медленно, слова давались ему с трудом, словно старая клятва противилась, не позволяя пролить свет на то, что так тщательно скрывали много лет. — Моему отряду карателей было поручено привести указ в исполнение. Это был первый случай, когда мы должны были убить одного из своих. Немыслимо... Невообразимо сложно смириться с подобным приказом... Ведь Роланд не был врагом в привычном понимании. Да, в некотором смысле он был опасен для королевской семьи, но не заслуживал смерти...

Арланд отчетливо представил, каково было тогда отцу, возглавлявшему карателей, получить подобный приказ. Ведь сам по себе он был предательством: король приговорил к смерти не врага, а верного слугу, того, кто, связанный кровной клятвой, никогда не поднял бы руку на королевскую кровь.

— Поэтому я и послушал Аронса, когда тот пообещал образумить Роланда, — продолжил старший Ангэлер. — Исчезновение последнего из Лидегории можно было бы отчасти считать выполнением королевского указа. До сих пор меня мучает ощущение, что тогда я совершил роковую ошибку, дав Аронсу отсрочку. За проявленную слабохарактерность мы заплатили высокую цену. А, возможно, и то, что происходит сейчас: убийство в Сен-Г рейс и попытка открыть проход, — также последствия моей ошибки...

Рассказ отца был прерван звоном упавшего в бокал льда, за которым последовало характерное бульканье. Судя по всему, воспоминания давались Ренарду Ангэлеру нелегко.

— Не понимаю пока, каким образом Роланд с Аронсом оказались в школе Сен-Г рейс? — недоуменно спросил Арланд.

— Роланд желал увидеться с принцессой. Чтобы попрощаться, как он сказал Аронсу. На деле оказалось, что отчаявшийся влюбленный надеялся уговорить Магдалену бежать вместе с ним... Вход во дворец уже был для него закрыт. Тогда Роланд и вспомнил про подземный ход, соединявший особняк Сен-Г рейс с малой анфиладой дворца. Воспользовавшись им, он миновал бы пост дворцовой стражи и при удачном стечении обстоятельств мог бы незамеченным добраться до покоев принцессы. Должно быть, тем же самым путем он планировал вывести возлюбленную из дворца...

— И что ему помешало?

— Спешка и банальный человеческий фактор. Они с Аронсом весьма торопились и упустили из виду элементарную предосторожность. Наведавшись в школу, попались на глаза всем, кому только можно: и воспитанницам, и директору. Тогда школу возглавлял Остин Пранж, крайне осторожный человек. Он сразу заподозрил неладное и отправил ко мне во дворец посыльного раньше, чем Ароне раздобыл ключи от подземелья. Мои каратели заняли позиции в малой анфиладе, а я, прихватив нескольких самых надежных, спустился вниз. Пришло время действовать. Уже тогда я понял, что совершил ошибку, позволив моему брату уговорить меня бездействовать какое-то время. Ошибку предстояло исправить, но так, чтобы это не навредило Аронсу. Ведь Роланд обманул его доверие и, по сути, сделал заложником ситуации.

«История сплошного предательства, — с грустью отметил про себя Арланд. — Верного карателя должны были умертвить лишь за то, что полюбил принцессу и посмел добиться взаимности, тем самым создав угрозу династии Меровингов. Король предал доверие некромонгов, каратели предали своего боевого товарища. Ароне предал доверие отца, помогая Роланду увидеться с принцессой, а тот, в свою очередь, предал их дружбу ради любви. Эта история дурно началась и так же закончилась...»

— Мы встретились в одном из подземных залов. Роланд первым обнажил оружие, поскольку навредить друг другу некромагией мы не могли. Ароне еще пытался воззвать к здравому смыслу друга, но я отослал его прочь. Когда в разговор вступают клинки, дружеские уговоры уже бессмысленны. Мне удалось ранить Роланда. Но он предпочел смерть пленению и обрушил часть каменного свода.

— Зачем?! Ведь карателям хватило бы пары минут, чтобы превратить камни в пыль и разобрать завал! — воскликнул Арланд, взбудораженный рассказом.

— А ему вполне могло хватить этой пары минут, чтобы умереть... Так бы, наверное, и произошло, но... — Отец тяжело вздохнул, прежде чем продолжить: — Но вмешалась та, чье присутствие в пылу схватки мы даже не заметили.

— Неужели принцесса?

— Нет, слава Темнейшей, не принцесса! Ее звали Элизабет Беккер. Не самый знатный и влиятельный род, как ты знаешь, но Беккеры состояли в каком-то дальнем родстве с матерью Роланда. В ту пору девочка училась в Сен-Грейс. Она видела, как Ароне с Роландом спустились в подземелье, и последовала за ними. Влюбленная девчонка, бесстрашная и глуп... — Удар кулака по столу заглушил конец фразы. Взяв себя в руки, Ангелер старший продолжил повествование: — Роланд был при смерти, когда на него рухнул свод. И его смерть, пожалуй, была бы лучшим исходом для всех... Но не для Элизабет. Она потребовала сделку с ангелом Смерти, назвавшись невестой Роланда! Священное право любого некромонга — выторговать у Смерти жизнь любимого... Мы ничего не могли на это возразить. Да и возможности, признаться, не было: как только девчонка произнесла сакральную фразу, мы все застыли во времени, как мошки в янтаре...

— Хм... В истории о влюбленном в принцессу некромонге никогда не упоминалось, что у него была невеста...

— В том-то и дело, что Элизабет не была его невестой. Но, видимо, очень этого хотела. Вот только выдавать желаемое за действительное — плохая идея. А пытаться обмануть Смерть — и того хуже! Девочка была жестоко наказана за свою самонадеянность... Не смея вмешаться, мы могли лишь молча наблюдать, как она просила, чтобы Роланд не умирал и всегда был с ней, как согласилась заплатить ту цену, что была ей озвучена. А потом... в одно мгновение она состарилась. Темные волосы словно покрылись инеем, тонкие пальцы скрючились, выронив фонарь... На испещренном морщинами лице испуганно распахнулись глаза... В жизни не видел ничего более жуткого! Элизабет расплатилась молодостью за свое желание, да только исполнила его Смерть на свой лад...

Арланд сглотнул горький ком. Доселе неведомые детали давней истории шокировали своей трагичностью. Как же несправедливо обошлась судьба со всеми ее участниками! Было жаль Роланда, жаль влюбленную в него девушку... Обрати он на нее внимание, и всё сложилось бы по-другому! Судя по рассказу отца, Элизабет Беккер стала бы для него достойной парой: Роланд бросил вызов королю и многовековым устоям, а юная Элизабет дерзнула бросить вызов самой Смерти... Храбро, но безрассудно... Все некромонги знают: спасти готовую оборваться жизнь могут лишь ближайшие родственники умирающего или нареченные возлюбленные. Только им доступна сделка с ангелом Смерти. Элизабет нарушила данный постулат и понесла наказание...

— Роланд всё-таки умер? — склонившись над кристаллом связи, почти шепотом спросил Арланд.

— Нет, он не умер, — опроверг предположение отец. — Но и не ожил. Застрял где-то между жизнью и смертью... Вот он вроде бы рядом и вместе с тем не здесь...

Из обломков гранита сложился каменный саркофаг, в котором Роланд уснул беспробудным сном. Подземный зал превратился в усыпальницу. Когда к нам вернулась возможность говорить и двигаться, всё что нам оставалось — это доложить о произошедшем королю. Вильгельм приказал запечатать подземелье и взял с нас всех клятву молчать о случившемся. Принцесса Магдалена так никогда и не узнала, что случилось на самом деле. Ей была озвучена версия, что Роланд отказался подчиниться королевскому приказу и погиб в стычке с карателями.

— А что стало с девушкой?

— Ее оставили при школе, пока Беккеры не оправились от шока. Семье воспитанницы рассказали изрядно сокращенную версию произошедшего.

— Получается, правда была известна лишь Его Величеству и весьма ограниченному кругу некромонгов, — рассудил Арланд. — Мог кто-то из них проболтаться? Когда клятва покойному королю перестала действовать...

— Увиденное произвело на всех гнетущее впечатление. О таком не рассказывают за семейным ужином... Поэтому я уверен, что тайна надежно хранится всеми и по сей день.

Кристалл связи тускло мигнул на прощание, когда разговор с отцом завершился. В кабинете воцарилась тишина. Пробившись сквозь тучи, в окно заглянул скупой луч солнца, пробежал по темному паркету, солнечным зайчиком запрыгнул на стол и сверкнул хрустальными гранями пузатого графина. Арланд откинулся в кресле и, запустив пятерню в волосы, задумчиво поскреб затылок.

Не таких откровений он ожидал от отца... Вместо того, чтобы стать проще и понятнее, история еще сильнее запуталась. И что теперь с этой правдой делать — неясно... Первым делом, конечно, следовало поделиться информацией с Рэйвеном, а дальше вдвоем они что-нибудь придумают. В

любом случае, Арланд на прощание пообещал отцу во всем разобраться и не позволить недругам разрушить амбициозные планы брата.

Отправив Дэлаверу сообщение, но так и не получив ответа, лорд Ангэлер засобирился по делам. Возможно удастся застать Рэйвена дома. Если нет, то придется наведаться во дворец. Им следует переговорить безотлагательно. Удивительно, но Дэлавер оказался того же мнения, словно умел читать мысли на расстоянии. Не успел некромонг и шагу сделать от дверей особняка, как улицу перед ним перегородил подъехавший кобальтово-синий ренмобиль.

— Всё же у тебя слишком приметный транспорт, — поприветствовал друга Ангэлер.

— Так и задумано, — ухмыльнулся Рэйвен. — Иногда очень удобно оказываться не там, где находится твой приметный транспорт. Кстати, пусть отгонят ренмобиль на бульвар Монтрёз, — с этими словами он бросил ключ подоспевшему лакею.

— Запарковать надо у дома номер три, — поспешил уточнить указание Арланд. — А то можно ненароком скомпрометировать какую-нибудь даму, неосторожно оставив твой ренмобиль под ее окнами.

— Bravo, Ар, уже мыслишь, как служащий моего ведомства! Но, ты прав, сегодня никакого коварства: этим вечером Рэйвен Дэлавер побудет домоседом.

— Идем, домосед! Мне есть, что тебе рассказать, — пригласил друга в дом Ангэлер.

Когда в малую гостиную были поданы напитки и закуски, и дверь за дворецким плотно закрылась, Арланд пересказал всё, что часом ранее узнал от отца. Вопреки ожиданиям Рэйвен не выглядел удивленным — скорее задумчивым, неторопливо покачивая в ладони бокал вина.

— Занятная история, — наконец вымолвил он. — Но я расскажу тебе еще одну, не менее увлекательную...

Оказалось, что утром Дэлавер был вызван на частную аудиенцию к Ее Величеству. Разговор носил весьма конфиденциальный характер. Королева Магдалена сообщила, что среди корреспонденции обнаружила анонимное послание, в котором говорилось о Роланде. Она позволила Дэлаверу прочесть это письмо. В нем неизвестный отправитель заверял, что некромонг не погиб, а был замурован в подземелье, где и находится по сей день. Королева призналась, что соблазн проверить ложь это или правда был настолько велик, что она почти спустилась в подземный ход. Но осторожность всё же возобладала, и рисковать Магдалена не стала. Ведь всё сказанное могло запросто оказаться ловушкой. Поэтому она и пригласила Рэйвена: ей нужен доверенный некромонг не из совместной с королем службы охраны, которому она могла бы поручить проверить подземелье.

— Теперь сомнений нет — кто-то не удержал язык за зубами! — нахмурился Арланд. — Но какого черта в это решили втянуть королеву? Кому и зачем это понадобилось?!

— Думаю, ответ на вопрос «Зачем?» тут очевиден: чтобы она сняла печать с прохода. И она это сделала.

— Как?!

— Когда открыла потайную дверь в малой анфиладе...

— Нет, я имел в виду: как ей в принципе это удалось? Как смогла разрушить магическую печать короля Вильгельма? Отец упоминал, что тот собственноручно ее поставил...

— И подозреваю, что печать-то стояла двусторонняя, не позволяя открыть дверь даже со стороны Сен-Грейс. Только королева и кронпринц, прямые потомки Вильгельма, могли ее снять.

— Но королева не маг!

— С чего ты так решил? — хитро улыбнулся Рэйвен. — Если женщина не пользуется магией, это еще не значит, что она ей не владеет... В любом случае, теперь проход открыт.

— Проклятье! — Арланд поднялся из кресла и взволнованно зашагал из угла в угол. — Ты туда спускался?

— Да.

— И видел... Роланда?

— Только каменный саркофаг. Знаешь ли, там весьма неуютно, так что я не стал задерживаться...

— Мы должны восстановить печати и вновь закрыть проход.

— Я тоже сначала так думал... Но тогда тот, кто это затеял, попытается снова. И будут новые жертвы.

— Предлагаешь дать им закончить начатое и поймать с поличным?

— Читаешь мои мысли, — хмыкнул Рэйвен и, порывшись в кармане сюртука, достал небольшую коробочку с оттиском известного артефактора Магнуса Тилни. — Вопрос упирался лишь в надежное и незаметное наблюдение за входами, и я его уже решил, — добавил радостно.

— Что это? — Арланд кивнул на приоткрытую коробку, в которой перекатывались странного вида шарики, напоминающие орехи.

— Экспериментальное изобретение Магнуса. Он назвал их «сигналки». Нужно спрятать их рядом с дверью, со стороны дворца и школы; если проход откроют, мы мгновенно об этом узнаем.

— Думаешь, это хорошая идея — доверить безопасность дворца и Сен-Грейс экспериментальному изобретению?

— Ну, Магнус говорит, что уже их опробовал, застав жену с любовником.

— Хм, наверное, в тот момент он пожалел, что изобрел эти «сигналки».

— Да как бы не так! — со смехом возразил Рэйвен. — Он пожалел, что женился.

Дэлавер вознамерился тем же вечером навестить в Сен-Грейс и установить там

свои «сигналки». А утром проделать то же самое во дворце, расставив таким образом ловушки. Ангелер порывался поехать вместе с ним, но друг заявил, что визит лорда-попечителя в школу привлечет ненужное внимание, а потому он отправится один, наняв неприметный кэб.

В душе Ангелера заворочалось глухое раздражение. Умом лорд понимал, что Дэлавер прав, но желание хотя бы ненадолго оказаться под одной крышей с Элеонорой было так сильно... Он так соскучился по ней, что готов был ухватиться за призрачный шанс случайно столкнуться в коридорах школы. Даже злость взяла на самого себя! К счастью, непреклонность Дэлавера не позволила совершить глупость. Оставалось утешать себя мыслью, что не за горами благотворительный вечер, где он сможет увидеться с малышкой Дюбар. Правда, в такой толпе надежду нормально поговорить можно сразу оставить. Хотя, как знать... Если Эла остыла и готова к спокойному диалогу, то Арланд придумает, где им уединиться.

Глава 18. В плену эмоций

По начищенному паркету парадной залы я шла как по тонкому льду, готовому проломиться подо мной в любую секунду. Чем ближе мы подходили к распахнутым дверям музыкального салона, тем сильнее у меня дрожали колени. Нам навстречу, заглушая разговоры гостей благотворительного вечера,плыли звуки старинной мальбуржской мелодии. Ее исполняли приглашенные музыканты, а после них настанет черед выступать хору воспитанниц Сен-Г рейс. От предвкушения у меня холодело в груди.

Корнелия Файнс уже стояла рядом с импровизированной сценой и обмахивалась веером из роскошных перьев. Ни дать ни взять — оперная дива! Это сравнение меня развеселило и немного ослабило тугую пружину напряжения, что сворачивалась внутри с самого утра. Расправив складки светло-голубого платья, которое ужасно мне не шло, делая похожей на бледную поганку, я вместе с девочками прошла в музыкальный салон. Стараясь особо не смотреть по сторонам, приблизилась к сцене, где голубоватым облаком уже сгущились хористки.

Скорее бы всё закончилось! Вот выступлю и, как только приличия позволят покинуть прием, сбегу к себе в дортуар. Не хватало еще столкнуться с Ангэлером!..

Какая же я никудышная врунья! Даже себя толком обмануть не могу... Конечно, я хотела увидеть лорда-попечителя. Понимала всю неправильность подобного желания, но ничего с ним поделать не могла. Сердце в груди загрохотало от одной мысли, что он где-то там, в толпе, и вместе с остальными гостями смотрит, как я поднимаюсь на сцену и занимаю место во втором ряду. Набравшись храбрости, окинула взглядом расположившихся в зале господ: сплошь нарумяненные щеки увешенных драгоценностями дам, напомаженные усы благородных лордов и лысеющие макушки видных деятелей Мальбурга. Синих глаз в этом море разряженных гостей видно не было.

Выступление прошло на удивление гладко, наверное, главным образом потому, что я удачно спряталась за пышными локонами Эммы Торнтон. Зрители великодушно проводили нас бурными овациями. Мадам Мезар поманила за собой Викторию и Корнелию, которых, видимо, ждало какое-то особо почетное поручение. Остальным воспитанницам предстояло остаться в музыкальном салоне, чтобы мило улыбаться гостям и вежливо отвечать на их вопросы.

Воспользовавшись передышкой, Кати утащила меня в уголок, откуда было очень удобно наблюдать за происходящим. Возможно, этот вечер не так плох, и зря я торопилась его покинуть... Вот переведу дух и присмотрюсь получше к почтившим нас своим присутствием благодетелям. Где-то среди них должна быть мадам Сибилла Орли, патронесса Клеридж, элитного интерната для девочек. Я запомнила это имя из списка гостей. Мадам могла бы стать моей нанимательницей. С ней определенно нужно познакомиться! Вот только как ее разыскать?..

Воодушевившись новой целью, я вскинула подбородок и смелее обвела глазами досточтимую публику.

А с кем это беседует мадам Луиза? Часом не с патронессой Клериджа? Полная дама с высоким начесом что-то увлеченно рассказывала супруге нашего директора, жеманно вытягивая губы трубочкой. Пухлые пальчики, увешанные перстнями, непрерывно порхали по воздуху, грозя выплеснуть на окружающих шампанское из бокала.

Какая колоритная мадам! Наверное, сейчас самое время подойти к Луизе Хоуль: тогда она представит меня собеседнице, и я смогу перекинуться парой слов с мадам Сибиллой. А если всё хорошо пойдет, то и рассказать ей о моих карьерных устремлениях...

Я уже сделала шаг в сторону воркующих дам, когда краем глаза заметила в дверях знакомый силуэт и встала как вкопанная. Сердце пропустило удар и болезненно сжалось. Честолюбивые планы были мгновенно забыты. Едва не забывая, как дышать, я завороченно наблюдала, как в зал неспешно входил лорд Ангэлер.

Высокий и статный, в неизменном темном костюме, он остановился рядом с компанией мужчин, отвечая на их приветствия. Бесстрастное лицо с легким вежливым интересом к собеседникам. Намек на улыбку застыл на безупречных губах.

Тут же мысленно отвесила себе подзатыльник. На ненавистных губах! Я всё в нем ненавижу.

А в следующее мгновение подо мной словно провалился пол. По темному рукаву его сюртука уверенно скользнула тонкая белая рука. Богато одетая молодая женщина доверчиво прижалась к его боку и ласково улыбнулась. Изумрудный шелк выгодно подчеркивал ее сочные формы. Рыжеватые локоны в изящной прическе отливали ярким пламенем. Собственническим жестом Арланд накрыл женские пальцы, покоившиеся на сгибе его локтя.

Из моих легких разом вышибло весь воздух. А в позвоночник словно вогнали раскаленный стальной

прут. Я бы скорчилась от боли, но бездушная пылающая сталь заставляла держать спину ровно.

«Только бы стерпеть... только бы не расплакаться, — шептала себе в отчаянии. — Я же его ненавижу... И мне всё равно, с кем он пришел на этот вечер...»

— Ты побледнела, — прорвался сквозь затопившую душу боль голос Катрины. — Может твой корсет слишком сильно затянули. Пойдем ослабим?

— Нет... нет, всё в порядке. Лучше заглянем в зал с угощениями, я бы попила сладкого лимонада, — выдавила, не в силах оторваться от невыносимого зрелища.

Проследив за моим взглядом, подруга понимающе кивнула и увлекла в соседний зал.

— Знаешь, лорд-попечитель проводил тебя очень пристальным взглядом, — сообщила, вручив мне бокал с напитком.

— Пожалуйста, Кати, давай не будем о нем! — взмолилась я и сжала дрожащими пальцами холодный хрусталь.

— Он тебя бросил? — Подруга участливо погладила меня по руке.

— Нет. Я его.

Катрина недоверчиво взглянула мне в глаза, но промолчала. По всему было видно, что не поверила, но решила пощадить мои чувства. Богатый лорд поиграл и бросил — так это выглядело со стороны... Знала бы она, насколько всё ужаснее на самом деле!

— Вы заметили, дорогуша, на ней легендарная «Слеза ундины»! — чуть ли не в ухо мне прокартавила подошедшая к столу пышнотелая гостья. — Неужели Маргарет решилась расстаться с украшением? Изумруды такой чистоты, да еще в обрамлении вармийского жемчуга...

— Окститесь, милочка, Маргарет еще не выжила из ума, чтобы отдать избраннице сына свадебный подарок покойной свекрови, — возразила ей миниатюрная и сухонькая дама преклонных лет. — Юная леди просто выгуливает ожерелье. Вы же знаете, жемчуг любит тепло кожи, а Маргарет давненько не выводила его в свет. Думаю, мы еще увидим на ее невестке драгоценности из сокровищницы Ангэлоров...

Я так поспешно поставила бокал с недопитым лимонадом на стол, что едва не опрокинула его на белоснежную скатерть. По позвоночнику пробежал озноб, застыв в груди ледяным комом.

Нестерпимо захотелось уйти. Зря не сделала этого раньше! Поступила бы, как намеревалась изначально, и уже была бы в тишине своей спальни, подальше от любительниц посплетничать и от Ангэлера с его новой пассией...

Хотя почему новой?.. Судя по всему, они уже давно вместе, просто недалекая Эла об этом не знала. И даже какое-то время наивно считала себя избранницей лорда-попечителя... Как можно было быть такой слепой?! Арланд никогда меня ни с кем не знакомил, не выводил в свет, даже на похоронах леди Цицерии я стояла в стороне, спрятанная под маской... Только доверчивая идиотка могла питать иллюзии относительно того, какая роль ей отведена!

Но я ведь и так уже об этом узнала, из того письма... Зачем снова и снова мучаю себя этими мыслями? Как всё-таки больно, не просто узнать о чужом коварстве, но и получить тому неоспоримые доказательства... Доказательства эти, словно издеваясь надо мной, вплыли в зал под ручку с Ангэлером, сверкая улыбкой и семейными изумрудами. Грянувшая в музыкальном салоне оркестровая сюита, очевидно, помешала им общаться, потому они и вышли в более тихое место в компании супружеской четы Хоулей.

Не могу здесь больше оставаться! Не хочу на них смотреть...

Только вопреки своим же мыслям, глаз от Арланда отвести не могла. Смотрела и смотрела, будто видела последний раз в жизни. А он отвечал мне таким же долгим, прожигающим душу взглядом. Пока рыжеволосая спутница не потребовала его безраздельного внимания, тронув за руку.

— Ты куда?! — воскликнула мне вслед Катрина, когда я, опомнившись, рванула к выходу.

Довольно издеваться над собой! И хватит позволять ему издеваться надо мной! Зачем он так смотрит?! Нравится видеть отпечаток страданий на моем лице?.. Больше не доставлю ему такого удовольствия.

Демонстративно бросила полный ненависти взгляд в его сторону и мысленно чертыхнулась,

заметив, что Ангэлера с Хоулями тоже двинулись в сторону выхода из зала.

Да чтоб им всем в бездну провалиться! Не хватало еще столкнуться с ними в дверях!

Похоже, что так и получится. Нужно либо ускориться, почти перейдя на бег, либо притормозить, позволив им первыми миновать проход. А вдруг они остановятся в дверях? Тогда просочиться мимо незамеченной не выйдет. Придется здороваться, натянув на лицо учтивую улыбку...

Это выше моих сил!

Плывать, что обо мне подумают — я прошмыгну первой. Подхватив юбки, ускорила шаг, ловко маневрируя среди немногочисленных гостей, возвращавшихся в музыкальный салон. Кожей ощущала сокращающееся между нами расстояние и следящий за мной взгляд некромонга. Готова поклясться, на его губах появилась хищная улыбочка.

Ах вот как! Загоняет меня как дичь и веселится?!

Мои жгучая обида и возмущение внезапно выплеснулись сладкими брызгами. Послышался звон разбитого стекла, острые осколки брызнули во все стороны. Я ошарашенно замерла на месте, не понимая, как это случилось.

Секунду назад между нами проходил официант, держа поднос с красивой пирамидой из бокалов, наполненных шампанским. А в следующее мгновение эта пирамида рухнула в сторону Ангэлера, окатив некромонга с головы до ног.

Ой-ой! Я ведь и пальцем не притронулась ни к официанту, ни к подносу!

Неужели это...

— Простите, милорд! Не понимаю, как это случилось, — бормотал побледневший официант, с неподдельным ужасом наблюдая, как на белоснежной сорочке некромонга расплзается мокрое пятно.

— Вы здесь не при чем. Идите и позовите уборщицу, — отпустил его

лорд-попечитель и... уставился на меня потемневшими до черноты глазами. — Ничего не хотите мне сказать, Элеонора?

Фамильярность и издевательские нотки в голосе некромонга вывели меня из ступора и разозлили. Еще и эта рыжая, глядевшая со снисходительным любопытством, словно я какая-то забавная букашка...

— Сожалею, что ваш вечер не задался, милорд, — процедила в ответ и на всякий случай сделала шаг назад.

И тут же наткнулась на что-то, сердито прошипевшее мне в затылок голосом мадам Мезар:

— Не о том сожалеете, мадемуазель Дюбар. Вам следует извиниться...

Вот и классная дама подросла, привлеченная то ли шумом, то ли предчувствием скандала. Хотя скандалить я вовсе не намеревалась. Всё, чего хотела — поскорее оказаться в уединении спальни, снять внутреннее напряжение (и дурацкое платье!), возможно даже поплакать. Вот только по лицу Ангэлера было видно, что отпускать меня он не собирался. Так мы и стояли, сцепившись взглядами, и я, вопреки здравому смыслу, получала от этого противостояния странное, извращенное удовольствие.

— Ох, какая неприятность! Простите, мне искренне жаль, милорд — озабоченно хлопотал вокруг мокрого некромонга директор Хоуль.

— Ничего страшного не произошло, Марк. Мне подмочили костюм, а не репутацию. Я переживу, — любезно произнес Ангэлер, стирая влагу с лацкана сюртука платком, который ему заботливо вручила спутница. А потом, бросив на меня полный такого искреннего беспокойства взгляд, добавил: — У юных созданий порой бывают неконтролируемые всплески магии. С мадемуазель Элеонорой это уже случалось?

— За воспитанницей Дюбар магических наклонностей мы прежде не замечали, — вклинилась в разговор мадам Мезар, явно считавшая себя в курсе всего происходящего в школе. Я с этим не согласилась — мысленно конечно! Ничего-то мадам не знала: ни о тайных проделках воспитанниц, ни о моей пробудившейся магии. Сейчас, глядя на острые осколки разбитых бокалов, я сама недоумевала, почему никому не рассказала о проявлениях магического потенциала. Почему не доверилась даже девочкам? Чего так испугалась?.. Хотя, если рассуждать здраво, испугаться-то было чего! В моих руках вдруг оказалась разрушительная сила, опасная и неуправляемая, которая

уже однажды привела к гибели мамы. Правда, я недавно узнала, что эта версия фальсифицирована. Или всё же нет?..

— Это могло бы объяснить ваше недомогание, — тихо обратилась ко мне супруга директора.

— Какое недомогание? — требовательно уставился на нас Ангэлэр.

— Никакое! Я себя прекрасно чувствую.

Ну нет! Обсуждать с ним мой обморок я точно не собираюсь. Еще чего не хватало! Да еще в присутствии его избранницы. Как ему самому не совестно изображать беспокойство за постороннюю девицу, когда рядом стоит невеста? И почему она это терпит?! Сама сдержанность и всепрощение... Или я в ее глазах настолько ничтожна, что не стою и крупницы ревности?!

«Вот бы открыть ей глаза на то, как развлекается ее благоверный!» — промелькнула в голове отравленная ядом ненависти мысль. Но я ее сразу отбросила: от подобных откровений мне вреда куда больше будет, чем некромонгу.

— Мы обязательно определим воспитанницу Дюбар в класс контроля магии, — авторитетно заявила мадам Мезар, отвлекая лорда-попечителя от темы моего здоровья. Я бы ей даже благодарно улыбнулась, если бы не была так взвинчена.

— Учитывая наследственность, это стоило сделать сразу, — сухо подытожил некромонг, скользнув по моему лицу красноречивым взглядом.

Я знала, что он там видел — Эвелину! А с проснувшейся магией я стала еще сильнее походить на нее.

Меня словно молнией в макушку ударило, прошив разрядом вдоль всего позвоночника. Негодование перемешалось с отчаянием. Перед глазами заплескали черные закорючки официального заключения о причине смерти леди Дюбар, между строк которого проглядывало лицо Арланда с кривой ухмылкой на губах.

Как смеет он упоминать о моей семье, которую сам же и уничтожил?!

— Вы! Вы... — Я тщетно силилась подобрать слово, способное выразить ту бурю эмоций, что клокотала в душе. Что-то такое обидное и оскорбительное готово было сорваться с языка.

Ангэлэр предостерегающе сощурил синие глаза. Все прочие свидетели этой сцены ощутимо подобрались, предчувствуя катастрофу. Я и сама понимала, что сейчас произойдет что-то непоправимое, но эмоции словно подчинили меня своей власти. Безумные качели раскачивались между обидой и злобой, лишая привычного самоконтроля. Пьяняще и пугающе! Какая-то другая Элеонора пробуждалась к жизни, и я боялась ее непредсказуемости.

Жесткие пальцы внезапно сомкнулись на моем запястье. Злой шепот мадам Мезар подействовал как ведро ледяной воды:

— Если вы сейчас же не возьмете себя в руки, я вам лично обеспечу исключение из школы с позором!

К возмущению и злости щедро плеснуло страхом. Пламя моей ярости зашипело и погасло, оставив лишь горький дым, что щипал глаза. Даже хорошо, что устремленные на меня взгляды виделись сквозь пелену слез: осуждающий от директора, прожигающий некромонга и наполненный презрительной жалостью от его рыжеволосой красотки.

Как же я смертельно от всех вас устала!

Когда классная дама решительно потащила меня за руку к выходу, даже мысли не возникло сопротивляться. Мелкая дрожь сотрясала всё тело, как в лихорадке. Разбитой куклой я плелась за мадам Мезар по коридорам, надеясь, что целью нашего марша станет дортуар...

Но надеждам моим не суждено было сбыться: вместо спальни меня привели в кабинет директора Хоуля. А через пару минут тужа же вошел и его хозяин.

— Мадемуазель Элеонора, что на вас нашло? Вы же такая разумная девушка! — накинулся на меня с порога.

Стремительно приблизился к столу и, опустившись в кресло, тяжело вздохнул.

— Присаживайтесь, — продолжил уже спокойнее и кивком головы указал мне на кресло. — Давайте обсудим произошедшее...

— Да, потрудитесь объяснить свое поведение! — поддакнула мадам Мезар и тоже вознамерилась сесть на свободный стул.

Однако директор в группе поддержки не нуждался, а потому любезно попросил ее спуститься в зал и проследить, чтобы воспитанницы более не учиняли беспорядки. Преисполненная чувством собственной важности классная дама поспешила прочь исполнять ответственное поручение. Дверь с тихим стуком закрылась; я и Марк Хоуль остались в кабинете одни.

— Это было не первое проявление вашей магии, не так ли? — спустя пару мгновений нарушил он молчание.

Я покачала головой. Разговаривать совсем не хотелось. Казалось, еще немного, и просто усну в этом кресле, вернувшись калачиком.

— Знаете, я не первый год возглавляю школу и многое видел... Такие всплески магии не случаются на ровном месте. Что могло вас так расстроить, мадемуазель Элеонора? — вкрадчиво поинтересовался директор и глянул исподлобья столь многозначительно, словно видел меня насквозь. Я почти поверила, что ему всё-всё про меня известно, но по какой-то причине он просто желает услышать это из первых уст.

Вот только прежнего доверия к господину директору я уже не испытывала и изливать перед ним душу не собиралась. Слишком свежи еще были воспоминания о подслушанном разговоре... Если у директора есть тайны от воспитанниц, то и у его подопечных они тоже могут быть.

— Наверное, я просто переволновалась из-за выступления, — ответила уклончиво и сонно хлопнула ресницами.

— Значит, лорд Ангэлер пострадал случайно и незаслуженно? — Мне достался еще один испытующий взгляд.

Что господин Хоуль так жаждет выяснить? Не покусилась ли я на его драгоценного лорда-попечителя умышленно? Будь я обученным магом, может и облила бы его из зловредности, а так да — нелепая случайность. А вот с «незаслуженно» не соглашусь — еще как заслуженно! Правда, директору об этом говорить не обязательно.

— Я сожалею о случившемся, — прошептала в ответ, виновато опустив глаза на нервно сцепленные пальцы.

— Рад это слышать, — миролюбиво улыбнулся директор. — Мне в какой-то момент показалось, что вы хотели сказать лорду-попечителю нечто нелицеприятное... Это было бы крайне опрометчиво с вашей стороны. Я имею в виду — нагрубить публично. Да и элементарно некрасиво... Особенно учитывая тот факт, что лорд Ангэлер оплатил ваше обучение в Сен-Грейс...

— Он... ЧТО?! — ошарашенно выдохнула я. — Это какая-то ошибка...

Не может этого быть! Директор явно что-то напутал!

— Нет здесь никакой ошибки, — равнодушно пожал он плечами. — Ошибкой была бы ваша неблагодарность.

Мой мир в очередной раз за последние недели разлетелся на мелкие осколки. Буря негодования охватила бы меня в любое другое время, но в нынешнем состоянии сил бушевать не было совершенно. Я лишь горько усмехнулась. Получалось, что Арланд с самого начала планировал сделать меня своей игрушкой... Я еще училась в Тотенбур-Холл, а он уже следил за мной и рассчитывал, как подобраться ближе. Но как же мастерски он разыграл удивление и неосведомленность о моем имени при первой встрече! Это, право, достойно восхищения. Ему бы в Королевском театре выступать, а не в карателях служить... Такой актерский талант пропадает!

Попрощавшись с директором и заверив его, что на следующий день непременно посетую класс контроля магии, я поспешила в дортуар. Прием еще не закончился, и, к моему облегчению, девочек в комнате не оказалось.

Как же хорошо иногда остаться наедине со своими мыслями... Даже с такими безрадостными.

Если бы женщин учили пользоваться магией, а не сдерживать ее, то на завтрашний урок госпожи Гранже я бы бежала впереди всех. Пусть у меня остался лишь месяц, но я была бы очень старательной, освоила бы всё-всё-всё, и при следующей встрече поквиталась бы с этим синеглазым лгуном! Но, увы, это лишь пустые мечты. Не будет мне ни магии, ни мести...

Хотя, в моем случае, продолжить жить, как и планировала, станет лучшей местью. Не позволю ему заполнить власть над моей судьбой. И долг ему верну!

Учебу он мне оплатил явно не из добрых побуждений, но всё же годы в Сен-Г рейс были самыми светлыми в моей жизни, и память о них не должна быть осквернена гадкими замыслами Ангэлера. Вот вступлю в права наследства, устроюсь на работу в интернат и пошлю в школу чек, покрывающий все расходы.

Обняв подушку, я устало прикрыла глаза и провалилась в сон. Казалось, я поспала лишь пару минут, когда кто-то мягко, но настойчиво начал трясти меня за плечо.

— Просыпайся, Элечка! У нас с тобой первым уроком контроль магии. К мадам Гранже нельзя опаздывать, — ласково уговаривал голос Катрины.

Не открывая глаза, я прислушалась к себе. Самочувствие было сносным: ничего откровенно не болело, но во всем теле ощущалась какая-то слабость и разбитость.

Как же выматывают эти магические всплески! Пожалуй, и вправду стоит поспешить на урок, чтобы поскорее научиться их контролировать.

— Погоди-ка! А откуда ты узнала, что сегодня я иду с тобой к мадам Г ранже? — Я резко села на кровати и требовательно уставилась на Кати.

Подруга не присутствовала при нашем разговоре с директором, да и за сценой с Ангэлером наблюдала явно издалека. Как же она узнала, что именно там произошло? Неужели всё было настолько очевидно? Я невольно поежилась от мысли, что сегодня вся школа будет судачить о моем срыве. И если вчера, в пылу эмоций, мне было всё равно, то наутро перспектива подобной славы откровенно пугала.

— Мадам Мезар устроила мне вчера настоящий инструктаж на эту тему, пока ты была у директора, — мягко улыбнулась Кати. — Она даже оттаяла ко мне по такому поводу. Разговаривала абсолютно нормально, а не сквозь зубы, как в последнее время. В общем, мне велено за тобой присматривать и помогать на занятиях.

Ну надо же! Катрину неофициально назначили моей нянькой...

— А мне никто не хочет объяснить, что происходит? — раздался из-под одеяла сонный голос Виктории.

— Позже! — хором ответили мы.

— Ну и ладно, — надулась Вита. — Я тоже не расскажу, как познакомилась с мадам Сибиллой Орли.

Из моих легких вырвался грустный вздох. Вот почему так несправедливо получается?! Вите это знакомство совершенно не нужно, но при этом именно ей удалось пообщаться с патронессой Клериджа, а я, так страстно желавшая этого, осталась не у дел...

— Ладно-ладно, скажу, не вздыхай так тяжело, — Вита вынырнула из-под одеяла, рассыпав кудряшки по подушке. — Оказалось, мадам Орли знакома с отцом Себастьяна, вот ей и стало любопытно взглянуть на его невесту. Мы мило пообщались, и я, между прочим, замолвила за тебя словечко, Эла. Рассказала, какая ты ответственная, старательная и как серьезно готовишься в наставницы!

— Спасибо, Виточка! — от радости я хлопнула в ладоши. — Дай тебя расцелую...

— Потом будете целоваться, — строго одернула меня Кати. — Одевайся скорее, иначе опоздаем!

Из комнаты я выходила в отличном настроении. Будущее уже не рисовалось таким мрачным, и я пребывала в полной уверенности, что у меня всё получится. По дороге к классу контроля магии Кати вкратце рассказала о том, чему их успела научить преподавательница. Оказалось, помимо рукоделия, они всё же занимались немного теорией магии: изучали этапы развития магических способностей, учились распознавать симптомы приближающегося всплеска. В общем всё то, что магически одаренные мальчики проходят еще в начальной школе.

— Вас всего шестеро? — удивилась я, когда Катрина упомянула, сколько девочек посещают занятия с мадам Г ранже.

— Ну да. У нас всех выявили магический потенциал и определили в класс с момента поступления. Думаю, твое появление вызовет некоторый ажиотаж...

— Не сомневаюсь! А почему же меня не выявили сразу?

— Наверное, ничего не проявилось тогда, — пожала плечами Кати. — Порой магия у женщин просыпается гораздо позже, уже во взрослом возрасте.

— Думаешь?

— Не думаю, а знаю: такое редко, но бывает. Вот у тебя так и случилось.

— До сих пор не могу привыкнуть... Зачем только эта магия проснулась! Почему?

Вопрос был скорее риторическим, но прилежная Катрина поспешила мне всё объяснить.

— Это случается по разным причинам, но почти всегда связано с каким-то значимым событием в жизни женщины. Например, двоюродная сестра мадам Г ранже обрела магию после рождения ребенка. Представляешь? Вся семья была в шоке, да и сама она перепугалась не на шутку! Но со слов нашей наставницы чаще всего пробуждение связано с... — тут подруга запнулась и обильно покраснела, искоса взглянув на меня, — ... с потерей невинности.

Повисла неловкая пауза. Мы приближались к классу, где уже собрались немногочисленные воспитанницы. Кати тактично молчала, стараясь не встречаться со мной взглядом. Незаданный вопрос и без труда угадываемый ответ витали в воздухе.

— Вот мы и пришли! — наигранно бодро воскликнула она, пропуская меня вперед.

Миловидная преподавательница, которая уже была предупреждена о появлении новенькой, указала мне на первую парту и, раздав всем ученицам пальцы, приступила к занятию.

Дни в Сен-Грейс снова вернулись в привычное русло: подготовка к экзаменам, дежурства, вечерние посиделки с девочками, отдых и снова утренние занятия. К счастью, никаких торжественных мероприятий в школе больше не планировалось до самой выпускной церемонии.

Расстраивало только одно — мои успехи на попроще контроля магии были более, чем скромными. Всё шло хорошо, когда я пребывала в спокойном и радостном состоянии. Но стоило мне занервничать или расстроиться, как тонкая нить, сдерживающая мою разрушительную силу, обрывалась, и всё выходило из-под контроля... После наших занятий мадам Гранже выглядела растерянной и обеспокоенной. Похоже, она плохо понимала, что со мной делать. Однако всё же старалась приободрить меня, объясняя что-то про пик, который должен быть вскоре пройден и после которого наступит спад магической активности. Только поточнее сказать не могла, наступит ли этот пик завтра или через год. За неимением лучшей альтернативы мне прописали успокоительные капли, которые я исправно принимала. Виктория к подобному назначению отнеслась с большим подозрением.

— Опять ты вливаешь в себя эту гадость, — пробухтела кудряшка, когда я перед сном по обыкновению накапала в стакан воды девять капель успокоительного. — Мне кажется небезопасным принимать лекарство так часто.

— Небезопасно, если у Элы будут срывы! — возразила ей Катрина. — Она же может поранить себя или окружающих...

— Не ссорьтесь, девочки! В моем случае всё равно лучше пока ничего не придумали.

— Лучше бы тебе выдали браслет-блокиратор, а не пичкали всё время успокоительным! — не унималась Вита.

— Для женщин таких браслетов не бывает, — разочарованно вздохнула я. Эх, существуй такое чудо в природе, я не поскупилась бы, чтобы его заполучить! Мужчинам ведь блокирующие магию браслеты существенно облегчали жизнь.

— Думаю, серые артефакторы и не такое могут изготовить! — оживилась Виктория. — Не так давно по городу ходил слух, что в Луковом переулке чего только не продают из-под полы. Сами лавки артефакторов, конечно, лицензированные, но приторговывают разным товаром, и не только разрешенным. О таких особенных заказах, понятное дело, нужно разговаривать в частном порядке...

— Еще чего не хватало! Чтобы Эла ходила по сомнительным местам и разговаривала с неблагонадежными личностями! — Кати встала в воинственную позу, уткнув руки в бока, и живо напомнила своим видом и голосом нашу старшую кухарку Мэнди. — Не придумывай, Ви! А ты, Эла, соблюдай рекомендации мадам Г ранже, и всё будет в порядке. В каплях этих я ничего плохого не вижу. Перед экзаменом, может, даже позаимствую немного, чтобы снять мандраж...

— Как будто тебе это надо! — с возмущением уставилась на подругу Вита. — Чего тебе волноваться? И так всё знаешь и спокойненько сдашь! Ты всегда хорошо отвечаешь, уже даже мадам Мезар оценила и перестала к тебе цепляться.

Я тоже заметила, что наша классная дама как будто остыла и в последние дни изменила отношение к Кати в лучшую сторону. В полной мере бывшая благосклонность не вернулась, но и придирок стало всё же меньше. Так что Вита права: об исходе экзаменов наша отличница могла бы не волноваться.

— Ну, перестала она это делать не из-за моих впечатляющих знаний, а немного по другому поводу, — на лице Катрины расцвела загадочная улыбка. — Отец прислал письмо, в котором сообщил, что Филипп Барроу официально просил у него моей руки. Под воздействием обстоятельств он дал согласие и даже уже объявил во всеуслышание о помолвке. Руководство школы, видимо, тоже проинформировано.

Надо было видеть глаза Виктории! Они были похожи на два зеленых блюдца. Впрочем, мои, с поправкой на цвет, наверняка выглядели так же.

— И ты молчала?! — ахнули мы в один голос.

— Не сердитесь, девочки! Прежде чем озвучивать эту новость, мне хотелось переговорить с Филиппом. Мы же с ним теперь вроде как официально помолвлены... И у меня есть к нему вопросы, на которые я хотела бы получить честные ответы. Да и вообще, неплохо бы узнать, что он обо всем этом думает...

— Уверена, он счастлив до небес! — заверила я залившуюся румянцем Кати.

— Ты что же, так и не виделась с ним с тех пор? — удивленно хлопнула ресницами Виктория.

— Неа... Это было затруднительно, учитывая, что меня посадили под замок. Да и в последнем письме отец почему-то не отменил мое ограничение на выход. Теперь вся надежда на нашу дырку в заборе!

Судя по тому, что на следующий вечер Катрина тайком пронесла в дортуар кулек шоколадных конфет, надежды ее оправдались, и долгожданная встреча с кадетом состоялась.

— Зато теперь, когда вы помолвлены, можете беззастенчиво целоваться! — с лукавой улыбкой заметила Вита, отправив в рот шоколадное лакомство.

— Мне теперь до конца жизни только с ним и целоваться, — обреченно вздохнула

Кати.

— Не будь так категорична, — подмигнула я подруге. — Мало ли кто может украсть твой поцелуй!

— Точно! — согласно тряхнула кудряшками Виктория. — Есть такая свадебная традиция: если неженатые друзья жениха смогут поцеловать невесту в день свадьбы, то им целый год во всех делах будет сопутствовать удача. Представляешь, сколько в королевской военной академии найдется желающих?

— А сколько из них согласятся поехать в Шлосберг? — саркастично поинтересовалась Кати, не разделявшая нашего воодушевления. — Отец поставил условие, что церемония бракосочетания должна пройти в моем родном городе. Филипп согласился. Мы поженимся в конце лета, когда он вернется из своего полевого лагеря. А потом мне придется уехать вместе с ним в гарнизон, куда он будет распределен. — Подруга горестно всплеснула руками. — Представляю, какой это будет медвежий угол!

— Тогда ты разницы не заметишь! Как будто и не уезжала из дома, — хмыкнув, Вита потянулась за очередной конфетой, но тут же схлопотала по руке: — Эй!

— Хватит лопать конфеты! Потолстеешь, — мстительно сощурила серо-голубые глаза Катрина. — А у тебя тоже, между прочим, скоро свадьба.

— А вот и нет! — возразила кудряшка и уселась на кровати, скрестив ноги. — О нашей с Себастьяном помолвке еще официально не объявлено. А с момента объявления до самой свадьбы не менее полугода пройдет. Я еще десять раз успею потолстеть и похудеть!

— Почему так долго? — удивилась я. — Себастьян тоже после выпуска куда-то по службе отправляют?

— Со связями его отца куда он не денется из столицы, — беззаботно махнула ладошкой Виктория. — Просто сами приготовления занимают время. Когда сестра выходила замуж, только на пошив платья закладывали три месяца. Зная запросы Себа, мы поженимся в конце года, в лучшем случае!

— А ты уже придумала, где закажешь платье? — спросила я впечатленную сроками Катрину.

— Хочешь, посоветую салон, где шили платье сестры? — тут же предложила Вита.

— Виолетта была им очень довольна!

— Спасибо, но шить платье мы будем дома. У нас всё проще и быстрее, по три месяца ждать не приходится... Разве что ткань можно было бы купить здесь. Всё же в магазинах Мальбурга выбор богаче.

— Ой, я не подумала! — спохватилась кудряшка. — Тогда спрошу у сестры, где лучший выбор тканей. Как раз на выходных буду у нее в гостях и всё разузнаю...

— Так ты от нас уедешь? — грустно вздохнула я. Количество выходных, оставшихся до выпуска, можно было по пальцам одной руки перечесть, и мне хотелось их все провести вместе с девочками. — А зачем тебе к сестре?

— У моего племянника день рождения. Три года исполняется.

— Я и забыла, что ты у нас тётя. Тётя Виктория, — улыбнулась в ответ.

— Ты не представляешь, Элечка, какой прелестный малыш! Круглощекий и смешной, — похвасталась племянником Вита. — Только не смотри на меня так! Своих детей я пока не хочу.

— Ну-у-у, тут не всё от тебя будет зависеть, — усмехнулась Кати.

Я одобрительно хихикнула. Несравненный Себастьян, судя по всему, после свадьбы всерьез озаботится этим вопросом, чтобы ненужные, по его мнению, мысли и устремления поскорее выветрились из хорошенькой головки его супруги.

— Это мы еще посмотрим! — упрямо вздернула подбородок Вита.

Ох, милая! Если Себастьян не окажется полным неумехой в супружеской постели, то очень быстро поселит в тебе своего наследника... Мысли свои я, конечно, не рискнула озвучивать. Слишком скользкой для меня была эта тема. Тотчас некстати вспомнились горячие объятия Арланда, умелые ласки, от которых я сгорала заживо. Стало тошно и тоскливо, как и всякий раз, когда мысли сворачивали в сторону Ангэлера.

Я затаила дыхание, прислушиваясь к себе: будет ли мой перепад настроения иметь негативные последствия? Но магического всплеска не последовало, даже крошечного. Хорошие всё-таки успокоительные капли. Действенные.

Убежденная в положительной динамике своего состояния, в один из дней я отправилась к мадам Мезар. Зачет по курсам для будущих наставниц был сдан, а значит, пришла пора попросить рекомендации, чтобы направить в Клеридж и еще несколько школ. Задерживаться в Сен-Грейс после завершения экзаменов не хотелось, поэтому следовало вплотную заняться поиском работы.

Классную даму я застала в учительской восседающей за солидным письменным столом из орехового дерева. С серьезным видом она заполняла ведомости, что было мне только на руку: мои отличные отметки были у нее прямо перед глазами.

— Простите, что отвлекаю вас, мадам, но могли бы вы уделить мне пару минут? — С внезапно появившейся робостью я приблизилась к столу.

— Что-то случилось, мадемуазель Элеонора?

— Нет-нет, всё в порядке, — заверила ее. — Я пришла поговорить о рекомендациях...

— О каких именно рекомендациях? — Мадам Мезар подняла на меня строгий взгляд, под которым я окончательно оробела.

— Которые я могла бы предоставить моим будущим нанимателям.

Мадам с тихим стуком положила ручку на стол и сцепила пальцы в замок. По опыту я знала, что ничего хорошего этот жест не предвещал.

— На следующей неделе я планирую направить запрос в Клеридж... и хотела бы приложить к нему рекомендации от Сен-Грейс, — поспешила добавить, вложив в голос весь свой скромный запас уверенности. — Я готова приступить к работе наставницы сразу после окончания экзаменов и...

— Об этом сейчас не может быть и речи! — оборвали меня. — Школа не станет рекомендовать вас в качестве наставницы. Вы же понимаете причины?

— Что?.. — шепотом переспросила я, отказываясь верить услышанному.

— Я говорила с мадам Гранже, — смягчившись, продолжила классная дама. В глубине ее глаз мелькнуло что-то похожее на жалость. — Вы по-прежнему нестабильны, Элеонора, а, следовательно, небезопасны для себя и окружающих. В таком состоянии вас нельзя допускать к детям...

— Но я же принимаю капли и... контролирую себя. За последнюю неделю у меня не было магических всплесков!

— Слишком непоказательный период, — покачала головой мадам Мезар. — Вас следует оставить под наблюдением до окончания обучения. Возможно, даже дольше... Только убедившись в вашем абсолютном контроле над возросшим потенциалом, я смогу дать вам рекомендации. Давайте поговорим с господином директором, уверена, он разрешит вам задержаться после выпуска и продолжить занятия с мадам Гранже...

Пока мадам говорила, я пятилась к двери, глядя на нее с неподдельным ужасом, словно из ее рта вылетали не слова, а ядовитые змеи. Нет, даже не змеи — отравленные стрелы! Они вонзались мне прямо в сердце, лишая той крупницы контроля, что я обрела благодаря успокоительному. Добравшись до дверей, резко развернулась и бросилась прочь, чувствуя, что если задержусь здесь еще на секунду, то непременно сорвусь. И тогда не видать мне не только рекомендаций, но и выпускного аттестата!

Глава 19. Замкнутый круг

Проснувшись утром, я решила во что бы то ни стало вернуть свой шанс на нормальную жизнь. Если не получу место наставницы в ближайшие полтора месяца, пока школы набирают персонал к новому учебному году, то с самостоятельной жизнью придется попрощаться. Не подаваться же мне в торговки или официантки! Тогда двери всех приличных домов Мальбурга с грохотом захлопнутся передо мной. Если не в школу, то дорога у меня останется лишь одна — под венец. Причем без долгих проволочек. Конечно, замужество — это стабильность, но вместе с тем и полная зависимость от супруга. Я такой судьбы не желала, хоть и понимала: если решила быть самостоятельной, то нужно быть готовой и все сложности преодолевать самой.

Накануне вечером что мы с девочками только не придумывали в поисках выхода из сложившейся столь неблагоприятно для меня ситуации. Но итог всех измышлений был неутешительным. В любом случае, мне предстояло убедить мадам Мезар, что контролирую свою магию. С чем я далеко не всегда справлялась своими силами! Значит, мне нужен артефакт-помощник. Браслет, блокирующий магию. По всему выходило, что без помощи серых артефакторов тут не обойтись.

В Луковый переулок меня провожали, как на войну. Виктория порывалась поехать со мной, но мы с Кати ее отговорили. Две девицы, разгуливающие по артефактным лавкам, непременно привлекут ненужное внимание. К тому же, ей самой вскоре нужно было отправляться к сестре, а мое дело не терпело спешки и суеты.

Неприметный кэб высадил меня в квартале Семи ручьев на пересечении Браунингартен и Лукового переулка. Характерного для выходного дня оживления здесь не наблюдалось; только деловито жужжали шмели, неторопливо перелетая от одного куста шиповника к другому. Старомодные двухэтажные дома из коричневого кирпича сонно выстроились в две аккуратные линии по обе стороны дороги. Так же симметрично на стенах домов располагались подвесные таблички с названиями артефактных лавок, которых здесь и вправду было предостаточно.

Обыденность и какая-то провинциальность окружающей обстановки даже немного разочаровывали. После рассказов Виты я представляла Луковый переулок совсем иначе: покосившиеся мрачные строения, среди которых шастают укутанные в длинные плащи подозрительные личности, тревожное карканье воронов и вековая паутина на витринах. Здесь же встречались разве что многовековые дубы, и в их густой тени было вовсе не тревожно, а очень даже приятно находиться, словно я оказалась за городом. Только приехала я сюда не за тем, чтобы гулять и любоваться старыми постройками...

Потемневшая от времени кованая вывеска привлекла мое внимание. Не давая себе времени передумать, я толкнула тяжелую дверь и вошла в мастерскую артефактора Годара Шилье. Над головой тихо звякнул колокольчик. От прилавка удивленно обернулись двое: худощавый подросток, видимо, служивший здесь подмастерьем, и лысеющий господин, покупавший непонятные медные трубочки, с которыми он так и замер в руках, без зазрения совести рассматривая меня. Через пару секунд оба вспомнили о приличиях и, коротко поприветствовав посетительницу, вернулись к своему занятию.

Ожидая, пока покупатель расплатится и уйдет, — заговаривать на столь щекотливую тему при посторонних было неразумно, — я прохаживалась вдоль витрин и с показным интересом рассматривала странного вида штуковины, которые, судя по слою пыли, лежали там уже давно.

— Могу я вам чем-то помочь, мадемуазель? — Подмастерье поглядывал на меня с плохо скрываемым любопытством.

Я бросила косой взгляд на мужчину, который возился у самого выхода, старательно запихивая купленные трубочки во внутренний карман.

— Я бы хотела поговорить с мастером Шилье... Он на месте? — спросила я и мысленно похвалила себя за то, как уверенно это прозвучало: будто мы с артефактором знакомы не один год.

Мальчишка-подмастерье очевидно подумал так же и без лишних вопросов отправился за мастером, нырнув в узкую дверь за прилавком. Я замерла в напряженном ожидании. Тихо звякнувший колокольчик возвестил, что не в меру любопытный господин благополучно отбыл из лавки.

Уф, одной заботой меньше! Теперь хоть можно побеседовать приватно...

— Добрый день! Чем могу быть полезен? — Господин Шилье бесшумно появился в мастерской и остановился в паре шагов от меня, подслеповато щурясь.

Артефактор оказался невысоким полноватым мужчиной средних лет, носившим старомодный полосатый жилет поверх светло-голубой рубашки, застегнутой под самый воротничок. Он выглядел таким добропорядочным, что я всерьез забеспокоилась, что пришла совсем не по адресу, и никаких

сомнительных заказов мастер отродясь не выполнял. Только в предположении своем всё же ошиблась: господину Шилье хватило пары секунд, чтобы понять, что перед ним не обычный покупатель, а тот, кто нуждается в товаре особого рода. Отослав мальчишку, мастер, слово за слово, выудил из меня информацию о том, с какой проблемой я столкнулась и какими средствами планировала ее решить. На его одутловатом лице не отразилось и тени удивления, когда я вскользь упомянула о браслете-блокираторе.

Неужто я не первая дама, кому он понадобился?! Это, в некотором роде, обнадежило...

А вот цена за изделие, которую назвал артефактор, огорчила. Вернее сказать — обескуражила! Конечно я подозревала, что артефакт обойдется мне в кругленькую сумму, но вот к доплате за срочность в таком размере оказалась не готова. В самом прямом смысле слова: у меня не было с собой даже половины нужной суммы, чтобы оставить задаток. Чеки в таком деле не принимались.

Господин Шилье любезно предложил вызвать кэб, который бы доставил меня в банк. Сняв со счета нужную сумму, я планировала вернуться в лавку и заключить договор.

«Эта небольшая заминка не нарушит мои планы, — убеждала себя, подпрыгивая на жестком сиденье старенького, но резвого кэба, увозившего меня в центр города. — Мастер сдержит слово, и через два дня у меня будет браслет. Ради этого не жаль потратить лишних два часа...»

Центральное отделение Ссудо-сберегательного банка Лидегории, располагавшееся в трехэтажном особняке, напоминавшем небольшую крепость, работало без выходных. После тишины и умиротворенности Лукового переулка присущий Парадному проспекту шум казался оглушающим. По брусчатке грохотали колеса кэбов, извозчики спорили из-за парковочных мест, газетчики выкрикивали названия статей свежих номеров. Снующая по проспекту толпа мерно гудела множеством голосов.

Я быстро пересекла тротуар и прошла в гостеприимно распахнувшиеся двери. Они бесшумно закрылись за моей спиной, отрезая от уличной суеты. В просторном холле банка царила сосредоточенная тишина, нарушаемая лишь шуршанием бумаги и тихим постукиванием печатных машинок. Несколько посетителей ждали своей очереди в кассы, вольготно устроившись на кожаных диванах и переговариваясь шепотом. За многочисленными банковскими конторками восседали солидные служащие, к одному из которых я и направилась.

— Вынужден сообщить, что ваш счет заблокирован, мадемуазель Дюбар, — бесстрастно сообщил банковский работник, несколько раз сверившись с документацией.

— То есть как? — растерялась я. — Как может быть заблокирован именной счет? Ведь это мой счет и... я не давала распоряжений на его блокировку!

— Всё верно, мадемуазель, — согласно кивнул служащий. — С наступлением совершеннолетия вы всецело распоряжаетесь вашим именным счетом.

— Тогда я бы хотела...

— Но до этой даты, — перебили мой лепет, — вашим счетом распоряжался бенефициарный владелец. Запрос на ограничения доступа к счету поступил за день до вашего вступления в права.

За день до моего совершеннолетия... Но как? Почему?!

— Могу я снять хотя бы часть средств?

— Увы, мадемуазель. Любые операции по заблокированным счетам невозможны.

— Я хочу узнать, кто... кто направил вам запрос?

— Сожалею, мадемуазель, но это банковская тайна. Ссудо-сберегательный Банк Лидегории не разглашает данные своих клиентов.

Но ведь клиент здесь я! Бред какой-то... Может я сплю, и этот абсурд мне просто снится?..

Я незаметно ущипнула себя за тыльную сторону ладони. Чуда ожидаемо не случилось: работник банка никуда не делся и, сидя по ту сторону конторки, с застывшим лицом выжидал, когда незадачливая клиентка встанет и уйдет.

Но я не могла уйти с пустыми руками!

Внезапная мысль подарила надежду:

— Тогда давайте проверим ячейку, куда поместили драгоценности! — До боли закусив губу, я предвкушающе заерзала на стуле.

— Минуту, пожалуйста. — Служащий развернулся, передавая в окошко позади себя заполненный формуляр.

Еще не всё потеряно! Мамины драгоценности могут спасти ситуацию. Леди Дюбар любила украшения, и у нее их было много! Поскольку мне ничего не передали после ее гибели, то я была уверена, что драгоценности поместили на хранение в банк. Только бы получилось их забрать! Кое-что придется продать, но зато я смогу расплатиться с артефактором... Браслет-блокиратор мне сейчас нужнее, чем фамильные украшения. Даже такие красивые, как были у мамы... Из глубин детских воспоминаний всплыли янтарные бусы и заколки для волос с россыпью жемчуга, бриллиантовая брошь с крупным рубином, ожерелье из желтых топазов, так чудесно оттенявших мамины глаза. А еще была бриллиантовая парюра, в которой леди Эвелина выходила замуж! И кольцо из редких розовых сапфиров... Да у нее одних только шляпных булавок с драгоценными камнями было не меньше десяти штук! Однажды меня застали за игрой с ними и хорошенько отругали. Я тогда подумала, что свои украшения мама любит больше, чем меня...

Интересно, а есть ли среди них что-то с черными бриллиантами?.. Как то проклятое кольцо, подаренное Ангэлером, которое, к слову, я так и не нашла, будто оно сквозь землю провалилось. Эта мысль не раз посещала меня, пока я обшаривала пол в дортуаре в надежде найти и вернуть подарок. Раз некромонг так любит увешивать своих избранниц драгоценностями, представляю, сколько их было в свое время подарено леди Эвелине! Если обнаружу среди вещей мамы украшения с черными бриллиантами — продам их в первую очередь.

— Банковских ячеек на ваше имя не зарегистрировано, — сухо известил меня служащий, получив обратно формуляр с красной отметкой.

— Как же так?! — В ушах раздался неприятный звон: это моя надежда разбилась на мелкие осколки.

— Сожалею, мадемуазель...

У мамы было столько драгоценностей! Не могли же они испариться?!

— Боюсь, больше ничем не смогу вам помочь.

Кто-то заботливо подхватил меня под локоток, не позволив позорно упасть на пол прямо перед конторкой банковского работника. Как в тумане, я добрела до диванчика для посетителей и опустилась на кожаное сиденье.

Ваш счет заблокирован... Банковских ячеек на ваше имя не зарегистрировано...

Как такое могло случиться?!

Это он!

Ангэлер решил наказать меня за выходку на приеме! Решил уничтожить меня... раздавить не только эмоционально, но и физически, оставив без средств к существованию. Заставить почувствовать себя уязвимой и беспомощной.

Стоп.

Перестань, Эла.

Я глубоко вдохнула и выдохнула. Вдох. Выдох.

Что бы ни задумал Ангэлер, у него нет такой власти. Я так привыкла считать некромонгов практически всемогущими, что и в случившемся искала их след.

Но это же Ссудо-сберегательный банк Лидегории. Не имеющий никакого отношения к некромонгам! Нет у них такой власти, чтобы управлять чужими банковскими счетами.

Нужно мыслить трезво.

Что всё это значит?

До моего совершеннолетия только опекуны могли сделать что-то подобное. Больше никому! А значит, пришла пора нанести визит в особняк на Центральной набережной. И сегодня меня совершенно не заботит, будут мне там рады или нет.

Вопросы, вопросы... Они гудели в моей голове, как встревоженный рой пчел, пока я сверлила взглядом затылок дворецкого, следуя за ним в кабинет советника Сюффрена. Шагнув за ворота особняка опекунов, я готовилась чуть ли не с боем добиваться встречи и разъяснений, а тут, странное дело, без лишних вопросов меня пригласили в кабинет, стоило только назвать свое имя.

Оставалось лишь гадать: то ли у советника работают настолько вышколенные слуги, то ли мой визит ни для кого в доме не стал неожиданностью...

Сердце тревожно забилося в груди, когда мы подошли к высоким двустворчатым дверям, из-за которых доносились едва различимые мужские голоса. Отправляясь сюда, я рассчитывала на разговор с теткой Беатой, сестрой отца, которая официально и была моим опекуном. Ее супруг, советник Роберт Сюффрен, с детства вызывал у меня робость и смутную неприязнь, а потому беседовать с ним хотелось меньше всего.

«Может, стоит попросить отвести меня к хозяйке?» — пришла в голову запоздалая мысль.

Но не успела я и рта раскрыть, как дворецкий распахнул двери и чопорно провозгласил:

— Господин, к вам мадемуазель Элеонора Дюбар.

Сидевший за столом советник поднял на меня блеклые, широко расставленные глаза и растянул тонкие губы в приветственной улыбке. От его сходства с ящером по спине пробежал холодок.

— Элеонора, рад тебя видеть! — Голос советника, сочный и глубокий, был гораздо приятнее его наружности и того взгляда, которым он окинул мою фигуру. — Проходи, не стой в дверях.

Проигнорировав его пренебрежительно-фамильярную манеру обращения, я сделала несмелый шаг, потом еще один. Мне нужны ответы на вопросы, и как бы я ни относилась к советнику, кроме него получить их здесь не у кого. Опровергая мои выводы, из-за высокой спинки кресла, стоявшего перед столом, поднялся мужчина и неторопливо повернулся в мою сторону. Несколько секунд он жадно всматривался в мое лицо, пока я, словно громом пораженная, неверяще разглядывала его в ответ.

— Здравствуй, дочь! — наконец, произнес он. — С годами ты стала невероятно похожа на Эвелину... Прямо копия! Она была бы счастлива увидеть тебя такой...

— Сомневаюсь, что какая-либо женщина была бы счастлива увидеть свою более юную и свежую копию, — язвительно заметил Сюффрен.

— Подойди ко мне, Эла. — Знакомым с детства нетерпеливым жестом отец протянул руку. — Не робей, теперь ты со своей семьей, где о тебе позаботятся!

Где же была эта семья и ее забота последние двенадцать лет?!

Вопрос так и крутился на языке, но от растерянности и шока горло сковало спазмом, и я не могла выдать из себя ни звука.

Отец. Он стоял передо мной живой и невредимый. Пусть и несколько постаревший, раздавшийся в талии и обрюзгший... Но это по-прежнему был Освальд Дюбар, с характерной горделивой осанкой и уложенными назад волнистыми волосами, пусть и заметно поредевшими.

— Мне кажется, Освальд, твоей дочери срочно требуется стакан воды, — советник Сюффрен снова окинул меня цепким взглядом и резко дернул за сонетку, вызывая прислугу. — А лучше бокальчик кофейного ликера. Эффективнее будет... Конечно, если Беата не уничтожила все запасы подчистую.

— Присаживайся, Эла, — отец кивнул на гостевой стул, на который я послушно опустилась, почувствовав предательскую дрожь в коленях. — Нам нужно о многом поговорить... Знаешь, я думал, ты придешь раньше...

— Я тоже, — отозвалась эхом.

Я тоже думала, что ты придешь раньше, отец... А потом горевала, что тебя, скорее всего, нет в живых... Что задержало тебя на... двенадцать лет?!

— На что ты жила эти несколько недель? — осуждающе нахмурил брови отец. — Роберт не посылал тебе чек на день рождения... Снять деньги со счета ты не могла...

— У меня не было трат до сих пор, — пролепетала в недоумении.

— Кажется, я поспешил жениться на твоей сестре, Освальд! Надо было подождать и жениться на твоей экономной дочке, — глумливо рассмеялся советник, отчего мне стало так противно, что захотелось бежать из кабинета прочь.

Но более насущная проблема вновь приковала к себе мое внимание.

— Это вы заблокировали мой счет?! — Теперь была моя очередь хмурить на отца брови. — Зачем вы это сделали?

— Чтобы ты поскорее вернулась в лоно семьи, где у тебя будет всё необходимое.

— Можно было просто написать мне письмо, попросить прийти...

— Я и написал тебе письмо, — с усмешкой парировал отец.

— Но я его не получила, — вздохнула сокрушенно. И тут внезапная догадка осенила меня: — То письмо... анонимное... Его написали вы?!

Хитро прищурившись, отец кивнул.

— Надеюсь, оно раскрыло тебе глаза на подонка, с кем ты имеешь неосторожность общаться?

— Я не общаюсь...

— Не ври мне, Эла! — сердито перебил отец. В два шага он пересек разделявшее нас расстояние и навис над мной, ухватившись ладонями за деревянные подлокотники. — Я видел, как проклятый некромонг хватал тебя за руки на площади.

И ты не особо-то возражала!

— Возражать, когда на тебя падает театральная конструкция, не слишком своевременно, — неожиданно для самой себя огрызнулась в ответ. — Так вы были на площади в тот день?!

— Был, — не стал отпираться он. — Я заметил тебя под окнами нашего особняка, думал, зайдешь внутрь... Но ты развернулась и пошла прочь. Я последовал за тобой... Надеялся поговорить. Теперь представь, каково было мое разочарование, когда я обнаружил тебя на площади в компании Ангэлера!

— Это вышло случайно...

— Готов верить, что с твоей стороны так оно и было. Но на его счет у меня нет сомнений. Я прекрасно знаю его гнусные мотивы! — Лицо отца исказила гримаса ненависти. — Тогда я понял, что должен спасти... оградить тебя от посягательств этого подлеца.

Удивительный отец человек... После двенадцати лет разлуки вместо того, чтобы найти возможность встретиться с родным ребенком, хотя бы ненадолго и тайно, он бежит писать наполненную яростью и обвинениями анонимку и присылает мне ее на день рождения...

В этот момент в дверь вошел слуга с подносом в руках. Аромат кофе и шоколада поплыл по кабинету. Отец отстранился и вернулся к своему креслу. Мне вручили миниатюрный бокальчик с тягучим ликером, который я аккуратно пригубила. Теплая сладость прокатилась по языку и скользнула ниже.

Вместе с теплом в груди разлилось какое-то онемение. Обида, возмущение, разочарование — всё временно растворилось в апатичной бесчувственности. Такой желанной, жизненно необходимой мне в этом перенасыщенном переживаниями дне. Потом чувства вернутся и, усилившись многократно, снова причинят мне боль. Но сейчас я была благодарна за небольшую передышку.

Пока мужчины переговаривались, я равнодушно рассматривала кабинет советника, оформленный с показной роскошью и скверным вкусом. На обтянутых парчой стенах картины с историческими сюжетами перемежались охотничьими трофеями в виде крупных рогов. В кабинете отца, где мне нравилось играть в детстве, подобных сомнительных украшений не было. Да и какие рога мог бы там повесить такой далекий от охоты человек как Освальд Дюбар? Разве что свои.

Отголоски крайне противоречивых чувств вспыхивали в душе и тотчас меркли, как звезды поутру. Вопреки странным обстоятельствам нашей встречи, я не могла не испытывать радости от воссоединения с отцом. Его таинственное исчезновение занимало мои мысли все двенадцать лет. И вот он снова рядом, жив-здоров, и никакой семейной тайны больше нет... Вместе с этим нашлись ответы и на другие вопросы, а пугающая неопределенность, что укутывала меня плотным туманом, начала рассеиваться. Я испытала настоящее облегчение, наконец-то узнав, что случилось с моим счетом и кто прислал мне обличающее Ангэлера письмо. Правда, в этом самом письме, помнится, говорилось, что моего отца убили... И вот он, невинно убиенный, сидит передо мной в кресле, покачивая носком начищенного ботинка. Кажется, папочка любит несколько сгущать краски... Эта его ложь, бессмысленная и жестокая, в которой не было никакой необходимости, рождала во мне недоверие и обиду.

Интересно, в чем он еще приврал мне? Подумала спросить об этом в лоб, но не рискнула. Да и тему Ангэлера поднимать вновь не хотелось. Теперь это всё осталось в прошлом! Важнее было узнать другое.

— Где вы жили все эти годы? — спросила отца, когда за слугой закрылась дверь.

— В разных местах, — уклончиво ответил он. — Я был вынужден скрываться... от врагов. И нигде не мог задержаться надолго.

Произнесено это было до крайности трагично. Воображение мгновенно нарисовало полную опасностей и лишений жизнь. Вот только сидевший напротив мужчина слабо походил на того, кто привык себе хоть в чем-то отказывать: его костюм был пошит по последней моде, волосы на висках аккуратно подкрашены, а к идеальному маникюру явно приложил руку мастер.

— До последнего времени я не решался вернуться в Мальбург, чтобы не подвергать родных опасности, Эла.

Если верить отцу, то Ангелеры были первыми в списке наших врагов; а учитывая, что последние пять лет я училась в Сен-Грейс, где пребывала в их полной власти, фраза про «не подвергать опасности» звучала как-то нелепо...

— И что же изменилось? — полностью убрать из голоса иронию не получилось.

— Изменилась расстановка сил, — весомо вставил советник.

— Да-да, — согласно закивал отец. — Некромонги собирают союзников, и мы тоже не останемся в стороне. Скоро очень многое поменяется! Возвысится тот, кто умеет ждать... и решительно действовать, когда приходит время. — Заметив мой встревоженный взгляд, отец поджал губы и добавил: — Не забивай всем этим голову, Эла. Просто делай, как я скажу, и всё будет хорошо. Вместе мы сможем покончить с теми, кто принес нашей семье столько горя! Ты ведь этого хочешь не меньше, чем я, верно?

Я неуверенно кивнула. Честно говоря, в этот момент хотелось лишь одного — вернуться в дортуар и наедине с собой спокойно переварить события сегодняшнего дня. Голова пухла от полученной информации, а на задворках памяти зудела мысль о незаконченном важном деле. И вот, кстати, о нем: надо попросить у отца нужную сумму, раз он перекрыл мне доступ к счету.

— Отец, у меня возникла заминка с оплатой... кое-чего, — выкладывать всю подноготную о проснувшейся магии и моих методах борьбы с ней в последний момент передумала, — и я хотела попросить...

Мелодичный перезвон раздался в стенах кабинета и отразился эхом в холле.

— Давай после обеда расскажешь. — Отец резво поднялся, предвкушающе потирая ладони. — Не спорь! Надо покушать, а потом продолжим. К тому же Беата очень хотела тебя увидеть... Роберт, сестра будет за обедом?

— Естественно, — фыркнул советник. — Беата всегда там, где еда или шляпки...

Спустя полчаса я сидела в помпезно обставленной столовой и, вяло ковыряя

вилкой в тарелке, недоумевала: что не так с моей семьей? Почему они все ведут себя так странно? Словно мы собрались за семейным обедом после непродолжительной разлуки! Как будто это наша привычная рутина, а долгие годы одиночества мне просто приснились...

Такое поведение родственников сбивало с толку.

Когда сестра отца накинута на меня с объятиями, тиская, как маленькую, мне одновременно захотелось заплакать, спрятав лицо на пышной груди, и оттолкнуть ее.

Кажется, она была искренней в своей радости, но меня всё равно не покидало ощущение фальши от всего происходящего... Я ведь все эти годы жила под боком, в двадцати минутах езды на кэбе, и если вы так счастливы меня лицезреть, то что мешало вам... Эх, какой смысл вообще об этом говорить!..

— Эла, милая, надеюсь, ты останешься на ужин? — проворковала тетушка, и ее полные щеки покрылись нервным румянцем.

С нашей последней встречи Беата Сюффрен сильно поправилась. Сейчас, если бы мы ехали в одном экипаже, мне пришлось бы вжаться в стену, чтобы поместиться с ней на одном сиденье.

— Я тебе больше скажу, Беата, — Эла останется не только на ужин, но и на ночь,

— ответил за меня отец.

— Нет, я не могу, — тотчас встрепенулась я. То, что отец принимал за меня решения не советуясь,

задевало. И настораживало. — Мне необходимо вернуться в школу!

— Школа никуда не денется. Вернешься завтра, — отмахнулся он, игнорируя мой обеспокоенный вид.

— Думаю, будет лучше отправить руководству записку, сообщив, что Элеонора гостит у нас, — заботливо предложила тетушка. — Я могу это сделать.

— Займись сразу после обеда, — распорядился советник, не удостоив жену и взглядом.

Она рассеянно кивнула, также избегая смотреть в его сторону. Складывалось впечатление, что эти двое с трудом выносили общество друг друга. Напряжение и неловкость, как туман, повисли над обеденным столом. Единственным человеком, которого ничего не беспокоило, был отец: он нахваливал вино и с аппетитом кушал, не замечая антипатии между сестрой и ее супругом.

После обеда мы вернулись в кабинет советника прежним составом. Не успела я собраться с мыслями, как начался форменный допрос. Меня засыпали вопросами о школе и о том, кто из Ангелеров и когда там появлялся. Причем расспрашивали преимущественно не об Арланде, а о его старшем брате, о котором я не могла рассказать ничего полезного.

Господи, да я его в глаза никогда не видела! О чем, собственно, и сообщила папеньке, чем его несканзано разочаровала.

Моя успеваемость и школьные будни отца и советника мало интересовали... В какой-то момент я хотела поведать им о случайно подслушанном разговоре директора Хоуля с супругой, о том, что в стенах школы произошло убийство, в котором младший Ангелер как-то замешан... Но что-то меня остановило. Возможно, ухудшившееся самочувствие — в результате этой беседы ужасно разболелась голова.

Чем больше я слушала рассуждения отца, тем сильнее нарастало внутреннее сопротивление. Вся моя сущность восставала против грязных политических игр, которые они с таким воодушевлением обсуждали с советником. Понимала я далеко не всё, но смогла уловить главное: история противостояния с Ангелерами началась задолго до гибели мамы. И сейчас должна была получить продолжение, в котором мне тоже отводилась некая роль. Раскрывать подробности планов мести отец не спешил, но стало совершенно ясно, что наверстать упущенные годы нам не суждено. Вместо тихой семейной жизни предстояло готовиться чуть ли не к войне. А я вдруг поняла, что не хочу воевать с Ангелером... Я смертельно устала. У меня просто нет сил, чтобы портить ему жизнь... Мне бы свою как-то наладить, а о нем лучше забыть... Но кто ж мне позволит такую роскошь!

До ужина я еле досидела, всерьез обдумывая, как бы сбежать из особняка Сюффрена. Нестерпимо захотелось вернуться в школу. Пусть порой я чувствовала себя там, как в ловушке, но никогда не испытывала такого отторжения, как в этом доме, напоминавшем гнездо пауков, где плетется липкая паутина интриг. Я отказываюсь быть их частью!

Под конец ужина в дополнение к головной боли появилась тошнота. Скомкано поблагодарив хозяев за угощение, я поднялась из-за стола, чтобы уединиться в отведенной мне комнате.

Я буквально мечтала остаться одна!

Как назло, следом увязалась тетка Беата, вызвавшаяся проводить меня в покои.

— Ты совсем ничего не скушала, милая, — сокрушалась она, пока мы поднимались по украшенной лепниной лестнице.

— Я неважно себя чувствую...

— О-о... Что болит? Послать за лекарем?

— Нет-нет, ничего не надо! — Мгновенно пожалела о своей откровенности. Только суеты с докторами мне сейчас не хватало! — Это от переизбытка впечатлений...

— Понимаю, — вздохнула она тяжело, мучимая одышкой. — А вот и твоя комната! Рядом с моей...

— Благодарю, здесь очень красиво, — вежливо отозвалась я, окинув взглядом приятно оформленное помещение в нежно-лиловых тонах, и вдохнула тонкий аромат поздних сортов сирени.

Я не спешила проходить внутрь и топталась у двери, прозрачно намекая, что дальше справлюсь сама. Намеков моих тетушка не поняла или сделала вид, что не поняла.

— Пойдем, я покажу спальню! — Беата Сюффрен грузно поплыла вглубь покоев, а я понуро поплелась следом.

— Здесь свежая ночная сорочка и халат, в ванной есть всякие девичьи мелочи, а когда соберешься ложиться спать, я пришлю горничную, чтобы помогла тебе, — хлопотала она.

— Спасибо, но я привыкла справляться сама...

Наплевав на приличия, я прилегла на кровать, чувствуя, что дурнота усиливается.

— Эла, послушай... Я понимаю твои чувства... — Вместо того, чтобы уйти, тетка Беата уселась на край кровати, жалобно скрипнувшей под ее весом. — Ты вправе обижаться на меня... И я не отрицаю своей вины, но всё же хочу объяснить тебе кое-что...

Обреченный вздох вырвался сам собой: на сегодня мне было более чем достаточно откровений! Но, кажется, тетушка была серьезно настроена поговорить. Деваться некуда — выслушаю... В конце концов, она единственный человек в нашей чудной семье, кто решил мне хоть что-то объяснить...

— Я была против приюта. Я умоляла Роберта забрать тебя к нам. Потом ты могла бы поступить в Сен-Маклен, где училась в свое время я и твоя мама. Но он и слышать не хотел об этом! Увы, в этом доме мои желания ничего не значат... Ответ у него всегда был один: воспитанница у меня появится не раньше, чем у него — наследник. Отсутствие результата в этом вопросе его разочаровывало. Роберт приходил в ярость всякий раз, стоило мне заикнуться о тебе... А потом, когда ты подросла... я уже сама не напоминала супругу о тебе. Чем дальше ты от него была, тем лучше.

— Почему? — спросила импульсивно, ошеломленная неожиданным признанием.

Беата Сюффрен горько усмехнулась и отвела взгляд.

— Знаешь, мой супруг не такой хороший человек, как о нем привыкли думать окружающие... И женился он на мне не по большой любви. Ему была нужна безропотная супруга, чтобы создать иллюзию добропорядочного семьянина. Освальд любезно предоставил для этих целей приятелю свою младшую сестру. Не хватало еще, чтобы и тебя Роберт использовал... для собственного удовольствия или собственной выгоды!

Я шумно сглотнула появившуюся в горле горечь. Всё съеденное за ужином недвусмысленно попросилось обратно.

— Я на минуточку! — подскочив, помчалась в ванную комнату.

Там глубоко дышала, склонившись над раковиной, и брызгала в лицо холодной водой, пережидая приступ тошноты.

Господи, как можно жить с человеком, о котором думаешь ТАКОЕ! А я еще горевала, что меня не забрали в семью. Да мне хвалу Всеединому следует вознести за то, что мое детство прошло вдали от этого дома в целом и от советника в частности!

— Тебе лучше, милая? Часто такое случается? — забеспокоилась тетушка, когда, всё еще бледная, я вернулась обратно.

— Нет, в первый раз, — соврала в ответ.

Тетка Беата окинула меня задумчивым взглядом, но развивать тему не стала.

— Прости, Эла, тебе было неприятно это слышать... Но ты уже не маленькая девочка и должна понимать, с кем предстоит иметь дело.

— Господи, это звучит так, словно я не в семью попала, а в логово врагов! У Ангэлеров и то было не так страшно... — тут я осеклась, осознав, что сболтнула лишнее. Не стоит ступать на эту зыбкую почву.

— Мне жаль, я не хотела, чтобы у тебя сложилось такое впечатление! — Тетушка не стала заострять внимание на моей оговорке. — Конечно, мы не враги тебе... Более того, я бы хотела стать твоим другом! Если еще не поздно... Освальд... тоже не желает тебе зла, но твой отец привык ставить свои интересы превыше всего. Так случилось со мной... Я тогда даже не сразу поняла, к чему всё идет, — Беата грустно улыбнулась, и мне в этот момент стало ее искренне жаль. Каково ей все эти годы жить с нелюбимым мужчиной, который ее ни во что не ставит! А ведь для своего возраста она вполне привлекательная женщина, даже несмотря на излишнюю полноту. Наверняка, в молодости была хорошенькой девицей и могла вполне удачно выйти замуж, если бы не жила по указке старшего брата.

— Освальд умеет мастерски запудривать мозги, — жестче добавила она. — Представляю, что он наплел тебе про свое отсутствие...

— Отец скрывался от врагов, разве нет?

— Не от врагов, а от кредиторов. Хотя разница тут невелика: и те, и другие радостно свернули бы ему шею, если бы нашли. Ты, конечно, не помнишь, но перед тем, как... всё случилось, дела у Освальда шли неважно. Он потому и сбежал, воспользовавшись ситуацией. Слишком многим задолжал, слишком щедро раздавал обещания, которые был не в состоянии выполнить. Они с Робертом буквально помешались на идее потеснить от власти некромонгов. Но мой супруг действовал осторожнее и разумнее, а твой отец заигрался...

— Значит, у нас ничего нет... Всё забрали кредиторы, — сделала я неутешительные выводы. — Тогда неудивительно, что в банке не оказалось маминых драгоценностей...

— Не совсем так, милая. Долги отца носили неофициальный характер, так что вряд ли его кредиторы могли по закону на что-то претендовать. А украшения Эвелины и ценные бумаги, скорее всего, прикарманил Освальд — нужно же ему было на что-то жить все эти годы... Роберт не стал бы столь великодушно оплачивать ему привольную жизнь.

— Получается, директор Хоуль был прав — мое обучение в Сен-Грейс оплачивал... не отец.

— Пф, конечно нет! Откуда бы у него взялись такие средства? — покачала головой Беата. — Признаться, твоё зачисление в Сен-Грейс для всех стало неожиданностью... Когда обучение подошло к концу, Роберт медлил с решением, явно намереваясь оставить тебя в Тотенбург-Холл помощницей инспектрис. А потом неожиданно пришло извещение, что ты переведена в школу изящных манер в качестве воспитанницы. Супруг махнул на это рукой, вроде как одной головной болью меньше, а у меня как камень с сердца упал...

— И вас ничего не смущало? — не сдержавшись, язвительно поинтересовалась я.

Ну право, не могла же тетка быть настолько наивной, чтобы не понимать, кто и зачем оплатил мое пребывание в Сен-Грейс!

— В школе к тебе были добры? — тотчас нахмурилась она, почувствовав неладное. — Лорд Ангэлер не обижал тебя?

— Не обижал?! — Позабыв о недомогании, я резко села на постели. Приступ злого веселья овладел мной безоговорочно. — Нет, что вы! Он всего лишь убил мою маму и разрушил мою жизнь... Какие могут быть обиды!

Беата Сюффрен несколько секунд смотрела на меня с недоумением, пока ее брови медленно ползли вверх.

— Что за странные фантазии, Эла? Кто сказал тебе такую глупость?! — Ее пухлая ручка взметнулась к бурно вздымавшейся груди. — Впрочем, не говори, я уже сама догадалась... Но это же гнусная ложь! В смерти Эвелины лорд Ангэлер не виноват. Никто не виноват... Это был несчастный случай.

— Почему вы его защищаете? Он был любовником Эвелины... С ним она изменяла отцу!

— Не думаю, что дело дошло до измены, — покачала головой тетушка. — В противном случае всё сложилось бы иначе...

— Откуда такая уверенность? Вы так хорошо знали маму? — Мне не хотелось копаться в грязном белье моей семьи, и в то же время я не могла не спросить: какая-то нелепая надежда встрепенулась внутри, требуя выяснить всё и выслушать всех. — Почему Эвелина так поступила? Какой она была?

Сестра отца задумчиво поджала губы.

— Что ж, не покривлю душой, если скажу, что это была удивительная женщина. Наделенная той чистой, трогательной красотой, что толкает мужчин на безумства. Но внутри этого прелестного создания жила властная и расчетливая женщина. Она знала себе цену и умело пользовалась своими чарами. Освальда она выбрала не от большой любви, а потому, что на тот момент он был самой выгодной партией. К чести брата надо сказать, что он не питал иллюзий и прекрасно понимал мотивы Эвелины, видел, что скрывается за красивой оболочкой. Так что они друг друга стоили.

Слышать подобную нелестную характеристику мамы было неприятно, особенно учитывая, что мне уже не раз указали на наше сходство...

— Поначалу у Освальда был соперник, — продолжила тетушка, и на ее лице появилось странное выражение: — Молодой перспективный политик Ароне Ангэлер тоже был очарован Эвелиной, но, должно быть, не так сильно, как ей того хотелось. Иначе я не представляю, почему она сразу не

дала братцу от ворот поворот, выбрав Ангэлера. Ароне был воплощением всего, о чем девушка только может мечтать: богат, красив, умен и обаятелен. — Тихий, по-девичьи нежный вздох Беаты навел меня на мысль: а не была ли она сама влюблена в Аронса Ангэлера? Долго гадать не пришлось: с присущей ей прямою тетушка созналась в своих чувствах. — В ту пору я завидовала Эвелине... Будь я на ее месте, то без раздумий приняла бы ухаживания Аронса. Он мне очень нравился... Но, увы, я не обладала той красотой, что могла пленить его сердце, зато обладала фамилией, из-за которой он и близко ко мне не подходил... Вскоре Освальд убрал его с дороги, и в этом ему помог мой дражайший супруг. Вдвоем они оклеветали Аронса! Возможно, даже Эвелина в этом невольно приняла участие. Чтобы избежать скандала и спасти честь семьи, Ангэлера был вынужден покинуть столицу. Насколько знаю, он так и не вернулся...

Эту часть истории я слышала впервые, и теперь из-за нее всё еще сильнее запуталось.

— Ничего не понимаю... Зачем тогда ей понадобился младший брат, если мама могла выйти замуж за старшего из Ангэлеров?

— Ну зачем ей опальный изгнанник, прозябающий в глубинке? Эвелина мечтала блистать при дворе и жить в свое удовольствие. Она расчетливо выбрала Освальда и, кто знает, возможно потом горько пожалела о своем решении. Через четыре года после твоего рождения, приняв назначение на пост министра, в столице объявился лорд Бросмер с супругой. Он некромонг, а его жена — человек. Так вот одно дело слышать о возможной молодости, даруемой избранным некромонгов, а другое дело увидеть это воочию. Когда пятидесятилетний лорд с женой появились на приеме, все придворные ахнули: перед ними стояла не многодетная зрелая чета, а красивая молодая пара, которым от силы можно было дать по тридцать лет. Тогда в Мальбурге и началась очередная волна истерии на тему смешанных браков и вечной молодости. Эвелина, должно быть, локти кусала, осознав, какой шанс упустила. А потом случай свел ее с младшим братом Аронса, восемнадцатилетним Арландом Ангэлером. Она очаровала мальчишку и держала на коротком поводке, как собачонку.

Я невольно скривилась от этих слов. Представить некромонга в роли послушного песика решительно не получалось. Со мной он таким не был... Хотя, чему тут удивляться — я же не Эвелина... Да и лорду-попечителю уже далеко не восемнадцать. Надо же, он в ту пору был очень юным... Даже младше меня, и моложе Филиппа Барроу... Почему-то прежде я не задумывалась об этом, всегда представляя Арланда таким, каким его знала сама.

— В общем, Эвелина решила использовать влюбленного мальчишку, чтобы добиться желаемой молодости, — подытожила тетка.

— Откуда вы всё это знаете? Это могут быть лишь сплетни!

— Брат и супруг всегда считали меня недалекой и помешанной на шляпках. Но и у шляпок есть глаза и уши! Я не так глупа и многое знаю... — Тетушка смущенно помолчала, но через пару секунд продолжила громким шепотом: — Той осенью я получила анонимное письмо, где некий доброжелатель рассказывал о похождениях Эвелины и о ее амбициозных планах, которые грозились вот-вот исполниться. Этот доброжелатель, конечно, рассчитывал остаться неизвестным, однако не учел тот факт, что его, а точнее — ее, почерк был мне хорошо знаком со школы Сен-Маклен. Там в одном классе я училась с Фабианой — та еще змеюка! — позже ставшей близкой подругой твоей мамы. Зависть заставила ее написать то компрометирующее письмо, которое, как она была уверена, я передам брату. Семейный скандал положил бы конец роману Эвелины с юным некромонгом, заодно похоронив и все ее амбиции. Но я решила, что об истинном положении дел важнее узнать молодому Ангэлери, а не Освальду, и переслала письмо ему.

— Не может быть! — Я ошеломленно уставилась на тетку. — Это низко! Вы поступили так, потому что сами завидовали маме! Из-за той истории с Аронсом...

— Я не стану оправдываться перед тобой, Эла. Я сделала то, что посчитала правильным...

— Правильным?! — Я задыхнулась от возмущения. — По-вашему, моя мама заслужила смерть? А я... я тоже заслужила всё, что со мной случилось?! Если бы не ваше письмо...

— Я не это имела в виду, милая! — взволнованно перебила меня тетка. — Конечно, я не желала Эвелине смерти. Но откуда мне было знать, что она так взбесится?

— Это Ангэлера убил, — возразила ей убежденно. — Вас там не было. А я всё слышала! Как они ссорились и орали друг на друга...

По правде говоря, даже спустя годы я помнила по большей части крики мамы и то, как она швырнула вазу, не прикасаясь к ней. Теперь-то я знала, проявление чего видела... Но и некромонг с его проклятой магией смерти тоже мог...

— Чушь! Ты плохо знаешь Ангэлера, если говоришь такое. И еще хуже — свою мать. Эвелина была своенравной и капризной. Ее жутко раздражало, когда что-то шло не так, как ей хотелось. Теперь

представь, как она отреагировала, когда мальчишка сорвался с крючка... Неудивительно, что она метала молнии, и магия вырвалась из-под контроля...

— Ничего уже не понимаю! — Я обессиленно откинулась на подушки, стараясь вспомнить все подробности той ссоры, но мысли в голове перепрыгивали с одного на другое, мешая сосредоточиться. — О каких планах вы всё время говорите? Я сама слышала — Эвелина не собиралась быть с Арландом, о чем ему и сказала.

— Ну, конечно, не собиралась! Развод, скандал — зачем ей это, когда ее и так всё устраивало? Кроме неизбежной старости... Эла, ты такая юная и неиспорченная, тебе сложно понять... Избранницы некромонгов получают в дар молодость, родив супругу ребенка. Маленький некромонг девять месяцев живет в теле женщины, меняя ее природу. Эвелине не нужен был сам Ангелер, ей достаточно было зачать с ним дитя...

В комнате повисла неловкая тишина.

— Немыслимо... — прошептала я еле слышно. Жестокая правда шокировала, сбивала дыхание и холодила пальцы. От нее хотелось закрыться, спрятаться, но отравленные семена уже упали в мое сознание и дали всходы. — Это так... бессердечно! По отношению к Арланду, к отцу... к ним обоим...

Тетушка Беата тяжело вздохнула, понуро ссутулив плечи.

— Возможно, мужчинам иногда полезно походить с разбитым сердцем, — философски заметила она, — но страшно подумать, какая участь ждала бы ребенка, которого так жаждала родить Эвелина. От некромонгов всегда рождаются некромонги. Зачем ей живое доказательство ее неверности? Дитя бы умерло при родах, а Эвелина еще десять-пятнадцать лет могла бы кокетливо объяснять свою молодость хорошей наследственностью и правильной диетой.

— Она бы этого не сделала! — в ужасе отшатнулась я.

Не хочу верить, что моя мать была таким бездушным чудовищем!

Подскочив с кровати, я подошла к столику, где стоял графин с водой. С каждым движением ощущала, как внутри словно закручивается тугая пружина. В голове гудело, а пальцы мелко дрожали. Как бы это не было предвестником магического всплеска... Успокоительных капель у меня с собой, конечно, не было.

Может, попросить у тетушки? У дам в возрасте всегда что-то подобное имеется...

Протянув руку, попыталась взять стакан, но он отскочил от меня, как мячик, и глухо ударился о стену. Чудом не разбился!

О нет! Только не сейчас! Худшего момента для срыва не придумаешь...

— Эла, всё в порядке? — прозвучал из-за спины встревоженный голос.

— Да... У вас есть успокоительные капли? Мне нужны капли!

— Конечно, дорогая, сейчас принесу! Они в соседней комнате. — Тетушка резво поднялась и исчезла за дверью, направившись в свои покои.

Я стояла, боясь лишний раз пошевелиться, и слушала ее удаляющиеся шаги. Концентрировалась на этом звуке и глубоко дышала. Меньше всего на свете сейчас хотелось явить миру мою нестабильную магию... Уж точно не после этого разговора! Очередное сходство с Эвелиной — последнее, что стоило демонстрировать родне...

— Вот, нашла, — Тетка Беата вернулась в комнату и, прошествовав к столику, налила в стакан немного воды. Затем откупорила темный пузырек и уверенным движением перевернула его вверх дном. — Для начала десяти капель будет достаточно.

Нетвердой рукой я взяла протянутый стакан и послушно выпила содержимое.

— Эла, ты добрая и искренняя девочка, — ласково улыбнулась мне тетушка, забрав пустой стакан и спрятав пузырек в потайном кармашке платья. — Вижу, ты не унаследовала змеиную сущность своей матери. Не позволяй отцу сделать из тебя орудие мести! Не верь чужим наветам, доверяй своему сердцу...

Сосредоточенная на внутренних ощущениях, я едва обратила внимание на ее слова. Смысл сказанного доходил плохо. Что она такое лопочет?

— Ты поймешь потом и поблаговаришь за услугу.

Внезапная сонливость навалилась на меня; веки стали наливаться свинцом, а сознание подернулось туманом.

— Я себя странно чувствую, — прошептала испуганно.

— Давай выйдем в сад, на свежий воздух, — предложила тетушка и бережно подхватила меня под руку.

Гулять по саду совершенно не хотелось. Куда с большим удовольствием я бы упала на постель и забылась сладким сном... Но, как безвольная кукла, позволила себя увести прочь из комнаты. Почти повиснув на мягком плече, я медленно перебирала ногами. Мы вышли на тянущуюся вдоль окон открытую террасу, в конце которой каменная лестница спускалась прямо в тенистый сад. Прохладный ветерок коснулся лица, тяжелый, дурмящий запах жасмина закружил голову... Последнее, что я помнила, это как неуклюже поскользнулась на садовой дорожке, влажной от вечерней росы, а дальше силы покинули меня, и вязкий туман окончательно поглотил мой разум.

Глава 20. В чужой власти

Проснулась я резко, словно кто-то потряс меня за плечо. Краем сознания отметила, что чувствую себя удивительно хорошо отдохнувшей, и озадаченно огляделась по сторонам.

Где это я?

Комната определенно была незнакомой. Непривычно голые стены были выложены камнями различных оттенков. Темным провалом зиял в углу массивный камин, который давно не топили. Сквозь узкие клинья окон лился тусклый дневной свет, падая неровными бликами на шерстяной ковер, укрывающий каменный пол.

Над моей головой, создавая эффект плотной кроны, нависал изумрудно-зеленый балдахин. Сама же я обнаружила себя лежащей на просторной деревянной кровати, такой же мрачноватой, как и окружающий интерьер.

Увиденное крайне мало походило на дом советника Сюффрена. Но где, как не у опекунов, мне еще находиться?

Я решила не валяться праздно в постели и отправиться на поиски ответов.

Свесив ноги, с удивлением обнаружила, что спала в чулках. Кто-то снял с меня обувь и верхнее платье, но не тронул нижнюю сорочку и чулочки... Я смутно помнила, как вечером почувствовала себя плохо. Должно быть, меня отвели в спальню и помогли раздеться, но... Почему так избирательно?

Ладно, потом поинтересуюсь... Найти бы для начала у кого!

По прохладному полу я дошлепала до ближайшего окна и выглянула наружу. Открывшийся вид заставил недоверчиво протереть глаза. А в следующий миг я испуганно отскочила, краем глаза заметив за окном большую серую тень. Подышала немного, прижавшись к шершавой стене и убеждая себя, что, скорее всего, испугалась пролетавшей мимо птицы.

Потому что на такой высоте никого кроме птицы быть просто не могло!

Осмелев, снова посмотрела в узкое оконце и тут уже во всех подробностях разглядела эту... птицу. Каменное изваяние, пристроившееся на парапете справа от окна, хоть и обладало крыльями, но с пернатыми имело мало общего. Это была самая настоящая горгулья, уродливая и замшелая! Прижавшись лбом к стеклу, я насчитала дальше по стене еще штук пять таких. Потом взгляд опустился ниже, и стало уже не до жутковатых скульптур.

Ниже шумели кроны деревьев, закрывая обзор на небольшой мощеный двор, от которого в разные стороны разбегались дорожки, теряясь в пышной зелени. Правее, из-за угла высокой замковой стены выглядывала старинная постройка с покрытой мхом крышей. За ней вдаль, на фоне пасмурного неба виднелись пики гор. И всё!

А где же Центральная набережная?

Где вообще — Мальбург?!

Должно быть я еще сплю, и это всё не более, чем игры взбудораженного сознания. Такое объяснение выглядело логичным, но не слишком-то успокаивающим. Успокоению, в первую очередь, не способствовала излишняя реалистичность происходящего...

— Это какой-то дурной сон, — простонала вслух.

— Говорят, жена первого хозяина сказала то же самое, оказавшись здесь, — прозвучал за спиной звонкий женский голос.

Я резко обернулась и, позабыв о приличиях, во все глаза уставилась на вошедшую. Одеждой она напоминала прислужницу, но держалась так уверенно и отвечала мне не менее пристальным взглядом, что я засомневалась. Может, экономка? Выглядела женщина моложаво, но возраста была уже не юного.

— Конечно, это всего лишь легенда, — она пожала округлыми плечиками и прошла в спальню. Похозяйски пристроила на комод стопку полотенец, которые держала в руках, и повернулась ко мне, продолжая разглядывать с плохо скрываемым любопытством.

— И кто был первым хозяином этого места? — поинтересовалась я.

— Как кто? Лорд Ангэлера, разумеется! — Темные, похожие на переспелые вишни, глаза

насмешливо сощурились. — Добро пожаловать в замок Мор-ле-Мец!

На мгновение я потеряла дар речи. Это что ж такое получается?! Магия какая-то или лорд-попечитель меня банально выкрал из дома советника?.. И помогла ему в этом моя родная тетушка!

Немыслимо! Какое коварное предательство! И это мужа и брата тетка Беата называла интриганами... Да она сама ничуть не лучше!

— Меня зовут Люсия, — прервали мою мысленную гневную тираду в адрес вероломной родственницы. — Я тут хозяйством ведаю... Вот пришла помочь вам искупаться!

Женщина кивнула в сторону неприметной двери рядом с той, через которую сама вошла, и шагнула ко мне с загадочной улыбкой. В глазах-вишнях отразилось мое бледное, растерянное лицо.

— Благодарю, я дома искупаюсь, — натянуто улыбнулась в ответ и поспешила отойти подальше.

С первого взгляда Люсия располагала к себе, от нее веяло прямодушием и какой-то материнской заботой, но я уже не верила ни окружающим, ни своему чутью. Хватит, надоверялась! Сначала Ангэлери, потом тетушке... Больше я не намерена быть доверчивой дурачком! Какой бы милой Люсия ни выглядела, она, в первую очередь, служанка Ангэлера, от которого вообще непонятно, чего теперь ожидать.

— Я хочу вернуться в Сен-Грейс. Прямо сейчас, — заявила, добавив в голос побольше строгости. — Позвольте узнать, где моя одежда и обувь?

— Так вот же они! — Экономка обогнула кровать и остановилась у спрятавшегося в уголке стула, на который было наброшено мое платье с изрядно помятым подолом. Из-за деревянной ножки выглядывали носы туфель.

— Это вы меня раздевали? — нахмурилась я, разглаживая складки на юбке. Их определенно было бы меньше, если бы платье повесили на плечики, а не положили на стул.

— Э-э-э, нет... Я-то, конечно, порывалась к вам зайти, но лорд Арланд велел не беспокоить до утра. Очень о вас заботился!

Угу, после такого открытия даже удивительно, что я проснулась не в компании заботливого лорда Арланда!

От этих мыслей тут же вспыхнула и нырнула в платье, спрятавшись от излишне внимательного взгляда.

— Если не желаете купаться, можно просто освежиться! Я вот полотенца и всякие мелочи принесла, — захопотала экономка. — Коль передумаете и захотите ополоснуться, я и одежду вам свежую раздобуду. Плохо, что я сразу не подумала об этом... Редко у нас тут гости бывают!

Сильно сомневаюсь, что я во владениях некромонга на правах гостыи. Как бы не оказаться пленницей! Интересно, а Люсии известна специфика наших отношений с Ангэлери? Не уверена...

— Спасибо за заботу, но я не планирую тут задерживаться. Сейчас приведу себя в порядок и уеду. — Я решительно направилась в ванную комнату.

— Да как же вы уедете? — долетело мне в спину. — Без лорда Арланда никак не получится!

Ополоснув лицо и наскоро пригладив волосы, вернулась в спальню.

— Вот и отведите меня к лорду Арланду, пожалуйста!

— Не получится, мадемуазель, — развела руками Люсия. — Хозяин отбыл.

— Как это отбыл?! — опешила я.

— Ну, так... позавтракал на скорую руку, сел в свою тарактелку и уехал. Сказал, вернется после обеда...

— А сейчас который час?

— Да уж полдень почти.

Расстроенная, я присела на краешек кровати, размышляя, как быть дальше. Сидеть и ждать возвращения некромонга? Или попробовать самой отсюда выбраться? Вдруг, вопреки заверениям экономки, получится?..

— Ну не грустите! Глядишь, и пораньше объявится, — совершенно неверно расценила Люсия мой понурый вид. — А как вас величать, мадемуазель?

Спohватившись, — ну надо ж было напрочь забыть об элементарной вежливости!

— я поспешно представилась.

— Вот что, мадемуазель Элеонора, давайте-ка мы спустимся на кухню, и я вас накормлю! У нас тут всё по-простому, без церемоний. Даже и не вспомню, когда последний раз в столовой накрывали...

Упрямиться было глупо, и через минуту я уже шагала по тускло освещенному коридору, развлекаясь непринужденной беседой с Люсией. Болтала словоохотливая женщина обо всем на свете, заставляя поверить, что гостей и впрямь видит редко. От нее я узнала, что спальня моя находилась в гостевой части замка. И если бы мы не пошли по коридору прямо, а свернули у двери сразу налево, то вышли бы к винтовой лестнице, по которой можно подняться на самый верх башни, в гостевые покои, из которых открывается чудесный вид на всю округу. Только жить в этих покоях нынче невозможно, потому как лорд Ангелер затеял там ремонт — решил расширить оконные проемы, — и конца края тому ремонту теперь не видно.

— У каждой башни есть свое имя, — просвещала меня Люсия, — даже у тех, что уже разрушились. Сейчас мы были рядом с Угловой, хозяйские покои располагаются в Гербовой башне. Есть еще Часовая, Туманная... А от Северной башни осталась лишь кучка камней.

Башни — это, конечно, хорошо, но я, на всякий случай, поинтересовалась, есть ли в замке темница с мрачными стражами, куда отправляют неугодных и провинившихся. Женщина вопросу удивилась, но призналась, что темница имеется, правда отправляют туда разве что репу да морковь.

В стражах значилось два кота, охранявших урожай от мышей. Я украдкой улыбнулась, позабавленная тем, насколько незатейливым, по-домашнему уютным и неаристократичным оказался уклад жизни в многовековом замке.

Внутри по-прежнему кипело негодование и возмущение от того, как именно меня сюда переместили. Но вместе с тем, я получала неожиданное удовольствие от неспешной прогулки по легендарному Мор-ле-Мец, куда уже и не чаяла попасть.

— Вы что же, и готовкой занимаетесь? — удивилась я, когда Люсия подала мне омлет и стала уверенно греметь кастрюлями, рассуждая вполголоса, что бы приготовить на обед.

— А что такого? Кашеварю потихоньку. Никто на мою стряпню не жаловался. Даже хозяин кушает с удовольствием. — Женщина чуть обиженно глянула на меня. — Вы-то, наверное, к более изысканным блюдам привыкли...

— Нет, что вы! Я не в том смысле, — смутилась, почувствовав себя виноватой. — Просто на вас столько обязанностей! И за хозяйством следите, и еду готовите, продукты заказываете, комнаты убираете, учет всего ведете... Да тут на троих хватит! Почему у вас нет помощницы?

— Как же нету, когда есть! — улыбнулась Люсия, проворно подвязав косынкой волнистые волосы цвета карамели. — Я по женской части хозяйства только, а всем остальным занимается Гришец Гроули, наш управляющий. Он же дворецкий, казначей и камердинер лорда. Мы тут на все руки мастера!

Вспомнилось, как некромонг упоминал что-то про быт в замке, самостоятельно разжигая камин в тот вечер, когда...

— Лорд Ангелер экономит на прислуге? — язвительно поинтересовалась я, отгоняя ненужные воспоминания.

— Ох, нет, конечно! — Люсия тут же встала на защиту хозяина. — У нас еще есть привратник, его жена прачкой работает, сын мой помогает, когда не на охоте. Просто лорд Арланд не любит, когда в замке толпа слуг. Да и необходимости такой нет. Из близлежащей деревни к нам приходят работники пару раз в неделю, ну и на сезонные работы вызываем...

— Интересно у вас тут всё устроено, очень рачительно, — искренне восхищалась я. — Всегда думала, что для содержания таких больших замков нужен целый штат, человек тридцать, не меньше...

— Да куда ж нам столько! Если бы еще хозяин постоянно тут жил... А то так, наездами теперича. Всё в городе пропадает. И я догадываюсь почему... — По моему лицу скользнул лукавый взгляд.

Говорить доброй женщине, что она в своих догадках ошибается, я не стала. Склонилась над кружкой ароматного чая, пощипывая теплую булочку с изюмом.

— Моя семья уже девять поколений служит в замке, — не дала увянуть разговору Люсия. — Стыдно признаться, но я никогда не бывала за пределами наших земель.

— Почему? Ангэлеры не разрешают работникам покидать замок?

— Нет-нет, — замахала на меня руками Люсия. — Ничего подобного! Само собой так получилось. В юности помогала родителям, потом своя семья и работа. Уж не до путешествий стало! А вот Г роули не из здешних мест, он мир повидал! — В ее голосе послышалось уважение и толика зависти. — Порой такое рассказывает, что диву даешься. Обожаю его слушать! — Загрузив порезанные овощи в кастрюлю, повернулась ко мне: — А вы, мадемуазель Элеонора, из самой столицы будете?

— Да, родилась и выросла в Мальбурге, но, как и вы, я заложник одного места, так что интересных историй у меня нет...

— Какие ваши годы! Еще успеется и мир увидеть, и про себя не забыть...

Это точно, как только вырвусь отсюда, уеду на самый край света! Так, чтобы Ангэлер никогда не нашел. Хотя с чего я решила, что он станет искать... От одиночества он точно не умрет — у него красавица-невеста есть.

Воспоминание о рыжей красотке изрядно подпортило настроение. Потеряв аппетит, я отодвинула блюдо с выпечкой.

Если всё, что прежде обещал Арланд, оказалось чистой воды враньем, и в столице его ждет одобренная семейством избранница, то что я делаю в его замке? Неужели, некромонг взялся за старое и решил сделать меня своей игрушкой? Развлечься перед свадьбой...

Стоп, нельзя себя накручивать! В моем случае, это элементарно небезопасно, в том числе для окружающих. А Люсия невиновата, что ее хозяин тот еще...

— Люси, я тебя по всему замку ищу! — Прервав неторопливое течение моих невеселых мыслей, на кухню стремительно вошел долговязый господин в темном сюртуке.

Очень колоритный и очень хмурый. На худом скуластом лице красовался крупный орлиный нос, из-под густых бровей на окружающих цепко смотрели чуть раскосые глаза, а черные волосы с протупившей на висках сединой стягивал грубый кожаный шнурок.

— До сих пор обед готовишь? — приподнял он темную бровь.

— Да уж закончила почти, — ничуть не обидевшись, заверила его Люсия и, повернувшись ко мне, добавила: — Вот, мадемуазель Элеонора, познакомьтесь — это наш управляющий и хранитель замка, Г рищ Г роули. А это гостья хозяина. — Последняя фраза сопровождалась весьма красноречивым взглядом.

Управляющий Г роули резко повернулся в мою сторону, видимо, только сейчас заметив на кухне постороннего.

— Теперь понятно, почему так долго возишься, — тихо проворчал. — Рад приветствовать вас, мадемуазель, — проронил бесцветно и коротко кивнул.

Стоя рядом, они с Люсией являли собой удивительный контраст: миловидная блондинка, состоявшая из округлостей и плавных линий, и похожий на угрюмую оглоблю брюнет. Как только эти двое уживаются в одном замке?..

Впрочем, долго думать над этим я не стала, потому как у меня были более насущные проблемы. Появление господина Г роули означало, что вернулся и Арланд... Или нет?

— Быстро вы вернулись. А хозяин где? — озвучила мучивший меня вопрос Люсия.

— В кабинете. По всей видимости, ждет мадемуазель, — по мне полоснули нечитаемым взглядом и, жестом указав на дверь, пробурчали: — Позвольте проводить вас.

Сердце в груди подпрыгнуло и судорожно затрепыхалось. Сама же с нетерпением ждала разговора, чтобы потребовать от Ангэлера объяснений... И вот он здесь, а у меня от страха ноги подгибаются... В голове гулкая пустота — понятия не имею, что скажу ему сейчас. И это беспокоит, потому как наши спонтанные объяснения, как показала жизнь, обычно заканчиваются руганью...

Эх, всё же плохая была идея — просидеть всё это время на кухне с Люсией. Лучше бы уединилась в комнате и хорошенько обдумала предстоящий разговор. Теперь уже поздно дергаться...

— Гриш, а Гриш, продукты-то купили в деревне? — Женщина окрикнула уводящего меня из кухни Гроули. — Не могу ж я девочку как вас, мужиков, кормить!

— Купили. — Мужчина недовольно обернулся в дверях, пропуская меня вперед. — Позже занесу.

Поплутав недолго по замковым переходам, мы подошли к массивной дубовой двери, слегка утопленной в каменной нише. Потемневшая от времени ручка в виде головы дракона оскалила на меня пасть с широким медным кольцом в зубах. За него и потянул господин Гроули, не утруждая себя стуком.

— Милорд, к вам мадемуазель, — прокаркал он, распахивая передо мной дверь и чуть ли не подталкивая в спину.

На негнущихся ногах я прошла внутрь, чувствуя себя загнанной в логово дракона.

— Благодарю, Гроули, — откликнулся Ангелер и, подняв голову от бумаг, окинул меня пристальным взглядом. Настороженным и ласкающим одновременно.

И вот этот взгляд, купе с вибрациями такого знакомого, чарующего голоса, был словно укол гремучей смеси любви и ненависти прямо в сердце. Как перед прыжком в воду, я втянула воздух, гордо вскинула подбородок и шагнула к столу, игнорируя кресло для посетителей.

— Что я здесь делаю, милорд? — спросила со всей холодностью, на которую была способна.

— Нависаете над столом, полагаю. Хотя удобнее было бы присесть, — криво улыбнулся Арланд, и мой взгляд помимо воли прилип к мужским губам.

— Присяду я разве что в экипаж, направляющийся в столицу. — Заставила себя оторвать взгляд от губ и с вызовом посмотрела некромонгу в глаза. Господи, я уже успела забыть, какие они синие! Как небо ясной июльской ночью...

— Это не в ближайших перспективах, — вернули меня с небес на землю.

— Возмутительно! Вы привезли меня сюда против воли. И удерживаете силой!

— Да я к вам и пальцем не прикасаюсь.

— А ночью? — гневно сощурила глаза, намекая на учиненное разведение.

— А ночью как пожелаете, — нахально усмехнулся этот... демон синеглазый.

— По-вашему, это смешно?! — воскликнула, внутренне закипая от его несерьезности и явного, ничуть не скрываемого нежелания что-либо мне объяснить. — Я вам не игрушка, чтобы меня таскать, куда вам заблагорассудится!

— Эла, давай для разнообразия не будем ссориться, — миролюбиво предложил он, отбросив формальности.

— Не я первая это начала! И не я похитила вас из дома, опоив снотворным при содействии коварной родственницы... — Не стала переходить на «ты», как того хотел Ангелер. Слишком болезненные воспоминания это навевало, об интимности и доверии, которых между нами больше не было.

— Зря ты так о своей тетушке. Единственный порядочный человек в доме Сюффрена оказался.

— Не вижу ничего порядочного в том, чтобы предать племянницу, потакая своей застарелой влюбленности.

— Какой еще застарелой влюбленности? — растерянно моргнул лорд.

— В молодости тетушка была влюблена в вашего брата, — мстительно сдала я тетку Беату.

— Надо же, — с заметным облегчением выдохнул Арланд. Никак решил, что Беата Сюффрен влюблена в него? — Неожиданно...

— Верните меня в Сен-Грейс. — Я требовательно уставилась на Ангелера, не позволяя себя отвлечь от главной темы нашего разговора.

— Исключено. Для возвращения время сейчас неподходящее.

— Вы шутите?! У нас экзамен и два зачета на грядущей неделе. Я же выпускной аттестат не получу из-за вашей прихоти!

Ангелер даже бровью не повел, выслушав мой жалобный протест.

— Это не прихоть, Эла. Аттестат твой никуда не денется. Все вопросы решаемы.

Ушам своим не верю! Не далее, как вчера вечером я слышала от отца похожую

фразу про школу. Но в его случае всё понятно, а вот как лорд-попечитель может так легкомысленно относиться к учебному процессу...

— Поверь, Эла, в первую очередь я забочусь о тебе и твоей безопасности.

— Благодарю за заботу, милорд, — тут я не удержалась от ироничного смешка, — но мне уже двадцать лет, и в чьей-либо опеке я более не нуждаюсь!

Арланд откинулся на высокую спинку кресла и излюбленным жестом скрестил руки на груди. Светлая рубашка маняще натянулась на широких плечах.

— Тем удивительнее было обнаружить тебя в гостях у опекунов, с которыми вы вроде как все эти годы не поддерживали отношения, — вперил в меня задумчивый взгляд. — С чего вдруг такая жажда общения?

— Меня вынудили обстоятельства... — Подростеряв запал, я медленно опустилась в стоявшее у стола кресло.

Рассказывать некромонгу о возникших финансовых затруднениях не хотелось. Лучше бы ему не знать, насколько я сейчас уязвима.

— И обстоятельства эти зовут Освальд Дюбар, не так ли?

Я опустила взгляд, покусывая губу. Какой же Арланд до безобразия проницательный! Именно стараниями папеньки мои затруднения и вызваны. Ну и его собственными, конечно!

— Кстати, мои поздравления по случаю чудесного воскрешения злодейски убитого мною господина Дюбара, — ехидно поддел меня.

Что ж, заслуженно... Но всё равно обидно. В первую очередь из-за того, что выставила себя в очередной раз легковерной глупышкой, когда в тот день швыряла ему в лицо нелепые обвинения...

— Я была не права, — признала, не поднимая глаз. Не хочу видеть на его лице открытую насмешку или, что еще хуже, злорадство. — То письмо... его написал отец...

— Поэтому, моя доверчивая девочка, я и хочу, чтобы в ближайшее время ты была подальше от своих предприимчивых родственников. Чтобы тебя не втянули в какую-нибудь аферу... Если, конечно, этого уже не сделали.

— Я никогда не согласилась бы в подобном участвовать! Мне просто нужно вернуться в Сен-Г рейс, чтобы закончить обучение...

— Всё, что тебе действительно сейчас нужно — это пообедать со мной и отдохнуть, — Арланд потянулся в кресле, хрустнув плечами.

Я с тревогой отметила скрывавшуюся в его чертах усталость, залегшую глубокими тенями под глазами и в уголках губ. Кому-то отдых нужен куда больше, чем мне! Нестерпимо захотелось прикоснуться к нему, разгладить хмурую складку меж бровей, обнять за напряженные плечи, заставить улыбнуться, щекотно целуя в подбородок...

— Это несерьезно, — выдохнула, раздосадованная и на Ангэлера, и на собственные неуместные фантазии.

Если сейчас сдаться, уступить, то я и глазом не успею моргнуть, как превращусь в послушную куклу. Одну из тех, которые со временем надоедают и с ними перестают играть...

— Серьезные дела, Эла, будут вершиться без твоего участия. Очень надеюсь, что наша ловушка сработает, и скоро всё закончится...

— Не имею ничего против, тем более, что вообще не понимаю, о чем речь. Но почему мне нельзя обратно в школу?

— Даже в Сен-Г рейс, к моему великому сожалению, происходят зловещие события, которые не получается предотвратить. И я не хочу, чтобы ты оказалась в них замешана.

Я озадаченно моргнула. Что Арланд имел в виду? Из зловещих событий, произошедших в школе, могла припомнить разве что непонятное убийство, разговор о котором подслушала. И в причастности к которому подозревала некромонга... И что же это получается? Что он, в свою очередь, считал виноватой... меня?!

— О чем вы говорите? На самом деле думаете, что я причастна к... той трагедии?! — Не смогла заставить себя произнести слово «убийство».

— Какой трагедии? — заметно подобрался Ангэлер.

— Вы прекрасно знаете, — проговорившись, идти на попятную смысла уже не видела. Почему бы не воспользоваться ситуацией и не прояснить этот момент? — Той самой, что произошла на Весеннем балу...

С минуту Арланд молча гипнотизировал меня взглядом.

— Откуда такая осведомленность?

Признаваться, что подслушала чужой разговор, было стыдно. Я принялась сосредоточенно рассматривать замысловатую картину, что висела за мужской спиной.

— Неужели Дэлавер оказался прав? — тихо, словно рассуждал сам с собой, произнес Ангэлер. Мелькнувшая в синих глазах тень разочарования больно резанула по натянутым нервам. — Какую роль ты играешь во всей этой истории, Элеонора?

— Я не играю никаких ролей, милорд. В отличие от вас! И никогда ничего не скрывала и не утаивала! — Возмущенная, я поднялась из кресла. — А про убийство слышала случайно...

— В доме советника Сюффрена? — Встал и некромонг.

— Что? Нет!

— Уверена?

— Перестаньте! Я знаю, мой отец и советник поступили бесчестно в отношении вашего брата... Я их не оправдываю и понимаю, у вас есть все основания ненавидеть нашу семью. Но разница между клеветой и убийством огромна!

— Я не верю в такие совпадения, — мужские губы сжались в упрямую линию. — Освальд Дюбар тайком возвращается в столицу... одновременно со скандальным происшествием в Сен-Грейс...

— Он даже не в курсе, что в школе что-то произошло. Мой отец интриган, а не убийца!

— Тот, кто однажды замарал руки, уже ни перед чем не остановится! — Ангэлер порывисто сгреб в кучу бумаги и потянулся за хрустальным бокалом для бренди.

— Ах, ну вам, конечно, виднее! — выкрикнула зло.

Хрусталь в руке Арланда взорвался тысячей осколков, засыпав стол стеклянным крошевом. Я испуганно попятилась, ошеломленная произошедшим.

Что же я наделала?! Как могла так непростительно забыть, позволить эмоциям вырваться наружу?..

— У вас руки в крови, — произнесла дрогнувшим голосом.

Ангэлер поднял на меня полный неверия взгляд и заметно помрачнел.

— До сих пор считаешь меня виноватым в смерти матери?

Я покачала головой, проследив, как первая капля крови упала на темную поверхность стола.

— Вы поранились, — взглядом указала на его ладонь, всю в кровоточащих порезах. — Я... я не хотела! Арланд, мне так жаль! Надо достать осколки из руки...

— Ерунда, — он небрежно встряхнул изрезанной ладонью. Потом провел рукой над столом, засыпанным осколками, заставляя их развеяться прахом. Смахнув образовавшуюся пыль, некромонг достал платок и обмотал вокруг поврежденной ладони. — Всё в порядке, не тревожься. Я готов стерпеть куда большую боль, лишь бы ты и впредь называла меня по имени.

— Это невозможно. — Я закрыла лицо руками, старательно сдерживая непрошенные слезы.

Нет у наших отношений будущего. Как бы я ни пыталась, рядом с ним сохранять спокойствие не получалось. Он и дальше будет ранить меня своим поведением, неосторожным словом и той ролью, которую отводит мне в своей жизни, а я... Я буду в ответ причинять боль ему. Как случилось только что. Пока это всё не закончится как-нибудь ужасно...

— Эла... — Теплое дыхание согрело висок, мужские руки опустились на плечи, с нажимом провели

до локтей и обратно.

— Не надо, — я попробовала отстраниться, но Арланд не отпустил — только крепче прижал к себе.

— Тшш... Все будет хорошо, — прошептал он, склонившись к моему уху.

— Не будет...

Я никогда не отличалась мрачным взглядом на жизнь, но сейчас впереди не видела ни единого просвета. Куда ни повернись, везде препятствия и преграды... Скоро у меня ничего не останется: ни дома, которым для меня была школа, ни семьи, ни работы, ни любимого... Хотелось спрятаться под одеялом и поплакать всласть, сетуя на горькую судьбу.

— Не отталкивай меня, Эла, — продолжил обнимать Ангэлера. Мужская рука соскользнула на мою талию, дыхание участилось.

Едва уловимый пряный аромат его кожи струился в ноздри, пьянил чувственными воспоминаниями, но в груди еще тревожно вибрировала натянутая струна, не позволяя расслабиться и поддаться соблазну.

— Нет! Не могу, — я уперлась кулачками в каменную грудь.

— Почему ты не можешь быть со мной?

Непрошибаемый! Он еще спрашивает!

— Потому что не хочу, чтобы всё закончилось, как у вас с Эвелиной!

— В каком смысле? — Арланд аккуратно приподнял мое лицо за подбородок, заставляя смотреть в глаза.

Вот совсем это не помогает!

— В прямом. Ты довел маму, и она сорвалась. С тобой у меня все шансы повторить ее судьбу!

Взгляд некромонга опасно потемнел.

— Не доводил я...

— Я там была! — оборвала его жалкую попытку оправдаться. Вихрь горьких воспоминаний закружил голову, развязывая язык: — Не знал, да? Конечно, никому дела не было до маленькой перепуганной девочки, что пряталась под столом... А я всё слышала. Вы ссорились! Кричали друг на друга. Если бы ты не пришел в наш дом в тот вечер, мама и по сей день была бы жива...

— Признаю, тот разговор был ошибкой. Я много раз корил себя за несдержанность...

— Несдержанность? Да вы оба не контролировали себя!

— Если бы я себя не контролировал, то весь ваш особняк развеялся бы прахом по бульвару Клермон! — возмущенно рявкнул он.

В потемневших глазах — отражением моей собственной — сверкнула злость. Тут я струхнула, мигот растеряв часть запала. Не знаю, как тогда, но сейчас Арланд явно на грани. Почему-то подумалось, что еще немного и я следом за стекляшками осыплюсь прахом на пушистый ковер. Дворецкий Гроули позже с невозмутимой миной вытряхнет меня на газон под окнами замка... И всё что мне останется — это мстительно из года в год цвести незабудками...

Картинка перед глазами предстала омерзительно отчетливая: как на лужайке упрямыми сорняками прорастают мелкие цветочки, а будущие поколения Ангэлеров их немилосердно вытаптывают. Меня не станет, а он продолжит жить как ни в чем не бывало... женится на своей рыжей...

Вспышка ревности подбросила топлива в начавший было затухать костер негодования.

— Ты всё равно виноват!

— Виноват, я не спорю. Но лишь в том, что не вернулся, услышав грохот обрушения. Не помог... Был уверен, что Эвелина побеснуется и успокоится. Да, я злился на нее. Но зла не желал. — Арланд прислонился лбом к моему лбу и, прикрыв глаза, прошептал: — Поверь мне, Эла! И прости, если сможешь...

И так мне захотелось и поверить, и простить...

— Почему ты не мог просто рассказать мне правду? — Моя рука самовольно скользнула вверх по

лацкану, огладила мужскую шею и коснулась волос. Пальцы принялись неспешно перебирать темные пряди.

— Это не те воспоминания, которыми хочется делиться... и не те события, которыми можно гордиться, — хмыкнул Арланд. — В глазах девушки, которая не безразлична, желаешь выглядеть лучше, чем ты есть на самом деле. Потому и не рассказал — не хотел предстать наивным дураком, которого обвели вокруг пальца...

— И, конечно, не подумал, что я буду чувствовать себя ровно так же, когда всё откроется.

— Если бы я знал, к чему это приведет, то поступил бы иначе. — Он невесомо поцеловал меня в лоб.

— А если бы мог изменить прошлое, то что бы сделал? — сорвался с губ глупый вопрос.

— Хм... точно не стал бы пороть горячку. Постарался бы всё исправить и как-то наладить отношения с леди Дюбар...

Гладившая его волосы рука замерла и безвольно опала вниз.

Зачем это спросила? Что хотела услышать?.. Определенно не этот правдивый и жестокий ответ.

Ангэлер чуть отстранился и странно посмотрел в мое лицо.

— Было бы глупо с моей стороны разругаться в пух и прах с будущей тещей, согласна?

Ну зачем так поступать?! Я думала, мы разговариваем по душам, а он опять перевел всё в шутку. Обидную и неуместную, от которой на душе сделалось гадко. Как будто я не понимаю, что он ни за что не женится на той, кто носит фамилию Дюбар. Мой отец издавна враждует с Ангэлерами. И одно дело — увести у врага жену или сделать его дочь своей любовницей, и совсем другое — назвать ее законной супругой... Это всё равно что предать семью! Арланд на такое никогда не пойдет. Тем более, что высшему свету Мальбурга уже была представлена его избранница...

— Ты надо мной насмехаешься! — Я вывернулась из крепких объятий и отступила к двери.

— Подожди, Эла! Что опять я не так сказал? — Искренне озадаченный, он шагнул следом.

Не так... сказал, сделал, подумал... У нас всё не так с самого начала! Не так что-то у меня с головой, потому что никак не могу признать очевидное: нам не быть вместе...

— Не ходи за мной! Пожалуйста. — Я потянула на себя медное кольцо, отворяя дверь. — Мне нужно побыть одной...

Добравшись до комнаты, я сделала именно то, о чем мечтала в кабинете лорда — рухнула на кровать и разрыдалась. Потом сидела у окна и смотрела на серое море, в которое превратился пейзаж. Из щелей тянуло холодом, порывистый ветер бросал на стекло крупные капли, и они уныло стекали вниз, размывая отражение моего лица с опухшими глазами. Мерный гул миллионов капель, бесконечно падавших с темно-серого неба, навевал тоску.

К счастью, Ангэлеру хватило ума не навешиваться ко мне, оставив в покое до самого вечера. Но когда за окном стемнело и подошло время ужина, в дверь тихонько постучали, и на пороге появилась Люсия.

— Батюшки, мадемуазель Элеонора, вы зачем там на сквозняке сидите? Отходите от окна скорее! — сокрушенно всплеснула руками она, а у меня на душе почему-то потеплело. — Пойдемте, провожу вас в столовую! Ужинать пора.

Я на миг засомневалась: кушать уже, конечно, хотелось, но очередная встреча с Арландом станет серьезным испытанием для моих нервов. Стоит ли оно того?..

— Пойдемте-пойдемте! Я сегодня расстаралась для вас... Вкусностей наготовила!

— развеяла мои сомнения добрая женщина.

Мы прошли вдоль портретной галереи, мимо библиотеки и оказались в вытянутом помещении с огромными окнами и террасой, спускающейся в сад. Промокший и безлюдный, он был всё равно прекрасен. На изумрудных ветках качались нежные бутоны роз, и их тонкий аромат, казалось, проникал в столовую, смешиваясь с аппетитными запахами еды. В углу потрескивал камин, создавая атмосферу тепла и уюта.

— Лорд Арланд сейчас подойдет, — доложила Люсия и, наполнив бокал красным вином, протянула мне: — Это местного урожая — попробуйте! А я на кухню вернусь, десерт доделаю...

Ее торопливые шаги стихли за дверью. Я отошла от длинного, красиво сервированного стола и огляделась. Стены столовой, похоже, были задуманы продолжением сада: светло-зеленые, покрытые изображениями ярких цветов и растений, по углам украшенные лепниной в форме виноградной лозы. Высокий сводчатый потолок был выкрашен в светло-голубой цвет. Наверное, в хорошую погоду двери на террасу распахивались, и любой прием пищи становился подобен пикнику на природе.

— Добрый вечер, Элеонора.

Я обернулась и тотчас попала в плен внимательного взгляда. Ангэлер стремительно входил в столовую, не сводя с меня глаз. Весь такой элегантный, переодевшийся к ужину в новый костюм.

— Добрый вечер, милорд...

Интересно, шейный платок он специально выбрал под тон моего платья? Которое я тоже с удовольствием бы передела, если бы было во что... Кстати, это еще один аргумент против того, чтобы задержаться в замке: у меня совершенно нет вещей! Непременно скажу ему об этом за ужином...

Арланд приблизился и, взяв мою руку, прижался губами к тыльной стороне ладони. Касание длилось несколько дольше чем требовали приличия. Сердце мое успело за это время сбиться с ритма, а щеки — покрыться румянцем смущения. Некромонг подвел меня к столу и галантно помог сесть. Ни словом, ни жестом он не дал понять, что наш дневной разговор закончился не лучшим образом. И это настораживало...

— От вина пока стоит воздержаться. — Нетронутый бокал уплыл из моих пальцев.

— Месяцев через восемь наверстаешь. Тем более и повод отпраздновать будет.

Арланд придвинул ко мне серебряный кубок и собственноручно наполнил его соком из кувшина.

Опешившая, я смотрела, как он усаживается на противоположном конце стола.

— Как это понимать?

Вместо ответа послышались шаги, и в столовую вошел дворецкий. Видимо, этим вечером в его обязанностях появился новый пункт: обслуживание господ за ужином.

Гроули церемонно снимал крышки с блюд и понемногу от каждого выкладывал нам на тарелки. Я же наблюдала за Ангэлером, бросавшим на меня задумчивые взгляды, негромко постукивая пальцами по столу.

— Мне сказали, тебе нездоровится в последнее время, — первым заговорил он, когда нас оставили наедине. Голос его при этом звучал непривычно отстраненно.

— Я не желаю обсуждать мои недомогания. — Выбранная тема мне категорически не понравилась. Как и холодность, внезапно появившаяся в его манере. — Это не касается... ВАС.

Не осталась в долгу, хоть и пожалела об этом мгновенно. Схватив кубок, принялась цедить сок мелкими глотками.

— А, по-моему, очень даже касается, учитывая природу этих недомоганий.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что, возможно, вскоре ты получишь то, чего так жаждала леди Дюбар! Ради чего была готова растоптать чужую жизнь. Молодость и долголетие... Какая ирония судьбы!

Я едва не подавилась соком. В памяти всплыл разговор с тетужкой, и мои глаза изумленно округлились.

— И не надо делать такое удивленное лицо, — приподнял брови Ангэлер. — Ты, наверняка, уже догадалась, что стало причиной приступов слабости и тошноты.

— Конечно, догадалась, — кивнула в ответ. — Проснувшаяся магия.

— Хм... с магией твоей надо что-то делать. — Он задумчиво потер подбородок. — Но само ее появление только подтверждает мою версию...

— Какую же?

Арланд пригубил вина, сделав театральную паузу:

— Ты беременна.

— Что? Нет! — Еле удержалась, чтобы в открытую не рассмеяться над абсурдностью его предположения.

Ну, откуда он это взял? Не иначе, как тетка Беата напела! Она же ничего не знала про мои магические срывы, вот и подумала, что первое пришло на ум. Хотя, всё же неожиданно, что ей пришла в голову именно такая версия: видать, родственники знали о моей жизни несколько больше, чем стремились показать...

— Н-да... всегда думал, что подобные диалоги происходят в парах с точностью до наоборот.

Неужели я слышу нотки разочарования в этом надменном голосе?..

— Это невозможно! — заявила уверенно, желая положить конец нелепому спектаклю.

— Обижаешь! Еще как возможно, — не согласился некромонг. Мне даже почудился какой-то нездоровый блеск в потемневших глазах.

Та-а-к, мы на грани очередного скандала или есть иная причина столь странной реакции? Я терялась в догадках, что последует дальше... Зачем убеждать меня в несуществующей беременности? Или это он себя в моем вымышленном коварстве старается убедить?..

— На занятиях по контролю магии рассказывали, что скачок магического потенциала случается после... эм... потери невинности, — я предприняла очередную попытку прояснить ситуацию. — Это нередкий случай! Так что всё объяснимо...

— Одно другое не исключает. Я бы даже сказал — наоборот!

— Ах, перестаньте! После одного разика ничего не бывает.

Ну в самом деле! Не бывает же?..

— Разиков, как ты изволила выразиться, было три, — насупился Арланд. — Два вечером и...

— Господи, вы их считали, что ли! — Я спрятала вспыхнувшее лицо в ладонях. Даже пальцы на ногах поджала от смущения и нахлынувших воспоминаний.

— Эла, перестань уже мне выкать!

— А ты перестань мне указывать! Так не говори, это не пей, то не ешь...

— Наоборот, ешь на здоровье, — разрешил великодушно. — Я лишь предлагаю исключить вино и шампанское...

— Я НЕ беременна, — повторила снова, вот только былой уверенности уже не почувствовала.

А, ну-ка, Ангэлера прав? Это будет катастрофа!

— Время покажет, — пожал он плечами и отсалютовал мне бокалом: — За исполнение желаний!

Я подняла кубок и воочию представила, как после хорошего замаха он летит в голову несносному лорду. Без всякой магии — одна грубая физическая сила. А потому что заслужил! Именно после его появления моя жизнь покатила под откос.

Усилием воли заставила себя вернуть кубок на место. В моих обстоятельствах ссориться с Ангэлером неразумно. Надо с ним как-то договориться...

— Через пару месяцев узнаем наверняка, — непринужденно обронил он, — а пока...

— Что?! — От моих миролюбивых настроений не осталось и следа. — Ты планируешь держать меня здесь взаперти до осени?

— Никто не собирается сажать тебя под замок, Эла. Я лишь хочу, чтобы ты была в безопасности. Поживешь пока в Мор-ле-Мец — замок в твоём полном распоряжении.

— Что в замке, что под замком — невелика разница, — с досадой выдохнула я.

— Откуда это навязчивое желание сбежать от меня? — вспыхнул Арланд, бросив салфетку на стол.

— А откуда это навязчивое желание держать меня под рукой? Или за двенадцать лет просто вошло в привычку?

— О чем ты? — вскинул он темную бровь.

— О том, что наша встреча на Весеннем балу не была случайностью. Не так ли? С самого начала ты всё спланировал...

— Глупости! Не было никакого плана.

— Прости, но в это сложно поверить. Зачем тогда ты оплатил мое обучение в Сен-Грейс, намеренно приблизив к себе?

— Это был просто жест доброй воли... благородный порыв... Назови как хочешь. Я и думать об этом забыл! Поверь, та встреча на балу была чистой воды случайностью.

В обычной жизни я далек от дел школы и не бываю в Сен-Грейс. Этим всегда занимались женщины семьи Ангэлера, такова традиция. Сначала моя мама, теперь вот Каролина потихоньку втягивается...

Меня словно ледяным ветром обдало.

Ах, Каролина! Как спокойно Арланд об этом говорит. Даже и скрывать не думает! Желает, чтобы я смирилась с ее присутствием рядом с ним? Признала неотвратимость своего будущего, в котором мне отведена лишь роль любовницы?

Я медленно поднялась и подчеркнуто аккуратно сложила салфетку.

— Спасибо за ужин, — поблагодарила холодно и, не удержавшись добавила: — И за краткий, но крайне содержательный экскурс в мое ближайшее будущее.

Глаза Арланда недобро сузились. Даже гадать не буду, что он там себе думает...

— Эла...

И уж точно не стану оставаться и выяснять, иначе изысканный интерьер столовой неминуемо пострадает.

Уже в дверях столкнулась с Гроули, доставившим из кухни очередное блюдо.

— Желаете десерт? — невозмутимо поинтересовался он.

— Спасибо, я сыта по горло, — ответила ему в тон и направилась к себе, сердито стуча каблуками.

Глава 21. Замок Мор-ле-Мец

Очередной день в замке начался под тихий шелест дождя за окном. Я слушала его, не открывая глаз, и пыталась представить, какая погода сейчас в столице. К утру в комнате стало прохладно. В отличие от лорда Ангэлера, самостоятельно разжигать камины я не умела, поэтому могла только с тоской поглядывать на темное нетопленное нутро. Из-под теплого одеяла выбираться не спешила еще и потому, что нигде не видела свое платье. Мне попросту не во что было одеться!

Скорее всего, Люсия забрала его, чтобы освежить. Ну не спрятал же мою одежду Арланд, чтобы я не сбежала! Хотя этот мог...

Минуты вяло текли, и я уже готова была вновь провалиться в сон, когда в дверь тихонько постучались.

— Вы уже проснулись, мадемуазель Элеонора? — в приоткрытую дверь просунулась голова Люсии. — Доброго утречка!

Я слабо улыбнулась в ответ. Возможно, оно и будет добрым, если в ближайший час мы с Ангэлером умудримся не разругаться.

— Вот, сменную одежду вам принесла, — радостно сообщила экономка, раскладывая на кровати сорочку и алое бархатное платье.

Трепетно разгладила складки вышитого золотом подола и, восхищенно вздохнув, сложила ладони в молитвенном жесте. Явно ждала мою реакцию. Выпутавшись из пухового одеяла, я приблизилась и с недоумением уставилась на приготовленное... нечто.

Во-первых, оно было ярко-красное с богатым золотым шитьем, что, мягко говоря, не совсем уместно для утра... дня и вечера, если в это время не происходит какое-нибудь торжество. Во-вторых, силуэт выглядел откровенно странным: узкий декольтированный лиф и завышенная линия талии, от которой ткань свободно спадала до самого пола.

Нет, утро определенно не будет добрым...

— Это что? Платье для беременных?! — Я подняла вопросительный взгляд на притихшую женщину. Глаза-вишни растерянно моргнули.

— П-просто крой такой, мадемуазель, — пробормотала сбитая с толку Люсия.

— Я вижу, что крой такой. Это лорд Ангэлер велел мне принести такое? Издевается надо мной, да?

— Ох, нет! Что вы! Да как же... Да он же...

— Пусть сам это носит, — припечатала безапелляционно. — Так и передайте!

Женщина испуганно сгребла неудобный наряд, словно опасалась, что я его

изорву в клочья. Признаться, желание таковое имелось. Да, платье нарядное и безумно красивое, но оно явно служило посланием, на которое я не могла не ответить.

— Впрочем, я сама ему всё выскажу! — Засунув босые ноги в туфли, собралась идти к Арланду в чем есть. Он еще пожалеет об этой выходке с платьем... Не успокоится ему никак...

— Хозяин тут не при чем! — бросилась мне наперерез Люсия. — Это я... Хотела ж как лучше! Покрасивше выбирала...

— Что выбирала? — переспросила рассеянно, мысленно уже вовсю ругаясь с некромонгом.

— Наряд для вас. Я как ваше платье повесила сушиться, так сразу пошла в гардеробную выбрать сменное. Там столько нарядов — глаза разбегаются! После стольких поколений леди Ангэлер понаоставалось... Вы не думайте, всё чистое и почти новое! Может, не самое модное... Зато какая красота, а?

Перед моим носом вновь расправили алый бархат в надежде, что я соблазнусь и передумаю.

— Эм... как-то для меня чересчур, — вздохнула я, не желая расстраивать простодушную женщину. Но и надевать это беременно-старинное безобра... творение не собираюсь. — А что-нибудь попроще там есть?

— Ну-у... Теперь уж не знаю, — протянула та обиженно. — Лучше вам на свой вкус выбирать. Сейчас вместе поднимемся в хранилище... — Люсия поправила кокетливо завязанную косынку и

протянула мне платье, явно не собираясь выпускать из комнаты в одной сорочке.

Мне стало стыдно за недавнюю вспышку. Наверное, в глазах прислужницы я выглядела капризной и взбалмошной. Чтобы хоть как-то реабилитироваться, пришлось послушно натянуть праздничное одеяние из прошлого века. К счастью, по пути в гардеробную нам никто не встретился. А там... Среди поистине впечатляющего многообразия я смогла отыскать простую темную юбку и не слишком старомодную блузу с пышными рукавами и, под укоризненным взглядом Люсии, радостно переделалась.

За завтраком меня ждало пренеприятное известие: Ангэлер вновь уехал из замка. Причем на этот раз один, и даже верный камердинер не знал, когда лорд изволит вернуться обратно. Похоже, некромонгу надоело со мной нянчиться. Вспомнилось, как накануне он сказал, что Мор-ле-Мец в моем полном распоряжении. Видимо, уже тогда знал, что уедет, но предпочел об этом умолчать. Даже не попрощался!

Переступив через свою гордость, я спросила у Г ришеца Г роули, не оставлял ли лорд для меня посланий или, быть может, велел передать что-то на словах. Ну хоть какие-то пояснения, касающиеся его скоропалительного отъезда! Получив отрицательный ответ, окончательно сникла. Несмотря на плотный завтрак внутри поселилась пустота.

Арланд в это время тоже, наверное, завтракает в особняке на Лустгартен, и, вполне вероятно, в приятной компании. А мне что делать в огромном пустом замке?

Я бы с удовольствием отправилась погулять по саду, который видела за окнами столовой, но зарядивший с ночи дождь и не думал заканчиваться, заперев меня в каменной клетке. Потому я не спешила покидать кухню. Люсия, кажется, не возражала против моей компании и охотно делилась историями из жизни замка и его обитателей. К моему немалому удивлению выяснилось, что у них с дворецким роман, грозящий перерасти в крепкое супружество. Оставалось только гадать, как угрюмый Г ришец Г роули смог покорить сердце улыбчивой экономки. Или просто признать, что противоположности притягиваются. Первый муж Люсии умер в расцвете лет, оставив вдову с малолетним сыном. Мальчик, который уже был старше меня на несколько лет, тоже работал в замке и... не слишком ладил с новым поклонником матери. Потому и предпочитал большую часть времени проводить на псарне и в охотничьей хижине в лесу, снабжая замок свежей дичью. Люсия сетовала, что сын того и гляди сбежит в город, прервав семейную традицию.

В какой-то момент мне пришла в голову шальная мысль: а не сбежать ли нам вместе и желательно прямо сейчас. Рассматривать эту возможность всерьез, конечно, не стала, понимая, как такой поворот событий расстроит Люсию.

Оставив женщину заниматься обедом, я отправилась гулять по замку. Заглянула в библиотеку, но, осознав всю бесплодность попыток погрузиться в чтение, пристыженно ее покинула. Мысли крутились вокруг вчерашнего разговора с Ангэлером, пугающих предположений и моего неясного будущего...

После нескольких часов бесцельного хождения по замку внутри начал зреть протест. Какими бы благими намерениями ни прикрывался Арланд, его поведение было возмутительным. Оставил меня здесь в заточении, а сам упорхнул в столицу. Не иначе как побоялся оставлять свою невесту надолго одну. Подумать только, они еще не произнесли брачных клятв, а он уже вводит ее в совет попечителей школы! Кстати, о школе... Интересно, как он объяснил мое внезапное исчезновение директору Хоулю? Или в Сен-Грейс никто и не догадывается, куда я пропала?..

Волнуется ли кто-то обо мне или никому нет дела?

Оказавшись в очередной раз в Изумрудной гостиной, я устало опустилась в бархатное кресло, судя по потертости обивки горячо любимое хозяином замка. И тут заметила кое-что интересное. На старинном комоде с изогнутыми ножками притаился — кристалл связи!

Удивительно, что я не заметила его раньше. И даже не подумала поискать, а ведь у Ангэлера не могло не быть средства связи с замком.

Усталость как рукой сняло. Я подскочила к комоду и легким касанием активировала кристалл.

Пусть я не могу самостоятельно выбраться из владений некромонга, но зато теперь могу дать знать, что нахожусь в беде. Ну, может не столько в беде, сколько в затруднительном положении... Как бы там ни было, а помощь мне не помешает!

Но с кем же связаться?

С директором Хоулем? Смысла не имело, поскольку он в подчинении у лорда- попечителя и не пойдет против его воли. А как связаться с Викторией или Катриной, понятия не имела.

Может, с теткой Беатой? Нет, не вариант! Она же собственноручно сдала меня некромонгу...

Тогда с отцом или советником? Хм, и что мне это даст? Очередную порцию наставлений, как разнюхать семейные тайны Ангэлоров?

Я грустно вздохнула, осознав, насколько бесполезен в моей ситуации кристалл связи. Нет никого, кто бескорыстно пришел бы мне на помощь. Не дождавшись ввода символов вызова, гладкая поверхность артефакта мигнула и погасла. Я подняла голову и встретила взглядом со своим отражением в висевшем над комодом круглом зеркале.

Все мои беды из-за него — из-за глупого сходства с Эвелиной! Арланд бы и внимания на меня не обратил, не будь я похожа на нее! И я не оказалась бы безнадежно влюбленной в мужчину, который никогда не будет моим! Отец не пытался бы использовать меня в своих целях, желая покончить с врагами...

Какая ирония судьбы! В детстве я мечтала вырасти похожей на маму... А теперь, когда моя идиотская мечта сбылась, ненавижу наше сходство всем сердцем!

Горькое отчаяние затопило сердце, плеснуло через край безысходностью, покатилося по щекам мутной водой.

Станный звук, похожий на хруст ломающегося льда, послышался в гостиной. Я заворуженно наблюдала, как сеть тонких трещинок побежала по зеркальной поверхности, изрезала мое отражение, разделила его на беспорядочные фрагменты. А в следующую секунду с громким хлопком они брызнули из рамы.

Время застыло липкой патокой... Сотни острых осколков устремились к моему лицу, грозясь навсегда изменить его через мгновение.

Ну вот и всё! Больше не буду похожа на Эвелину...

Вдох застрял в горле. Туда же, испуганно сжавшись, подпрыгнуло сердце. Предчувствие боли заставило малодушно зажмуриться.

Один из осколков легко кольнул щеку и — ничего более не произошло. Только дверь гостиной грохнула о стену так, что пол под ногами содрогнулся. Дернувшись всем телом, я повернулась и увидела перекошенное лицо Арланда. В этот момент комод под моими пальцами пришел в движение и стал медленно рассыпаться в труху. Шелк на стене на глазах выцвел и истончился, оголив местами серую штукатурку...

— Ох... — Потеряв опору, я обессиленно осела на пол.

Запоздало закрыла лицо руками. Лицо, которое должны были изуродовать острые осколки, невероятным образом осталось невредимо!

— Эла! — Арланд в два шага оказался рядом и, рухнув на колени, сгреб меня в охапку. — Ты цела? — Меня встряхнули с такой силой, что голова закружилась.

— Да, — пискнула сдавленно, сама не до конца этому веря.

— Слава Темнейшей, — с видимым облегчением выдохнул он. — Хватит с нас этой разрушительной магии!

Не ослабляя объятий, он достал из кармана плоскую коробочку. Одной рукой сорвал с нее крышку и вытряхнул прямо на пол серебряный браслет. Широкий, ажурный, с мутными кристаллами, закрепленными на пластинах черного серебра. Рядом с ним я с удивлением обнаружила и свою заколку для волос, которую не смогла отыскать утром. Тут же мое запястье стиснули мужские пальцы, после чего на нем защелкнулся браслет.

— Вот и всё. — Арланд рывком поднял нас с пола и пересел в стоявшее рядом кресло, удобно устроив меня на коленях.

— Это... это брокиратор? — Я с замиранием сердца рассматривала причудливое украшение, не пытаясь слезть с Ангэлера.

— Да, — он довольно улыбнулся. — Извини, не слишком изящный, но брали за основу, что было. Потом закажем какой-нибудь попроще.

— Ты ездил за ним в Мальбург?

— Нет, в Крисберг. В этом городишке работает знакомый артефактор. Я всё утро стоял у него над душой, пока он не закончил. Кстати, я должен извиниться, что без спросу взял твою заколку. Для

перенастройки магического фона кристаллов нужно было предъявить что-то из твоих личных вещей.

— Спасибо! — Я покрутила запястьем, привыкая к новым ощущениям, и опустила ладонь на мужское плечо. Пережитый испуг и последовавшая за ним радость сделали меня очень смелой, даже безрассудной. Я наклонилась вперед и сама поцеловала Арланда прямо в губы. В знак благодарности.

Благодарность моя нашла в его душе такой живой отклик, что мы с трудом оторвались друг от друга неведомо сколько времени спустя. Откровенное желание, читавшееся в его взгляде, пугало и завораживало. Если долго смотреть в этот синий омут, можно надеть глупостей. Еще больше, чем я успела уже...

— Разбить зеркало — к беде... — Виновато опустила голову, прячась от пристального взгляда.

— Беда не заставила себя ждать. Я едва успел ее предотвратить, — серьезно и без бахвальства заметил Некромонг. — Но теперь всё будет хорошо. — Теплые губы коснулись моего запястья над браслетом-блокиратором.

— Жаль, что так вышло с комодом, — я кивнула в сторону горки трухлявых деревяшек. — Ой, а на нем же кристалл связи стоял! Он тоже уничтожился?

— По всей видимости. — Мужские плечи под моими ладонями на миг приподнялись и опали. — В любой лавке артефактора можно купить новый.

— И стена пострадала...

— Здесь давно напрашивался ремонт, — промычал Арланд, уткнувшись носом в мою шею, которая интересовала его больше, чем испорченный интерьер замка.

В коридоре слышались нарочито громкие шаги, и через мгновение в гостиную заглянул Гроули, чтобы позвать нас на обед.

Остаток дня прошел, на удивление, мирно. Какое-то время мы сидели с Арландом в кабинете, общаясь на безопасные темы и старательно избегая тех, что неминуемо привели бы к ссоре. Потом к нему нагрянул управляющий с реестрами и счетами, и я поспешила ретироваться, оставив мужчин наедине. Пока искала Люсию, наткнулась на комнату, похожую на учебный класс, в которой обнаружился мольберт и краски. Какое-то время развлекала себя, рисуя подернутый пеленой дождя пейзаж. Наверное, из-за близости к предгорьям непогода в Мор-ле-Мец была частой гостьей.

Я то и дело поглядывала на браслет, тихо позвякивавший на запястье. Впервые за долгое время почувствовала себя умиротворенной и спокойной. Шум дождя, прежде навевавший смертельную тоску, теперь, казалось, доверительно шептался со мной о чем-то, отчего на душе становилось тепло и безмятежно. И совершенно не хотелось разбираться, был ли тому причиной работающий блокиратор или тот факт, что Арланд находился в замке, и я точно знала, чем он занимался.

После ужина, за которым мне всё же посчастливилось угоститься местным вином, оказавшимся жуткой кислятиной, — Арланд напрасно волновался: злоупотребить им у меня при всем желании не получилось бы! — мы с Ангэлером чинно распрощались и разошлись в противоположные стороны.

В комнате, переодевшись в свежую ночную сорочку, я юркнула под одеяло в надежде спастись от промозглости и сырости, ставших незваными гостями в моей нетопленной спальне.

Никогда не думала, что в начале лета может быть так холодно!

Покрутившись в прохладной постели, поняла, что, если не разжечь камин, комната к утру еще сильнее выстудится, и я окончательно замерзну. Как бы ни было неловко, но стоило разыскать кого-то из слуг и попросить развести огонь. Накинув длинный бархатный халат, который, возможно, помнил еще времена королевы Аурелии, я отправилась на поиски Люсии.

В полутемных коридорах замка было не сильно теплее, чем в гостевых покоях; по полу ощутимо тянуло холодом от многочисленных сквозняков. Я с грустью вспомнила об оставшихся в дортуаре шерстяных носочках, которые связала для меня Катрина.

Эх, как бы они сейчас были кстати! Или, отбросив стеснение, попросить носки у Люсии? У меня завтра в чулках ноги заоченеют...

В мечтах о тепле я свернула за угол каменного коридора и... нос к носу столкнулась с Ангэлером.

— Эла? — Некромонг удивленно вскинул бровь, придерживая меня за предплечья.

Поверх пижамного костюма на плечи лорда был накинут теплый мужской

кардиган. Кажется, я была в секунде от того, чтобы прямо в коридоре стянуть его, и отнюдь не в приступе страсти.

— А чего руки такие ледяные? — Случайно коснувшись моих озябших пальцев, он обеспокоенно заглянул мне в лицо.

Это он еще моих синих ног не видел, удачно спрятанных за длинными полами халата!

— В комнате очень х-холодно... Вот, искала кого-нибудь... камин разжечь, — сбивчиво объяснила я, под конец весьма красноречиво клацнув зубами.

— Идем!

Он развернулся и потянул меня за собой, размашисто шагая в сторону, откуда только что пришел. Прежде чем я успела что-либо сообразить, Арланд уверенно толкнул темную дверь в конце коридора, и нас окутало теплом. Я не смогла сдержать блаженный стон, шагнув поближе к плясавшему за кованой решеткой огню.

— Побудь пока здесь, — придвинул мне кресло Ангэлера. — Я распоряжусь, чтобы твою комнату как следует протопили.

Дверь за ним тихо закрылась, и я осталась одна в сумраке мужской спальни. Скинув туфли, с удовольствием погрузила ноги в густой теплый мех лежавшей на полу шкуры и огляделась. Покои Ангэлера хранили отпечаток характера своего владельца: неровный свет танцующего в камине пламени обрисовывал очертания массивных мрачных шкафов, строгого бюро с покатою крышкой и широкой кровати с таинственно приспущенным пологом.

Полностью согревшись, я не смогла перебороть свое любопытство и перебралась на кровать. Скользнула ладонями по гладким простыням, желая узнать, хранят ли они еще тепло мужского тела, покинувшего постель в неурочный час.

Кстати, а куда Ангэлер шел, когда мы встретились?

Щеки вспыхнули жаром, стоило представить, что он направлялся ко мне. И что бы я сделала? Пустила похотливого лорда или притворилась спящей? Последнее мне вряд ли удалось бы: стук зубов выдал бы меня с потрохами. Я откинулась на пуховые подушки и прикусила костяшку указательного пальца, стараясь заглушить хихиканье. Легко смеяться над своими злоключениями, когда они миновали, а ты сама находишься в тепле и комфорте!

Эти самые тепло и комфорт сыграли со мной злую шутку: окончательно разомлев, я невольно задремала в ожидании возвращения Арланда.

Невесомый поцелуй стал продолжением сна. Нежные прикосновения к подбородку и скулам напоминали взмахи крыльев бабочки. Я сонно улыбнулась и приоткрыла глаза. У моей бабочки оказались бездонные темно-синие очи и мужественное лицо. Первая мысль была отшатнуться самой или оттолкнуть от себя некромонга, но тело оставалось предательски неподвижным. Только сердце в груди билось пойманной птицей, и знакомый жар поднимался от живота всё выше и выше...

Арланд молчал. В мягком сумраке его глаза мерцали голодным блеском, учащенное дыхание щекоотало кожу. Он медлил. Словно оставлял за мной право решить, что будет дальше... Или просто дразнил, искушая волнующей близостью.

Я рефлекторно облизнула пересохшие губы, и... иллюзия выбора разлетелась на мелкие осколки. Лорд стремительно подался вперед, вжал меня в простыни и, обхватив одной рукой затылок, впился безудержным поцелуем в мой рот. Неотвратно и настойчиво, выпивая мое дыхание, лаская на грани грубости...

Я чувствовала себя на необитаемом острове в бушующем море с именем Арланд.

И мой остров медленно уходил под воду... Я тонула в этом мужчине и, задыхаясь понимала, то помощи ждать неоткуда.

Никто тут не поможет! И я сама себе не помощница.

Я пыталась его ненавидеть... Болезненной сладкой ненавистью... И куда это меня привело? Смешно сказать, но и путь любви, и путь ненависти одинаково закончились в его спальне. А всё почему? Потому что позволила ему подойти слишком близко, проникнуть в мои мечты, дотронуться до сердца. И теперь он держит его в ладони и в любой момент сожмет, раздавит, а потом, брезгливо

стряхнув липкую субстанцию, пойдет дальше...

И что тогда останется от меня?..

Мне бы вернуть доспехи, что помогали выживать в вечной мерзлоте Тотенбур- Холла! Снова заковать сердце в надежную броню... Вот только поздно спохватилась.

— Зачем? — Я рвано вдохнула после жаркого поцелуя. — Зачем ты со мной играешь?

— Эла, то, что между нами, никогда не было игрой.

— Потому что было мстью? Ты мстил Эвелине, не отрицай! Я могу это понять...

Ты всегда видел во мне ее...

— Глупости! — Он прихватил мою нижнюю губу, увлекая в очередной головокружительный поцелуй.

Но я не позволила себя отвлечь. Мне нужны ответы. Я смертельно устала от недосказанности и хочу знать, что у него на уме.

— Эла... — Не почувствовав привычного отклика, Арланд отстранился и, удерживая себя на локтях, внимательно посмотрел мне в глаза. — Возможно, поначалу я и считал тебя копией леди Дюбар, но чем ближе узнавал, тем отчетливее понимал, что кроме фамилии у вас с ней нет ничего общего... Ты по-другому говоришь, двигаешься, думаешь...

— Но моя внешность...

— Как и у многих детей имеет общие черты с кем-то из родителей. Но у тебя темнее волосы и улыбка совершенно иная. Ты хотела знать, вижу ли я в тебе Эвелину? Отвечаю: нет, не вижу, и я уже давно без ума от Элеоноры Дюбар!

Ласки Арланда и впрямь стали чуточку безумными, не оставляя сомнений в искренности его слов.

Но это ли я хотела услышать?

Полы халата предательски разъехались, обнажив тонкий батист ночной сорочки, ярко белевший в полумраке спальни. Лорд ухватил зубами кончик тесьмы, что стягивала лиф, и медленно потянул, развязывая.

Его ответ еще звенел в ночной тишине, а на моих губах уже горел следующий вопрос.

Какую роль он отводит мне в своей жизни — любовницы?

Самое ужасное заключалось в том, что еще немного — и я буду готова эту роль принять. Чтобы быть рядом, целовать эти жестокие губы, гореть в его объятиях. А потом, проводив к законной супруге, презирать себя за слабость и бесхарактерность...

А если я и вправду жду ребенка? Что будет с ним, со мной? Может ли Арланд нас безжалостно разлучить? Или мне будет отведена роль гувернантки при собственном малыше?..

Сладость поцелуев сменилась вкусом горечи.

— Ты ведь никогда не будешь принадлежать мне полностью?

— В Лидегории запрещено рабство, но если ты настаиваешь, — мужские губы неспешно прокладывали дорожку из поцелуев от ключиц к подбородку, — скажи, где подписать — и я весь твой...

— Ты опять надо мной смеешься!

— Отнюдь.

Я сердито фыркнула и попыталась встать. Мне ожидаемо не дали это сделать, лишь сильнее вдавив бедрами в перину.

— Эла... — низко, рокошуще произнес Арланд, послав стаю щекотных мурашек по моей коже. — Каким бы ни было прошлое, нам не под силу его изменить. Но у нас есть будущее, и в нем я обещаю сделать тебя...

— Комната для мадемуазель готова! — одновременно со стуком в дверь послышался

жизнерадостный голос Люсии. — Так натопили — аж камни теплые...

Утром мы с Арландом впервые вместе завтракали в залитой солнечным светом столовой. Хмурые дождевые тучи, наконец, переползли через горную гряду, явив чистую лазурь июньского неба. Изумрудная зелень за окнами сверкала бриллиантами невысохших капель и манила свежими ароматами, какие бывают в саду лишь после дождя.

Не выдержав моего жалобного взгляда, Ангэлер отложил все дела и повел меня на прогулку. Мы неторопливо бродили по мощеным садовым дорожкам с прожилками мха меж камней, беседовали о местных растениях и запутанной истории замка. Потом долго целовались под раскидистой вистерией, крупные соцветия которой окружали нас лиловым водопадом, пока холодные капли с листвы не нападали нам за шиворот, заставив дружно хохотать и спастись бегством.

Никогда прежде я не была так счастлива!

Мы обошли замок с северной стороны, полюбовались на развалины старой башни и вышли на аллею, что тянулась вдоль подъездной дороги. Арланд сорвал алую розу с пышных кустов, посаженных почти у самых ворот замка, и протянул мне.

— Очень красивая, спасибо...

— Она и вполтину не так красива, как ты. — Он улыбнулся, тепло и искренне, явно желая что-то добавить, но звук подъезжающего экипажа его отвлек.

Арланд резко развернулся и нахмурился.

— Эла, подожди, пожалуйста, здесь. Пойду узнаю, кто к нам пожаловал...

Оставив меня на скамье среди кустов роз, Ангэлер решительно зашагал в

сторону остановившегося экипажа. Возница резво спрыгнул и, стряхнув дорожную пыль с накидки, отворил дверцу, выпуская пассажира.

Точнее — пассажирку!

Из темного нутра кареты, опираясь на галантно поданную Арландом руку, вышла рыжеволосая красотка.

На меня словно замковая стена рухнула, не давая сделать глубокий вдох. Я нервно кусала губы и во все глаза смотрела, как она что-то торопливо объясняла некромонгу, округляя красивый ротик, а потом достала из ридикюля сложенный газетный листок и протянула ему.

С минуту он пристально изучал газету, а потом поднял голову и посмотрел прямо на меня.

Господи, каким праведным гневом пылал его взгляд! Казалось, он испепелит меня на месте...

Но за что?!

Отвернувшись, Ангэлер подхватил рыжую под локоть и повел в замок, не удостоив меня больше ни единым взглядом. Я застыла на ставшей внезапно очень холодной каменной скамье, неверяще глядя им вслед. Ладонь обожгло болью. Я так сильно сжала подаренный цветок, что его шипы впились в руку, ранив до крови.

Но до Арланда розе было далеко...

Глава 22. В паутине противоречий

Тяжелые гардины в кабинете лорда Ангэлера были плотно задернуты, превращая солнечный день в угрюмые сумерки. Под стать настроению сидевшего в кресле мужчины. На рабочем столе перед ним лежал газетный лист из вчерашнего выпуска «Трибуны» со статьей, которую он прочитал уже не менее десяти раз.

Арланд в очередной раз подавил желание развеять прахом проклятую газетенку. Это было бы слишком по-детски. И главное — ничего не меняло. Это всего лишь один единственный экземпляр; чтобы что-то изменить, следовало развеять прахом всю редакцию газеты, но даже это уже не имело смысла: новость разлетелась по городу. Теперь всё, что ему оставалось — постараться смягчить последствия скандальной публикации.

Некромонг устало потер переносицу.

Судя по испуганным глазам Каролины, скандал не заставил себя долго ждать. В противном случае она не тряслась бы несколько часов в экипаже, чтобы добраться до его замка и привезти дурную новость. Как же не вовремя он уничтожил кристалл связи! Если бы супруга Аронса не приехала, разобраться с ситуацией было бы чуточку проще...

Сейчас он отправил Каролину отдохнуть с дороги и освежиться, но очень скоро она вернется и им предстоит долгий разговор. И хорошо бы к этому времени взять себя в руки и перестать внутренне кипеть.

— Маленькая лгунья! — не выдержав, рыкнул Арланд в тишину кабинета.

Мельчайшие пылинки испуганно заметались в узком пучке света, воровато протиснувшимся меж плотных штор.

Она даже не представляет, чего ему стоило сдержаться и не вытрясти из нее душу прямо у ворот замка. Останавливало понимание, что в таком состоянии к Элеоноре лучше вообще не приближаться. А еще — присутствие Каролины. Делать ее свидетельницей их разборок с Элой было совершенно лишним.

Да и в принципе со знакомством двух дам пока стоило повременить. Зная историю Аронса, изначально было мало шансов, что его супруга отнеслась бы благосклонно к кому-то с фамилией Дюбар, а уж теперь и подавно. После того, что сделала Эла, рассчитывать на дружбу с Каролиной не приходилось.

И это еще больше всё осложняло!

Теперь Арланду предстояло разгрести кучу дерьма, что вскоре щедро выльется на его голову, и при этом умудриться скрыть причастность юной Дюбар к этим малоприятным событиям.

Ну что ей мешало сказать правду?!

«Отец ничего не знает...» — Ну-ну!

Призналась бы, покаялась... По сути, проступок-то пустяковый, а вот последствия может иметь довольно серьезные. Если бы Эла предупредила, он бы знал откуда ждать удар. А так... опять ощущал себя беспомощным идиотом.

Вот уж поистине, женщины Дюбар, похоже, рождаются с каким-то удивительным талантом обрушивать на головы мужчин прорву неприятностей!

Вспомнился то ли растерянный, то ли испуганный взгляд Элы, когда он поднял голову от газеты и посмотрел на нее. Поняла ли она тогда что случилось? Пожалела, что разболтала об убийстве в школе своему вероломному папеньке? Но в таком случае получалось, что Дюбар и Сюффрен не были причастны к тем событиям... Будь они в курсе, стали бы ждать два месяца прежде чем передать информацию газетчикам? Да эти интриганы, наверняка, попытались бы закопать Ангэлера по горячим следам...

Неужели они с Дэлавером ошиблись в своих предположениях?

Однако могло ведь быть и наоборот: Сюффрен с приспешниками обо всем знал с самого начала, поскольку сам и организовал убийство, и попросту хладнокровно дожидался удобного момента, чтобы поднять шумиху. Но почему решил раскрыть карты именно сейчас? С подачи Дюбара отомстил за то, что Арланд забрал Элу?

«Загадочное убийство в Сен-Грейс», — горел перед глазами заголовок статьи, в которой довольно подробно рассказывалось о случившемся во время Весеннего бала.

К счастью, не упоминалось о кровавых ритуалах и попытке проникнуть в подземелье. Но, как знать, эти пикантные подробности могли приберечь на потом... Еще в конце статьи была приписка, что информация до этого не раскрывалась в интересах следствия, и звучало это так, словно убийца уже был найден. Это безумно нервировало! Как и то, что газетчикам хватит пары дней, чтобы выяснить — никакого следствия и в помине не было... И вот тогда эти акулы пера начнут рвать школу и репутацию Ангэлеров на части.

Если бы Арланд точно знал, кто слил информацию! Тех, кто был в курсе ситуации, можно по пальцам одной руки пересчитать, и в каждом он был уверен.

Не считая лорда-попечителя, Марк Хоуль менее всех был заинтересован в том, чтобы об убийстве стало известно, ведь именно ему, как директору школы, теперь придется разбираться с потоком гневных писем от родителей воспитанниц и нападками репортеров, которые неминуемо будут крутиться у школы. Только безумец добровольно подписался бы на такое.

Рэйвен, положивший столько сил на то, чтобы скрыть преступление и расследовать его тайно, не стал бы перечеркивать свои труды. Да, в арсенале Дэлавера были весьма провокационные методы, но вредить семье друга он не стал бы

никогда.

Оставался еще неизвестный убийца... И Эла.

Проклятье! Почему он так и не спросил, от кого она узнала про убийство? Это бы многое расставило по местам. Или малышка Дюбар опять попыталась бы отмолчаться, опустив красивые глазки в пол?..

Арланд потер грудь, где в области сердца неприятно ныло. Хотелось пойти и прямо сейчас разыскать Элу, чтобы обстоятельно поговорить. Легкий стук в дверь заставил в надежде вскинуть голову — неужели сама пришла?

— Войдите!

— Милорд, — сквозь приоткрытую дверь в кабинет просочился Гришец Гроули, и некромонг не сдержал вздох разочарования, — я лишь хотел уточнить, где и на сколько персон накрывать обед?

Арланд в задумчивости провел ладонью по затылку.

— Нам с Каролиной накрой в комнате отдыха, — распорядился он, решив, что ходить дальше соседнего помещения они не станут. — А мадемуазель Элеонора пусть сама скажет, где ей удобнее. И поручи, пожалуйста, Люсии проследить, чтобы Эла хорошо пообедала. Она случайно не спрашивала обо мне?

— Люсия?

— Эла!

— Нет, милорд. Мадемуазель поднялась в свои покои и более не выходила. Смею заметить, что юная госпожа выглядела расстроенной.

Арланд тихо чертыхнулся себе под нос. Да, бросить Элу у ворот замка было по-скотски... И даже то, что он был дьявольски зол, не служило оправданием...

— Развлеките ее, — выдал новое распоряжение Ангэлер и добавил, словно оправдываясь: — Я буду занят до вечера...

— Милорд? — скуластое лицо Гришеца удивленно вытянулось.

— Ну, поведите по замку, покажите что-нибудь. Например, нашу коллекцию...

— Бренди?

— Картин! — рыкнул Арланд, заподозрив, что Г роули просто потешался над ним.

— Как прикажете, милорд. — Дверь за управляющим тихо закрылась.

Ангэлер хмыкнул, ни секунды не сомневаясь, что Г ришец скинет обязанность

развлекать гостью на Люсию. А та будет только рада. Оставалось надеяться, что до вечера Эла не успеет еще больше рассердиться и обидеться. Самому Арланду в ближайшие часы предстояло успокаивать Каролину и вместе с ней придумывать план спасения ситуации.

А ведь как хорошо начинался день... С самого утра некромонг украдкой наблюдал за Элеонорой, чутко прислушивался к ее состоянию, желая убедиться в том, что блокиратор работает. Не то, чтобы он сомневался в мастерстве Маттео, но всё же задачу артефактор решал непривычную, а потому лучше было перебдеть, чем недобдеть... Особенно после истории с зеркалом, из-за которой некромонг, наверное, изрядно бы поседел, если бы старел как обычные люди.

К счастью, состояние девушки подсказывало, что у них всё получилось: Эла выглядела довольной и умиротворенной. Ради этого определенно стоило смотаться в Крисберг. Уезжая утром, Арланд не был уверен в правильности такого решения.

Затея с женским браслетом казалась сомнительной; Маттео, с которым Ангэлэр заранее связался по кристаллу, никаких гарантий не давал. Еще и поначалу затребовал саму Элу. Любопытный проныра! На что ему и пришлось указать, после чего они сошлись на личной вещице девушки.

Красться, подобно воришке, в гостевую спальню собственного замка Арланду прежде не доводилось. Но такое деликатное дело никому не хотелось перепоручать. Да и, к чему лукавить, попросту хотелось увидеть малышку Дюбар перед отъездом.

Надежды застать девушку неспящей почти не было. Всё же магические срывы и переживания последних дней ее изрядно вымотали. Эла ожидаемо спала, по-детски сложив ладони под щекой. Сущий ангел. Вот только при взгляде на этого ангела мысли в голове рождались отнюдь не благочестивые. Арланд невольно залюбовался на нежный девичий профиль с мелко подрагивавшими ресницами и даже с минуту колебался, не поцеловать ли эту спящую красавицу. Правда, их поцелуи никогда не отличались целомудренностью, так что он не был уверен, что не увлечется в этот раз и не разбудит Элу. Пугать нетривиальным пробуждением эмоционально неустойчивую девочку было чревато... Словно почувствовав его присутствие, Эла тихо вздохнула во сне и повернулась на спину. Одеяло при этом сползло, обнажив сочную грудь под тонким, полупрозрачным батистом, положив тем самым конец метаниям Арланда. Схватив девичье платье, он поспешил прочь. Отыскав в кармане заколку, оставил наряд Люсии, не отважившись на повторный визит.

Собственные мазохистские наклонности начинали пугать...

Впрочем, мечты о поцелуях сбылись весьма скоро. А вечером стали бы реальностью и куда более дерзкие мечтания, если бы Люсия не нагрянула в спальню так не вовремя. Когда экономка увела Элу, Арланд — сна-то ни в одном глазу! — долго думал об их запутанных отношениях и твердо решил внести в них ясность.

Ангэлэр вынырнул из воспоминаний и с удивлением уставился на небольшое колечко, которое в задумчивости скрутил из канцелярской скрепки. Невесело хмыкнув, разрушил его, отрешенно стряхнув с пальцев металлическую пыль.

Нда, из-за приезда Каролины о романтическом ужине можно забыть. После долгих бесед на неприятные темы настрой явно будет не тот.

Что ж, этим вечером ему не суждено узнать, чего от их отношений хочет Элеонора. Не исключено, что, как и ее мать, малышка мечтает о долгой молодости. И ребенка готова родить только ради этого. Или нет? Арланд был по-прежнему озадачен реакцией Элы на новость о предполагаемой беременности.

Где радость, где триумф? Или то была лишь искусная игра?.. Темнейшая, да он готов ей дать всё, чего ни пожелает! Хочет молодость — она ее получит. Только если...

Тут лорд замер, пораженный внезапным откровением: не будет никаких если. Он просто хочет дать любимой то, чего она так жаждет. Бескорыстно. Только бы они перестали цапаться. Нежные губы Элы хочется целовать, долго и с упоением, а не слушать срывающиеся с них злые слова.

Хотя, если быть предельно честным, не таким уж бескорыстным выглядел этот жест. Если Элеонора ждет ребенка, то отныне они связаны навсегда. Некромонг не отпустит от себя дитя, а Эла не похожа на женщину, способную бросить ребенка. Значит, она будет рядом.

Глупость несусветная! Почему приходится изобретать способы заставить любимую женщину остаться с ним?! В чем причина ее упрямства? С какой бы стороны Арланд ни заходил, предлагая Эле быть вместе, он всё время наталкивался на отказ.

И как ни силился понять, что за этим стояло, в отсутствии объективных причин оставался лишь один вариант, принимать который он не желал — Элеонора его не любит и не хочет провести с ним жизнь...

Лучше уж пусть обижается! Рано или поздно обида пройдет, и тогда она снова будет смотреть на него с теплотой и восхищением, без тени недоверия во взгляде, как это было весной. До

злополучного письма. Да, Арланд признавал за малышкой право на обиду. Он скрыл от нее существенную часть нелицеприятной правды о своем прошлом, но тогда это казалось верным решением. Их отношения должны были начаться с чистого листа: он уже не был тем Арландом двенадцатилетней давности, и она вовсе не Эвелина... Зачем тащить в новые отношения груз прошлых ошибок?

Зачем рассказывать девочке о том, что неминуемо вызвало бы в ней сомнения в искренности его чувств? Так в итоге и получилось... Стараниями этого осла Дюбара, неожиданно вспомнившего, что у него есть дочь!

Раздавить бы слизняка, только теперь нельзя. Какой бы скверный отец он ни был, другого у Элы нет. И травлю папеньки она ему точно не простит.

Это ж надо было загнать себя в такую ситуацию! Знаешь, кто напакостничал и выдал закрытую информацию, а наказать не можешь — это женщина, которую ты хочешь в своей постели и своей жизни. Прекрасно понимаешь, кто стоит за ее спиной и дирижирует этим оркестром, а покуситься никак — это родня женщины, которую ты хочешь в своей постели и своей жизни. Сюжет, достойный водевиля. Ангэлера бы посмеялся, да только ситуация повернулась таким местом, что резко стало не до смеха.

В дверь снова тихонько поскреблись. Каролина, немного робея, вошла в кабинет. Арланд убрал в ящик стола злополучную газетенку, чтобы не нервировала лишний раз, и приглашающе махнул в сторону глубокого кресла.

Делу время...

Разговор затянулся до самого вечера. После всего, что рассказала Каролина о настроениях в совете попечителей школы, на душе стало мутно. Среди родовитых семейств воспитанниц также ожидаемо поднялся галдеж и возмущения. Спокойнее остальных реагировали семьи некромонгов, вроде Мортимеров, решивших не сотрясать попусту воздух и дожидаться официальных разъяснений от Ангэлера. Но их реакция волновала лорда-попечителя меньше всего. Важнее было узнать, как в связи с разоблачением изменились настроения при дворе, а об этом супруга Аронса поведать не могла.

Вместо полноценного ужина Гроули принес им кофе и закуски прямо в кабинет.

К концу беседы Каролина немного воспряла духом, да и Арланд выдохнул чуть свободнее, определившись с планом ближайших действий. Пожелав друг другу спокойной ночи, они расстались, и некромонг отправился на поиски другой леди, с которой предстоял не менее занимательный разговор.

С Элеонорой они столкнулись почти в том же месте, где и прошлым вечером. Только одежды на ней в этот раз было больше. Жаль. С минуту они молча смотрели друг на друга... Арланд бы с удовольствием отложил допрос с пристрастием, ограничившись поцелуем на ночь, но утром ему предстояло уехать, и было бы крайне опрометчиво так и не поговорить до отъезда.

— Мне вывернуть карманы? — первой не выдержала Эла.

— Зачем? — удивился Ангэлера.

— Смотришь так, словно я украла твое столовое серебро!

Маленькая язва... Вот уж верно говорят: лучшая защита — нападение.

— Вовсе нет. Просто удивлен, что ты гуляешь тут одна. Я давал распоряжение, чтобы о тебе позаботились.

— Я не зверушка, заботу о которой можно поручить прислуге, — обиженно буркнула Эла.

Не удержавшись, Арланд закатил глаза. Женщины! Как же с ними сложно... Это ж сколько нервных клеток он себе сэкономил, не заводя серьезных отношений все эти годы... Но, похоже, малышка Дюбар эту несправедливость быстро исправит.

— Я лишь хотел, чтобы ты не скучала, пока я занят, — спокойно пояснил он.

Эла возмущенно фыркнула.

— И чем ты был занят? Или вернее спросить — кем?

— Сразу всем, — парировал в ответ, отметив, как сердито сузились янтарные глаза. Вообще-то, если у кого-то здесь и был повод сердиться, так это у него. — По-прежнему ничего не хочешь мне рассказать, Эла?

— О чем?

— Например, об этом. — Решив не ходить вокруг да около, Арланд протянул девушке газетный листок, захваченный из кабинета.

Эла безошибочно определила нужную статью и погрузилась в чтение.

Удивленный взгляд, нервное покусывание губок — всё выглядело так отчаянно невинно...

— О! Так это была официантка?! Вы нашли убийцу? Я могу вернуться в школу? — Вопросы посыпались, как из рога изобилия.

— Нет, Эла, никого мы не нашли. Расследование еще не завершено.

— Но тут сказано...

— Скорее мне следует спросить у тебя, откуда этот вздор. Как я понимаю, записано с твоих слов.

— Что?! Ушам своим не верю! — От возмущения Элеонора едва не выронила газету. Некромонг подхватил ее, сложил и убрал в карман. — Ты это серьезно?!

— Эла, просто ответь мне честно, что именно ты рассказала отцу. Я несколько часов подряд обсуждал эту ситуацию с Каролиной и зверски устал. Нет ни малейшего желания повторять этот разговор снова.

— Я ничего не рассказывала отцу! — Малышка Дюбар воинственно сжала кулачки.

Арланд утомленно покачал головой.

— Я уже говорил тебе, что не верю в совпадения. Ты узнаешь об убийстве, потом отправляешься в гости к опекунам, где пребывает твой отец. И после вашей милой семейной встречи в «Трибуне» появляется скандальная статья. Через день после твоего визита в дом советника. Что прикажешь об этом думать?

— Ничего. Я не приказываю, а просто прошу поверить, что не имею к этому никакого отношения. — Эла отошла к узкому оконцу, за которым сумерки медленно сгущались, превращаясь в тихую летнюю ночь. — Видимо, я прошу слишком о многом...

Ангэлер шагнул следом и остановился позади девушки так близко, что их тела почти соприкасались. Поддавшись порыву, обнял ее за плечи. Эла чуть качнулась, словно хотела стряхнуть его руку, но жест вышел не особо убедительным.

— В замке Каролина. Тебя это не смущает?

— Нет. А должно?

— Ты... невероятный, — цокнула неодобрительно, — и это не комплимент.

— До тебя мне далеко, и это комплимент, — Арланд ухмыльнулся отражению темных глаз в зеркале окна. — От кого ты узнала про убийство?

Худенькие плечи под его ладонями на миг напряглись.

— От директора Хоуля, — нехотя призналась Эла и опустила взгляд.

Брови лорда поползли вверх. Такого ответа он не ожидал. Элеонора не могла видеть его лица, но, должно быть, почувствовала его недоумение и поспешила пояснить:

— Я случайно подслушала их разговор с мадам Луизой. Они обсуждали происшествие на балу...

Ангэлер сделал мысленную пометку обговорить этот момент с Марком. Перед кем еще директор успел пооткровенничать?..

— Почему сразу не созналась? Заставила меня гадать...

— Было стыдно.

— А сейчас уже нет? — хмыкнул он, не впечатлившись девичьими доводами.

— А сейчас ты обвиняешь меня в еще более постыдных вещах! — Она резко развернулась, высвободилась из объятий и обиженно поджала губы.

— Эла, неужели мне всё время надо тебя в чем-то обвинять, чтобы добиться правды?

— Попробуй этого не делать для разнообразия...

— Мы зашли в тупик, — тяжело вздохнул Ангэлера.

— Мы из него и не выходили...

Арланд лишь покачал головой. Сил спорить уже не осталось.

— Допустим, я поверю, что ты не поделилась с родней теми ошеломительными сведениями, которые случайно подслушала. Быть может, ты рассказала кому-то в школе? Воспитанницы любят посплетничать...

— Господи, да не о чем было сплетничать! Я только что из газеты узнала, кого убили. Тебе некого обвинить кроме меня?!

Некромонг был вынужден признать, что и впрямь некого... Было бы дикостью предположить, что убийца собственноручно передал в газету сведения о своем злодеянии. Хотя... Надо бы надавить на редакцию и заставить раскрыть информатора.

— Девочка моя, я совершенно не получаю удовольствия, обвиняя тебя. Будь моя воля, я бы предпочел тебя вовсе не впутывать в это дело. Но о происшествии на балу знали объективно очень немногие...

— Может, это твоя Каролина проболталась? — не скрывая ехидства, предположила Эла. — Женская месть и всё такое...

— Говоришь ерунду! Какая еще месть? Каролина ничего не знала про убийство до вчерашнего дня.

— Ну, конечно, ее ты защищаешь!

— А как иначе? — озадаченно моргнул некромонг. — Каролина никогда бы не навредила семье.

— А я, значит, вражье отродье, только и мечтаю это сделать, да?! Так ты обо мне думаешь? — судорожно втянув воздух, Элеонора отвернулась.

Арланд удивленно смотрел на малышку Дюбар, которая, кажется, готова была вот-вот разрыдаться. Или она бесподобная актриса или... он чего-то не понимает. Что за нелепая истерика из-за Каролины? В других обстоятельствах он бы сказал, что это сильно похоже на ревность, но это ж какую буйную фантазию надо иметь, чтобы ревновать к жене брата?..

— Эла... — позвал ласково, но девушка не шелохнулась.

— Мне уже можно идти собираться? — холодно поинтересовалась, так и не обернувшись.

— Куда?

— В Мальбург. Вполне логично отослать меня прочь из замка... как подлую предательницу!

— Не драматизируй, Эла. Ты никуда не уедешь отсюда. А в Мальбург придется отправиться мне. Сама понимаешь, ситуация требует моего присутствия... Просто дождись меня, хорошо?

— Как будто у меня есть варианты. Когда ты уезжаешь?

— Утром. Как Каролина проснется, сразу поедем. — Арланд поморщился от предстоящих перспектив.

Когда Элеонора, наконец, обернулась — с плотно сжатыми губами и влажно блестящими глазами — и посмотрела ему в лицо, некромонг пасмурнел. По всему было видно, что в этой красивой головке бродили какие-то невеселые мысли, способные привести к пугающим умозаключениям. Он бы многое отдал, чтобы узнать, о чем она в тот момент думала.

— Эла... Хочешь мне что-то сказать? — Лорд склонился ближе к девичьему лицу, замороженно глядя на чуть приоткрывшиеся губы.

— Счастливого пути, — выдохнула она и, подхватив юбки, поспешила обратно в сторону гостевого крыла.

Проклятье! Не на такое прощание Арланд рассчитывал. В планах было поговорить, утрясти все недоразумения и расстаться на позитивной ноте, чтобы в городе, в круговерти утомительных встреч и неприятных разговоров, душу грело осознание, что в Мор-ле-Мец его ждет Эла...

С глухим стоном Ангэлера потер виски. Этот день побивал все рекорды паршивости. Подойдя к окну,

рывком, не церемонясь распахнул старую раму. Хорошо бы подышать воздухом, пока летишь камнем вниз. Правда, для освежающего полета высота маловата...

В голове сама собой складывалась мозаика предстоящих действий. Номером один должен был стать звонок Дэлаверу, но поскольку Арланд собственноручно уничтожил кристалл связи, теперь оставалось только ехать к другу лично. Но это завтра. А сегодня... в его распоряжении еще несколько часов до полуночи, и он намерен провести их с той, которая заставляет его сердце биться чаще. Пусть малышка считает, что оставила за собой последнее слово, — у Арланда на этот счет иное мнение и настроен он решительно. Мадемуазель Дюбар придется впустить его, если не хочет остаться без двери.

Некромонг уже загнул от окна, когда ночную тишину нарушил шорох гравия со стороны подъездной дорожки. Так могут шуршать только колеса ренмобиля.

— Кого еще принесло на ночь глядя?

Быстро сбежав по каменным ступеням в холл, Арланд рванул на себя тяжелую входную дверь, прежде чем незваный гость успел воспользоваться дверным молотком, и... встретился взглядом с синими глазами, так похожими на его собственные.

Глава 23. Невыносимая близость

Утром Люсия не пришла меня будить, и я благополучно проспала чуть ли не до самого обеда.

Кошмар! Никогда не была такой засоней... С другой стороны, неудивительно, учитывая, как долго я пыталась заснуть накануне. Полночи прокручивала в голове разговор с Арландом, придумывая десятки дерзких, ироничных, колких ответов на его нелепые обвинения. Хотя и понимала прекрасно: что бы я ни сказала, в итоге это ничего бы не изменило.

Поднявшись с постели, неспешно оделась и привела себя в порядок. Постояла немного у окна, любуясь пышными облачными замками, проплывавшими в синей вышине, и отправилась на кухню. Спешить было некуда — ведь меня опять бросили одну.

— О, мадемуазель Элеонора, вы проснулись, — просияла Люсия, едва я переступила порог. — Я хотела вас разбудить на завтрак, а хозяин приказал не беспокоить.

— Доброе утро... эмм... день, — поправилась я, покосившись на круглые часы на стене. И изобразив максимальное равнодушие, поинтересовалась: — Давно лорд уехал?

— А он не уехал! — огорошила меня колдующая над мясным рагу женщина.

— Почему?

Не знаю, чего больше я испытала в этот момент: радости, надежды, недоумения или даже опасения? Было решительно непонятно, с чего это Ангэлера вдруг изменил свои планы...

— Ох, вы ж не знаете! К хозяину приехал брат!

Глаза Люсии светились таким счастьем, что можно было подумать, нас, как минимум, королевская чета почтила своим визитом, а не просто родственник. Хотя... погодите-ка!

— Тот самый старший брат?!

— Да! Такая радость — Ароне приехал!

Вот теперь я могла точно сказать, что испытала — это был испуг. Колючими мурашками страх пробежал по позвоночнику. Ароне Ангэлера в замке... Тот, чью жизнь и карьеру разрушил мой отец, тот, кто, пребывая двадцать лет в вынужденной ссылке, определенно мечтал поквитаться — он здесь, под одной крышей со мной.

Даже представить страшно, как он отреагирует, когда узнает про меня...

Господи, да он, наверняка, уже знает, что дочь Освальда Дюбара в Мор-ле-Мец!

Вспомнилось лицо папы, искаженное ненавистью, когда они с советником обсуждали старшего из братьев Ангэлера. Как бы поступил отец, окажись в его власти ребенок Аронса Ангэлера? Нет, не хочу представлять! Боюсь, пламя его ненависти настолько яростное, что напрочь сжигает все представления о чести и достоинстве... Была ли эта ненависть взаимной? Скорее всего да! И поводов для нее у некромонга в разы больше...

Тут мне стало по-настоящему страшно.

Если Ароне Ангэлера решит отыгаться на мне, то на защиту Арланда вряд ли можно рассчитывать. Он не пойдет против брата ради меня... Или пойдет? Нет, уж точно не на глазах у своей невесты, с которой так мило уединился в хозяйской части замка.

Даже в первый день в Мор-ле-Мец я не чувствовала себя так неуютно и неуверенно, как сейчас. Уж лучше было остаться одной в пустом замке, чем бояться столкнуться с кем-то из досточтимого семейства Ангэлера, решивших тут задержаться. Быстро проглотив завтрак, я приняла самое абсурдное решение из возможных — спрятаться!

Порхавшая по кухне Люсия напомнила, что через час будет обед. С вымученной улыбкой я призналась, что пропущу его, потому как только что позавтракала. Не дожидаясь дальнейших уговоров, выскользнула из кухни и поспешила прочь.

Глупая затея — попытаться спрятаться от хозяина замка в его владениях. Но мне она удалась! Покинув замок через черный ход, я отправилась бродить среди хозяйственных построек и аккуратных теплиц, где приходящий садовник выращивал овощи и пряные южные травы. Там я столкнулась с молодым мужчиной в охотничьей куртке, сыном Люсии, который шел кормить собак, и без зазрения совести напросилась к нему в компанию. Не то, чтобы я большой любитель пёсиков, но на псарне меня точно не станут искать! В отличие от матери, Остин оказался немногословным

парнем; знакомые глаза-вишни поглядывали на меня настороженно и удивленно.

В замок я вернулась после обеда, когда солнце начало потихоньку клониться к горизонту.

— Ох, мадемуазель Элеонора! — завидев меня, всплеснула руками Люсия. — Лорд Арланд вас по всему дому с собаками ищет!

— Плохо ищет, — безразлично пожала плечами, мысленно цыкнув на глупое сердце, вострепнувшееся в груди. — И в отличие от лорда, собаки меня нашли.

Экономка неодобрительно покачала головой, на что я лишь лукаво улыбнулась и стащила с блюда мясной пирожок. После прогулки проснулся аппетит, а страх немного развеялся. Появился какой-то детский азарт: не быть пойманной. Если воспринимать всё происходящее, как игру, то становилось не так боязно.

Чудом избежав встречи с Гроули, я поднялась в хранилище одежды, где раздобыла вязаную шаль, чтобы после — вместо ужина — отправиться на прогулку в сад. Видела издали, как светились окна столовой, но приблизиться и полюбоваться семейной идиллией Ангэлоров не решилась.

Порядком озябнув на улице, я вернулась в притихший замок. Под вечер настроение кардинально поменялось: играть в прятки больше не хотелось. В душе поселилось острое разочарование от того, что за весь день мы с Арландом так и не увиделись. Значит, не слишком-то он и хотел найти меня! Бредя по тускло освещенным коридорам, старалась не думать, чем лорд сейчас занимается со своей невестой в хозяйских покоях.

Из приоткрытой двери библиотеки повеяло теплом; приятный контраст по сравнению с продуваемым сквозняками коридором старого замка. Я остановилась, зябко кутаясь в шаль, и осторожно заглянула внутрь.

Никого.

Зайду погреться. Заодно возьму что-нибудь на вечер почитать, чтобы отвлечься от грустных дум.

Мягкий сумрак библиотеки, освещенной лишь тусклым абажуром и тлеющими в камине углями, ластился к ногам, как домашний кот. За запотевшими окнами не по-летнему прохладный ветер шумел в кронах деревьев. Я пробежала пальцами по кожаным корешкам книг и наугад вытащила один из томиков.

Любовная лирика. Смешно. Определенно не то, что мне сейчас нужно.

— Какая неожиданная, но приятная встреча... — прошепел из-за спины мужской голос.

Сборник стихов с глухим стуком упал на пол. Я испуганно обернулась и только сейчас заметила, что за мной с интересом наблюдали, выглядывая из-за высокой спинки стоявшего перед камином кресла. На гладко выбритой мужской щеке играли алые отблески, резко очерчивая скулы, углубляя тени в провалах глазниц, отчего облик выглядел зловещим, потусторонним. Даже при столь скудном освещении я прекрасно понимала, что передо мной не Арланд...

Что ж, удача моя рано или поздно должна была закончиться.

Я нервно сглотнула и затравленно посмотрела на дверь.

— Простите, если напугал, — тихо покаялся вкрадчивый голос. — Я уж и не надеялся увидеть вас сегодня. Проходите же, составьте мне компанию...

Аккуратно вернув книгу на место, я сделала несколько нерешительных шагов. Темный силуэт, высокий и плечистый, плавно поднялся и придвинул к очагу второе кресло.

— Брат облюбывал кабинет, а мне всегда нравилась библиотека, — мягко произнес мужчина и вернулся на свое место.

Двигался он при этом нарочито медленно, перетекая из одного положения в другое, словно имел дело с пугливым зверьком, готовым в любой момент броситься наутек.

Неужели со стороны я выгляжу именно так? А как еще, Эла, может выглядеть молча трясущаяся девица?..

— Прошу, мадемуазель, присаживайтесь. Я не кусаюсь, — добил меня и обезоруживающе улыбнулся.

В алых всполохах улыбка вышла зловещей, но я приструнила чрезмерно разыгравшееся воображение и, гордо расправив плечи, приблизилась и опустилась в кресло.

От судьбы, как говорится, не убежишь. Остается только собрать остатки мужества и встретить ее лицом к лицу. Тем более, что лицо у моей судьбы было породистое, по-мужски привлекательное. Я рассматривала, не таясь, Аронса Ангэлера и испытывала смешанные чувства. С трудом получалось осознать, что сидевший рядом молодой мужчина годился мне в отцы. Тоскливо щемило в груди из-за семейного сходства двух братьев, которое сложно было не заметить. Разве что лицо Аронса имело чуть менее резкие черты и хранило выражение сдержанной доброжелательности, в то время как Арланд чаще бывал сосредоточенно-хмурым или отстраненным.

Некромонг отвечал мне таким же пристальным разглядыванием.

— Простите, что нарушила ваше уединение, милорд, — собралась с мыслями я. — Возьму на себя смелость представиться... Я...

— Мадемуазель Элеонора Дюбар, — нараспев произнес мое имя мужчина. — Ароне Ангэлера, к вашим услугам. Несказанно рад с вами познакомиться.

Рад?! Это настораживало, если не сказать больше.

— Я тоже, — пискнула в ответ, как того требовали приличия. И сжала подлокотники кресла, чтобы унять дрожь в пальцах.

— Замерзли? — участливо посмотрел на меня Ароне и, получив утвердительный кивок, потянулся к пузатому графину: — Глоток бренди для согрева?

— Ох, нет! Благодарю, — замотала головой, едва не ляпнув: «Мне нельзя».

К счастью, настаивать брат Арланда не стал. Легко поднявшись, он подкинул в камин полено и разворошил уснувшие угли, отчего те возмущенно пыхнули снопами искр.

— Мор-ле-Мец не самое уютное место в королевстве... Никогда не понимал приверженность брата старому замку, когда он мог бы с комфортом обустраиваться в Мальбурге.

— Не всем же жить в столице, — заметила в ответ, вспомнив Катрину с ее тягой к провинции. А в следующее мгновение запоздало поняла, как бестактно, должно быть, это прозвучало для Ангэлера.

— П-простите...

— За что?

— Мне жаль, что... что всё так сложилось...

— Чем я успел заслужить вашу жалость? — Некромонг недоуменно, в такой невыносимо знакомой манере, приподнял бровь, что окончательно сбил меня с толку.

— Я не это имела в виду! Просто... когда... То подумала... — Я так разволновалась, что потеряла способность связно выражать свои мысли. Запиналась, как не выучившая урок воспитанница перед классной дамой. — Мне только недавно рассказали о тех событиях в прошлом... и я понимаю, что у вас и лорда Арланда есть все основания ненавидеть меня...

— Не вижу ни одной причины ненавидеть вас, — прервал мой сумбурный лепет Ароне. — Думаю, не ошибусь, если скажу, что и брат испытывает к вам не ненависть, а нечто совсем иное.

Угу, испытывает... Но это не мешает ему приятно проводить время с другой. Так, Эла, сколько можно заниматься самоистязанием? Хватит уже думать об этом!

Я горестно вздохнула, глубже проваливаясь в кресло.

— Мой отец поступил бесчестно по отношению к вам. И мама тоже... Это ли не повод?

— Я не трепетная дева, чтобы терзаться мыслями о чьем-то коварстве. Политики живут отнюдь не законами чести. Я прекрасно знал, на что шел. — Спокойно и даже доброжелательно произнес некромонг. — Это, конечно, ничуть не умаляет подлости поступка вашего отца. Но я никогда не считал, что дети должны расплачиваться за ошибки родителей.

Не сдержав вздох облегчения, я во все глаза уставилась на собеседника. Теперь он казался мне удивительно благородным, каким-то нереальным для нашего мира. Неужели все мои страхи были напрасны?

— И вы не хотите отомстить?

— Конечно, хочу. Видите, я хуже, чем вы обо мне думаете. — В хриловатом голосе послышалась усмешка. — И месть моя будет изощренной... Я планирую вернуться в большую игру и занять место

в новом Совете. Так я утру нос господам недоброжелателям, став им не по зубам...

Вот так просто? Единственный человек, вернее некромонг, по-настоящему пострадавший от рук моей семьи, — пострадавшее самолюбие Арланда не в счет! — планирует просто утереть недругам нос. словно не было потерянных двадцати лет в ссылке...

— А вы, юная мадемуазель, ко всей этой истории не имеете никакого отношения. Не забивайте голову этими глупостями, — добавил Ароне, чем окончательно покори́л меня.

Я слушала его, стараясь не думать, как похожи их голоса с Арландом, как легко было бы спутать темный силуэт на фоне камина с невыносимым мужчиной, которого никак не получалось изгнать из сердца. Вот только с моего злосчастливого дня рождения мы с Арландом ни разу не разговаривали так спокойно. Вечно шипели, или рычали, или откровенно орали друг на друга, отвечая взаимностью на каждую негативную эмоцию, обвиняя друг друга по поводу и без...

Неспешная беседа с Аронсом, лишённая бурных выяснений, действовала как успокоительное для моего взбудораженного сознания. Возможно, будучи опытным политиком, Ароне Ангэлер просто в совершенстве владел искусством доверительной беседы, заставляя любого почувствовать себя в своей тарелке. У меня даже возникло ощущение, что он не старший, а младший из братьев — так легко было с ним, будто разговаривала с ровесником, а не с мужчиной вдвое старше. У нас с Арландом разница в возрасте составляла всего десять лет, но его темная давящая энергетика, вкуче с нашими неразрешимыми противоречиями, делали эти десять лет пропастью безвременья.

— Я похожа на маму? — глупый вопрос помимо воли сорвался с губ. Я пристыженно опустила глаза.

— Определенное сходство есть... Но прошло так много времени, что я, признаться, стал забывать, как выглядела Эвелина. Последние десять лет мой взор и мысли были прикованы к другой женщине, которую я счастлив назвать своей супругой.

— Так вы женаты?! — Почему-то у меня совсем вылетело из головы, что старший из братьев уже успел обзавестись семьей.

— Не задавайте мужчинам такой вопрос, — тихо рассмеялся он. — Глядя на вас, большинство из них не устоят перед искушением соврать.

Я покраснела, благо полумрак библиотеки надежно скрыл мое смущение.

— Вообще я думал, Арланд уже познакомил вас. — В ответ я лишь пожала плечами. — Как же вы, будучи в одном доме, умудрились не столкнуться? Я, конечно, жутко необъективен, но ее сложно не заметить...

Что тут ответишь? Что Арланд не счел нужным знакомить временную любовницу с членами семьи?

— Это упущение мы исправим, — пообещал некромонг. — Надеюсь, моя истосковавшаяся по обществу супруга не напугает вас своим напором. Эти недели в столице, за исключением нескольких выходов с Арландом, Каролина провела в полном одиночестве.

— Буду рада знакомству, — без энтузиазма ответила я, понимая, что оно вряд ли состоится. Думаю, с Каролиной будет знакомиться та рыжая красотка... которую он... которая...

— Погодите! — внезапная парализующая смесь неверия и надежды окатила меня удушливой волной и я, пораженная своей догадкой, выдохнула: — Красивая рыжеволосая леди, что приехала накануне — это ваша жена?!

Мужчина гордо кивнул.

Я едва не рассмеялась истерически, до боли закусив губу.

Элеонора Генриетта Дюбар, ты идиотка!

У-у-у! Сколько отравляющих душу переживаний я перенесла по собственной глупости! А всё из-за своей мнительности и двух светских клуш, разговор которых неверно истолковала. Невольно застонала, представив, какого должна быть мнения обо мне леди Каролина после той унижительной сцены с шампанским на торжественном приеме...

Ароне посмотрел на меня сначала удивленно, а потом понимающе.

Всё же неловко, когда кто-то читает тебя, как открытую книгу. От стыда захотелось провалиться сквозь землю.

— Вы согрелись, мадемуазель Элеонора? — отвлек меня от душевных терзаний некромонг. Подавил зевоту и улыбнулся виновато.

— Да, милорд, мне уже намного лучше, — ответила на его улыбку. — Продолжу греться в постели.

Осталось только до нее добраться по этому мрачному холодному лабиринту коридоров!

— Я провожу вас, — плавно поднялся Ароне.

— Я сам провожу ее.

Голос Ангелера младшего прозвучал в библиотеке подобно пушечному выстрелу. Мы с Аронсом одновременно вздрогнули от неожиданности и обернулись. Арланд, привалившись плечом к двери и скрестив на груди руки, стоял с самым мрачным выражением лица. Медленно переводил тяжелый взгляд с меня на брата и обратно.

Под этим пронизывающим взглядом мне стало очень неудобно. И жутко волнительно.

— Что ж, тогда мне остается только пожелать всем доброй ночи, — беспечно произнес Ароне, совершенно не впечатлившись хмурой физиономией младшего брата.

— Мадемуазель Элеонора, Арланд...

Улыбнувшись и вежливо кивнув на прощание, старший из братьев удалился. Я тоже поспешно встала, ибо задерживаться в библиотеке под примораживающим к месту взглядом Ангелера желания не было.

По коридорам мы шли молча. Вечерние тени прятались по углам, старинные часы тихо отсчитывали минуты, в настенных зеркалах отражались горящие свечи. Их призрачные огни словно преследовали нас, мерцая то тут, то там в темных зеркальных поверхностях. Какое-то немое обвинение витало в воздухе, тянулось туманными щупальцами от шагавшего чуть впереди Арланда ко мне. Хотелось как-то развеять этот морок, нарушить гнетущее безмолвие, но я понятия не имела, что сказать.

Зато некромонг решил не молчать, стоило нам свернуть в гостевое крыло, где располагались мои комнаты.

— В чьей постели ты собиралась греться, Эла?

Я аж вдохом подавилась от возмущения. Что за гадкие намеки!

— Ты вообще в себе?! — резко развернулась и с негодованием уставилась на больного на всю голову лорда.

Аромат влажной земли и прелой травы врывается через приоткрытое окно, перемешивался с запахом бренди, щедро исходившим от Ангелера.

Напился и пришел мне тут гадости говорить?

Я хотела еще и обличительно ткнуть в него пальцем, но не успела. Меня рывком прижали к груди, обвивая талию стальными ручищами.

— Нет. Не в себе, — выдохнул он мне в висок. — С тех пор, как впервые увидел тебя... Моя Эла...

Жадно стискивая оторопевшую меня в объятиях, Арланд скользил губами вдоль скул, выцеловывал линию подбородка, кажется, хмелея от этого еще сильнее.

Я хотела окатить его отрезвляющей холодностью, наказать за гадкие слова показным безразличием, но... не выдержала первой. Сама прильнула к жадно ищущим губам, обвила руками шею, позволяя оторвать меня от пола и, не прерывая поцелуй, унести в спальню. К счастью, в столько поздний час не было свидетелей нашей постыдной несдержанности.

Странное чувство — ощущать себя в его власти и одновременно с этим чувствовать свою безраздельную власть над ним — кружило голову. Вкупе с осознанием, что у Арланда нет никакой вызывающе красивой невесты. Он мой! С всеми потрохами и несносным характером. Не с кем бороться, кроме как с самой собой и с прошлыми обидами. Но здесь и сейчас горькое прошлое и туманное будущее не имели значения. Мы горели в объятиях друг друга, сжигая все противоречия между нами. Настанет утро, и призраки взаимной вражды вновь встанут у изголовья кровати. Но это будет потом...

Поглощенная поцелуями и прикосновениями, я не заметила, как исчезло платье. Очнулась лишь, ощутив разгоряченной кожей прохладу, когда нижняя сорочка скользнула вниз к ногам. Инстинктивно прильнула к Арланду, помогая стягивать рубашку с мускулистых плеч. Его учащенное дыхание отзывалось внутри сладким трепетом. Сильные руки мягко прижали меня к его телу. Раскрытая ладонь огладила мое плечо и потянула за волосы. Шпильки посыпались на пол.

Небрежной, щекотной волной пряди рассыпались по обнаженной спине.

Я подняла голову и поймала темно-синий взгляд, полный откровенной жажды... Мгновение — и мы утонули в пуховой перине. С губ вместе с дыханием сорвался стон. Теплая кожа под моими пальцами, горячие ладони на пояснице... Согревая и заставляя выгибаться навстречу, Арланд накрыл меня своим телом. Шепот, прерывающийся стонами, — о самом сокровенном, о запретном, о том, мы боимся сказать друг другу при свете дня... Я окончательно потерялась в жарких объятиях, в этой невыносимой близости. Отпустила напряжение, освободила чувства. Ненадолго — завтра будет стыдно, завтра будет страшно, завтра будет завтра, а сейчас...

Что-то маленькое укололо меня в бедро, заставив вынырнуть из сладкой дрёмы. Не открывая глаза, я протянула руку и нащупала очередную шпильку.

Надо было нормально разобрать прическу и не позволять Арланду творить с ней бесчинства. Эх, чего уж теперь жаловаться...

Я выбросила на пол колючую причину моего преждевременного пробуждения и нерешительно повернулась на бок. Боялась увидеть в постели пустоту вместо спящего некромонга. Но мои опасения оказались напрасны. Как продолжение сна, Арланд лежал рядом, закинув руки за голову, и глядел в темный сводчатый потолок.

Интересно, когда он проснулся? И спал ли вообще?

Почувствовав возню, он повернул голову и посмотрел на меня так, как, кажется, никогда не смотрел прежде. Задумчиво, ласково, нежно... Хотя где-то в глубине синего взгляда и виднелся медленно разгоравшийся огонек желания. Мне так захотелось быть ближе, что разделявшее нас расстояние я преодолела в считанные мгновения, оплетая руками и ногами его расслабленное тело. Арланд довольно хмыкнул и поцеловал меня в висок.

— Чертовски не хочется уезжать, — произнес его хриловатый голос, — но деваться некуда... В Мальбурге ждут дела.

— Я поеду с тобой!

— Нет, Эла. Тебе лучше остаться в замке и дожидаться моего возвращения.

— Но почему? — Приподнявшись на локте, я возмущенно уставилась на упрямого некромонга. — У меня тоже есть дела в столице...

— Твоими делами займемся позже, когда уляжется шумиха. Хорошо?

— Нет, не хорошо!

— Эла, в ближайшие дни я буду несколько занят...

— Я и не прошу тебя заниматься моими делами! Они не требуют твоего присутствия, так что я вполне справлюсь сама. Просто доставь меня в Мальбург...

— Так не пойдет. Там небезопасно.

— Чувствую, мы сейчас снова поссоримся, — насупилась я, раздосадованная его неуступчивостью.

Мне ведь на самом деле нужно вернуться в город. Вопрос с моим счетом так и остался нерешенным, в права наследства я не вступила, документы у опекунов не забрала... Нельзя же просто взять и спрятаться от всех забот в замке некромонга!

Это, как минимум, безответственно.

— Что ж ты у меня такая упрямая, — протяжно вздохнул Арланд. — Или ты забыла, зачем были рождены некромонги? Так я напомним: чтобы оберегать самое ценное. Для Лидегории — это королевская кровь. Для меня — ты.

Узел глухого раздражения враз распустился внутри. Вместо него в области сердца разлилось тепло. Я растерялась и позабыла на мгновение, о чем мы вообще спорим...

— Так что не вижу ничего плохого в моем желании защищать тебя, — резюмировал Ангэлэр, вернув меня с небес на грешную землю.

«От чего? От жизни?» — хотела поинтересоваться в ответ, но решила благоразумно промолчать. Так мы ни до чего не договоримся.

Между тем его взгляд опустился ниже, на оголившуюся грудь, и я, поборов желание повыше

натянуть одеяло, решила взять ее в союзники и сменить тактику.

— Арланд, — провела пальчиком по мужскому плечу, — самое безопасное для меня место — это рядом с тобой... Позволь мне сопровождать тебя в Мальбург... Я не доставлю хлопот, обещаю! Очень хочется забрать свои вещи из дортуара Сен-Грейс...

— Эла... я могу забрать для тебя всё, что ты попросишь, — не сдавался мой упертый мужчина, но прежней категоричности в его голосе уже не было.

Я внутренне возликовала и приготвилась добить аргументами:

— Ну как ты себе это представляешь? Лорд-попечитель, копающийся в девичьих вещах... К тому же мне надо получить документы и утвердиться в правах наследования, иначе я так и буду зависеть от опекунов...

— Хорошо. — Арланд резко сел на постели. Кажется, его решимость, наконец, дрогнула. — Поедем вместе. Но к опекунам я буду сопровождать тебя лично, когда разберусь с первоочередными задачами. Сначала нужно сгладить эффект от нашумевшей статьи и...

— И найти того, кто выдал информацию газетчикам, — закончила за него фразу.

— Благодаря Аронсу источник мне уже известен. И к нему я загляну первым делом, чтобы сказать пару ласковых...

— О! И кто же это?

— Давай потом тебе расскажу. На обратном пути в замок или когда уже будем дома, хорошо?

— Так ты намерен после вернуть меня в Мор-ле-Мец?

— А ты не хочешь?

— Снова побыть твоей гостьей?

— Побывать полноправной хозяйкой... моего замка и моего сердца.

Я опустила взгляд, чувствуя, как вспыхнули щеки, и волна жара прокатилась по шее. Уже второй раз за утро Арланд говорил о своих чувствах, о том, как я дорога ему, и меня распирало от желания открыться ему в ответ. Я потянулась к его губам, оплетая шею руками, и за секунду до поцелуя прошептала:

— Я люблю тебя...

Лорд откинулся на подушки, увлекая меня за собой — только чудом я не прикусила ему губу в падении. Замерла, распластавшись на нем сверху.

— Эла, любимая...

Мужские ладони легли на ягодицы, весьма недвусмысленно прижимая к паху. В этот момент раздался жизнерадостный стук в дверь, за которой послышался бодрый голос Люсии. Я рыбкой нырнула под одеяло. И мысленно застонала, сообразив, как еще более неприлично это будет выглядеть со стороны. Сдавленный смешок Арланда подтвердил мою догадку. Мстительно щипнула его за живот и решила, что теперь точно не вылезу. Никогда.

Однако ж, вылезти пришлось. Как и спуститься в столовую на завтрак, ни секунды не сомневаясь, что всё немногочисленное население Мор-ле-Мец уже в курсе, кто и с кем провел эту ночь.

Что ж, похороню свою репутацию под розовым кустом в саду — место там красивое, тихое...

Вопреки моим опасениям, любопытных взглядов и понимающих усмешек удалось избежать. Гроули до меня вообще не было никакого дела, а леди Каролина и Ароне были, очевидно, слишком хорошо воспитаны, чтобы хоть как-то намекнуть на свою осведомленность в данном вопросе.

Спустя пару часов мы были готовы к выезду. Должно быть, процессию из двух ренмобилей в здешних местах прежде не видели: в каждой деревне нас провожали ну очень заинтересованными взглядами. Пока мы ехали, Арланд то и дело касался моей руки, снимая ладонь с руля. Я отвечала улыбкой на нежные прикосновения, а у самой на душе скребли кошки. В прошлый раз, когда я была так же невообразимо счастлива, произошло неприятное событие, надолго разлучившее нас с Арландом. Не повторится ли что-то подобное и на этот раз? Предчувствие беды скручивало внутренности в тугой узел.

Так, хватит накручивать себя на пустом месте! Ну какая беда, Эла? Максимум, что может пойти не

так — это разговор с отцом. Даже не может, а точно пойдет не так, поскольку Ангэлер собирался при этом разговоре присутствовать, не желая отпускать меня одну в дом советника. Что ж, у меня еще есть время подготовиться к этому непростому общению. И унять охвативший меня трепет.

Глава 24. Обманутое доверие

В школе было непривычно тихо. Мои шаги гулким эхом раздавались в пустом холле, нарушая сонную тишину Сен-Грейс.

По дороге сюда Арланд упоминал, что после скандальной статьи большинство воспитанниц разъехались по домам. Обеспокоенные родители были готовы отпустить свое чадо в школу лишь на экзамены, которых, к слову, осталось сдать не так много. Всем, кроме меня... Набравшись терпения, я решила пока не мучить лорда-попечителя расспросами, как он намеревался решить вопрос с моей экзаменацией. Вечером или завтра спрошу. А пока клятвенно пообещала Арланду, забрав вещи из дортуара, сразу направиться в особняк на Лустгартен и там его дожидаться.

Конечно, знать о том, что школа опустела — это одно, а увидеть всё собственными глазами — совсем другое. Где светлые ленты в тугих косах воспитанниц, где их торопливые шаги? Где строгие окрики мадам Мезар? Тихо как в могиле.

Даже господина Филдса, нашего дворецкого, не оказалось на привычном месте. Только ключница Бэтти ненадолго показалась на лестнице, и, удивленно глянув на меня выцветшими глазами, скрылась на втором этаже. Я даже не успела у нее спросить, где найти директора Хоуля и открыты ли комнаты в дортуаре. Видимо, последнее придется проверять самой.

Не видя больше причин задерживаться в холле, я направилась вверх по лестнице. Налегла на знакомую медную ручку и внутренне возликовала, когда дверь в нашу комнату распахнулась. Полной грудью вдохнула такой родной запах девичьей спальни, смешанный с благоуханием жасмина в школьном саду, и присела на свою кровать. На столике рядом обнаружили две записки, оставленные для меня девочками. Рассудительная Катрина беспокоилась обо мне и сетовала, что по настоянию отца вынуждена переехать к дальней родственнице, живущей где-то на окраине Мальбурга. Из записки стало ясно, что в столице Кати задержится до окончания экзаменов, а потом уедет в Шлосберг готовиться к свадьбе. Из сумбурного письма, написанного неразборчивым почерком Викторией, я поняла главное: меня ждали с распростертыми объятиями в особняке сенатора Кэррош, но в приписке Вита искренне надеялась, что это я скоро буду на правах хозяйки принимать ее в особняке по известному адресу. Вот фантазерка! В доме Ангэлоров есть кому хозяйничать. Мне же было предложено побыть хозяйкой только замка.

«Не только, — шепнул внутренний голос. — Еще и сердца...»

Я улыбнулась, вспомнив наше с Арландом утро, и принялась собирать оставленные вещи. Много времени это не заняло. Когда саквояж был почти собран, я распахнула нижние ящички, которыми крайне редко пользовалась, дабы убедиться, что ничего не забыто. В одном из них меня ждала неприятная находка: разбитая коробочка из-под кольца, которое подарил мне Ангэлэр.

Мое внутреннее солнце, ярко светившее с самого утра, словно померкло, стоило мне коснуться мерцавшей радужными искрами крышечки. Я схватила сломанную вещицу и поспешно запихнула в дальнейшее отделение саквояжа. Но поздно! Сцена нашей ссоры — здесь же, в этой комнате, — безжалостно отчетливо встала перед глазами. Несправедливые обвинения, опечаленное лицо Арланда, в отчаянии и злобе разбитый о стену подарок... Дорогое украшение, которое он выбирал для меня с любовью... Вдруг, вспомнив, как я поступаю с его подарками, Арланд больше не захочет мне ничего дарить?

Надо непременно найти то кольцо!

Я и сама не заметила, как, подобрав юбки, оказалась на полу. Заглянула под кровать и под тумбу, проверила щель между стеной и шкафом.

Не могло оно исчезнуть из комнаты! И девочки, если бы нашли, обязательно упомянули бы об этом. Куда же оно запропастилось?..

— Вы что-то обронили, мадемуазель Элеонора? — раздался от двери тихий голос.

От неожиданности я вздрогнула и неловко вскочила на ноги, но, увидев, кто застал меня за ползанием по полу, выдохнула с облегчением.

— Добрый день, дорогая Бэтти, — поздоровалась приветливо, оправляя платье.

В ответ ключница улыбнулась, и добродушное лицо изрезали многочисленные морщины.

— Я... я и правда кое-что обронила ранее... И вот пытаюсь найти... безрезультатно.

— Что же это?

— Это подарок... Кольцо.

— С черным бриллиантом?

— Да! — воодушевленно воскликнула я. — Вы его нашли?

— Знаю, где оно. Пойдемте, я вас отведу! — Бэтти махнула рукой, приглашая следовать за ней, и медленно пошаркала по коридору.

Мы миновали центральную лестницу и завернули за угол к спуску, которым чаще пользовались слуги.

— А куда мы идем? — любопытствовала я, шагая вслед за Бэтти вниз по узкой лестнице.

Объемный пучок на ее седой макушке смешно покачивался у меня перед глазами. Надо же, никогда прежде не обращала внимание, какие у нашей управительницы дортуара густые волосы! Только полностью белые.

— В хранилище для ценных вещей, — не оборачиваясь, ответила она.

— О, я и не знала, что в школе такое есть...

— Конечно, есть! Только об этом не принято распространяться. Туда помещают особые вещицы... Такие, как ваше кольцо!

Неужели настолько дорогое? Стало даже как-то не по себе от того, как я с ним поступила.

— А что в нем такого особенного? — не сдержалась, когда мы уже спустились на самый нижний этаж.

— А вы не знаете? — Бровь Бэтти изогнулась неожиданно надменно. — Принимая такой подарок, следует понимать его значение...

Я притихла, обескураженная заявлением. Вообще-то, подарок не был принят мною, но объяснять ключнице особенности наших взаимоотношений с лордом Ангелером — много чести будет.

— Это очень символический дар, — продолжила Бэтти, перебирая ключи на тяжелой связке. Отыскав нужный, попыталась вставить его в замочную скважину массивной двери, к которой мы подошли. Вышло не с первого раза — так дрожали ее пальцы.

С тихим скрипом дверь отворилась, на нас пахнуло пылью и ветхостью. Похоже, хранилищем в школе пользовались нечасто.

— Кольцо с черным бриллиантом некромонги дарят своим избранницам. Когда-то я тоже мечтала получить такое, — грустно вздохнула старая ключница и шагнула под каменные своды узкого коридора.

Кто бы мог подумать! Наш Одуванчик Бэтти в юности была влюблена в некромонга?.. Кем бы ни был ее избранник, судя по всему, чувства оказались не взаимны. Или разница в положении не позволила влюбленным быть вместе... Как бы там ни было, избранницей некромонга девушка не стала.

А я? Смогу ли я, забрав кольцо, считать себя избранницей некромонга? Вкладывал ли Арланд такой смысл в свой подарок?..

Захваченная этой мыслью, я замешкалась на пороге.

— Ну же, проходите, мадемуазель Элеонора! — нетерпеливо поторопила меня Бэтти и практически втянула за собой в проход.

Дверь за моей спиной с глухим ударом закрылась. Потемневший ключ несколько раз провернулся в замке, запирая нас в тусклом помещении похожем на подвал. Неприятный холодок пробежал вдоль позвоночника от вязкой тишины, которую хранило это место. Ее нарушали только шаги ключницы, уже не шаркающие, а уверенные и торопливые.

Дурное предчувствие сковало мышцы, укутало плечи ознобом. Странное место. Странное поведение Бэтти... С трудом сбросив оцепенение, я подхватила оставленный на полу второй магический светильник и двинулась вперед по коридору.

Чем раньше заберу кольцо, тем быстрее выберусь отсюда.

— Мы скоро дойдем? — спросила я и нервно передернула плечами.

Мы уже несколько минут шли по проходу, пол которого под уклоном спускался вниз. Создавалось устойчивое впечатление, что мы находимся под землей. И, по моим прикидкам, пройденного расстояния хватило бы, чтобы выйти за территорию школы.

Кто ж располагает хранилище для особо ценных вещей так далеко?

Я резко остановилась, окончательно осознав, что творится что-то неправильное. Отчаянно захотелось броситься назад, но тут я вспомнила, что дверь заперта на ключ, а значит без ключницы мне из этого подземелья не выйти.

— Бэтти, куда вы меня ведете? Я больше не сделаю ни шага, пока вы не объясните, что здесь происходит!

Шедшая впереди старушка замерла, медленно повернулась и растянула тонкие губы в холодной, неприятной улыбке. Я словно увидела ее впервые, чужую и пугающую.

— Нет здесь никакого хранилища для ценностей, верно? — пробормотала растерянно.

— Отчего же! Здесь хранится нечто очень ценное... Вернее, когда-то оно таковым для меня было. Но времена изменились...

— Я хочу вернуться назад!

— Это я хочу вернуться назад. И гораздо сильнее, чем ты! — Блеклые глаза на мгновение вспыхнули предвкушением. Узловатые старушечьи пальцы до боли сжали мое запястье и потащили вперед.

— Отпустите! — Сколько я ни выкручивала руку, вырваться из не по-женски крепкого захвата не получалось. Господи, откуда у старухи столько сил?!

— Отпущу, если пойдешь сама. Ну же, будь послушной девочкой, не вынуждай тащить тебя за волосы по полу. Тебе будет больно. Очень больно...

От подобной перспективы я невольно шарахнулась в сторону. Бэтти восприняла мое движение как попытку к бегству и пришла в ярость. Недобро прищурившись, она грубо дернула меня за руку, возвращая на место.

— Сказала же — не испытывай мое терпение! Я и так слишком долго ждала! В этот раз сбежать тебе не удастся...

Это я уже и сама поняла... Как и то, что ничем хорошим эта наша прогулка не закончится. Вместе с участвующимся дыханием изо рта вырывалось облачко пара. Как же здесь холодно! Мои пальцы, державшие фонарь, совсем заоченели. Только Бэтти, казалось, не замечала ничего вокруг, целеустремленно шагая вперед и бормоча себе под нос.

— Всё получится... Обязательно получится. Столько лет я думала об этом...

Должно сработать! Я хорошо подготовилась...

— К чему вы подготовились, Бэтти? Если я могу помочь...

— Сколько препятствий было на моем пути... все преодолела... Осталось совсем чуть-чуть... — Похоже, старуха меня не слышала, увлеченная диалогом с самой собой. Ее рука возбужденно дрожала, и свет от фонаря лихорадочно метался под мрачными сводами подземного прохода. — В библиотеке я нашла описание ритуала для снятия магической печати. Чего только не хранится в старых библиотеках... Но всё пошло не так... Из-за тебя! — Ни с того ни с сего разозлившаяся Бэтти с силой потянула меня за руку, до хруста сжав пальцы.

Я вскрикнула от боли. На колени не упала только потому, что ненормальная старуха так же неистово дернула меня вверх.

— В чем я виновата?! — всхлипнула от страха и обиды.

— Ты сбежала из кладовки! Из-за тебя мне пришлось искать новую жертву. Но здесь тебе никто не поможет!

От осознания того, о чем она говорит, в живот словно упал огромный кусок льда. Разрозненная мозаика стала стремительно складываться, а вместе с ней начала накатывать паника.

— П-почему... почему я? Что я вам сделала?!

Бэтти равнодушно пожала плечами.

— Ничего... Просто ты идеально подходила на роль жертвы. Тебя никто не стал бы искать... Ты никому не нужна!

Как горько было это слышать! А еще горше осознавать, что она права. Случись что со мной — некому было бы требовать справедливости и докапываться до правды. Наверное, мою смерть замолчали бы так же, как гибель несчастной официантки... Но это было раньше! А теперь всё изменилось. В городе мой отец... и Арланд. Я нужна им!

— Жертва сбежала, проход не открылся, — продолжила ворчать моя похитительница. — Еще эта проклятая двойная печать! Весь мой план полетел в бездну... Пришлось всё начинать заново. Искать ответы, додумывать... Я сделала так, чтобы со стороны дворца печать была снята. Это было рискованно! Как мало шансов на успех... но ненавистная соперница сама помогла осуществить мой план! На каникулах я рассчитывала довершить то, что не удалось во время бала. И тут ты опять улизнала от меня! С какой стати лорд-попечитель решил забрать тебя в свой дом, а?! Ты должна была остаться в школе, как всегда! И снова вынужденное ожидание. Как же это невыносимо — быть у самой цели и ждать...

А вот я решила больше не ждать. После всего услышанного стало ясно, что старуха всерьез вознамерилась меня убить. Но я не собиралась, как покорная овца, идти на заклание. В отчаянии замахнулась увесистым фонарем, который так и несла во второй руке, в надежде попасть Бэтти по голове и на время вывести ее из строя. Заберу у нее связку ключей и со всех ног рвану обратно к двери.

Вот только в дюйме от ее затылка светильник развеялся прахом. Мое сердце испуганно сжалось в груди.

— Ах ты мерзавка! — разъяренной змеей прошипела Бэтти. — Жаль, тебя не задело рухнувшей декорацией, иначе ты сейчас не была бы такой резвой...

— Вы некромонг?! — От ужаса волосы на затылке встали дыбом.

— Вы некромонг?! — От ужаса волосы на затылке встали дыбом. — Там... на площади — это сделали вы?

— Превратить доску в труху под ногой рабочего не составило для меня большого труда даже в таком плачевном состоянии.

— За что?! Меня бы прибило тем фасадом!

— Вряд ли. Просто немного покалечило... — Ключница недобро ухмыльнулась. — Ты заслужила наказание за свой побег. Да и мне было бы потом проще с тобой справиться.

Она говорила о происшествии на площади, как о чем-то незначительном, о невинной шалости. От ее бездушного тона у меня сводило внутренности. Не оставалось сомнений — она безумна!

— Но даже после каникул к тебе было приковано слишком много внимания... Уму непостижимо! Столько лет ты жила при школе и никому не была нужна. А тут вдруг, в самый неподходящий момент, стала нарасхват...

В этом Бэтти была права — мной и правда раньше не интересовались. А этой весной всё изменилось... Благодаря Арланду. Даже пробудившейся магией я обязана лорду. Выходит, его интерес спас мне жизнь, заставив убийцу осторожничать, медлить. Без него, возможно, я была бы уже мертва...

После того, как Бэтти уничтожила второй фонарь, света стало существенно меньше. Тьма вокруг нас сгустилась, скрывая ответвления коридоров и неровности пола. Я плелась позади ключницы почти наощупь, окончательно отчаявшись запомнить дорогу впотьмах. На очередном повороте зацепилась ногой за каменный выступ и упала, больно ударившись коленом.

— Хватит тянуть время! Живо поднимайся! — рыкнула старуха и раздосадованная моей медлительностью дернула наверх за волосы.

Подавить крик боли не получилось, как и сдержать брызнувшие из глаз слезы.

— Вы чудовище! — Я поспешно смахнула соленую воду с щек, не желая унижаться и плакать. Никакие мольбы и слезы не способны растопить это черствое сердце.

— Чудовище, говоришь... Я не всегда была такой. Элизабет Беккер когда-то славилась веселым и добрым нравом... Юная и хорошенькая, я тоже училась в

Сен-Грейс, мечтала о всякой ерунде, не задумываясь особо о будущем. Пока однажды в гостях у родственников не встретила его... Красивый статный каратель, он запал мне в душу, пленил мое сердце... Ради него я была готова на всё! Мы идеально подходили друг другу. А он... пренебрег моими чувствами. Но вопреки его холодности я не теряла надежду. Родные считали нас славной парой, и Роланд должен был принять это рано или поздно! Какой же наивной и влюбленной я была... Так боялась потерять его, а в итоге лишилась чего-то куда более ценного! Всё самое прекрасное и самое ужасное в жизнь случается из-за любви...

Я плохо понимала, о чем говорит Бэтти. При каждом шаге колено горело огнем. Даже случись мне чудом улизнуть от моей похитительницы, с такой ногой я далеко не убегу... Неужели это конец? Неужели моя жизнь оборвется так скоро и так нелепо по прихоти сумасшедшей старухи?

— Поначалу это казалось хорошей идеей, — продолжала та свою жуткую исповедь, — быть при школе и при деле, чувствовать свою полезность и располагать хотя бы частицей свободы. Леди Ангэлер предложила мне место управительницы дортуаром... Из жалости или из чувства вины — ведь со мной это случилось из-за ее муженька! Я согласилась, ведь других вариантов не было. Дома меня бы заперли, чтобы не позорила семью. И только позже поняла, что обрекла себя на муки... Изо дня в день в течение двадцати с лишним лет видеть юных девушек, перед которыми жизнь только открывает двери, слышать о мечтах и влюбленностях, зная, что навсегда лишилась этого. Каждое утро я просыпалась с надеждой, что подойду к зеркалу и увижу себя прежнюю: с гладкой кожей, сияющими глазами, с тонкими изящными пальцами, на одном из которых так красиво смотрелось бы кольцо с черным бриллиантом. И уже неважно — было бы оно от Роланда или от другого мужчины. С каждым днем, с каждым часом я всё отчаяннее хотела назад свою молодость и...

Бэтти оборвала себя на полуслове, и в следующее мгновение мы вошли в темный подземный зал. Оценить его форму и размеры в полумраке было невозможно, но гулкое эхо от наших шагов намекало на немалую протяженность.

— Пришли, — с благоговением прошептала ключница и, обернувшись ко мне, строго приказала: — Сиди здесь! Или будешь прикована к гробу.

Поднятый над ее головой фонарь выхватил из тьмы край каменного саркофага с прозрачной, будто из хрусталя, крышкой. И в нем кто-то лежал! Тусклый луч света, многократно преломленный странным стеклом, обрисовал гротескный, но узнаваемый мужской профиль.

Я в ужасе отпрянула назад и прижалась к холодной стене. Втянула спертый воздух подземного лабиринта, борясь с вставшим поперек горла удушливым комом.

От мысли, что я заперта под землей в одном зале с покойником, дрожали колени.

Довольная произведенным эффектом, Бэтти тихо хмыкнула, достала из кармашка мел и принялась чертить на полу сложную схему, более не обращая на меня никакого внимания. Луч от ее раскачивающегося фонаря хаотично метался по залу, озаряя то кусок стены, то часть низкого потолка. Я следила за ним в надежде увидеть что-то, пригодное для спасения, но везде был лишь голый камень... Внезапно сгусток света оказался прямо перед моим лицом, больно резанув по глазам.

— Пора всё исправить, — торжественно прошептала нависшая надо мной старуха.

В ее руке зловеще блеснул изогнутой сталью ритуальный нож.

Глава 25. Время платить по счетам

Арланд пересек просторный кабинет Дэлавера и опустился на диван для посетителей, игнорируя удобное кресло, пропахшее вишневым табаком. Похоже, таким нетривиальным способом канцлер Кеннингер, известный любитель сигар, застолбил его за собой.

— Поверить не могу, что вы провернули это у меня за спиной, — Ангэлэр укоризненно глянул на вошедшего следом Рэйвена.

Дэлавер на ходу просмотрел папку, которую секунду назад забрал у секретаря в приемной, и с непроницаемым выражением лица уселся за рабочий стол.

— Ты же понимаешь, Ар, мне пришлось рассказать королеве об убийстве. — Некромонг виновато развел руками. — Шила в мешке не утаишь... Тем более после того, как Ее Величество получила анонимку о месте нахождения Роланда. Я, конечно, объяснил причины, по которым убийство не афишировалось, и отчитался о продланной нами работе по его раскрытию. К сожалению, королева сочла ее недостаточной. Она предложила организовать утечку информации об убийстве в Сен-Грейс и посмотреть, кто накинется на эту новость, как голодный пес на кость. Со своей стороны, Ее Величество пообещала протекцию школе, так что скандал, в некотором смысле, будет управляемым.

— Королева, как всегда, мудра, — вынуждено признал Арланд.

— Вот и твой брат согласился, что идея дельная.

— А почему ты решил по этому вопросу связаться с Аронсом, а не со мной?

— Во-первых, с Аронсом мы всегда на связи, и он к тому моменту уже был в курсе всего происходящего. Во-вторых, с тобой просто невозможно было связаться.

За каким бесом тебя понесло в замок? У меня решительно не было времени тащиться в твою глухомань, а передавать такую информацию через третьи руки, сам понимаешь, неприемлемо. У тебя в замке что — нет чертова кристалла связи?

Ангэлэр кашлянул и досадливо поморщился.

— Я его случайно уничтожил... Надо не забыть приобрести новый. — Он потер переносицу и добавил угрюмо: — Из-за ваших инициатив я несправедливо обвинил Элеонору... И мы поссорились.

— Ждешь, что я расстроюсь по этому поводу? — Светлая бровь Рэйвена слегка приподнялась. — Признаю, мне искренне жаль... что вы не расстались окончательно. Так ты с ней развлекался в Мор-ле-Мец?

— Не до развлечений было.

— Помяни мое слово, эта девица еще станет для тебя источником проблем...

— Эта девица, как ты изволил выразиться, станет матерью моего ребенка. Возможно, весьма скоро, — тихо произнес Арланд.

— Прекрасно. Даже комментировать не буду, чем ты думал... Так вы там в замке сидели и имя придумывали? — съязвил Дэлавер. — Господин Освальд Дюбар уже в курсе, что скоро станет дедушкой? Какая будет радостная новость для ваших семейств. Многое бы отдал, чтобы увидеть их лица...

— Рэйвен, у тебя совесть есть вообще?

— Совестливые на моем посту не задерживаются.

Арланд приготовился добавить еще пару характеризующих приятеля эпитетов, но странный воющий звук перебил его. Вой, доносившийся из стола Дэлавера, нарастал с каждой секундой. Вскоре к нему добавился еще и грохот, будто в одном из ящиков бесновался дикий зверёк, пытаясь вырваться наружу.

— Вот так дела! — Рэйвен ловко выудил из стола крутящийся и подпрыгивающий предмет, в котором Ангэлэр не сразу признал следящий артефакт. Что-то нажал на нем, и леденящий душу вой резко оборвался. — Сработала наша сигналка. Проход в подземелье только что открыли!

Глаза некромонга предвкусно сверкнули холодом стали.

— Со стороны дворца? — нахмурился Арланд.

— Нет. Проход открыт в Сен-Г рейс.

В следующее мгновение Ангэлер уже рывком открывал дверь кабинета.

— Ты куда?! Погоди!

— Элеонора в школе! — бросил через плечо, и не думая останавливаться. — Она в опасности, если злоумышленники проникли в Сен-Грейс...

— Проклятье! — ругнулся Рэйвен, подпрыгивая следом. — Вечно девица Дюбар оказывается не там, где надо...

Худосочный парнишка, служивший секретарем у главы службы охраны кронпринца в течение последнего года, благоразумно вжался в стену, изумленно наблюдая, как мимо него пробежали два некромонга.

— Вызови в малую анфиладу Барта и Свена, — бросил ему на бегу Дэлавер. — Задача — охранять спуск в подземелье. Кроме меня и Ангэлера никого не впускать и не выпускать.

Арланд направился было к лестнице, спеша добраться до оставленного на парковке ренмобиля, но его бесцеремонно потянули за рукав в противоположную сторону.

— Под землей быстрее доберемся до школы, — пояснил друг на его возмущенный взгляд. — И точно не разминемся с нашим загадочным преступником.

В голосе и глазах Дэлавера отчетливо читался азарт и предвкушение охоты. Они вот-вот разгадают загадку, над которой бились несколько месяцев. Дни в ожидании тянулись мучительно медленно, подтачивая уверенность в удачном исходе расследования. Убийца оказался настолько терпелив и осторожен, что они почти отчаялись его поймать. И вот расставленная ловушка готова захлопнуться... Арланд бы с радостью разделил охотничий азарт друга, если бы не тревога за Элеонору, словно ледяной кулак сжавшая сердце. Он не верил в совпадения: визит Элы в школу и проникновение в подземелье — не могли совпасть случайно. Но если отец и дядя девушки не причастны к убийству, то малышка Дюбар никоим образом не связана с преступником... Однако ж интуиция буквально вопила, что не всё так однозначно и Эла определенно в опасности!

А ведь как чувствовал, что надо оставить любимую в замке. Зачем только позволил себя уговорить?..

До подземелья они с Дэлавером добрались беспрепятственно и, отключив охранку со стороны дворца, спустились во мрак старого лабиринта. Повезло, что Рэйвен уже побывал тут ранее по поручению королевы и предусмотрительно припрятал в нише пару светильников. И к залу, где был захоронен Роланд, шел почти уверенно. Со слов отца, это был единственный проход, соединявший школу и королевский дворец; все прочие подземные ходы либо заканчивались тупиками, либо вели к храму Смерти.

Ангэлер нетерпеливо дышал в затылок другу, едва не наступая ему на пятки. Сердце в груди с каждой секундой колотилось всё быстрее и быстрее. Разум требовал остыть и сосредоточиться, а душа рвалась вперед... скорее! Только бы не опоздать...

Двигаться некромонги старались бесшумно, изредка переговариваясь тихим шепотом. А потому чужой, каркающий голос у входа в подземную усыпальницу расслышали сразу. Дэлавер резко остановился в тени каменного выступа и предупреждающе поднял руку, прислушиваясь. Голос и слова говорившего искажались многочисленным эхом, метавшимся по подземным переходам. С трудом удавалось что-либо разобрать. А потом слуха некромонгов коснулся девичий вскрик...

Арланда будто разрядом молнии прошло. Оттолкнув Дэлавера с дороги, он ворвался в просторный зал. От представшей перед глазами картины мир затопила вязкая тьма. Сознание разделилось надвое: одна его часть действовала на рефlekсах, без промедления, а вторая — бесстрастно осмысливала и анализировала происходящее. Прежде карателю такое довелось испытать лишь однажды, в ситуации смертельной опасности. Но в этот момент угроза нависла вовсе не над ним...

Острый нож, занесенный над испуганной Элой, осыпался черной пылью. Следом за ним должен быть развеяться и склонившийся над девушкой темный силуэт. Но этого не произошло...

Арланд недоверчиво прищурился. Силуэт был женский. Невосприимчивость к магии смерти могла означать лишь одно — перед ним некромонг. Женщина- некромонг...

Что за чертовщина?!

Однако сомнения поколебали его решимость лишь на мгновение. Кто бы ни была незнакомка, она собиралась убить его избранницу, а потому и он церемониться не станет. Не давая ей опомниться, Ангэлер бросился вперед, буквально врезавшись в оторопевшую злодейку. Вот только попытка

оттолкнуть ее от сжавшейся у стены Элы не увенчалась успехом. Дамочка, вопреки почтенному возрасту, оказалась на редкость прыткой: чудом извернувшись, она умудрилась схватить малышку Дюбар за руку.

Сердце в груди Арланда едва не остановилось от охватившего его ужаса. Убивать на расстоянии, как это делали каратели, дамам-некромонгам было не под силу — магия смерти у женщин от рождения была слабее и использовалась ими только для защиты. Но в таком тесном контакте ненормальная старуха могла запросто нанести Эле повреждения, несовместимые с жизнью. В любую секунду девушка могла упасть замертво... Пальцы Ангэлера сами потянулись в направлении горла убийцы, скручивая нити магии в смертельную удавку. Не каждому карателю такое по силам — материализовать разрушительную магию смерти. Если верить легендам, таланты некромонгов — это лишь крохи той силы, которой обладали их прародители. Потомкам же подвластно разрушать всё, чего касается их магия, но, чтобы что-то создать — даже магическую петлю, — приходилось чем-то расплачиваться. Платил Арланд своей силой и годами жизни.

Ради жизни Элеоноры...

Старуха захрипела и рухнула на колени. Костлявые руки взметнулись вверх, царапая сдавленное невидимой удавкой горло. Освободившаяся из захвата Эла поспешно отскочила от нее, глядя на происходящее широко распахнутыми глазами.

Без зазрения совести Арланд потянул жизненные силы из плененной старухи. Коль вынудила его прибегнуть к подобным приемам, пусть и платит за это наравне с ним...

— Перегибаешь палку, Ар, — сквозь грохот пульса в ушах послышался встревоженный голос Дэлавера.

А в следующее мгновение шею обвили тонкие девичьи руки. Холодные как лед! Ангэлер порывисто притянул дрожащую девушку к себе. Спрятал ее лицо на груди, не позволяя заглянуть в свои затянутые чернотой глаза. Увидеть такое — самому было бы не по себе, а уж Элу подобное зрелище способно напугать до потери сознания.

Удавка развеялась, и старуха-некромонг обессиленно осела на пол, привалившись спиной к каменному саркофагу. Арланд всматривался в ее изможденное лицо, силясь вспомнить, откуда оно ему знакомо.

— Вот так встреча, — протянул, не скрывая удивления, подошедший ближе Рэйвен. — Я ожидал увидеть здесь кого угодно, но только не вас, дорогая Элизабет Беккер... Или вам привычнее ключница Бэтти?

Уголок губ мадемуазель Беккер досадливо дернулся.

— Признаться, я тоже не рассчитывала встретить здесь вас, лорд Дэлавер... Как вы узнали, что сюда кто-то проник?

— В прошлый раз вы проявили чудеса наблюдательности за подземным проходом, — загадочно улыбнулся ей Рэйвен, — а в этот раз — мы.

Ангэлер неверяще смотрел на сгорбившуюся на полу старушку. Та самая девушка из рассказа отца, наказанная ангелом Смерти. Всё это время она была рядом, пока они безрезультатно искали совсем не в том месте... Но каковы ее мотивы?

— Зачем вы это сделали, Элизабет? — озвучил за него вопрос Дэлавер.

Старуха упрямо сжала губы, не собираясь отвечать. Лишь молча проглатала их обоих негодующим взглядом.

— Зачем вы убили официантку и пытались прикончить мадемуазель Дюбар? — спокойно повторил Рэйвен.

Арланд отвел Элеонору подальше и спрятал за спину от недоброжелательных взглядов ключницы.

— Это всё ради мести? — выдвинул он свое предположение. — Отец ранил Роланда, и поэтому вы решили отыграться на моей избраннице?!

Ведь он даже жалел бедняжку Элизабет, когда узнал ее историю. А она тем временем наслаждалась безнаказанностью и замышляла новое хладнокровное убийство... Ангэлера буквально трясло от гнева. Здравомыслие в таком состоянии сложно, поэтому он благоразумно уступил другу право вести допрос.

— Ловко вы всех обвели вокруг пальца, — хмыкнул Дэлавер, опустившись на корточки напротив

Бэтти. — И посрамили меня знатно: ведь у меня и тени сомнения в отношении вас не возникло. Я по привычке мыслил излишне масштабно, подозревая чуть ли не государственную измену. А преступление оказалось банальной женской мстью...

— Ее злодеяния далеки от банальности, — прорычал Арланд.

— Согласен, Ар. Выразился неверно: банален мотив, а вот воплощение плана даже вызывает определенное восхищение...

— Ты это серьезно?!

Рэйвен неопределенно пожал плечами, не желая вдаваться в дискуссию.

— Она хотела вернуть молодость! — подала голос Эла, робко выглянув из-за плеча. — Хотела убить меня, чтобы снова стать юной девушкой!

— Это невозможно, — покачал головой Ангэлер. — Ей никогда не стать молодой...

— Врешь! — взбеленилась Бэтти. — У меня бы всё получилось, если бы не ваше вмешательство. Я знаю, как призвать ангела! И я заключила бы новую сделку...

— Элизабет, ангелы Смерти не являются по призыву... Никогда. Какую бы выгодную сделку вы им ни предложили, — с горечью в голосе напомнил Рэйвен. — Ангел приходит только за душой умирающего некромонга. Но, насколько я вижу, умирать вы не собирались, а мадемуазель Дюбар определенно не некромонг. Какой был смысл ее убивать?

— Я отыскала старую книгу... Там было описание одного забытого ритуала призыва... с человеческой жертвой.

— Вам явно попался какой-то сомнительный гримуар. С помощью подобного ритуала вы бы скорее вызвали демона, а не ангела...

— А ну и пусть! Я и с демоном готова заключить сделку, если он пообещает выполнить мое желание! — с вызовом выкрикнула Бэтти.

— Некоторых жизнь ничему не учит, — осуждающе посмотрел на нее Ангэлер.

Элеонора в его объятиях уже перестала дрожать и с плохо скрываемым

любопытством прислушивалась к разговору. Конечно, всё, только что прозвучавшее, не было предназначено для ее ушей. Однако учитывая, что клятва неразглашения являлась одной из обязательных при брачном обряде некромонгов, на этот счет можно было не волноваться.

— Это уже не коварство... это — безумие, — убежденно произнес Дэлавер. — Разумнее было обратиться к жрицам в храме Темнейшей.

— Думаете, за двадцать с лишним лет я что-то не попробовала? Да я до Верховной жрицы дошла! Но она отказалась мне помочь... Сказала, что сделки с ангелом необратимы, их условия конечны...

— Так и есть. Вы ведь это и сами знаете, Элизабет... Просто отказываетесь принять, — голос Дэлавера был полон искреннего сочувствия.

Арланд с удивлением посмотрел на друга. Рэйвен беседовал с Бэтти так мягко и добродушно, словно собирался отчитать ее, как провинившегося ребенка, и отпустить на все четыре стороны. А ведь на ее руках кровь несчастной официантки! Опоздай они немного, и она так же бессмысленно и беспощадно оборвала бы жизнь Элы...

— Такой блестящий план, и такая провальная идея в его основе, — посетовал Дэлавер. — Вы даже умудрились задействовать Ее Величество Королеву Магдалену...

Губы Бэтти сжались в тонкую линию.

— Она спускалась сюда? Приходила смотреть на... него?

— Нет, — покачал головой Рэйвен. — Королеве хватило благоразумия этого не делать.

— Трусиха! Она никогда не была его достойна, — презрительно обронила Бэтти. — Лучше бы она навсегда уснула в этом гробу!

— Осторожнее, Элизабет, вы произносите опасные вещи, — предостерег Дэлавер вкрадчивым голосом. — Вы сейчас говорите о правительнице Лидегории, а не о какой-то там удачливой сопернице, в которую был безумно влюблен Роланд... Вы же на самом деле не желаете королеве

зла?

— Еще как желаю! Жаль только, причинить не могу...

— Элизабет, это прямая угроза в адрес Ее Величества. Вы хоть понимаете, что подобное карается смертью?!

— Лучше смерть, чем такая жизнь.

Ангелер шумно втянул воздух. Теперь он понял игру, которую на его глазах вел глава Тайной канцелярии. Дэлавер сделал всё, чтобы разговорить убийцу. Своим добродушием он развязал ей язык и расчетливо подвел к роковому признанию.

Произнесенная при свидетелях угроза в адрес королевы — это смертный приговор для любого подданного. Осознавала ли это Бэтти? Или безумие уже окончательно поглотило ее разум?..

Арланд понимал, что казнь Элизабет Беккер станет лучшим решением для всех. Только глупцы оставляют врагов в живых и до конца жизни ходят оглядываясь.

Такой участи для себя и Элеоноры он не желал. Пока Бэтти жива, она не оставит попыток вернуть свою молодость, ведь эта идея полностью подчинила ее разум, вытеснив оттуда понятия о добре и зле. Причинить реальный вред королеве, несмотря на угрозы, она не сможет — клятва некромонгов не позволит. А вот для всех остальных Бэтти будет представлять опасность. Да, Ангелеру было по-прежнему ее жаль, но свой выбор она сделала сама. Теперь же настало время платить по счетам...

Элеонора тихо всхлипнула в его объятиях, заставив вмиг забыть о безумной ключнице.

— Вы сейчас ее убьете? — спросила дрогнувшим голосом.

— Конечно, нет, — некромонг крепче прижал ее к себе и успокаивающе погладил по спине. — Мы не вправе вершить самосуд...

— Думаю, не ошибусь, предположив, что смерть Элизабет повлечет за собой и окончательную гибель Роланда, — задумчиво добавил Дэлавер. — А вместе с этим могут рухнуть и своды усыпальницы. Так что предлагаю без промедлений покинуть подземелье.

Ангелер согласно кивнул.

— Хорошо. Двигаемся в сторону дворца, — распорядился Рэйвен. Он извлек из кармана наручники из заговоренной стали, какими каратели обычно сковывали беглых магов. Полностью от магии некромонгов они не были защищены, но могли продержаться дольше, чем любые другие оковы.

С неприятным лязгом они защелкнулись на морщинистых запястьях. Дэлавер поднял плененную преступницу, как пушинку, и поставил на ноги.

— Подожди, — окликнул друга Арланд, прежде чем процессия направилась из зала в сторону дворца.

Развязав шейный платок, он соорудил из него повязку, которую накинул на глаза Бэтти. Та глубоко вдохнула и капризно фыркнула:

— У лорда Дэлавера парфюм приятнее.

— Потерпите, — процедил в ответ. — Это не для вашего удовольствия, а для безопасности окружающих.

— Мудрое решение, Ар, — похвалил его Рэйвен и, уже обращаясь к старухе, добавил: — Увы, дорогая Элизабет, я так спешил к вам на встречу, что оставил половину вещей в кабинете, в том числе и свой платок...

— Ой, а я тоже вещи в дортуаре оставила, — спохватилась малышка Дюбар и растерянно посмотрела в зияющий чернотой проход с противоположной стороны зала. — Как же мне за ними вернуться?

— Туда мы точно не пойдем, — нахмурился Арланд. — На ренмобиле заедем в школу. В любом случае нужно поговорить с директором Хоулем. Я только одного не понимаю... Зачем ты спустилась с ней в подземелье, Эла? Как тебе вообще такое в голову пришло?!

Девушка обиженно засопела и опустила глаза. Ангелер примиряюще притянул ее ближе и, уткнувшись носом в волосы, тихо прошептал:

— Я едва не потерял тебя. Снова... А всё потому, что ты меня не слушаешься...

— Впредь я буду слушаться, — выдохнула Элеонора. Ее теплое дыхание приятно щекотало оголенное горло.

Ну-ну... Всем известно, что обещания юных девиц и гроша ломаного не стоят. Некромонг на мгновение задумался, не включить ли обет послушания в перечень брачных клятв? Было бы неплохо...

— Я хотела вернуть кольцо, — с грустным вздохом призналась Эла. — То самое, с черным бриллиантом... Я его обронила в комнате, а Бэтти забрала...

— А под землю-то зачем пошла за ней? — непонимающе моргнул Ангэлер.

— Она сказала, что там хранилище для особо ценных вещей... Я почувствовала, что-то не так... Но как уйти, не проверив?..

— Темнейшая, Эла, я похож на нищего?! Думаешь, не смогу купить новое кольцо?

— А захочешь ли... — Девушка виновато покосилась на него и закусила губу.

Были бы они наедине, Арланд непременно поддался бы на эту чувственную

провокацию. Очень уж соблазнительно Эла покусывала губки. Но сейчас он лишь покачал головой и ожидающе глянул на Дэлавера. Тот понимающе склонился к пленнице и о чем-то с ней пошептался.

— Элизабет не сознается, куда дела кольцо, — развел руками друг. — Если только пыгать...

— Господи, не надо пыгать! — взмолилась Эла, поверив в угрозу. — Я сама виновата...

Ангэлер бросил весьма красноречивый взгляд на довольно ухмыльнувшегося Рэйвена. Похоже, тот никогда не устанет развлекаться за счет юных, доверчивых особ.

— Как же мне надоели эти пустоголовые девицы! — неожиданно зашипела Бэтти, безошибочно повернув голову с завязанными глазами в сторону Элеоноры. — Нет у меня твоего кольца! Отстаньте только... Расплатилась я им за услугу, чтобы письмо мое в королевскую корреспонденцию попало. Так что кто-то из придворных теперь его носит...

— А вот это интересно, — склонился ближе Дэлавер. — Я обязательно найду этого любителя украшений, готового оказывать сомнительные услуги. Благодарю за ценные сведения, Элизабет!

— Ведите уже, лорд Дэлавер, — криво улыбнулась Бэтти. — С таким кавалером, как вы, не страшно отправиться в последний путь...

Рэйвен осторожно взялся за милостиво протянутую руку и увлек преступницу в лабиринт коридоров. Арланд с Элой двинулись следом.

Глава 26. Забытый долг

Я была настолько потрясена произошедшим в подземелье, что с трудом воспринимала всё последовавшее далее. Оставив лорда Дэлавера во дворце разбираться с преступницей, мы с Арландом вернулись в Сен-Грейс.

Оказалось, школа не была такой уж безлюдной... На этот раз нас встретил дворецкий, тут же неподалеку обнаружился и Марк Хоуль. Лорд-попечитель распорядился, чтобы мои вещи принесли из дортуара и погрузили в ренмобиль, после чего предложил директору пройти в его кабинет для частного разговора. Всё это время Арланд держал меня за руку, не отпуская ни на секунду. У меня не осталось сил волноваться, как это выглядело со стороны и что об этом подумал директор Хоуль. Я просто была благодарна за то чувство безопасности, что он дарил мне, согревая теплом своей ладони.

Видит Всеединый, оно мне было нужно!

Удобно устроившись рядом с Ангэлером на диванчике в кабинете директора, я очень быстро потеряла нить их разговора. Это было даже к лучшему: проживать заново всё случившееся, слушая последовательный рассказ Арланда, не хотелось.

Мои мысли крутились вокруг странного разговора, произошедшего между Бэтти и Дэлавером. Я не поняла и половины услышанного, но мне стало отчаянно интересно, кто был этот Роланд, оставленный в гробу под землей. И как он был связан с королевой? Я слышала, как безопасник тихо обронил, что обещал сопроводить Ее Величество в усыпальницу, и попросил Ангэлера закрыть проход со стороны школы, дабы исключить риск нечаянных свидетелей. Пока мы ехали в Сен-Грейс, я попыталась расспросить Арланда на эту тему, но он отказался что-либо мне пояснить, сославшись на клятву неразглашения. Лишь загадочно улыбнулся, пообещав, что со временем я всё узнаю.

Когда мужчины закончили разговор, в кабинет директора вошла мадам Луиза и пригласила нас пообедать. Мы с Арландом в один голос пытались отказаться, но супруга директора проявила удивительную, не свойственную ее деликатной натуре, настойчивость. Решающим аргументом стало то, что девочка — то есть я — выглядит обессиленной и бледной. Судя по обеспокоенному взгляду, которым окинул меня некромонг, так оно и было.

Ну а что они хотели? Сложно искриться жизнерадостностью после только что пережитых злоключений...

Луиза Хоуль клятвенно пообещала Ангэлеру, что мне полегчает после приема пищи, и увлекла нас в столовую. Для верности даже накапала в мою воду успокоительного. Хотя сам обед и проходил в несколько мрачной обстановке, после него я и впрямь ожила.словно сгустившийся в голове туман разом развеялся. Теплый бульон и успокоительные капли сделали свое дело.

Когда мы покинули школу, Арланд намеревался отвезти меня в особняк на Лустгартен. Но после нескольких минут уговоров направил ренмобиль в сторону Центральной набережной. Если сегодня я пережила столкновение с безумной Бэтти, то и встречу с отцом тоже выдержу. Не хотелось откладывать эту неприятную миссию на потом и жить в ожидании грядущих ссор. А в том, что папенька с советником встретят нас далеко не с распростертыми объятиями, я не сомневалась...

Так не лучше ли покончить со всеми малоприятными делами одним днем?

Дверь дома советника Сюффрена открыл уже знакомый мне долговязый дворецкий. Он смерил Ангэлера недоверчивым взглядом, но присмотревшись ко мне повнимательнее, всё же распахнул двери, приглашая войти. Правда, в этот раз дальше холла нас проводить не успели. Спускавшийся по лестнице отец мгновенно заметил нежданных гостей, помрачнел и, сжав кулаки, бросился навстречу.

— Папа, — неуверенно начала я, но осеклась, наткнувшись на стылый взгляд родных глаз.

Впрочем, долго задерживать свое внимание на мне отец не стал и, растянув губы в злорадной ухмылке, обратился к некромонгу:

— Весьма любезно с вашей стороны, лорд Ангэлер, зайти попрощаться перед отъездом.

— Перед каким отъездом? — холодно спросил Арланд.

— Перед вашим, конечно, — скрестил руки на груди отец. — Этот скандал с убийством в вашей школе... Такое позорное пятно на репутации не получится быстренько оттереть! После подобного фиаско любой порядочный человек покинул бы Мальбург...

— Я не человек, — мрачно прозвучало в ответ.

— И то верно! О порядочности вы, полагаю, тоже не слышали... О ваших грязных делишках судачит вся столица. Уж поверьте, впредь никто из благородных семейств не отдаст дочерей в вашу школу. Наконец-то семейка Ангэлоров получила по заслугам!

— Не торопитесь с выводами, господин Дюбар.

— В отличие от вас, Ангэлер, мне некуда торопиться! А вам стоит поскорее убраться отсюда, пока я не вызвал полицмейстера...

— Полицмейстера?! — из коридора послышался встревоженный голос. В холл вплыла Беата Сюффрен. — Что здесь происходит?

— Ничего, стоящего твоего внимания, — грубо ответил сестре отец. — Лорд Ангэлер соизволил вернуть Элеонору домой. И уже уходит...

— Мы уйдем не раньше, чем получим все полагающиеся вашей дочери документы, — веско произнес Арланд.

— Вы ничего от меня не получите! — с плохо сдерживаемой злостью прошипел отец.

— А мне от вас ничего и не надо. Всё, что хотел, я уже забрал. От вас требуется лишь отдать Элеоноре то, что и так ее по праву.

— Не смейте мне указывать! Убирайтесь из этого дома! Сейчас же. Никому из вашей поганой семейки здесь не рады.

— Освальд, так нельзя, — нервно икнула тетушка, прижав руку к груди. — Ведь Эла уже...

— Не вмешивайся, Беата! Иди, займись своими шляпками.

Очевидно, в отсутствие советника Сюффрена отец решил взять на себя роль хозяина, бесцеремонно командуя в его доме. Полное лицо тетки приняло по-детски обиженное выражение. Бросив на меня виноватый взгляд, она послушно удалилась. Мне стало стыдно за отца и искренне жаль его сестру: всю жизнь Беата провела среди мужчин, которые ее ни во что не ставили. Интересно, если бы я росла в семье, меня ждала бы такая же участь?..

— Вы еще здесь, Ангэлер? — Освальд Дюбар откинул упавшую на лоб прядку волос и театрально приподнял бровь. — Если вы немедленно не уйдете, то неприятности вам гарантированы... Вы похитили человека, и я с радостью передам вас в руки правосудия!

Арланд позабавлено хмыкнул и демонстративно притянул меня ближе.

— Приятно видеть, что с годами ваша фантазия не ослабевает. Как и ваша неприязнь ко мне... Кого же я, по-вашему, похитил?

— Мою дочь. Эла? — Отец требовательно уставился на меня, явно ожидая подтверждения своих слов.

Я невольно вздрогнула от неожиданности. До этого момента мне отводилась роль немого свидетеля, которому дозволялось лишь следить за перепалкой, не рассчитывая вставить хоть слово. А тут вдруг папенька решил предоставить мне возможность высказаться. Вот только говорить то, что он хотел от меня услышать, я не собиралась! Да, некоторое время назад я и сама в пылу обиды обвиняла некромонга в собственном похищении... Но теперь так не думала. Более того, была совсем не против поскорее вернуться в наш тихий и уютный Мор-ле-Мец.

— И как понимать твое молчание? Значит, спуталась с некромонгом и ради него готова предать свою семью?!

— Папа, пожалуйста! Давайте прекратим эту некрасивую сцену...

— Прекратим, как только Ангэлер уберется прочь. Отойди от него, Эла! Живо дай руку! — Властным жестом отец протянул ко мне ладонь. Ярость на его лице смешалась с мрачной решимостью во что бы то ни стало забрать меня у ненавистного некромонга. — Твое место здесь, рядом со мной.

На мгновение я снова ощутила себя маленькой девочкой, готовой спрятаться от сердитых взрослых под стол. Казалось, еще немного, и Арланд с отцом просто начнут перетягивать меня за руки. Хотелось зажмуриться и зажать ладонями уши, чтобы не видеть, не слышать и не ощущать той

вражды и ненависти, что стеной ревущего пламени стояла между дорогими для меня людьми. Любимый мужчина и родной отец оказались по разные стороны нерушимой преграды, и мне предстояло выбрать, с кем я останусь, а кого потеряю навеки...

— Я уже взрослая, папа, и свое место в жизни смогу найти сама, — произнесла твердо и открыто посмотрела в глаза отцу.

В них промелькнуло секундное замешательство, а потом они зло сузились.

— И где же твое место — в постели некромонга?! — он безжалостно хлестнул меня словами. — Или ты настолько глупа, что рассчитываешь на большее?

— Меряете всех по себе, Дюбар? — грозно рыкнул Арланд, ободряюще стиснув мою ладонь.

Чувствовалось, что сдерживался лорд из последних сил. Я кожей ощущала вибрации негодования, что исходили от него. Намеренно или в пылу ссоры, но отец играл с огнем. Надо бы поскорее заполнить бумаги и увести отсюда Ангэлера, пока не случилось непоправимое.

— Ты неблагодарная дочь! — бросил мне в лицо папенька и брезгливо скривился, опустив взгляд на наши переплетенные пальцы.

От такого заявления я даже дар речи на мгновение потеряла. Но зато, когда вновь его обрела, слова сами сорвались с губ:

— За что именно я должна вас благодарить, отец? За жестокую ложь о вашей гибели, которой вы окружили меня на целых двенадцать лет? За то, что бросили ребенком, сбежав от уплаты долгов? За одинокие годы в интернате без единого визита родных? За то, что сейчас пытаетесь лишить права выбора? В моей жизни вы участвовали лишь в моменте зачатия... А теперь смеее требовать, чтобы я стала безропотным орудием мести в ваших руках?!

Дыхание сбилось, и я прикусила язык. В воцарившейся в холле тишине лишь тревожно отстукивали секунды огромные напольные часы, как мрачный страж стоявшие у прохода в галерею.

— Вот, значит, как ты думаешь... — угрюмо протянул Освальд Дюбар. — Что ж, неудивительно... За эти годы в школе некромонгов тебя успели научить не ставить родных ни в грош. Какие еще мысли тебе внушили?

— Никто мне ничего не...

— Высшим счастьем у вас, поди, считается стать любовницей некромонга? — едко перебил меня отец. — Родить от него ублюдка? Этого ты хочешь?! Ты и впрямь вся в мать! Такая же шлю...

Звонкая пощечина оборвала его на полуслове. Отец тряхнул головой и ошарашенно уставился на тетку Беату, застывшую напротив. Никто из нас не заметил ее возвращения.

— Никому не позволено оскорблять память усопших! — гневно прошипела она и, повернувшись ко мне, протянула тонкую коричневую папку с желтоватыми тесемками. — Возьми, Эла! Здесь собраны все полагающиеся тебе документы и свидетельства.

— Что ты ей отдаешь? — Отец попытался перехватить руку сестры.

— То, что должна. Элеонора вступила в возраст принятия решений, и я, как ее опекун, просто обязана передать ей эти бумаги. Или ты хочешь, чтобы у лорда Ангэлера появились основания обвинить нас в нарушении законов?

— Немедленно верни папку в сейф Роберта! Он не разрешал тебе ее доставать!

— Ты забываешься, Освальд! У тебя нет ни малейшего права командовать в моем доме.

Отец недобро ухмыльнулся.

— Посмотрим, как ты заговоришь, когда вернется твой муж... Тебе не сойдет это с рук, Беата!

Тетушка упрямо вздернула подбородок и отвернулась от него.

— Надеюсь, ты не держишь на меня зла, Эла, — она мягко коснулась моего предплечья. — Я верю, что у тебя всё сложится наилучшим образом, — тут тетушка многозначительно посмотрела на Арланда. — И я буду несказанно рада получить от тебя весточку.

— Спасибо за всё, — прошептала я в ответ, прижав к груди заветную папку.

— Милорд... — Кивнув на прощание Ангэлеру, Беата Сюффрен развернулась и уплыла в сторону лестницы, оставив после себя в холле лишь сладковатый аромат кофейного ликера.

Арланд осторожно потянул меня за рукав, намекая, что задерживаться в этом негостеприимном доме больше нет смысла. Я была с ним полностью согласна.

— Ты об этом пожалеешь! — воинственно выкрикнул отец, не в силах смириться с проигрышем.

Ангэлер нехотя развернулся и прежде, чем я успела его остановить, схватил оппонента за грудки и с силой впечатал в дубовую дверь.

— Вместо того, чтобы сыпать угрозами, вспомните-ка, Дюбар, что вы сами в городе на птичьих правах, — выдохнул гневно. — Ваше нелепое воскрешение скоро перестанет быть тайной и тогда... вам придется объяснить и причины своего исчезновения, и какого черта вы столько лет водили всех за нос! Если вы позволите себе хоть одно враждебное движение в сторону Элы, то клянусь, при дворе все узнают про ваши финансовые махинации, подкупы и клевету!

— Король Фердинанд не поверит ни слову...

— Зато Ее Величество прислушается. И, к несчастью для вас, в Лидегории правит королева, а не король-консорт.

— Арланд, пожалуйста,пусти его! — вмешалась я, прерывая их спор.

Дыхание отца стало сиплым, и я всерьез испугалась, как бы некромонг ненароком не придушил его.

— Я вас предупредил, Дюбар. — Арланд поставил его на ноги и отстранился. — Настоятельно рекомендую оставить дочь в покое и убраться из города, если не хотите остаток дней провести в долговой яме. Я вам такую сумму штрафа за клевету и навет выставлю, что не расплатитесь...

— Блефуете, Ангэлер... — болезненно поморщился отец, потирая грудь. — Это погубит репутацию нашей ненаглядной мадемуазель Дюбар. Вы этого не допустите...

— Мадемуазель Дюбар к тому моменту уже не будет существовать.

Отец недоверчиво прищурился, не веря словам некромонга. Я же растерянно хлопнула ресницами. Как это меня не будет?..

— А леди Ангэлер это навредить не сможет, — закончил Арланд и подмигнул мне с победной улыбкой.

— Будь ты проклят! И всё твоё отродье! — буквально выплюнул отец, посылая мне гневный взор.

Я испугалась. Не на шутку испугалась! Родительские проклятия — одни из самых опасных и долговечных. Если у Освальда Дюбара есть хоть капля магии, его слова могут иметь для моего ребенка ужасающие последствия... Как он мог — проклясть собственных внуков?! В защитном жесте я прижала руку к низу живота, почувствовав, как глаза защипали непрошенные слезы. Что теперь с нами будет?

Мои дрожавшие пальцы уверенно накрыла теплая мужская ладонь.

— Не бойся, — успокаивающе шепнул мне на ухо Арланд. — Всё будет хорошо. Вы недосыгаемы для проклятий. Пойдем отсюда.

— Ума у вас так же мало, как и чести, — холодно бросил он через плечо отцу.

Смотреть на последнего не хотелось. Одной фразой он оборвал все семейные связи между нами. Да и были ли они когда-либо? Пожалуй, только в моих мечтах...

Мы вышли из особняка не оглядываясь.

Эпилог

Осеннее солнце заливало будуар роскошной спальни в особняке Ангэлеров. Теплые блики золотили винтажные рамы картин, мерцали в шелковых узорах портьер и янтаре подсвечников.

Сидя перед зеркалом, я с рассеянной улыбкой скользила взглядом по обновленной обстановке спальни Арланда, переделанной в наше семейное гнездышко. Несмотря на заверения, что жить мы планируем в Мор-ле-Мец, Ангэлеры старшие всё же перестроили городское пристанище сына, расширив его за счет бывшей комнаты Аронса. Теперь на Лустгартен у нас были поистине королевские покои; даже неловко становилось от того, что места в особняке мы занимали больше, чем его хозяева.

В зеркальной поверхности трюмо сверкнуло золотыми искрами тиснение приглашения, лежавшего передо мной на столике. Я провела кончиками пальцев по филигранному узору и ряду ровных строк, отпечатанных в старейшей типографии Мальбурга, где директор Хоуль всегда заказывал пригласительные на школьные праздники.

По плотной шершавой бумаге бежали изящные буквы:

«Имеем честь пригласить лорда Арланда Ангэлера и леди Элеонору Генриетту Ангэлер на торжественный прием по случаю начала нового учебного года в Школе изящных манер Сен-Грейс».

Элеонора Ангэлер...

Я невесомо обвела свое имя, словно боялась, что буквы волшебным образом сотрутся и вместо них проступит «выпускница Элеонора Дюбар».

Вот вроде уже замужняя дама, а всё глупости в голову лезут!

Приглашение лукаво подмигнуло мне золотым гербом Сен-Грейс. Точно такой же был изображен на моем выпускном аттестате, хранившемся в нижнем ящике стола. Арланд всё же сдержал обещание и договорился с директором Хоулем — мне было позволено сдать пропущенные экзамены и зачеты. К счастью, их оставалось не так уж много.

Что ни говори, а экзамены у леди Ангэлер сдавались куда легче, чем у мадемуазель Дюбар...

Было даже забавно наблюдать, как мадам Мезар, произнося мое имя, всякий раз оговаривалась и скрипела зубами по этому поводу. Наверняка, считала меня ушлой девицей, окрутившей доверчивого лорда-попечителя. Ну и пусть! Если постоянно оглядываться на то, кто и что о тебе думает, так и жить будет некогда. Я же предпочитала смотреть вперед, где меня ждала долгая удивительная жизнь рядом с мужчиной, которого я мечтала назвать своим супругом.

Привычным жестом я нежно погладила кольцо на безымянном пальце. Черный бриллиант довольно сверкнул множеством граней. Подарок Арланда уже больше месяца соседствовал со вторым, обручальным, кольцом; по традиции некромонгов оба украшения надевались на один палец. Мужчины свое венчальное кольцо носили вместе с родовым перстнем. Первое колечко, потерянное в дортуаре Сен-Грейс, пока так и не было найдено. Наверное, даже будучи обнаруженным, оно станет уликой и навсегда останется в архивах ведомства лорда Дэлавера. Грустить по этому поводу я не собиралась, как и вспоминать о тех безрадостных событиях начала лета. Признаться, и времени-то на это особо не было.

После завершения истории с Элизабет Беккер жизнь завертелась с невообразимой скоростью. Предложение от Арланда, подготовка к свадьбе, назначенной на конец июля... Это было какое-то безумие! Как можно за месяц подготовить такое важное мероприятие?! Думала, я поседею, и Арланд передумает на мне жениться. Но, к счастью, большую часть забот взяла на себя леди Маргарет Ангэлер, которой активно помогала невестка, красавица Каролина.

В перерывах между примерками платья и согласованием свадебного декора я прилежно готовилась к грядущим зачетам и экзаменам. Арланд даже пытался мне помогать: оказалось, он отлично знал историю Лидегории и близлежащих государств, но в искусстве гостеприимства был совершенно бесполезен. В общем, его присутствие больше отвлекало, чем способствовало усвоению необходимых знаний. Приходилось, скрепя сердце, выставлять жениха за дверь. Только ему на смену приходила Рузана, камеристка леди Маргарет, чтобы помочь мне подготовиться к очередному выходу в свет. Первоначально мне прочили в личные горничные Крису, которая прежде ухаживала за леди Цицерией, а после ее кончины осталась не у дел, но я не горела желанием видеть эту девицу рядом с собой и Арландом. После моего отказа от ее услуг девушку забрали в дом Аронса, но любившая побездельничать служанка очень быстро получила расчет, не сработавшись с требовательным мажордомом, нанятым Каролиной. Да, слугам в том доме лениться было некогда: весь июль Ароне с супругой устраивали балы и приемы, отмечая триумфальное возвращение в столицу.

Гремевшие на весь Мальбург торжества были обязательны к посещению для нас с Арландом.

В этой бесконечной круговерти событий самый важный день подкрался незаметно. Я толком не успела ни испугаться, ни понервничать. Вообще, со дня нашей помолвки на меня удивительным образом снизошли спокойствие и уверенность в будущем, заставив искренне недоумевать, по какому поводу мы с Аром прежде

ругались.

Поутру в назначенный день я, затаив дыхание, облачилась в свадебное платье. Помня о любви некромонгов к излишне откровенным нарядам, — траурные платья, отобранные леди Цицерией для похорон, до сих пор будоражили мое воображение, — я немного волновалась. Во время примерок, смущаясь под оценивающими взглядами кутюрье и леди Ангэлер, я скорее выступала послушным манекеном, чем активным участником обсуждения фасона моего будущего одеяния. И теперь меня мог ждать сюрприз... Но рассмотрев собственное отражение в зеркале, поняла, что напрасно переживала: никто не собирался выставлять мою грудь на всеобщее обозрение.

Платье получилось на редкость пристойным. Из неприличного в нем была лишь цена за баснословно дорогой оберийский шелк, который можно с комфортом носить даже в июльскую жару. Сама я бы на него никогда не покусилась, но леди Маргарет была непреклонна. С одной стороны, от ее заботы на душе становилось приятно, с другой — я понимала, что мама Арланда, возможно, лишь наверстывает упущенное при женитьбе старшего сына. В любом случае, мне было грех жаловаться: я выглядела, как сказочная фея, и чувствовала себя волшебной!

С моей стороны на свадьбе присутствовала лишь Виктория. Катрина готовилась к собственному бракосочетанию с кадетом Барроу и не смогла приехать. Приглашение отцу и опекунам я отправляла, особо не надеясь ни на их присутствие, ни на ответ. Однако накануне тетюшка Беата всё же прислала записку с добрыми пожеланиями и извинениями, что на церемонии они присутствовать не смогут. Причины она вежливо не уточняла, но мне всё было понятно без слов: очевидно, советник Сюффрен не нашел в себе силы встретиться с Ангэлерами лицом к лицу и супруге своей запретил являться на праздник. Вместе с посланием тетюшка передала подарок: две прелестные летние шляпки от известного в столице дизайнера головных уборов.

Также из ее письма я узнала, что отец уехал из Мальбурга, рассорившись с советником, гостеприимство которого резко закончилось после провала их грандиозных планов.

Прочитав это, я вздохнула с облегчением: так даже к лучшему. Приглашение было лишь данью вежливости — видеть отца на свадьбе я не желала.

Конечно, никакой помпезной церемонии венчания в соборе Всеединого в тот день не было. Клятвы мы с Арландом произносили в храме Смерти, где, как оказалось, имелся специальный хрустальный зал для подобных торжеств. На этот раз мне не пришлось мерзнуть и надевать маску. Сама церемония была на удивление скромной и незамысловатой, хоть и по-своему красивой. Всё, как и принято у некромонгов: элегантно, дорого и закрыто для чужих глаз. Из пугающего была разве что жрица: в черных облачениях она подобно хищной птице кружила вокруг нас, произнося традиционные девять благословений.

В отличие от Виты, видевшей бритоголовую служительницу культа Смерти впервые в жизни, я уже не очень боялась. Ведь мне довелось лицезреть жутковатую жрицу на похоронах леди Цицерии и еще на одной церемонии, которую мы с Арландом посетили перед свадьбой...

Когда приговор Бэтти был приведен в исполнение, настал черед проводить в последний путь пленника подземной усыпальницы. Попрощаться с ним собрались все некромонги-каратели и те приближенные, кто был в курсе печальной истории. Некоторые шептались, что таинственная дама в маске, пришедшая в сопровождении лорда Дэлавера, была не кто иная, как королева Магдалена. Впрочем, большинство присутствующих эта сплетня не сильно занимала. Куда больше было разговоров о том, что со смертью Роланда прервался один из древнейших родов некромонгов. Тогда же я узнала, что Ангэлеры, Мортимеры и Дэлаверы были не просто знатными семействами, а первоначальными династиями, ведущими свой род непосредственно от темных ангелов. От этой мысли по спине пробежал холодок. И одновременно с этим душу наполняло ликование, что теперь и я буду принадлежать к этой семье, а мои дети продолжат славный род некромонгов.

К слову, о детях...

Одной из причин нашей скоропалительной свадьбы были подозрения на мою беременность, которые, увы, не оправдались...

Даже не знаю, чего я испытала больше: облегчения или разочарования... Наверное, всего понемногу. И еще чуточку удовлетворения от того, что оказалась права: мое недомогание было вызвано исключительно магическими всплесками. О них я теперь и не вспоминала, даже когда после купания порой забывала надеть браслет-блокиратор...

Правда, являться на прием в Сен-Грейс без браслета я бы не рискнула. Мало ли к чему может привести волнение... Мне же очень хотелось, чтобы сегодня всё прошло гладко.

Я взглянула на пышное платье, что ждало своего часа на вешалке.

Кремовый атлас, узкий корсет... Пока я могу позволить себе надевать такие наряды, не опасаясь за здоровье ребенка. Но, учитывая старательность Арланда в данном вопросе, времени у меня в общем-то в обрез.

А вдруг я уже ношу в лоне нашего малыша? Ведь те две недели, что мы провели на уединенном острове в устье Марны были весьма...эмм... насыщенными. После свадьбы и сдачи экзаменов Ароне и Каролина любезно предложили нам с Арландом отправиться в свадебное путешествие на морской курорт и погостить в их доме на побережье. Но мой новоиспеченный супруг, как водится, всё сделал по-своему. Он арендовал белоснежную шхуну, на которой мы спустились по реке до самого устья, где, как горошины, рассыпаны небольшие острова. На одном из них был выстроен летний дворец Меровингов, а на остальных — роскошные усадьбы и гостевые домики для знати. Такой вот курорт для тех, кто предпочитает отдых без лишних глаз и ушей. Даже слуги на выбранном нами острове жили отдельно, в дальней его части, умудряясь при этом сделать наше пребывание комфортным и беззаботным. Пользуясь уединением, Арланд почти не выпускал меня из объятий, приговаривая, что в семье на одного Ангэлера мужского пола должно стать больше. Сладость поцелуев смешивалась с ароматом ночных фиалок, и, утомленные страстью, мы засыпали лишь под утро. Больше не оставалось сомнений, кого видит во мне супруг: желанную и горячо любимую женщину, с которой планирует прожить долгую счастливую жизнь...

Тихо скрипнула дверь, и я заметила в отражении вошедшего в спальню Арланда.

Блеск в его глазах заставил меня подобраться, а чувственная улыбка вмиг скрутила низ живота тугим узлом. Я не отказала себе в удовольствии огладить взглядом его статную фигуру, тем более что в небрежно расстегнутой сорочке и домашних брюках она выглядела весьма притягательно.

Так, а почему это он еще не одет к мероприятию? Я, конечно, понимаю, что джентльменам на сборы нужно куда меньше времени, чем дамам, но ждать в холле готовыми к выходу должны мужчины, а не наоборот.

А в следующее мгновение Арланд наклонился к моей шее, и причина задержки стала ясна как день... Приобняв за плечи, он провел по моей коже языком, влажно и греховно, прекрасно зная, как на меня это действует.

— Мы опоздаем, — ахнула я, когда супруг обвил рукой мою талию и прижал спиной к своей твердой груди, продолжая целовать чувствительный участок шеи рядом с ушком.

— Просто немного задержимся...

— Арланд!

— Эла...

Знакомые урчащие интонации заставили меня мысленно застонать. Бессмысленно бороться с ним. И еще меньше смысла бороться с собой.

Я взглянула на свою элегантную высокую прическу, над которой мы с Рузаной колдовали с обеда. Пылкая страсть супруга уничтожит плоды наших трудов в считанные мгновения. Знаю я, как он поступает с моими прическами!

Но ведь это мой по сути первый выход в свет в статусе леди Ангэлер... Неужели придется пойти с заколотыми на скорую руку волосами? Ну уж нет!

— Давай мы лучше пораньше сбежим после официальной части? — предложила с надеждой в голосе, решив предпринять еще одну попытку спасти мой изысканный образ.

— М-мм... - выдохнули мне в шею.

— И уедем в замок на день раньше?.. — Кажется, я только что пожертвовала возможностью пообедать с Витой и всласть поболтать. Красота, как говорится, требует жертв!

— Умеешь быть убедительной, — лукаво подмигнул мне в отражении Ар и тут же выпрямился как ни в чем не бывало.

Я посмотрела на него с подозрением. И как это понимать? Так он меня хотел или в Мор-ле-Мец удрать днем раньше?!

Довольный собой, супруг выудил из кармана брюк плоскую коричневую коробочку и положил передо мной на стол.

— Мама подобрала для тебя кое-что из украшений... Взглянешь?

Мои пальцы невольно замерли над крышечкой. Порой казалось, что с семейной сокровищницей Ангэлеров может сравниться разве что королевская... В коллекции леди Маргарет все драгоценности были невероятной красоты и соответствующей ценности. У некоторых даже оказались свои имена, а, возможно, и титулы — чем черт не шутит! Во время летних балов я видела часть этой роскошной коллекции на Каролине и на самой леди Ангэлер. Однако то, что оказалось в коробочке, определенно ими не надевалось — эту прелесть я видела впервые.

— Под цвет твоих глаз... и платья, — ободряюще улыбнулся мне Арланд.

Отражением его улыбки по ожерелью пробежала сверкающая волна, вспыхивая драгоценными искрами в крупных желтых сапфирах и бриллиантах цвета шоколада.

— Оно... оно восхитительно, но я не могу это надеть... Может, лучше дополнить образ подарком твоей мамы? — Рука поспешно потянулась к шкатулке, где хранился подаренный на свадьбу гарнитур с бриллиантами и вармийским жемчугом. Он тоже неплохо смотрелся с приготовленным к выходу платьем.

Мои отношения с родителями Арланда были с самого начала ровными и доброжелательными. Даже не знаю, что он им сказал, чтобы разбить лед застарелого недоверия. Возможно, найти подходящие слова помог Ароне. Но я чувствовала, что в душе леди Ангэлер было нелегко смириться с выбором младшего сына, хоть она и старалась этого не показывать. Чтобы по-настоящему впустить меня в ближний круг, ей потребуется время. А потому злоупотреблять доверием и щедростью леди Маргарет мне пока не хотелось...

Но, попробуй, объясни это упрямому некромонгу!

— Ты же любишь разнообразие, Эла. К тому же, посмотри, с какой надеждой смотрят на тебя эти камешки! Они уже лет пятьдесят не блистали в столичных салонах...

— Почему?

— Не было в семье леди Ангэлер, которой бы они так идеально подходили, как тебе.

У, искустель! Так и хочется согласиться... Только мы же не на королевский бал идем, а всего лишь на школьный вечер.

— Я благодарна твоей маме, но всё же это слишком, — несогласно покачала головой, — просто слишком.

— Хорошо, — беспечно пожал плечами Арланд. — Иди и сама ей это скажи.

— Так нечестно!

— Зато действительно, — ухмыльнулся в ответ, зная наверняка, что на подобное я ни за что не решусь. — Позволь, моя не в меру скромная и без меры прекрасная леди, я помогу тебе надеть украшение...

Я вздохнула и сдалась настойчивости и ловким пальцам супруга. В этом доме нереально кого-то переспорить...

— Семья манипуляторов!

— Не ворчи, любимая, ты тоже скоро научишься...

— Потому что у меня такой талантливый учитель, как ты?

— Потому что ты теперь часть этой семьи.